И.А.Фурманов

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ АГРЕССИИ И НАСИЛИЯ

Минск 2016

УДК 316.62
ББК 88
Ф 95

Рекомендовано:

Рецензенты:
кафедра психологии психолого–педагогического факультета УО «Брестский государственный университет имени А.С.Пушкина»

декан факультета профессионального развития специалистов образования ГУО «Академия последипломного образования» доктор психологических наук, профессор
Янчук В.А.

Фурманов И.А.
Ф 95 Социальная психология агрессии и насилия: учебн. пособие / И.А. Фурманов. – Минск: БГУ, 2016. – с.
ISBN

В издании излагается материал, посвященный изучению проблемы агрессии и насилия в социальных отношениях. Представлена типология агрессивного поведения, рассмотрены различные психологические теории возникновения агрессии и склонности к насилию, описываются механизмы развитие и социализации агрессии, рассматриваются проблемы агрессии и насилия в семейных и школьных взаимоотношениях, средствах массовой информации и коммуникации, методы диагностики, профилактики коррекции агрессии.

Предназначено для студентов, слушателей системы повышения квалификации и преподавателей вузов, специалистов-психологов, а также для всех, кто интересуется вопросами предупреждения агрессии и насилия.

УДК 316.62
ББК 88

ISBN

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Спецкурс «Социальная психология агрессии и насилия» включен в систему учебных предметов, обеспечивающих специальную подготовку профессиональных психологов. Изучению психологии агрессии и насилия предшествуют овладение студентами знаниями по общей психологии, социальной психологии, психологии развития, психологии личности. В то же время знания о феноменологии, этиологии, диагностике и коррекции агрессии и насильственных действий является базовым компонентом для освоения будущими психологами основ индивидуального, группового, семейного консультирования и психотерапии.

Цель преподавания курса: Сообщение будущим специалистам-психологам знаний о современных подходах к проблеме диагностики, профилактики и коррекции агрессии.

Задачи изучения курса:

1. Познакомить с основными современными классификациями агрессии и деструктивности.
2. Раскрыть природу агрессивного поведения, рассмотреть основные психологические теории агрессии и деструктивности.
3. Охарактиризовать социально-психологические механизмы формирования детской и взрослой агрессивности,
4. Осветить роль родителей и семьи в целом в научении агрессивным паттернам поведения.
5. Рассмотреть влияние стиля семейного воспитания и средств массовой информации и коммуникации на формирование агрессии.
6. Предоставить знания об основных методах диагностики агрессии.
7. Сформировать психологические умения взаимодействия и психологического консультирования с «агрессорами» и жертвами агрессии.
8. Ознакомить с возможностями различных психотерапевтических школ в коррекции агрессии.

ТИПОЛОГИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Слово «агрессия» достаточно часто употребляется в обыденной речи, причем в самых разных контекстах. Вместе с тем оно используется настолько широко, что становится фактически невозможно сформулировать единственное и всеобъемлющее его определение. Несмотря на огромную литературу по теме агрессии и непрерывные усилия, предпринимаемые многими учеными, изучающими данный феномен с научной точки зрения, существуют большие разногласия относительно точного определения этого понятия и причин возникновения агрессивного поведения. Из-за того что агрессия часто определялась недостаточно однозначно – большинство предложенных определений понятия агрессии представляет собой критический анализ определений, предложенных другими.

Основная причина такой научной «неразберихи» состоит в том, что агрессия имеет пространственное строение **(**Рисунок 1**)**. Агрессивные действия людей могут быть схожими по внешним признакам, но при этом иметь неодинаковые генетические и нервные механизмы регуляции, разнообразные феноменологические проявления, различные функции и антецеденты, и могут быть спровоцированы разными внешними обстоятельствами.

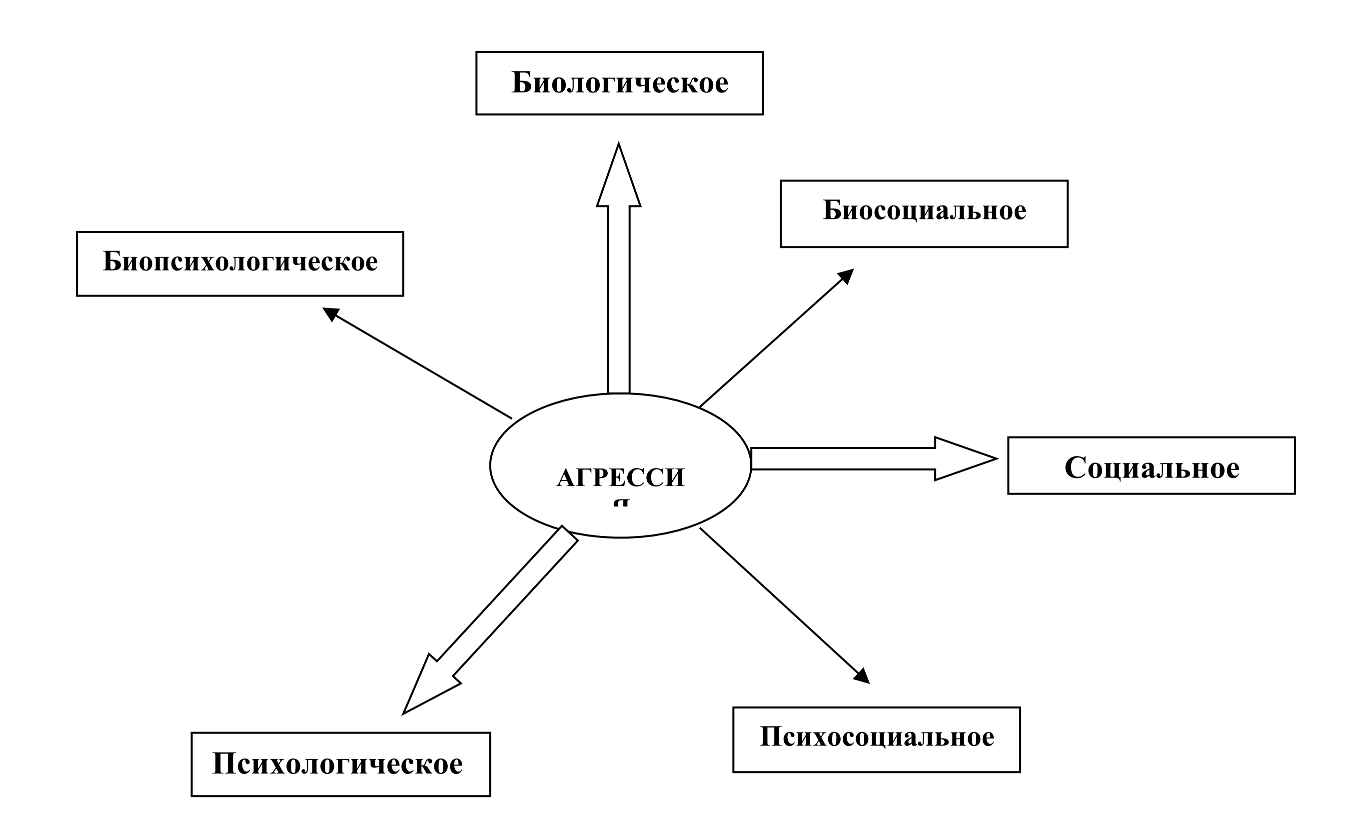

Рисунок 1 – Многомерность конструкта агрессии

Исходя из этого термин «агрессия» используется настолько широко, что, делает фактически невозможным сформулировать единственное и всестороннее его определение.

В психологической литературе достаточно часто человеческая ***агрессия*** определяется как действия, предпринятые одним индивидом (агрессором) с намерением причинения вреда другому индивиду (жертве), которая с точки зрения агрессора, предпринимает усилия, чтобы избежать этот вред. В связи с этим агрессию представляют как абсолютно нежелательный, разрушительный признак, которым нужно всегда управлять и заменяться альтернативным поведением. Однако, это не совсем так.

Результаты современных исследований во многом опровергают данное определение или, по крайней мере, заставляют относиться к нему достаточно критически (Р. Чалдини, Д. Кенрик, С. Нейберг, 2002).

1. Агрессия – это форма поведения, которую нельзя отождествлять с эмоцией гнева. Человек может быть сердитым, но не действовать, руководствуясь этими чувствами. Можно вести агрессивно, не испытывая при этом гнева.

2. Данное поведение является преднамеренным или целенаправленным. Человек может причинить боль или даже убить кого-либо случайно, и это не будет квалифицировано как агрессивное поведение. Действительно, люди реагируют на причинение им вреда совершенно по-разному, в зависимости от особенностей атрибуции: причинили им вред намеренно или это было сделано неумышленно. Если вред был на самом деле непреднамеренным, это не может квалифицироваться как агрессия.

3. Агрессивное поведение нацелено на то, чтобы причинить вред другому человеку. В социальной психологии отличают агрессивность от ассертивности, которая является формой поведения, рассчитанной на выражение чувства превосходства или самоуверенности. Они также отличают реальную агрессию со злобными намерениями от игровой агрессии. Игровая агрессия может выражаться в различных формах, от детской свалки до взаимного пощипывания, покусывания влюбленных. Игровую агрессию отличают по таким признакам, как частый смех или улыбки, по контрасту с пристальным взглядом, хмурым выражением лица или злобным оскалом, что нередко сопровождают злонамеренную агрессию.

Агрессия не обязательно является только разрушительной. Если исходить из того, что агрессия возникает из врожденной тенденции созидать и доминировать в процессе жизни, то помимо ее разрушительной силы, есть и позитивный аспект. В частности агрессия может быть основанием для интеллектуальной реализации, достижения независимости и повышения

самооценки, которая позволяет человеку чувствовать себя уверенным среди других людей. Без агрессивного и активного компонента его природы человек был бы просто не в состоянии управлять своей жизнью или влиять на окружающий его мир. Полное отсутствие агрессии может сделать жизнь невозможной. Агрессия, несомненно, выполняет позитивную функцию, поскольку необходима при разрешении и устранения постоянных жизненных разногласий и противоречий, а также участия в конкурентной борьбе.

Кроме того, агрессия представляет собой разнообразные модели поведения, которые обеспечивают выполнение различных адаптивных функций: сексуальной, родительской, защитной, территориальной, доминантной и др.

Таким образом, учитывая биопсихсоциальную природу человека, ***агрессия*** – есть модель поведения, обеспечивающая адаптацию человека, один из способов удовлетворения актуальных потребностей в кризисной ситуации развития и жизнедеятельности (стресса, депривации, фрустрации). При этом ***агрессивность*** надо рассматривать как готовность, предрасположенность человека к реализации агрессивной модели поведения.

Принципиальным различием между этими феноменами является то, что первый проявляется как релевантная реакция только на ситуацию провокации агрессии и исчезает после окончания действия стимула, а второй – как нерелевантная реакция агрессии вне зависимости от ситуации и может наблюдаться достаточно длительное время и обнаруживаться во враждебном, мстительном, завистливом, ревнивом отношении к объекту (И.А. Фурманов, 2014).

Как позитивную или негативную агрессию следует оценивать, если адаптация, удовлетворение потребностей происходит социально приемлемым способом или если потребности удовлетворяются социально неприемлемым способом, а адаптация связана с причинением страдания, вреда, ущерба окружающему миру или себе.

Еще одной трудностью, которая существует в психологии агрессии – это выбор основания для типологии агрессии. Многие системы классификации, разработанные различными авторами за прошедшие десятилетия, отражают огромное количество парадигм возникновения агрессивного поведения и такое же огромное количество ее мишеней (Рисунок 2).

Первая категориальная область (антецеденты) относится к ближайшим (ситуации и нейрофизиологических механизмов) и более отдалённым (развитие) событиям, связанным с агрессией. Вторая и третья – касаются выражения агрессии, последствий (вред) агрессии в отношении других, самости и общества.

Агрессию условно можно разделить на самые различные категории.

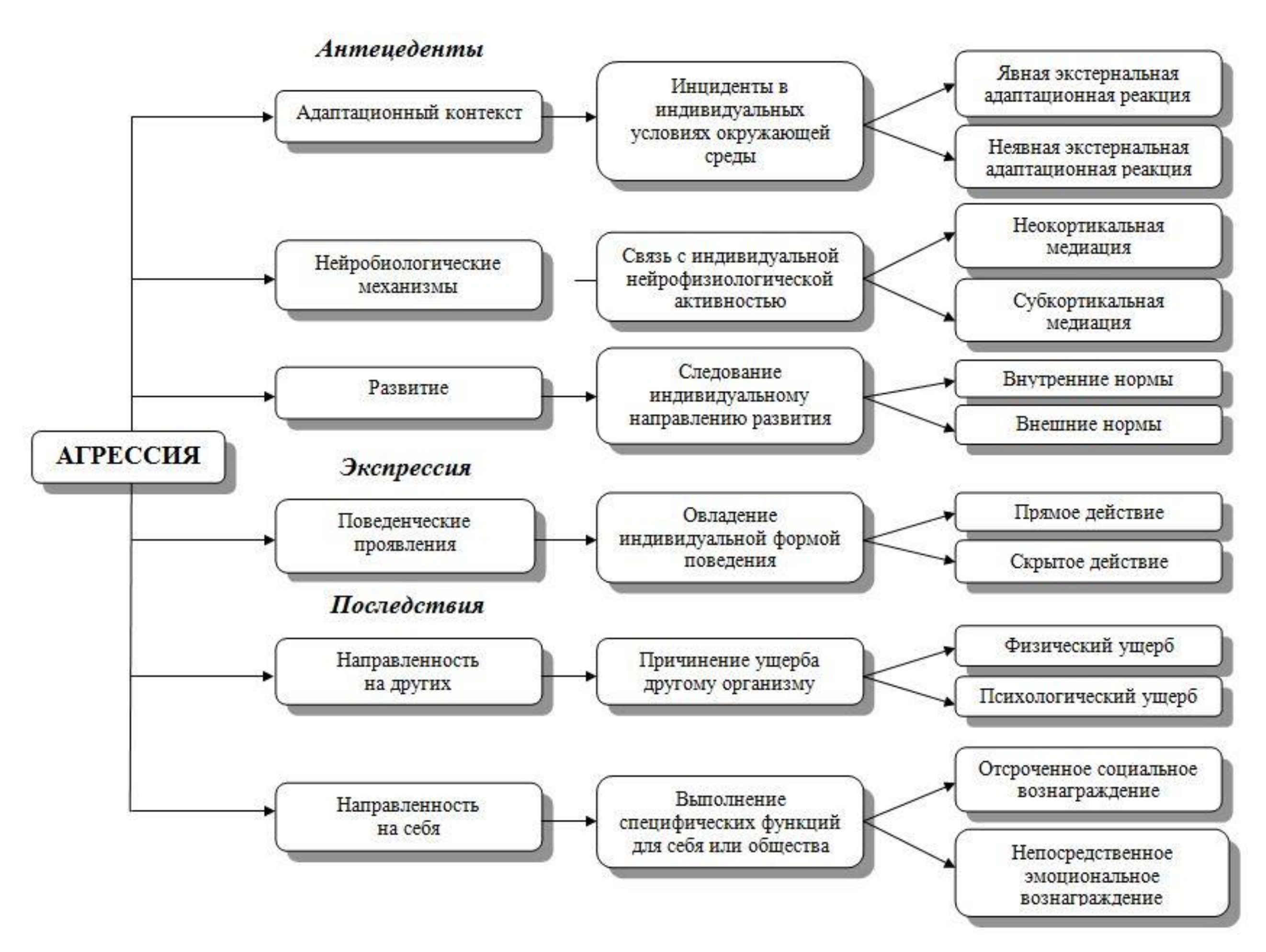

Рисунок 2 – Поликатегориальность агрессии (по R. B. Cairns, 1979).

Степень осознанности

При *осознанной агрессии* индивид имеет агрессивные намерения точно идентифицирует мотивы и последствия поступка, отдает отчет в своих действиях.

При *неосознанной агрессии* − индивид не понимает, что побудило его совершить агрессивный поступок, что он делает и не осознает последствия своих действий.

Способ регуляции

Произвольная агрессия, возникает из желания, намерения воспрепятствовать, навредить кому–либо, обойтись с кем–то несправедливо, кого–нибудь оскорбить. Например, подросток, который не хочет, чтобы родители заходили в его комнату, высказывает им свое недовольство в довольно грубой форме. Сюда же относится и вынашивание планов мести за нанесенную обиду, выжидание удобного момента для нанесения ответного удара.

Непроизвольная агрессия, представляет собой нецеленаправленный и быстро прекращающийся взрыв гнева или ярости , когда действие не подконтрольно субъекту и протекает по типу аффекта. Наиболее иллюстративной в данном случае может быть детская истерика, когда ребенок «в запале» начинает бросать в обидчика всем, что подвернется под руку или оскорблять и правых, и виноватых.

Направленность на объект

Внешняя (гетеро) агрессия характеризуется открытым проявлением агрессии в адрес конкретных лиц (прямая агрессия) либо на безличные обстоятельства, предметы или социальное окружение (смещенная агрессия).
Ребенок набрасывается с кулаками на своего обидчика или «срывает злость» на окружающих, издевается над животными, портит вещи обидчика и пр.

Внутренняя (ауто) агрессия, характеризуется выражением обвинений или требований, адресованными самому себе. Ребенок мучается «угрызениями совести», занимается самонаказанием («Мама, я пойду и стану в угол, потому что я разбил чашку!»), а иногда самоистязанием (грызет ногти, кусает, царапает, бьет себя по голове и т.д.)

Скорость агрессивной реакции

Неотложная агрессия проявляется непосредственно после событий, обусловивших ее возникновение.

Отсроченная агрессия − проявляется через некоторый промежуток времени после вызвавших ее событий, имеет свойство накапливаться и усиливаться в случае отсутствия своевременной реакции.

Частота проявления

Эпизодическая агрессия – действия носят случайный характер, обусловлены ситуацией и проявляются однократно.

Периодическая агрессия – появляется всякий раз в определенных, подобных ситуациях.

Систематическая агрессия – перманентная агрессия, которая наблюдается ежедневно и является «нормой» в отношениях.

Локализации агрессивного импульса

Личностная агрессия обусловлена уровнем агрессивности и другими личностными особенностями, агрессивность рассматривается как личностная черта.

Ситуативная агрессия обусловлена особенностями сложившихся ситуаций, неблагоприятными обстоятельствами.

Конечная цель

Инструментальная (конструктивная) агрессия, когда совершаются намеренные действия для того, чтобы достичь различных целей, таких как

награда, прибыль или некоторые преимущества для агрессора (власть, деньги, контроль и доминирование, удовольствие с помощью секса или алкоголя).

При этом виде агрессии нанесенный ущерб как таковой не является самоцелью, а действие было выполнено для получения вознаграждения, исключая получение удовольствия от причиненного вреда.

Действия имеют позитивную ориентацию и направлены на достижение цели нейтрального характера, а агрессия используется при этом лишь в качестве средства (здесь рассматривают индивидуальную инструментальную – своекорыстную и бескорыстную, а также социально мотивированную инструментальную – асоциальную и просоциальную агрессию). В этом случае агрессия становится инструментом для того, чтобы получить желаемый результат, и не требует ни провокации, ни гнева. Например, врач, который делает операцию больному с целью спасти его жизнь, причиняет ему совершенно определенную физическую боль и душевные страдания, но при этом спасает ему жизнь.

Враждебная (деструктивная) агрессия, когда в действиях прослеживается стремление к насилию, а их целью является нанесение вреда другому человеку. При этом виде агрессии нанесение ущерба (индивиду или другой мишени) является не только основной целью действия, но и сопровождается удовольствием или восприятием причиненного вреда как вознаграждения.

Эту категорию агрессии иначе называют *импульсивной/экспрессивной/эмоциональной* агрессией, потому что ее основу составляет реакция гнева на фрустрацию, воспринятую провокацию или угрожающий стимул.

Кроме того рассматривают несколько подтипов враждебной агрессии, таких как: специфическая *враждебность*, которая имеет отношение к определенной ситуации и жертва агрессии часто является случайной; *домогательство (назойливое ухаживание)*, неспровоцированное и направленное на другого индивида; *враждебные игры*; *защитная* или *реактивная агрессия*, которая провоцируется действиями других людей.

Большинство преступлений против жизни, чести, достоинства, прав и имущества других людей можно отнести к этой категории агрессии.

Локализация субъектов взаимодействия

При *интернальной* агрессия «агрессор» и «жертва» являются членами одной группы.

При *экстернальной* агрессии либо «агрессор», либо «жертва» не являются членами одной группы.

Как интернальная, так и экстернальная агрессия могут быть *интерперсональной*, предполагающей агрессивное взаимодействие на уровне «индивид–индивид» и *социальной,* предполагающей взаимоотношения на уровнях «индивид–группа», «группа–группа».

Характер стимуляции

Реактивная агрессия, которая стимулируется некоторым кратковременным или относительно кратковременным фрустрирующим, угрожающим или аверсивным событием, возникающим перед агрессивным действием. Очевидно, что само по себе фрустрирующее событие может сопровождаться или не сопровождаться агрессивным поведением. Фрустрирующее событие приводит в реактивной агрессии только в случае, когда вызывает отрицательную эмоцию – гнев. Гнев является необходимым компонент реактивной агрессии, хотя вызванный фрустрацией гнев не всегда приводит к нападению на кого–то или что–то. Таким образом, реактивная агрессия – импульсивное, имеющий отрицательную валентность акт, возникающий в ответ на угрозу или провокацию и протекает по схеме: фрустрация(угроза, боль, провокация)→ гнев→ нападение.

Проактивная агрессия – это поведение, нацеленное на достижение определенного результата, к которому стремится агрессивный человек. Агрессор, возможно, и не хочет намеренно травмировать свою жертву, но эти действия могут быть просто необходимы, чтобы чего–либо добиться от нее. Понятно, что вид травмированной жертвы не может вызывать никаких положительных эмоций. Тем не менее, проактивная агрессия сопровождается получением положительных эмоций от причинения вреда жертве. Удовольствие или возбуждение, а не гнев становятся доминирующими эмоциональными состояниями в проактивной агрессии.

В случае проактивной агрессии удовольствие может получаться по двум причинам. Во-первых, реализация власти, возможность доминирования, оскорбления жертвы и вид покорной жертвы могут выступать как стимул для возникновения положительных эмоций у агрессора. Во-вторых, положительные эмоции могут возникать и тогда, когда агрессор оскорбляет или нападает на жертву не в одиночку, а с кем-то совместно. В этом случае важным становится ощущение единства с другими агрессорами в отношении впечатления о тех или иных отрицательных чертах жертвы. Такое согласие также увеличивает аффилиацию между членами группы. Поэтому, положительные эмоции агрессора являются необходимым компонентом проактивного агрессивного поведения.

Проактивная агрессия в большей мере мотивирована представлениями о ситуации, нежели самой ситуацией. Поэтому она более контролируемая, намеренная и менее эмоционально реактивна.

Активность

Активная агрессия, когда агрессор отвечает в оскорбительной манере (например, бьет, браниться, сквернословит, ругается).

Пассивная агрессия, когда агрессор не в состоянии ответить в соответствующей манере. Например, агрессор мог «забыть» передавать важное сообщение другому человеку.

Способ выражения

Прямая агрессия, которая предполагает непосредственное физическое присутствует жертвы. Она включает действия, совершаемые, главным образом, при конфронтации лицом к лицу, во время прямого социального взаимодействия, либо физического, либо вербального (высказывание угроз или фактический физический контакт).

Смещенная агрессия, когда агрессия направляется на суррогатную мишень. В смещенной агрессии нет никакого прямого контакта в социальном взаимодействии между двумя конфронтирующими сторонами, но предполагается участие третьего лица (жертвы). Суррогатная жертва невиновна в сложившейся ситуации, а только, оказалась не в том месте, не в то время. Например, сотрудник был отруган начальником на работе, но не ответил ему. Когда он вернулся домой, вместо этого он накричал на свою дочь.

Иногда смещенная жертва не полностью невиновна, а совершила какое-либо незначительное или тривиальное нарушение, в этом случае может возникнуть так называемая *стимулированная смещенной агрессией.* Например, сотрудник отруганный начальником, мог накричать на свою дочь, потому что она забыла убирать свою комнату. Симулированная смещенная агрессия, скорее возникнет, когда агрессор будет размышлять о первоначальной ситуации и ему не нравится смещенная мишень или ее действия точно так же, как истинная мишень

агрессии. Люди смещают агрессию по двум главным причинам. Во-первых, непосредственно нападение на источник провокации может быть невыполнимым, потому что источник недоступен (например, подстрекатель вышел из комнаты), или потому что источник – это нематериальное явление (например, жара, духота). Во-вторых, страх относительно возмездия или наказания от подстрекателя может затормозить прямую агрессию. Например, служащий, которому сделал выговор его начальник, может отказаться принять ответные агрессивные меры, потому что он не хочет терять свою работу.

Непрямая (скрытая) агрессия, когда непосредственная жертва отсутствует. Часто такую агрессию называют *социальной агрессией*, поскольку она представляет собой намеренное причинение вреда социальным отношениям другого человека – это могут быть высказывание нелицеприятных вещей о других людях за их спинами, лишение близости и привязанности, исключение из круга друзей, бойкотирование. По сути, непрямая агрессия представляет собой манипуляцию общественными отношений или разрушение репутации, дружбы и социального положения.

Исследование показывают, что социальная боль может дольше переживаться, чем физическая боль (Z. Chen, et. al., 2008). Участники этих исследований вспоминали событие, которое вызвало социальную боль (например, предательство очень близкого человека) и событие, которое вызвало физическую боль. Они оценивали, насколько интенсивной была начальная боль и насколько интенсивной она была при повторном переживании. Первоначальные оценки социальной и физической боли не отличались, но при повторном переживании, социальная боль оценивалась как более интенсивная, чем физическая.

Следует отметить, что прямые и активные формы агрессии могут быть довольно опасными, приводя к телесным повреждениям или даже смерти, поэтому большинство людей предпочитает использовать косвенные и пассивные формы агрессии.

Форма выражения

Физическая агрессия – предпочтительное использование физической силы против другого лица (драка, толчки, подножки и пр.).

Вербальная агрессия – выражение негативных чувств как через форму (крик, визг) или через содержание (оскорбления, ругань, сплетни, распускание слухов) словесных ответов. Агрессия также может выражаться символически: через мимику и жестикуляцию или пантомимические действия (жесты, пристальные взгляды, покачивание головой, сжимание кулаков и пр.).

Косвенная агрессия – действия, направленные окольным путем на другое лицо хоть как-то связанное с обидчиком (например, когда

несправедливо наказанный учителем школьник бьет учительского любимчика) или ни на кого не направленные (бросание предметов об пол, удары кулаком по столу, топание ногами).

Негативизм – оппозиционная форма поведения, направленная обычно против авторитета или руководства; это поведение может нарастать от пассивного сопротивления (часто детское упрямство, «неразговаривание») до активной борьбы против установившихся обычаев и законов (забастовки, митинги).

Таким образом, агрессивные действия людей очень многообразны и могут быть схожими по внешним признакам, но при этом иметь неодинаковые генетические и нервные механизмы регуляции, разнообразные феноменологические проявления, различные функции и антецеденты, и спровоцированы разными внешними обстоятельствами. Термин «агрессия» в социальной психологии используется настолько широко, что, делает фактически невозможным сформулировать единственное и всестороннее его определение.

Трудности с определением и выбором основания для типологии агрессии связаны с тем, что многие системы ее классификации, отражают огромное количество парадигм возникновения агрессивного поведения и такое же огромное количество ее мишеней.

Вопросы для самоконтроля.

1. Дайте определение агрессии и агрессивности?
2. В чем отличительные особенности агрессии?
3. Назовите основания разделения агрессии на категории?

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АГРЕССИИ И СКЛОННОСТИ К НАСИЛИЮ

В психологических теориях, объясняющих природу и этиологию агрессии, существует три отличных друг от друга подхода. Все они отражают воззрения и эмпирический опыт конкретных исследователей и психологических школ разного времени.

Психодинамическая модель

Теория влечений (психоэнергетическая модель). Одним из основоположников этой теории, без сомнения, является З. Фрейд. Он считал, что поведение человека определяет два наиболее мощных влечения: сексуальное влечение (влечение жизни, либидо) и агрессивное влечение (влечение смерти, танатос). Первое – рассматривалось как стремления, связанные с созидательными тенденциями в поведении человека: любовью, вниманием, заботой, близостью. Второе – несет в себе энергию разрушения, его задачей является «приводить все органически живущее к состоянию безжизненности» – это злоба, ненависть, враждебность, деструктивность, асоциальность.

Вследствие антагонистической природы этих влечений они представляют собой источник непрерывного внутрипсихического конфликта, который можно разрешить, только отводя деструктивную энергию от самого человека и направляя ее на других (Рисунок 3). Таким образом, агрессивные и враждебные импульсы по отношению к окружающим рассматриваются как механизм высвобождения разрушительной энергии путем смещения, которое защищает внутрипсихическую стабильность человека.

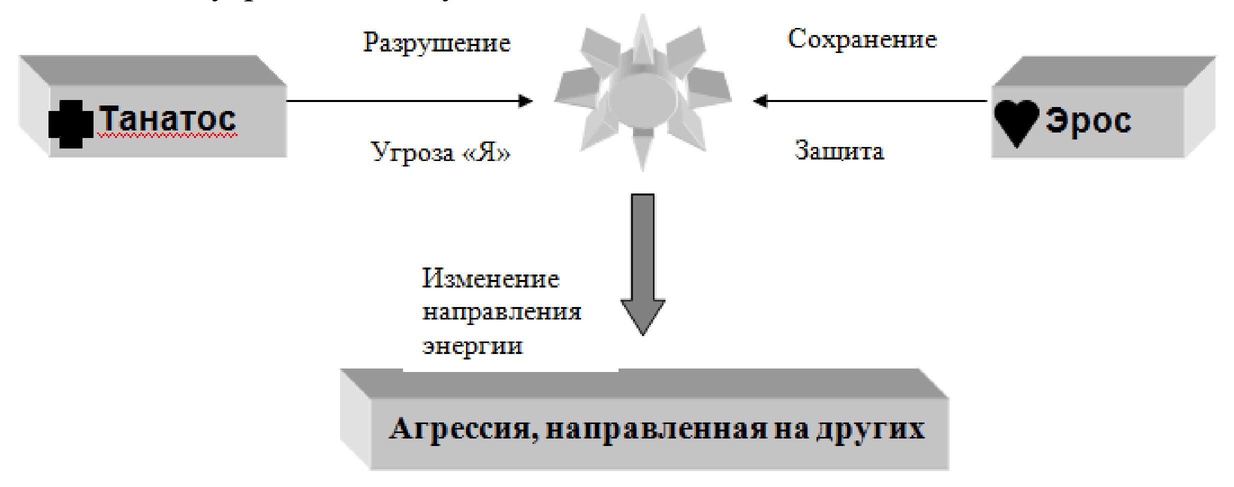

Рисунок 3 – Возникновение агрессии в теории влечений З. Фрейда.

Возникновение и дальнейшее становление агрессивности по З.Фрейду связывались со стадиями детского развития. Он отмечал, что агрессивность появляется уже на первой стадии либидного развития – ***оральной (каннибалической).*** К.Абрахам различал внутри оральной стадии этапы сосания и кусания (орально–садистическую). Последний, совпадающий по времени с появлением зубов, и связывается с первыми проявлениями агрессивности у ребенка, т.к. кусание и поглощение предполагают разрушение объекта. М.Кляйн придерживалась точки зрения З.Фрейда, утверждая, что агрессивность – это самое первое отношение ребенка к материнской груди, хотя на этой стадии оно, как правило, и не выражается укусами. Она опровергает абрахамовское разграничение между сосанием и кусанием в период оральной стадии, считая, что желание сосать сопровождается разрушительной целью всосать, опустошить, исчерпать сосанием, поэтому для нее оральная стадия целиком представляется как орально–садистическая.

Такая позиция тесно связана с феноменом инкорпорирования, процессами поглощения или каннибализма. З.Фрейд вводит понятие инкорпорации в период разработки теоретических оснований оральной стадии для описания процесса, посредством которого субъект в своих фантазиях поглощает объект и сохраняет его в себе. Опираясь на полярность влечений к жизни и смерти, тем не менее, подчеркивается, прежде всего единство либидо и агрессивности: на стадии оральной организации либидо любовная власть над объектом совпадает с уничтожением объекта. В принципе в понятии инкорпорации присутствуют три момента: удовольствие от принятия объекта вовнутрь; разрушение объекта и присвоение качеств объекта при удержании его внутри себя. Именно этот последний момент превращает поглощение в прообраз интроекции и идентификации.

Исходя из этого, выделяется такое психоаналитическое «новообразование» как *оральный садизм*. Это удовольствие от причинения кому-либо боли укусами. В этом случае удовольствие достигается, если не напрямую, то в фантазиях о кусании и деструктивном поглощении, поедании (каннибализме).

Важную роль в онтогенетическом развитии агрессии играет фиксация. Хотелось бы напомнить, что *фиксация* – это процесс, посредством которого человек становится или остается амбивалентно привязанным к объекту, способу и условиям удовлетворения влечений, уместными на более ранней стадии развития.

Фиксация на оральной стадии развития может привести к формированию орального характера и таких агрессивных черт, как

наклонность к сарказму и сплетням, а также требовательности, нетерпеливости, завистливости, алчности, ревнивости, мстительности.

Агрессивность присутствует и на следующей стадии либидного развития – ***анальной***. В ее рамках также существует два этапа: на первом – садистское влечение направлено на разрушение объекта (испорожнение, выталкивание), а на втором – садистское влечение связано с сохранением власти над объектом, с самоконтролем и самообладанием (удержание).

На этой стадии «новообразованием» может стать *анальный садизм*, который проявляется в садистских фантазиях, подразумевающих жестокость, «пачкание», «обливание грязью» и т.д.

Фиксация на анальной стадии может привести к формированию анального характера, отличительной особенностью которого является упрямство, иногда переходящее в упорство, к которому легко присоединяется наклонность к гневу и мстительность. Кроме того, для анального характера присущи стремление к власти и контролю, а также сильный внутриличностный конфликт «подчиняться – бунтовать».

Схожие механизмы реализации агрессии наблюдаются и на ***уретральной*** стадии либидного развития. Однако здесь наслаждение проявляется как садистское удовольствие соответствующее активному проникновению с фантазиями повреждения и разрушения и удовольствие от пассивной отдачи и «разрешения струиться».

Уретральный садизм проявляется в уретрально–садистских фантазиях, которые способствуют созданию образа пениса как орудия насилия. З.Фрейд отмечал безмерное, «жгучее» честолюбие тех, кто страдал некогда энуреей. М.Кляйн писала, что в процессе психоанализа взрослых и детей она постоянно сталкивалась с фантазиями, в которых моча представала как сжигающая, растворяющая, губительная жидкость, как таинственный и опасный яд. К.Абрахам обнаружил, что акт мочеиспускания иногда сопровождается детскими фантазиями всевластия – это ощущение огромной, даже безграничной власти, способной создать или разрушить любой объект.

Фиксация на этой стадии развития может привести к формированию уретрального характера и таких агрессивных черт, как честолюбие и склонность к соперничеству.

Особенности переживания мальчиками «кастрационного комплекса» и девочками «зависти к пенису» на ***фаллической*** стадии либидного развития определяют базовые черты характера, формирующегося в результате фиксации: агрессивность и провоцирующее поведение как предвосхищение нападок на себя. Кроме того, это властолюбие, хвастовство, зазнайство,

демонстративность, конкурентность, стремление к успеху, в поведении – упор на мужскую потенцию, мужественность.

В дальнейшем агрессивность проявляется на генитальной стадии развития в виде асоциального и деструктивного поведения, т.е. нарушении общественных норм.

Взгляды З.Фрейда во многом разделялись и другими психологами непсихоаналитического направления того времени, рассматривающими агрессивный компонент мотивации как один из основополагающих в поведении человека.

Новое звучание тема обусловленности человеческой агрессии главным образом биологическими факторами получила в современное время благодаря работам одного из основоположников этологии К.Лоренца. Он утверждал, что агрессивный инстинкт много значил в процессе эволюции, выживания и адаптации человека. Основное его предположение заключается в том, что организм беспрерывно накапливает агрессивную энергию. Проявление агрессии зависит от взаимодействия двух факторов: а) количества накопленной в организме в определенный момент агрессивной энергии и б) силы внешнего воздействия, способного вызвать агрессивную реакцию. Два этих фактора обратно пропорциональны: чем ниже уровень энергии, тем более сильный стимул требуется, чтобы вызвать агрессивную реакцию, и наоборот. Если уровень энергии достигает «критической массы» и не высвобождается с помощью внешнего стимула, происходит «выброс» спонтанной агрессии. К. Лоренц сравнивал данный процесс с работой «парового котла», в котором непрерывно повышается давление до тех пор, пока он либо не выпустит пар контролируемым образом, либо не взорвется самопроизвольно.

Стремительное же развитие научно–технической мысли и прогресс обогнали естественно текущее биологическое и психологическое созревание человека и привели к замедлению развития тормозных механизмов агрессии, что неизбежно влечет периодическое внешнее выражение агрессии. Иначе внутреннее напряжение будет накапливаться и создавать «давление» внутри организма, пока не приведет к вспышке неконтролируемого поведения (принцип выпускания пара из паровозного котла).

Впрочем, следует отметить, что «психогидравлическая модель» К.Лоренца в основном базировалась на часто неоправданном переносе результатов исследований, полученных на животных, на человеческое поведение. Другим слабым местом теории инстинктов являлась предопределенность способов управления агрессией. Считалось, что человек никогда не сможет справиться со своей агрессивностью. И поскольку накапливающаяся агрессия непременно должна быть отреагирована, то

единственной надеждой остается направить ее по нужному руслу. Сторонники теории инстинктов считают, что наиболее цивилизованной формой разрядки агрессии для человека являются конкуренция, различного рода состязания, занятия физическими упражнениями и участие в спортивных соревнованиях.

Вместе с тем, многие психоаналитики отошли от «жестких схем» фрейдовой концепции и стали рассматривать не только биологическую, но и социальную сторону агрессии.

Теория агрессивности в индивидуальной психологии. Одним из первых, кто стал придерживаться этой точки зрения был А.Адлер. Справедливости ради следует отметить, что именно А.Адлер постулировал существование агрессивного мотива в психоанализе (на 15 лет раньше З. Фрейда). А.Адлер признавал, что агрессивность является неотъемлемым качеством психической жизни, организующей деятельность человека.

Возникновение агрессивного мотива обусловлено трудностью получения органического удовлетворения (Рисунок 4). Агрессивный мотив является суммой ощущений, возбуждений и их разрядок (освобождения), органический и функциональный носитель которых – врожденный. Неустойчивое психологическое равновесие всегда восстанавливается тем, что первичные мотивы удовлетворяются через возбуждение и разрядку агрессивного мотива.

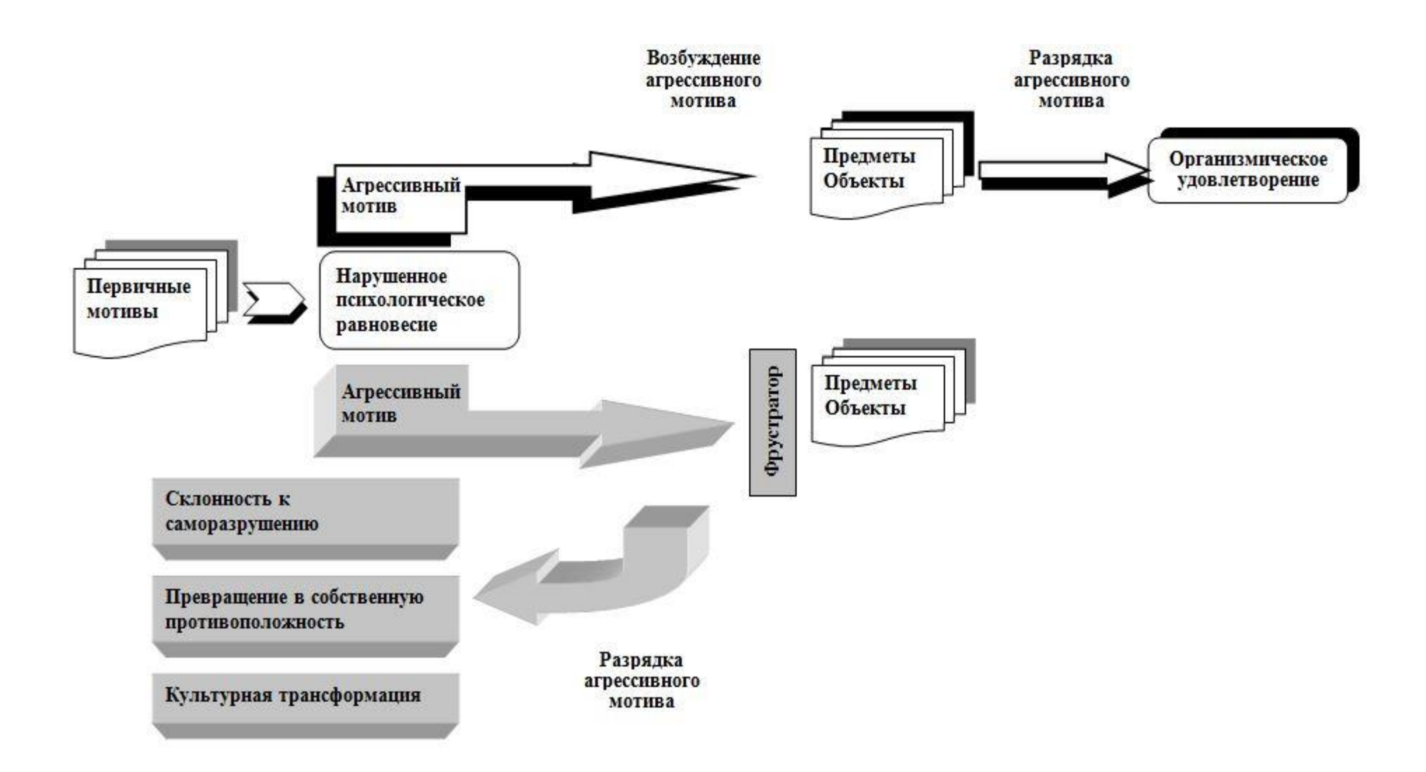

Рисунок 4 – Возникновение агрессии в индивидуальной психологии А.Адлера

Агрессивный мотив господствует над моторным поведением и это его моторное воплощение наиболее часто проявляется в детстве. Плач, крик, беспокойство, бросание предметов на пол, кусание и щипание – простейшие формы агрессии, которые нередко встречаются и в дальнейшей жизни.

Агрессивный мотив господствует также и над сознанием (например, в гневе). Он управляет вниманием, интересами, чувствами, восприятием, памятью и воспроизведением, фантазией, направляя их по пути реализации в виде явной или измененной агрессии.

Агрессивный мотив может быть направлен вовне и проявляться в явной, открытой форме: драка, бой, жесткость, дуэли, война, жажда власти, религиозной, социальной, национальной, расовой борьбе, спортивным единоборствам. Когда агрессивный мотив направляется вовнутрь, обращается против себя самого, он воплощается в таких чертах как покорность, подчинение, смирение, преданность, приспособленчество и мазохизм. Заметим также, что с этим преобразованием агрессивного мотива связаны и некоторые черты культурного развития человека, такие как способность к обучению и вера в авторитет, а также внушаемость и гипнабельность. Крайняя степень этого- склонность к самоубийству.

А.Адлер отмечал несколько путей реализации агрессивного мотива:

1. Возбужденный, но сдерживаемый агрессивный мотив ведет к созданию жестких образов в искусстве и фантазиях, описанию ужасов истории и индивидуальной жизни. Особенности психической жизни скульптора и особенно трагического актера или поэта, которые своим творчеством хотят пробудить «страх и жалость», определяются слиянием сильных актуальных мотивов «увидеть, услышать, дотронуться». В «обход» агрессивного мотива их деятельность представляет собой хорошую иллюстрацию трансформации этих мотивов, когда они становятся действенными в высоко культивированных формах.

2. Сильный агрессивный мотив детерминирует и предпочтения в выборе занятий. Не считая преступников, героев-революционеров и авантюристов – это профессии судьи, полицейского, учителя, министра, врача и многие другие, которые выбираются людьми именно с высоким агрессивным мотивом. Эти предпочтения хорошо заметны в аналогичных детских играх. Некоторые детские игры, мир сказок и любимых персонажах, саги и сказания о различных людях-героях и поклонение им, множество жестоких историй, поэм и детских книг "созданы" агрессивным мотивом и для агрессивного мотива.

3. Еще одно воплощение агрессивного мотива – политика с ее бесчисленными возможностями для активности и логическим объяснением любого нападения.

4. Интерес к похоронам и внимание к смерти, суеверия, страх болезни и инфекции, как и боязнь, быть похороненным заживо и интерес к кладбищам часто раскрывает секрет похотливой жестокости, хотя агрессивный мотив может и подавляться.

5. Поскольку агрессивный мотив, как уже отмечалось, часто не приемлем человеческому восприятию, то он путем «отворачивания» от себя, усовершенствования и специализации может превращаться в противоположность. Благотворительность, симпатия, альтруизм и скупердяйство представляют собой новые виды удовлетворения, на которых основывается мотив, имеющий в своей основе стремление к жестокости. Это может показаться странным, но,– как считает А.Адлер, настоящее понимание страдания и боли может прийти только от подлинного интереса к миру мучений.

Чем больше выражен агрессивный мотив, тем сильнее будет культурная трансформация.

В дальнейшем, однако, решительной переменой в адлеровой теории стало то, что агрессивный мотив больше не рассматривался как врожденный и независимый, но подчинялся более сильному стремлению к превосходству. А.Адлер считал, что агрессия – это реактивная форма поведения, а не основанный на врожденной склонности психологический феномен, независимый от опыта индивида и его отношения к жизни.

А.Адлер придерживался точки зрения, что *чувство неполноценности*, возникающее в результате дефектов, слабости и беспомощности преодолевается за счет возникновения и укрепления ***чувства превосходства***. И если вначале борьбу за превосходство он рассматривал как проявление агрессивности (инициативу к преодолению препятствия, борьбу за выживание, самосовершенствование, самоутверждение), то позднее он отказался от идеи агрессивных устремлений в пользу ***стремления к власти***.

Вместе с тем, он считал, что агрессивность как базовое влечение становится аутентичными только в контексте правильно понятого ***социального интереса***. Если цель превосходства включает социальный интерес, то развитие личности и поведения носит конструктивный характер. Если не включает – формируется невроз и поведение приобретает враждебную окраску. Согласно этой точки зрения, агрессивность является ненормальной формой поведения, проявляющейся в тех случаях, когда социальный интерес развивается неправильно.

Агрессивное или, выражаясь словами А. Адлера, «агонизирующее» сознание может порождать различные формы агрессивного поведения от открытого до символического. Таким, например, является хвастовство, цель которого состоит в символической реализации собственного могущества и превосходства. Это связано с тем, что агрессивный инстинкт включает в себя женский нарциссический компонент, требующий признания и преклонения. Агрессивность, вплетаясь в контекст культуры, приобретает и другие символические формы (ритуалы, обряды), а также иные виды социальной активности. Более того, по А.Адлеру, всякое контрпринуждение, т.е. ответная агрессия, является естественной сознательной или бессознательной реакцией человека на принуждение, вытекающей из стремления каждого индивида ощущать себя субъектом, а не объектом .

А.Адлер даже описал тип людей с ярко выраженной агрессивностью – «***управляющий тип»***. Это человек, поведение которого не предполагает заботы о благополучии других людей. Для него характерна установка превосходства над внешним миром. Он действует агрессивно, самоуверенно и напористо, в крайне враждебной и антисоциальной манере.

Социодинамическая теория. Другой представитель психоанализа – К.Хорни отмечала, что агрессивность у ребенка возникает, когда он признает и принимает как должное враждебность окружающих и сознательно или бессознательно решается на борьбу с целью собственной защиты и мести. ***Агрессивность***, стремление причинить боль, трактуются К.Хорни как *невротическая защитная реакция* человека, который чувствует угрозу удовлетворению своих нужд и потребностей, своим ценностям, своему достоинству, видит себя отвергнутым, униженным, обманутым. Постоянный источник такой угрозы – конкурентный характер социальных отношений в сексуальной, семейной, профессиональной и других сферах жизнедеятельности.

Основу такой позиции К.Хорни составляет убеждение, что для детства характерны две потребности: *потребность в удовлетворении и потребность в безопасности* **(**Рисунок 5). Удовлетворение обеих этих потребностей полностью зависит от родителей ребенка или лиц, осуществляющих уход за ним. Поэтому многое в их поведении может фрустрировать указанные потребности ребенка: несвоевременное кормление, нарушение режима сна и отдыха, неустойчивое поведение, невыполнение обещаний, насмешки и наказания, чрезмерная опека и др. Результатом такого ненадлежащего поведения является формирование у ребенка *базальной враждебности*.

Если ребенок испытывает любовь, заботу и принятие себя родителями, он ощущает себя в безопасности и скорее всего будет развиваться нормально.

Если же он не ощущает этой безопасности, у ребенка развивается *враждебность по отношению к родителям*, которая затем, трансформировавшись в *базальную тревогу*, будет направляться на всех окружающих людей (*враждебность по отношению к окружающим*).

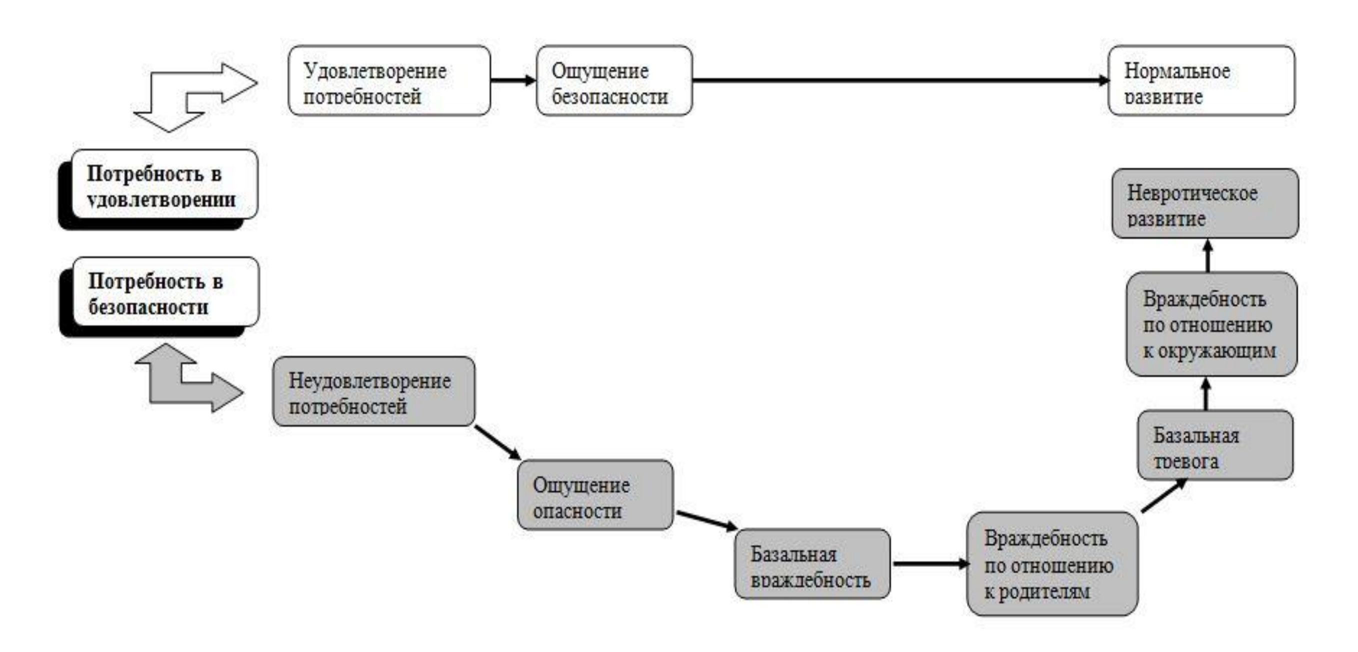

Рисунок 5 – Возникновение агрессии в социодинамической теории К.Хорни

Исходя из этого, то есть невозможности разрешения невротического конфликта, К.Хорни описала агрессивный тип человека с «*направленностью против людей*». Основное убеждение этого человека состоит в том, что жизнь – есть борьба за выживание, а все окружающие люди агрессивны и жестоки. Поэтому, чтобы почувствовать себя в безопасности, необходимо занять доминирующую позицию. Его девиз: «Если у меня есть власть, то меня никто не тронет!». В связи с этим основной отличительной чертой человека с названной направленностью является гипертрофированное стремление управлять другими людьми. Оно определяется избыточной потребностью во власти, которая проявляется в поведении в виде доминирования и контроля над другими и презрительного отношения к слабости. Кроме того, для него характерна и потребность в эксплуатировании других, основу которой составляет страх быть использованным другими и боязнь выглядеть «глупым» в их глазах.

Ощущение безопасности достигается посредством эксплуатации других людей через получение общественного признания и восхищения. В поведении это проявляется в желании быть объектом восхищения со стороны других, в стремлении иметь высокий общественный статус, в действиях, направленных

на создание приукрашенного образа себя, лишенного недостатков, в благосклонном отношении к комплиментам и лести со стороны окружающих.

Вместе с тем, К.Хорни различает человека с агрессивными и садистскими наклонностями. В частности она считала, что враждебность по отношению к другим людям может быть просто ответной, то есть реактивной. Несмотря на то, что от агрессивных, оскорбительных действий могут пострадать другие люди – нанесение им обиды или ущерба может являться скорее побочным продуктом, а не первичным намерением.

Чаще всего к выстраиванию садистских отношений склонны люди, не испытывающие никаких внутренних запретов в выражении своих садистских наклонностей в отношении других людей. К Хорни перечисляет целый ряд признаков проявления садистских наклонностей у человека:

1. *Порабощение жертвы.* Человек садистского типа хочет воспитывать других людей. Ему нужен партнер, не имеющий своих желаний, чувств, целей и лишенный какой-либо инициативы. Чем больше у порабощенного каких-либо ценных качеств, чем они очевиднее, тем более жесткой будет критика поработителя. Садист всегда чувствует, в чем именно не уверена его жертва, что именно ей особенно дорого. Поэтому критике подвергаются как раз эти свойства, особенности, умения и черты.

2. Игра на чувствах жертвы. Люди с садистскими наклонностями чрезвычайно чутки в отношении реакций партнера и потому стремятся вызвать те из них, которые хотят видеть в данный момент. Они знают, когда проявить интерес к жертве, а когда остаться равнодушным, способны своими действиями породить бурную радость или погрузить в отчаяние, вызвать эротические желания или охлаждение. Используя свою способность к предвидению и чуткую наблюдательность, садист знает, как добиться подобных реакций, и наслаждается своей властью над жертвой. При этом он бдительно следит, чтобы его партнер испытывал именно те реакции, которые он вызывает. Недопустимо, чтобы партнер испытывал удовольствие или радость от действий других людей. Это будет немедленно пресечено: либо источник удовольствия будет тем или иным способом обесценен и опорочен, либо жертву подвергнут страданиям и ей будет не до удовольствий.

3. *Эксплуатация жертвы.* Сама по себе эксплуатация может не быть связана с садистскими наклонностями, а совершаться просто ради выгоды. При садистской же эксплуатации, которая для садиста становится разновидностью страсти, самая главная выгода — это переживание торжества от использования других людей, это ощущение власти, независимо от того, присутствует ли при этом какой-либо иной выигрыш.

4. *Фрустрирование жертвы.* Еще одна характерная особенность — стремление разрушать планы, надежды, препятствовать осуществлению желаний других людей. Главное для человека с садистскими наклонностями — во всем действовать наперекор другим: убивать их радость и разочаровывать их в надежды. Смысл его жизни состоит в том, чтобы, так или иначе, испортить жизнь другому человеку.

5. *Третирование и унижение жертвы.* Человек садистского типа замечательно остро подмечает недостатки и обнаруживает и подчеркивает у людей их слабые места. Но самое главное, он точно определяет, какие из них наиболее болезненно переживаются, связаны с болью или крайне тщательно скрываются. Именно по этим «мишеням» и приходится основной удар садиста в виде уничтожающей критики. Но и те качества, которые садист тайно признает как положительные, он обесценивает, для того чтобы партнер: а)

не посмел сравняться с ним в достоинствах; б) не смог стать лучше ни в своих, ни в его глазах.

6. *Мстительность.* Человек с садистскими наклонностями на уровне сознания уверен в своей непогрешимости. Все его отношения с людьми строятся на основании проекций: он видит других людей именно такими, каким он считает самого себя. Однако его резко отрицательное отношение к себе, ощущение себя абсолютным ничтожество полностью вытеснено из сознания. Агрессивные чувства в сочетании с презрением к себе просто не дали бы подобному человеку выжить. Поэтому-то он и считает, что его окружают люди низкие, достойные презрения, но при этом очень враждебные, готовые в любую минуту его унизить, лишить воли, отнять власть. Единственное, что может защитить его, – это собственная сила, решительность и абсолютная, безграничная власть.

Теория человеческой деструктивности. Э.Фромм рассматривал два совершенно разных вида агрессии. Это оборонительная, "доброкачественная" агрессия, которая служит делу выживания человека. Она имеет биологические корни и затухает, как только исчезает опасность или угроза жизни. Другой вид представляет "злокачественная" агрессия – это деструктивность и жестокость, которые свойственны только человеку и определяются различными психологическими и социальными факторами.

С этой точки зрения Э.Фромм рассматривал восемь разновидностей агрессивного поведения:

1. Наиболее нормальной и наименее патологической формой агрессии является ***игровое насилие***. Оно используется человеком в целях демонстрации своей силы и ловкости, а не в целях разрушения, и не мотивировано

ненавистью или деструктивностью. Сюда относятся различного рода военные игры, спортивные игры и единоборства, соревнования.

Конечно, когда утверждается, что при игровом насилии не может иметь места воля к разрушению, то имеется в виду идеальный тип подобных “ристалищ”, а также жесткая регламентация агрессии правилами или условиями проведения игр и соревнований. Но тем не менее на практике даже при четко установленных правилах зачастую можно обнаружить неосознанную агрессию и деструктивность. Но даже в этом случае основной мотивацией является то, что человек демонстрирует свою силу и ловкость, а не стремление к разрушить.

2. Гораздо более распространенным является ***реактивное насилие***. Это агрессия, которая проявляется при защите жизни, свободы, достоинства, а также собственного или чужого имущества. Она базируется на страхе утраты или потери чего-то ценного и значимого для человека. Этот тип насилия стоит на службе жизни, а не смерти и его конечной целью является все же сохранение, а не разрушение.

Очень важным является то, что довольно часто ощущение опасности и вытекающее из него реактивное насилие покоятся не на объективной, реальной данности, а на манипуляциях мышления.

Примером может служить тактика поведения многих политических и религиозных вождей, которые убеждают своих сторонников, что им угрожает некий враг, возбуждая, таким образом, субъективное чувство реактивной враждебности.

Можно выделить две основных причины возникновения реактивного насилия. Первая – когда люди чувствуют угрозу себе и готовы убивать и разрушать ради собственной защиты. Вторая – в результате фрустрации. Агрессивное поведение наблюдается и у животных, и у человека, когда остаются неудовлетворенными их желания или потребности. Такое агрессивное поведение представляет собой попытку, зачастую напрасную, приобрести силой то, чего некто был лишен.

3. ***Враждебность, возникающая из зависти и ревности***. Как ревность, так и зависть являются специфическими видами фрустрации. С одной стороны их основу может составлять конфликт обладания, когда один человек владеет чем-то таким, что хотел бы иметь другой. Или, в другом случае – межличностный конфликт, яркой иллюстрацией которого является «любовный треугольник». И в том и в другом случае у «лишенца» просыпается ненависть и враждебность по отношению к другому человеку, который имеет то, что хотел бы , но не может получить первый. Зависть и ревность может обостряться у него еще и тем, что он не только не получает желаемого, но при этом осознает, что кто-то другой пользуется этим вместо него.

4. ***Мстительное насилие***. Отличается от реактивного тем, что ущерб уже нанесен и применение силы уже не является больше функцией защиты. Мотив мести, как правило, обратно пропорционален силе и продуктивности человека или группы. Беспомощный человек не имеют другой возможности восстановить разрушенное самоуважение, кроме как отомстить обидчику. Напротив, продуктивный человек совсем или почти совсем не имеет в этом потребности. Даже если его ущемляют, оскорбляют или унижают, он как раз благодаря продуктивности своей жизни «забывает» о том, что было сделано ему в прошлом.

5. Следующий вид агрессивного поведения – это ***деструктивность, мотивированная потрясением веры***. Возникает, как правило, в результате нарушения доверительных отношений между детьми и родителями.

Ребенок начинает свою жизнь, веря в любовь, добро и справедливость. Грудной ребенок доверяет материнской груди, в том что всегда и вовремя будет накормлен; он полагается на то, что мать готова накрыть его, когда он мерзнет, и ухаживать за ним, когда он болен. Это доверие может распространяться на всех людей осуществляющих уход за ребенком: отца, бабушку, дедушку или какое-либо другое близкое лицо.

У многих детей эта вера испытывает потрясение уже в раннем детстве. Ребенок не получает привычного или должного ухода, слышит как родители лгут, оставляют его в одиночестве или несправедливо наказывают. Он несчастен и запуган, но ни мать, ни отец, которые якобы так озабочены его благополучием, не замечают этого. Они совершенно не слушают его, когда он говорит о своих страхах и страданиях. Так раз за разом и происходит потрясение этой первоначальной веры в любовь, в правдивость и справедливость родителей.

Реакция на подобные переживания бывает разной.

1) *формирование самостоятельности и независимости*. Один, возможно, реагирует таким образом, что теряет свою зависимость от лица, разочаровавшего его. При этом он становится более независимым и потому бывает в состоянии искать себе новых друзей, учителей и возлюбленных, которым он доверяет и в надежность которых он верит. Это является наиболее желательной реакцией на прежние разочарования.

2) *формирование скептицизма*. Во многих других случаях потрясение веры приводят к тому, что человек становится скептиком. Он надеется на чудо, которое вернет ему веру. Он точно также проявляет межличностную поисковую активность, но отличие его поведения состоит в том, что каждый новый объект привязанности он подвергает испытаниям. И, разочаровавшись в нем, снова ищет и испытывает других людей. Этот феномен мы называем «замкнутый невротический круг». Замкнутым он является по той причине, что не дает взаимоотношениям развиваться. А уровень невротизма определяет частоту, качество и силу испытаний, которым подвергается партнер.

Необходимо отметить, что описанный нами феномен не такое уж редкое явление. Достаточно вспомнить русские народные сказки, где сплошь и рядом «огонь, вода и медные трубы», три желания и пр. Апофеозом, конечно же, является невротическое требование: «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что!». Но и в реальной жизни межличностный скептицизм достаточно распространен, особенно у людей, у которых не сложилась семейная жизнь, которые испытали потерю любимого человека (развод, измена, предпочтение другого партнера), которые неоднократно пережили предательство родных и близких. Во всяком случае большинство людей испытавших “крах любви” считает, что «Все мужчины одинаковы! Их главная цель затащить женщину в постель!», «Все женщины одинаковы! Их главная цель затащить мужчину в ЗАГС!».

3) *формирование иллюзии защищенности*. Чтобы вновь обрести свою веру, человек бросается в объятия могущественного авторитета. Здесь конечно же следует указать на явную регрессивную направленность такого рода реакций. Неуверенный и испуганный ребенок повисает на шее матери, где он чувствует себя в комфорте и безопасности. Он уверен, что мама его самый надежный оплот, она не даст в обиду, а в случае опасности защитит.

4) *формирование накопительства*. Нередко свое отчаяние, потерю веры в жизнь человек преодолевает посредством судорожной погони за мирскими ценностями- деньгами, властью, престижем.

5) *формирование циничной ненависти*. Человек глубоко разочарованный, который чувствует себя обманутым, может начать ненавидеть жизнь. Если ни на что и ни на кого нельзя положиться, если вера

человека в добро и справедливость оказывается только глупой иллюзией, тогда жизнь действительно достойна ненависти, и боль последующих разочарований становится более невыносимой. Именно в этом случае хочется доказать, что жизнь зла, люди злы и сам ты зол. Разочарование в вере и любви к жизни делают человека циником и разрушителем. Речь, таким образом, идет о деструктивности отчаяния; разочарование в жизни ведет к ненависти к жизни.

6. ***Компенсаторное насилие***. Это насилие служит импотентному человеку в качестве замены продуктивной деятельности. Э.Фромм отмечал, что человек чуть ли не с самого рождения обладает волей, способностью и свободой преобразовывать и изменять мир. Решающим при этом является не сила его воли и размеры свободы, а тот факт, что человек не выносит абсолютной пассивности. Это заставляет его, преобразовывая и изменяя мир, самому становиться преобразованным и измененным.

Вся эта деятельность возникает из способности человека направлять свою волю на определенную цель и работать до тех пор, пока цель не будет достигнута. Его способность применять свои силы подобным образом называется *потенцией*. Если человек из-за слабости, страха, некомпетентности или чего-то подобного не в состоянии действовать – он ощущает себя *импотентным* и от этого страдает. Именно страдание от ощущения импотенции приводит к нарушению внутреннего равновесия. Человек не может принять состояния полной беспомощности без того, чтобы не попытаться восстановить свою способность к действию.

Одна возможность заключается в том, чтобы подчинить себя некой личности или группе, которая располагает властью, и идентифицировать себя с ней. Посредством такой символической причастности к жизни другого этот человек обретает иллюзию самостоятельного действия, в то время как на самом деле он лишь подчиняет себя тем, кто действует, и становится их частью. Изумительный по своей точности механизм такого «слияния» был описан А.П. Чеховым в рассказе «Душечка».

Другая возможность – это когда импотентный человек в своей бессильной злобе использует способность разрушать, что и сделал ребенок на иллюстрации.

Совершенно очевидно, что созидание жизни требует известных свойств, которые отсутствуют у импотентного человека. Разрушение жизни требует только одного: применения насилия – человек мстит жизни и окружающим людям за то, что они его обделили.

Поэтому в этом случае насилие есть не что иное, как коренящееся в импотенции и компенсирующее ее агрессия. Человек, который не может создавать, хочет разрушать.

7. ***Садизм.*** Это понятие трактуется Э. Фроммом в более широком, чем принято в обыденном обращении, контексте, как побуждение полностью и абсолютно поставить под свой контроль любое живое существо, будь то животное или человек. При этом желание причинить другому боль не является существенным и определяющим. Основу садизма составляет импульс полностью подчинить другого человека своей власти, сделать его беспомощным объектом собственной воли, стать его богом и иметь возможность делать с ним что угодно. Стремления унизить и поработить – лишь средства достижения этой цели. Психологическая же суть садизма состоит в том, чтобы:

- заставить человека страдать;
- принудить его терпеть эти страдания;
- лишить его возможности защититься или уйти из этой ситуации;
- испытать радость и удовольствие от полного господства над другим человеком.

Необходимо отметить, что и компенсаторное насилие и садизм являются результатом прожитой искалеченной жизни, ее неизбежным результатом. Они могут подавляться посредством страха, боязни наказания или направляться в другое русло, сублимируясь в социально приемлемых рамках общественной жизни. Однако они могут существовать и в латентном состоянии, как потенциал и становится очевидными, когда ослабевают подавляющие их силы. Единственное средство против этого – развитие способности человека продуктивно использовать свои силы. Только это может помочь человеку перестать быть беспомощным импотентом, садистом и разрушителем, и только отношения, способствующие приобретению человеком интереса к жизни, могут привести к исчезновению агрессивных импульсов.

8. ***Архаическая жажда крови.*** Отражает биологическую связь человека и природы: убийство из пристрастия и страха собственного развития, очеловечивания. Характерна для человека, пытающегося найти ответ на жизнь посредством деградации к до-индивидуальному состоянию своего существования, в котором он становится животным и, таким образом, освобождает себя от бремени разума. Кровь становится эссенцией жизни. Пролитие крови означает ощущение себя живым, сильным, неповторимым, превосходящим всех остальных.

Э.Фромм выделял агрессивный тип человека с «***эксплуататорской ориентацией»***, который пытается все получить от людей с помощью силы и хитрости. Отличительной его чертой является “кусающий рот”, обычно обнаруживающий себя в наклонности к саркастическим, язвительным замечаниям о людях. Для этого типа свойственны подозрительность, цинизм, зависть и ревность.

Как и последователи З.Фрейда, так и большинство современных психоаналитиков не разделяют его фатального взгляда на человеческое поведение. Во–первых, хотя ими и не отрицается, что человеческая агрессивность имеет свои эволюционные и физиологические корни, вместе с тем, осуждается ограниченность представлений о природе человека, как о чем–то неизменном. Во–вторых, расходятся мнения и в отношении того, является ли агрессия инстинктом или же она лишь поставляет энергию, позволяющую "Я" эффективно осуществлять "принцип реальности", преодолевать препятствия на пути к удовлетворению других влечений. Поэтому в рамках современного психоаналитического направления считается, что **агрессивность** – это сила, с которой человек выражает свою любовь и ненависть к окружающим или самому себе. Благодаря ей, он пытается удовлетворить свои инстинкты. Агрессия является механизмом, с помощью которого эти инстинктивные тенденции направляются на другие объекты, и, в первую очередь, на людей, в основном с целью их покорения или завоевания.

Фрустрационная модель

Она возникла как противопоставление концепциям влечений: здесь агрессивное поведение рассматривается как ситуативный, а не эволюционный процесс.

Ортодоксальный подход. Основоположниками этого направления исследования человеческой агрессивности считаются Дж.Доллард и Н.Миллер (J. Dollard et al., 1939). Согласно их воззрениям, агрессия– это не автоматически возникающее в организме человека влечение, а реакция на фрустрацию: попытка преодолеть препятствие на пути к удовлетворению

потребностей, достижению удовольствия и эмоционального равновесия. Именно, переживание фрустрации вызывает стремление к реализации агрессивных действий против источника фрустрации, и это, в свою очередь, выступает катализатором проявления агрессивного поведения.

Рассматриваемая теория утверждает, что, агрессия всегда есть следствие фрустрации. Фрустрация же в свою очередь, всегда влечет за собой агрессию. При этом считалось, что фрустрация напрямую не вызывает агрессию, а лишь провоцирует ее возникновение (Рисунок 6).

Схема «фрустрация – агрессия» базируется на четырех основных понятиях: агрессия, фрустрация, торможение и замещение.

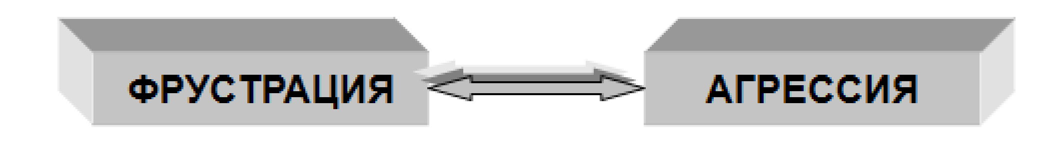

Рисунок 6 – Классическая фрустрационная модель агрессии

Агрессия понимается, как намерение навредить другому своим действием, как «акт, целенаправленной реакцией которого является нанесение вреда организму».

Фрустрация возникает, когда появляется помеха и происходит блокирование целенаправленного поведения. Причем величина фрустрации зависит от силы мотивации к выполнению желаемого действия, значительности препятствия к достижению цели и количества целенаправленных действий (попыток), после которых наступает фрустрация.

Торможение – это тенденция ограничить или свернуть действия из–за ожидаемых отрицательных последствий. Во фрустрационной теории разделяются понятия побуждения к агрессии и собственно акт агрессии. Например, если существует побуждение к другой реакции, которое будет доминировать над агрессивным, то оно подавит агрессивное побуждение. В частности, установлено, что торможение любого акта агрессии прямо пропорционально силе ожидаемого наказания. Кроме того, торможение прямых актов агрессии почти всегда является дополнительной фрустрацией, которая вызывает агрессию против человека, воспринимаемого виновником этого торможения и усиливающая побуждение к другим формам агрессии. Напротив, успешные попытки с помощью агрессии причинить ущерб другому

человеку способны ослабить или полностью устранить агрессивное побуждение.

Замещение (смещение)– это стремление участвовать в агрессивных действиях, направленных против какого–либо другого лица, а не истинного источника фрустрации. Н.Миллер (N. E. Miller, 1948) предложил модель, объясняющую появление смещенной агрессии (Рисунок 7). Он предположил, что в некоторых случаях выбор агрессором жертвы в занчительной степени определяется тремя факторами: а) силой побуждения к агрессии; б) силой тормозящих агрессию факторов; в) стимульным сходством каждой потенциальной жертвы с фрустраторирующей фигурой. Исходя из этого, доказывается, что смещенная агрессия скорее всего будет направлятся на тех людей, в отношении которых сила торможения будет незначительной, но у которых относительно высокое стимульное сходство с фрустратором.

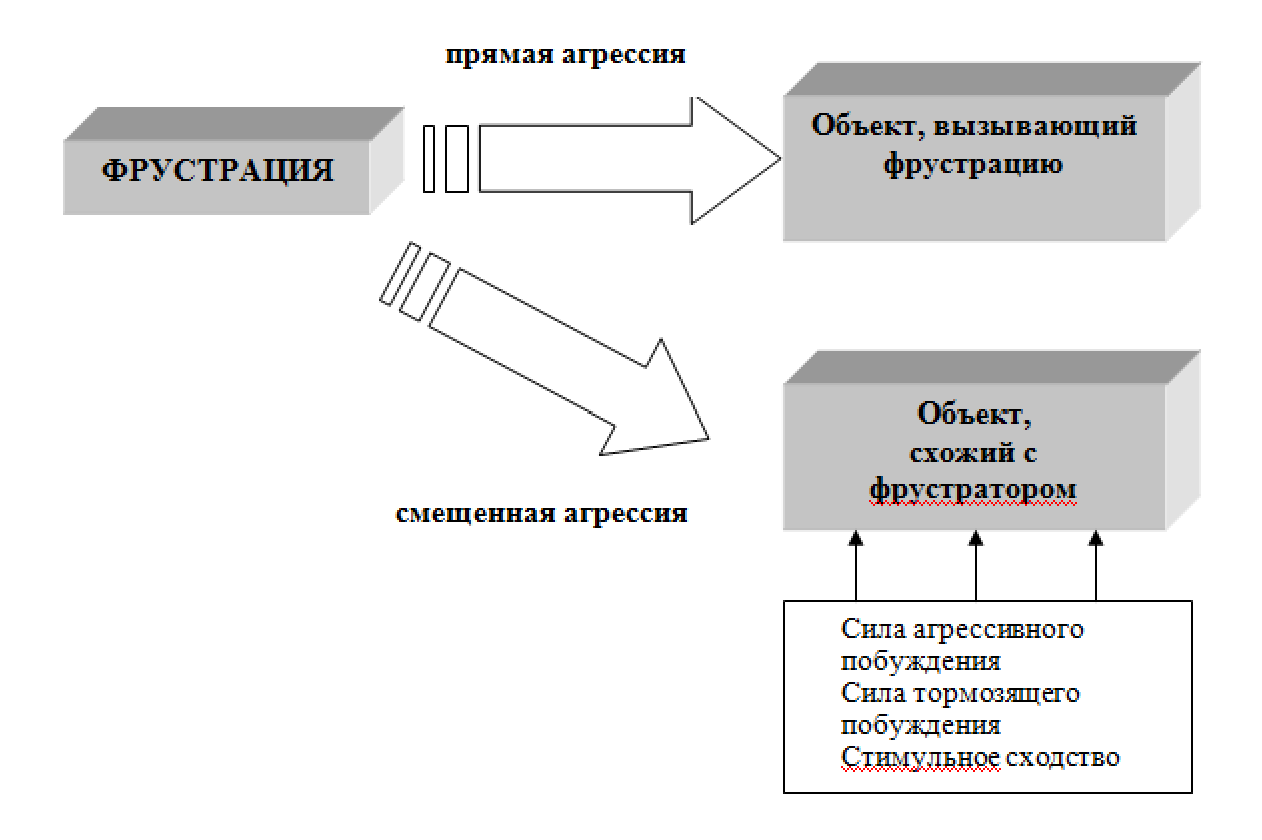

Рисунок 7 – Модель смещенной агрессии

Одной из примечательных идей фрустрационной теории агрессии является ***эффект катарсиса***, заимствованный из психоанализа. Катарсис (в буквальном смысле "очищение эмоций") – это процесс освобождения возбуждения или накопившейся энергии, приводящий к снижению уровня напряжения. Суть этой идеи состоит в том, что физическое или эмоциональное выражение враждебных тенденций приводит к временному либо длительному облегчению, в результате чего достигается психологическое равновесие и ослабление готовности к агрессии.

Представление о том, что акты агрессии снижают вероятность проявления агрессивности в дальнейшем, не является открытием. З.Фрейд и другие психоаналитики придают большое значение эффекту катарсиса, часто объясняя им потребность человека очиститься от агрессивных тенденций. В частности существуют данные, которые свидетельствуют о том, что если человек, являясь объектом агрессии, не может ответить тем же, то у него повышается кровяное давление, тогда как при непосредственном агрессивном ответе оно значительно снижается. Более того, у людей постоянно подавляющих выражение гнева и агрессию, развиваются различные психосоматические симптомы. В частности

А.Адлер указывал, что сдерживание агрессии может ослаблять моторную систему и проявляться в виде дрожания, тряски, судорог, спазмов, катотонического феномена, функционального паралича. Этот феномен может распространяться также и на соматическую систему (сердцебиение, бледность, покраснение) или другие системы, в результате чего может увеличиться потливость, приступы рвоты или сдерживания секреции как явление торможения агрессии и гнева. По данным других психоаналитиков ограничения в выражении агрессии может быть одной из причин ревматического артрита, крапивницы, прыщей, псориаза, язвы желудка, эпилепсии, мигрени, гипертонии.

Однако анализ результатов экспериментальных исследований не позволяет однозначно оценить эффективность катарсиса: установлено, что в ряде случаев агрессивное поведение понижает дальнейшие агрессивные проявления, а в ряде случаев, наоборот, повышает их. Кроме того, неконтролируемое выражение эмоций может привести к пагубным для здоровья и жизни последствиям.

Как и предыдущая концепция, фрустрационная теория не избежала критических замечаний. Основной огонь критики пришелся на гипотезу о жесткой взаимопредопределенности самой схемы «фрустрация – агрессия». Поскольку было замечено, что люди довольно часто испытывают фрустрацию, но не обязательно при этом ведут себя агрессивно, и наоборот. Сторонники фрустрационной теории согласились и несколько видоизменили свою позицию.

Ревизионистский подход. Н. Миллер (N. E. Miller, 1941) первым откликнулся на критику и внес соответствующие поправки: фрустрация лишь создает предпосылки для различных типов реакций, одной из которых является побуждение к агрессии (Рисунок 8). Он стал доказывать, что у каждого человека есть определенный набор реакций на фрустрацию, которые можно упорядочить в определенную иерархию побуждений. Агрессивное побуждение может занимать в этой иерархии любую позицию. Если побуждение к агрессии– наиболее сильное в иерархии, тогда вероятнее всего оно и будет мотивировать действия человека. Если же доминирующим является побуждение к другой реакции, возможно, несовместимой с агрессией, то человек отреагирует этим вариантом поведения, который предотвратит полностью или на некоторое время акт агрессии. Отсюда были сделаны два вывода:

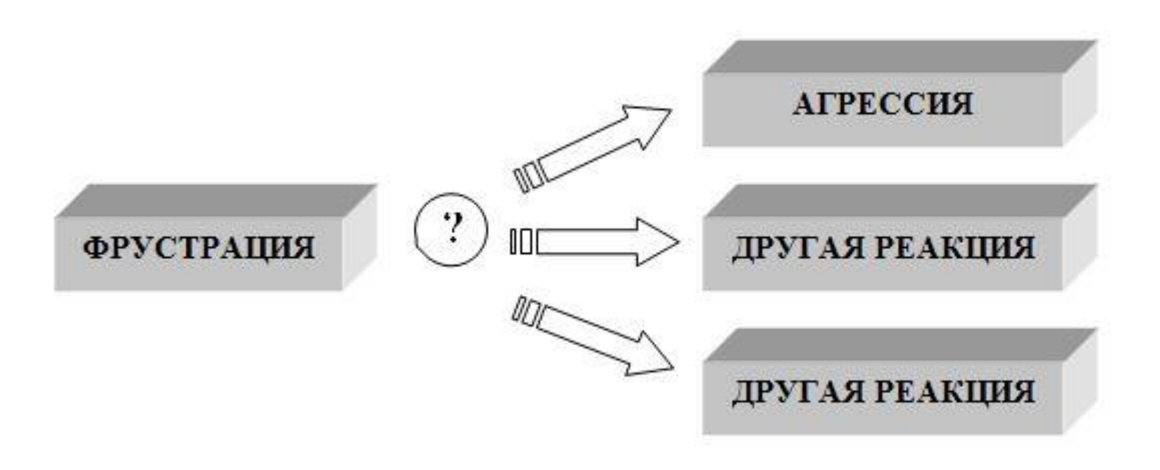

Рисунок 8 – Модифицированная Н. Миллером теория фрустрация–агрессия

– если эти другие реакции ведут к снижению, редукции изначального фрустрированного побуждения, то сила побуждения к агрессии тоже снижается, то есть агрессивное поведение может и не проявляться;

– если первая реакция не привела к редукции изначального фрустрированного побуждения, тогда неагрессивное побуждение ослабевает или даже угасает, а вместо него появляется следующее в иерархии доминирующее побуждения и не исключено, что оно может быть агрессивным.

На основании этого было сформулирована определенная закономерность: чем чаще неагрессивные реакции угасают под воздействием продолжающейся фрустрации, тем выше вероятность того, что агрессивное побуждение (изначально неактивное) становится доминирующим, и в качестве реакции на фрустрацию выступает акт агрессии. Примечательно также то, что каждая затухшая, не приведшая к результату реакция, как уже отмечалось, будет усиливать фрустрацию, как бы суммируясь с последующими реакциями. Иными словами, к тому моменту, когда человек дойдет в своей иерархии реакций на фрустрацию до агрессивного побуждения,

акт агрессии будет более интенсивным, чем, если бы он был совершен сразу же, как первая реакция на фрустрацию.

Теория аверсивно–стимулированной агрессии. Автором другой модифицированной теории обусловливания агрессии фрустрацией стал Л.Берковитц (L.Berkowitz, 2001), который предложит теорию аверсивно–стимулированной агрессии. Идея состояла в том, что аверсивные стимулы (включая фрустрацию) автоматически вызывают примитивные поведенческие реакции (например, драка или бегство). Когда люди попадают в ситуацию, вызывающую неудовольствие, боль или страдание, они хотят прекратить ее, использую драку или удрать из нее, используя бегство. Эта реакция «бей или беги» является адаптивной реакцией, снижающей стресс, которая встречается как у людей, так и у животных (W. B. Cannon, 1915).

Исходя из этого, в концептуальную схему «фрустрация – агрессия» он ввел три существенные поправки: а) фрустрация не обязательно реализуется в агрессивных действиях, но она стимулирует готовность к ним; б) даже при состоянии готовности агрессия не возникает без надлежащих условий; в) выход из фрустрирующей ситуации с помощью агрессивных действий воспитывает у индивида привычку к подобным действиям.

Основу этих поправок составило убеждение, что фрустрация уже сама по себе является аверсивным (болевым) стимулом, который способен лишь провоцировать агрессивные реакции, но не приводить к агрессивному поведению напрямую. Однако, такая готовность к агрессивным действиям возникает только тогда, когда присутствуют соответствующие посылы к агрессии – некоторые средовые стимулы, связанные с предшествующими и ли актуальными факторами, провоцирующими агрессию (Рисунок 9).

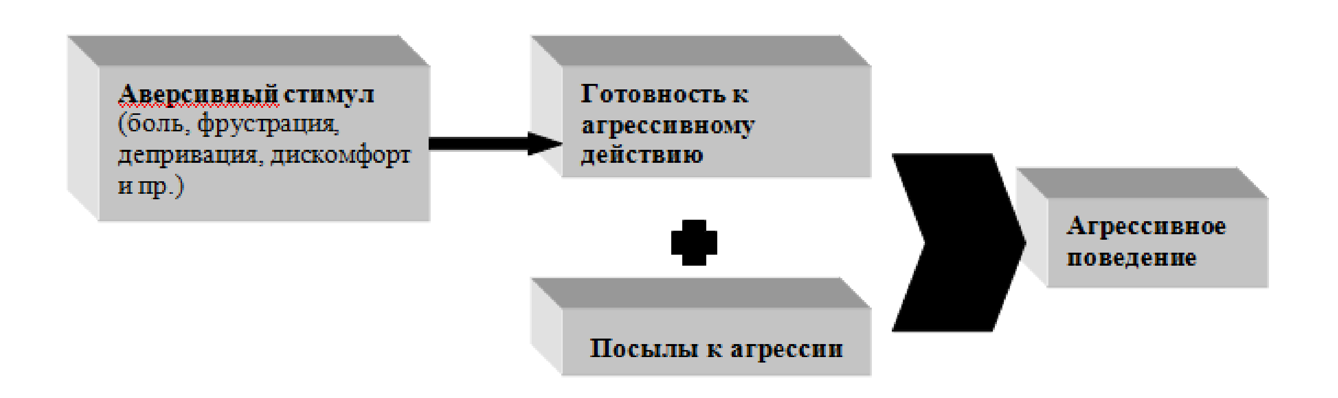

Рисунок 9 – Модель обусловливания агрессии фрустрацией Л.Берковитца

Л.Берковиц считал, что стимулы приобретают свойство провоцировать агрессию посредством процесса, схожего с классическим обусловливанием. Стимул может приобрести агрессивное значение, если связан с позитивно подкрепленной агрессией или ассоциируется с пережитыми ранее дискомфортом или болью. Если эта связь становится устойчивой, то стимул приобретает значение посыла к агрессии. Роль посылов к агрессии могут играть как люди, вернее их определенные личностные качества или манера поведения, так и некоторые характеристики физических объектов или состояние среды.

Л. Берковиц указывал на широкий диапазон негативных условий, способных спровоцировать агрессию. В разнообразных исследованиях и экспериментах с использованием различных процедур и способов измерения было продемонстрировано, что к таким условиям относятся чрезмерно высокая температура, сигаретный дым, отвратительные запахи, духота, скученность проживания, стресс, вызванный социальным напряжением (безработицей, инфляцией, безопасностью проживания в той или иной местности и пр.), физические недостатки людей и многое другое.

В заключение, следует отметить, что в процессе своего развития фрустрационный подход претерпел значительные изменения и разделился на два относительно самостоятельных течения. Сторонники первого течения остались приверженцами фрустрационно–агрессивной гипотезы и продолжают в основном исследовать условия, при которых ситуация фрустрации ведет к возникновению агрессивных действий. К таким важным, на их взгляд, условиям относятся: сходство–несходство агрессора и жертвы, оправданность–неоправданность агрессии, уровень агрессивности как личностной характеристики человека.

Сторонники второго течения создали собственную концепцию фрустрации, в основу которой положен анализ фрустрационных ситуаций, классификации и типологии реакций на фрустрацию. Так, С. Розенцвейгом выделяются три типа причин, вызывающих фрустрацию:

1) лишения (privation) – отсутствие необходимых средств для достижения цели или удовлетворения потребности;

2) потери (deprivation) – утрата предметов или объектов, ранее удовлетворяющих потребности;

3) конфликт (conflict) – одновременное существование двух несовместимых друг с другом побуждений, амбивалентных чувств или отношений.

В результате экспериментальных исследований сторонники названного течения *по направленности реакций* на фрустрацию стали различать :

– внешнюю (экстрапунитивную) направленность, характеризующуюся открытым проявлением агрессии, направленной на безличные обстоятельства, предметы или социальное окружение;

– направленность на себя (интропунитивную), характеризующуюся открытым выражением обвинения или требования, адресованных самому себе;

– несубъектную (импунитивную) направленность, характеризующуюся отсутствием агрессии, обвинений, требований и отрицанием либо проблемности ситуации или конфликта, либо виновности или ответственности кого–то, выражением надежды на благоприятное разрешение проблемы.

По видам реакций стали различать:

– препятственно–доминантный (фиксирование внимания на препятствии, стрессоре, помехе, фрустраторе, на том явлении, предмете, которые и создают критическую ситуацию);

– самозащитный (самооправдание, приведение аргументов в свою защиту, обвинение другого в целях отведения от себя наказания и т.п.);

– упорствующе–разрешающий (не уход из ситуации, а упорство в ее разрешении каким–либо образом, т.е. стремление не оставить ситуацию не завершенной, поиск выхода, конструктивного решения и т.п.).

В результате исследований агрессию стали рассматривать не только как один из возможных выходов из фрустрирующей ситуации (поскольку согласно вышеизложенному может существовать, по крайней мере, девять вариантов поведения). Исследователи пришли к выводу, что при фрустрации личность реагирует целым комплексом защитных реакций, одна из которых играет ведущую роль. Например, в некоторых случаях человек реагирует на фрустрацию уходом, сопровождающимся агрессивностью, которая не проявляется открыто.

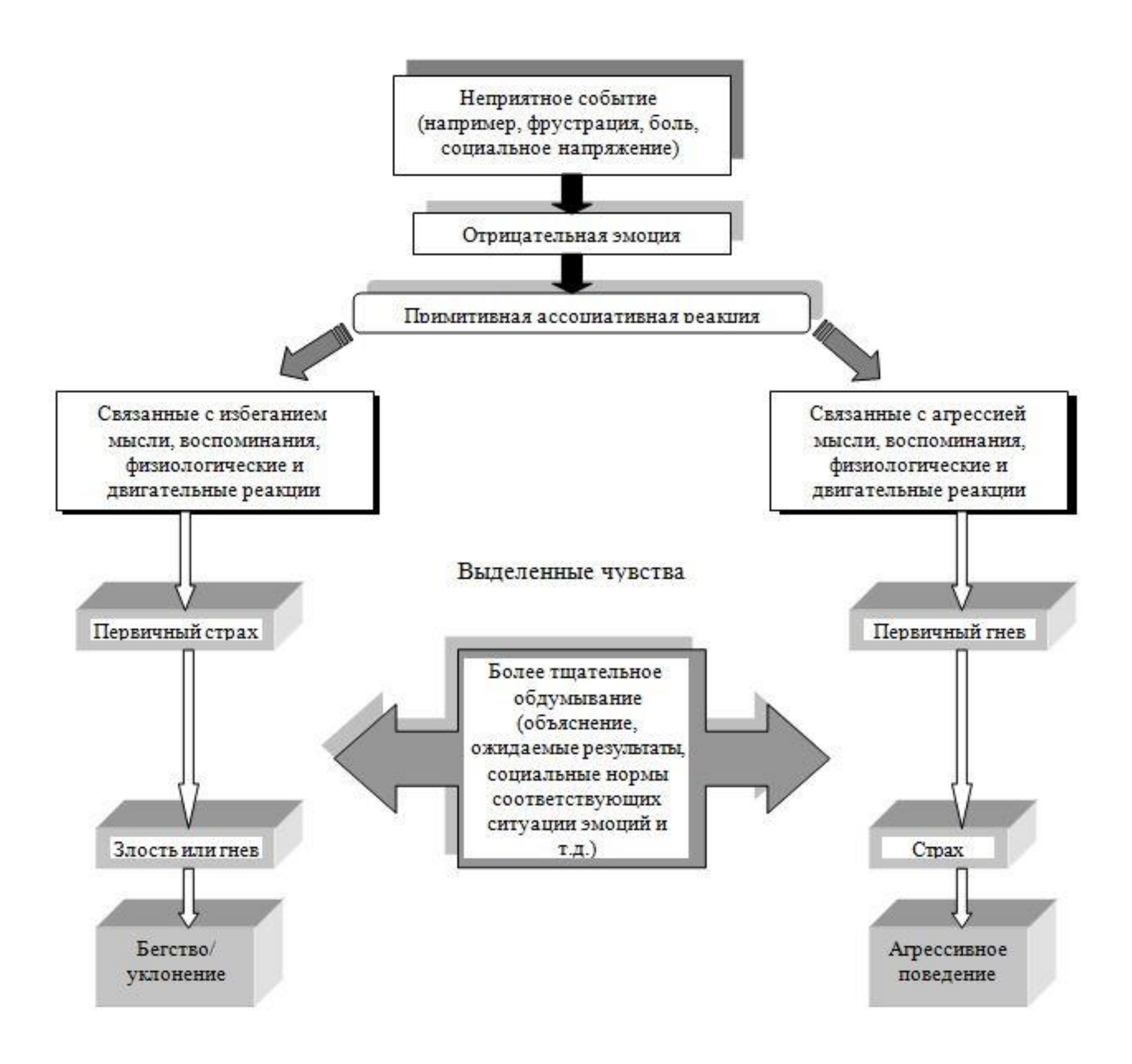
Когнитивно–неоассоцианистская модель

В своих более поздних работах Л.Берковиц (L.Berkowitz, 2001) видоизменил свою теорию детерминации агрессии определенными стимулами. Он пришел к выводу, что посылы к агрессии вовсе не являются обязательным условием для возникновения агрессивной реакции.

В новой редакции своей теории Л.Берковиц акцентировал внимание на роли эмоциональных и познавательных процессов в возникновении агрессивной реакции. В соответствии с его моделью *образования новых когнитивных связей*, фрустрация или другие аверсивные стимулы провоцируют агрессивные реакции путем формирования *негативного аффекта*. Он отмечал, что препятствия провоцируют агрессию лишь в той

степени, в какой они создают негативный аффект. Исходя из этого, фрустрация не будет побуждать к агрессии, если она не переживается как неприятное событие. Иными словами, степень аверсивности фрустрационной ситуации должна оказаться достаточной для актуализации отрицательных эмоций. Если фрустрация не вызывает негативных переживаний – то агрессия не возникает. С другой стороны, другие психологические процессы, в том числе размышления по поводу пережитого (когнитивный процесс), будут влиять на реальное поведение: то, как сам человек интерпретирует негативное воздействие , и определяет его раекцию на это воздействие.

В своей неоассоциативной когнитивной модели Л.Берковиц предлагает тщательно проработанную схему возникновения агрессивного действия от столкновения с неблагоприятным событием до возникновения чувства гнева (Рисунок 10). Когда человек встречается с неблагоприятной ситуацией, сначала он испытывают неразличимое негативное эмоциональное состояние. Эта реакция вызывает две побудительные тенденции: борьбы (уничтожение источника неудовольствия) и бегства (ухода из опасной или неприятной ситуации). Борьба связана с агрессивными мыслями, воспоминаниями и поведенческими проявлениями; бегство – с реакциями избегания. Однако Л.Берковиц высказывал мысль, что тенденция к бегству может состоять из двух компонентов: а) стремления наброситься и ударить доступную жертву и б) побуждения причинить ущерб кому–либо.

Неприятное событие (например, фрустрация, боль, социальное напряжение)
Отрицательная эмоция
Примитивная ассоциативная реакция
Связанные с избеганием мысли, воспоминания, физиологические и двигательные реакции
Связанные с агрессией мысли, воспоминания, физиологические и двигательные реакции
Выделенные чувства
Первичный страх
Первичный гнев
Более тщательное обдумывание (объяснение, ожидаемые результаты, социальные нормы соответствующих ситуации эмоций и т.д.)
Злость или гнев
Страх
Бегство/ уклонение
Агрессивное поведение

Рисунок 10 – Неоассоциативная когнитивная модель агрессии.

Названные две тенденции служат, чтобы направить первоначально существующие в невыделенном виде отрицательные эмоции в русло более конкретных эмоциональных состояний первичного гнева или первичного страха. Чтобы выделить первичные ощущения и чтобы они сложились в более сложные эмоциональные состояния, необходима дальнейшая когнитивная работа, включающая в себя оценку изначальной побудительной ситуации, потенциально возможных последствий, воспоминаний о подобных случаях в прошлом и социальных норм, связанных с выражением различных эмоций. Конечное эмоциональное состояние представляет собой совокупность отдельных чувств, экспрессивных двигательных реакций, мыслей и воспоминаний, связанных друг с другом. Поскольку все составляющие эмоционального переживания связаны друг с другом, предполагается, что активация одного компонента приведет в действие другой, в соответствии с силой их связи. Например, когда в памяти вызываются прошлые неблагоприятные происшествия, это может привести к возникновению агрессивных мыслей и чувств, повышающих вероятность агрессивного поведения в новой ситуации или по отношению к объекту, совершенно не связанному с первоначальным неблагоприятным событием.

Из вышеизложенного становится ясно, что агрессия – лишь одна из возможных реакций на негативные воздействия. Это означает, что агрессия не неизбежное, а только потенциально возможное свойство человеческого поведения, активизируемое или подавляемое тем эмоциональным переживанием, которое вызывается воздействием неприятного события.

Аффективно–динамическая модель

Результаты анализа существующих ранее психологических теорий нарушений поведения, данные собственных исследований и их

феноменологическое осмысление позволили И.А.Фурманову (1997) исследовать этиологию агрессии и нарушений поведения с новых теоретических позиций: аффективно–динамического подхода.

Ключевой категорией разработанной на основе этого подхода модели агрессии является понятие ***«поведение»,*** которое мы определили как систему любых (идеальных или реальных) психомоторных актов (действий, поступков); как активность, возникающую при взаимодействии человека и среды и обеспечивающую прямое или непрямое удовлетворение потребности в процессе адаптации (И.А.Фурманов, 2004). В этом случае, к ***«нарушениям поведения»*** можно отнести действия человека, которые приводят к затруднению биологической, психологической и социальной адаптации, сопровождающиеся намеренным причинением страдания или вреда самому себе, окружающим или обществу в целом.

Исследованиями доказывается, что основу нарушений поведения составляет агрессия. ***Агрессия*** трактуется как модель поведения, обеспечивающая адаптацию человека, один из способов удовлетворения актуальных потребностей в кризисной ситуации развития и жизнедеятельности (депривации, фрустрации). Ее следует отличать от ***агрессивности*** как личностной черты, которую следует рассматривать как готовность, предрасположенность человека к реализации агрессивной модели поведения. Принципиальным различием между этими феноменами является то, что первый проявляется как релевантная реакция только на ситуацию провокации агрессии и исчезает после окончания действия стимула, а второй – как нерелевантная реакция агрессии вне зависимости от ситуации и может наблюдаться достаточно длительное время и обнаруживаться во враждебном, мстительном, завистливом, ревнивом отношении к объекте (стимулу).

Таким образом, отличительной особенностью, разработанной модели, стало рассмотрение агрессии и нарушений поведения как реакции на кризисную ситуацию, возникающую вследствие депривации или фрустрации актуальных потребностей (Рисунок 11).

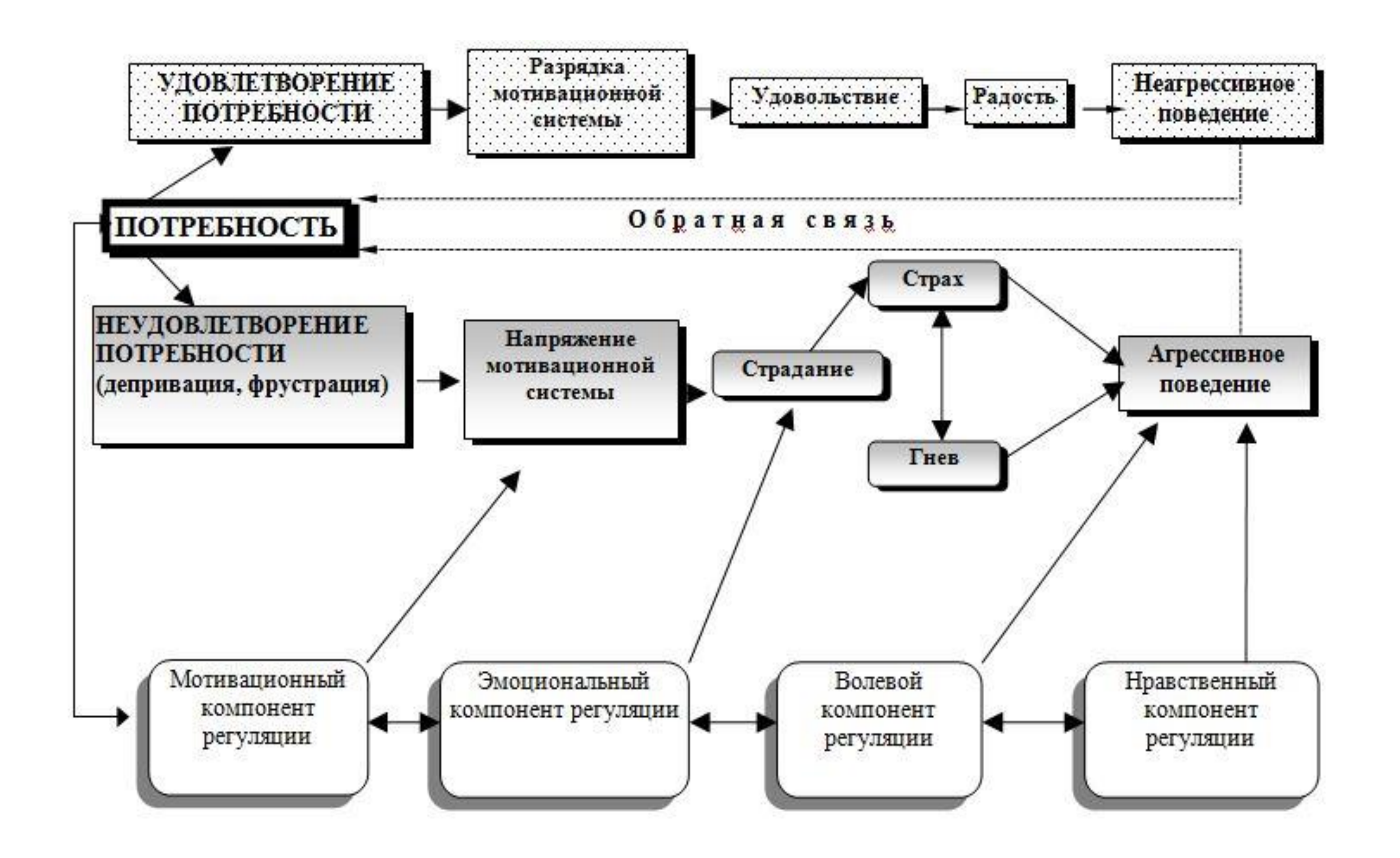

Рисунок 11 – Схема аффективно-динамической регуляции поведения

Точка зрения, что в основе человеческого поведения лежат потребности не требует подтверждения. Позиция автора этой теории в данном случае совпадает с мнением К.Левина (K. Levin, 1935, 1942) о том, что потребность отражает динамическое состояние (активность), которое возникает у человека при осуществлении какого–нибудь намерения, действия. Потребность стремится к удовлетворению, состоящему в разрядке ее динамического напряжения, и последующему уравновешиванию. Таким образом, согласно К. Левину напряженная система будет разряжаться через действие, активность, продолжающуюся до тех пор пока не будет достигнута цель действия (удовлетворение потребности). В противном случае, если напряженная система не может разрядится, то уравновешивание достигается за счет выполнения замещающих действий.

Вместе с тем, несмотря на значительный вклад в разработку проблемы детерминации поведения, теория К. Левина имеет один существенный недостаток: в ней слабо отражена взаимосвязь между поведением и сознанием, динамичностью и аффективностью. Более того, он не предавал значения содержанию потребности, считая определяющим лишь ее динамический аспект: ее сильную или слабую напряженность, коммуникацию с другими потребностями.. Поэтому К. Левин считал, что именно динамическое

состояние, напряжение является одним из решающим детерминирующих факторов психической деятельности человека.

Попытку преодолеть недостатки теории К. Левина, а также изложить собственную точку зрения на проблему детерминации поведения в свое время предприняла Л.И. Божович (1972). Она также считала, что в основе человеческого поведения лежат потребности, которые непосредственно побуждают индивида к активности. Однако потребность никак нельзя отождествлять с наличием объективно существующей нужды. Нужда, не отраженная в соответствующем переживании не становится побудителем поведения. Поэтому нами также как и Л.И. Божович под потребностью понимается отражаемая в форме переживания (а не обязательно осознание) нужда индивида в том, что необходимо для поддержания организма и развития его личности.

Итак, ***активность в основном направлена на поиск объектов удовлетворения потребностей.*** Направленность же поведения определяется системой доминирующих мотивов. Совокупность потребностей и мотивов образуют мотивационную сферу, в которой следует различать два компонента: содержательный и динамический. Содержательный компонент мотивации указывает на состав актуальных потребностей, их структурную композицию. Он определяет предполагаемую направленность поведения, опосредованно через поставленную цель или принятое решение. Динамический компонент выполняет собственно побудительную функцию.

В случаях, когда потребность удовлетворяется, меняется направленность поведения – поведение направляется на удовлетворение другой актуальной потребности . В тех случаях, ***когда потребность не удовлетворяется, направленность мотивации сохраняется, но начинает расти ее напряженность.*** Существует оптимум мотивации, за пределами которого возникает эмоциональное поведение. Понятие оптимума мотивации связано с адекватностью или неадекватностью реакций на ситуацию. Эта связь соответствует отношению между интенсивностью (напряженностью) мотивации и реальными возможностями субъекта в конкретной ситуации.

Согласно П.В. Симонову (1982) в результате отражения человеком какой–либо актуальной потребности (ее качества и величины) и вероятности (возможности) ее удовлетворения на основе врожденного и онтогенетического опыта появляются определенные эмоции. Удовлетворение или неудовлетворение потребности порождает эмоциональное состояние удовольствия или неудовольствия. С.Л. Рубинштейн (1940) отмечал, что то или иное эмоциональное отношение к определенному предмету или лицу, представленное в сознании в виде непосредственного переживания,

формируется на основе потребности по мере того, как мы осознаем зависимость их удовлетворения от этого предмета или лица, испытывая те эмоциональные состояния удовольствия или неудовольствия, которые они нам доставляют. Кроме того, в силу многообразия потребностей один и тот же предмет или лицо могут приобретать для человека различное и даже противоположное – как положительное, так и отрицательное – эмоциональное значение.

Другим важным условием появления эмоциональной реакции, опосредованной ростом напряженности мотивационной системы, является оценка вероятности удовлетворения потребности. Если величина потребности нарастает, а оценка вероятности ее удовлетворения падает, то такое состояние переживается как негативное, сопровождающееся отрицательным эмоциональным тоном, и наоборот. В частности, исследования показывают , что предвидение возможного удовлетворения потребности может являться основным мотивационным условием поведения: человек ставит себе цели, которые как он ожидает приведут к вознаграждению, удовлетворению потребности (E. Deci, 1975). Важные цели с высокой возможностью достижения (большая надежда) вызывают положительный аффект (радость, удовольствие); важные цели с низкой вероятностью достижения (слабая надежда) вызывают тревожность или депрессивность (К. Изард, 1980) . Таким образом, ***сила напряженности мотивации определяет валентность эмоционального фона поведения.***

Ситуацию, когда субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних необходимостей своей жизни , с проблемой потенциальной или актуальной угрозы удовлетворению основных потребностей, из которой он не может уйти или разрешить в короткое время и привычным способом, можно охарактеризовать как кризисную . В свою очередь, Дж. Каплан (G. Caplan, 1963) выделяет четыре последовательных стадий кризиса:

1) первичный рост напряжения, стимулирующий привычные способы решения проблемы;

2) дальнейший рост напряжения в условиях, когда эти способы оказываются безрезультатными;

3) еще большее увеличение напряжения, требующее мобилизации внешних и внутренних ресурсов;

4) если все попытки оказываются тщетными, то повышается тревожность и депрессивность, появляются чувства беспомощности и безнадежности, дезорганизация личности и поведения.

Здесь необходимо отметить – кризис может кончится на любой из стадий, если угроза исчезает или обнаруживается какой–либо способ

удовлетворения потребности. Возможны два варианта разрешения кризисной ситуации: 1) главным способом избавиться от травмирующего действия нарастающего напряжения является переориентация на другие объекты или способы удовлетворения потребностей (т.е. поиск замещающего объекта); 2) использование психологических защит: подавления, а также изоляции аффекта, вытеснения (особенно агрессивного компонента), замещения, отрицания. При этом главное место принадлежит ***переживанию***, которое представляет собой внутреннюю (психическую) работу и определяет характер и направленность действий, с помощью которых человеку удается перенести те или иные жизненные события, восстановить утраченное душевное равновесие, справиться с кризисной ситуацией .

Возникающая при кризисной ситуации напряженность, а также связанные с ней переживания, могут оказывать влияние на появление (усиление) определенных личностных особенностей и моделей поведения.

В результате продолжительного воздействия чрезмерного уровня стимуляции (в нашем случае напряжения, связанного с переживанием необходимости удовлетворить потребность) возникает ***чувство страдания.*** Страдание сообщает человеку о том, что ему плохо и побуждает его предпринимать определенные действия с тем, чтобы устранить причину страдания или изменить свое отношение к объекту, служащему причиной этому. Э. Фромм отмечал, что факт страдания, независимо от того, осознан он или нет, вызывает динамическое стремление преодолеть страдание, т.е. стремление к переменам. Таким образом, страдание как аффективный процесс может служить причиной или источником поведения, то есть “фактором, который поддерживает или прекращает возникающие формы поведения”. Это происходит согласно гедонистическому принципу максимизации позитивной аффективности (удовольствия, радости) и минимизации негативной аффективности (страдания).

Можно указать на две основные причины возникновения страдания. Первая, это депривация – состояние, которое возникает при отсутствии предмета или возможности, необходимых для удовлетворения потребности. Другая, фрустрация – состояние, которое больше относится к последствиям, связанным с процессом удовлетворения потребности: когда на пути к объекту удовлетворения возникают различного рода преграды или препятствия. Здесь, вероятно, следует указать на ***дополнение мотивационного напряжения эмоциональным***.

Эмоциональное напряжение – это состояние, характеризующееся повышенным уровнем активации и соответствующим ему эмоциональным возбуждением, которые блокируются в экспрессивно–исполнительской фазе.

Другими словами, эмоциональное напряжение возникает, как правило, в ситуациях, которые вызывают страх, но исключают бегство; вызывают гнев, но делают невозможным его выражение. Поэтому состояния депривации и фрустрации могут появиться лишь при условии достижения определенного уровня эмоционального возбуждения: интенсивности страдания. При этом, в соответствии с «принципом удовольствия», страдание ведет как к возрастанию активности, увеличению интенсивности внешних реакций с целью удовлетворения потребности, так и приводит к усилению внутренней активности, а именно, к введению механизмов психологической защиты, для уменьшения напряжения. И то, и другое может стимулироваться определенными эмоциями, сопровождающими либо реализацию потребности, либо ее сдерживание. В связи с этим различают стенические эмоции (приводящие к увеличению активности, к действию) и астенические (не побуждающие к действию). Анализ следствий испытываемого страдания показывает, что к первым можно причислить негодование, гнев, ярость. Ко вторым относятся уныние, упадок духа, одиночество, отверженность, обида, настороженность, тревожность и др.

В качестве одной из базовых эмоциональных реакций на страдание является ***гнев***. С точки зрения филогенеза гнев имел важное значение для выживания человека, поскольку способствовал мобилизации энергии индивида и делал его готовым к активной самозащите. Согласно теории С. Томкинса (1963) страдание является врожденным возбудителем гнева. С его точки зрения, это происходит благодаря тому, что внешне воздействие или травматические переживания, вызывающие непрерывное страдание могут понизить порог гнева. Идея такова: поскольку страдание вызывается умеренно высокой и постоянной нейронной активацией, длительное страдание может привести к переходу плотности нейронных зарядов через порог гнева.

Чем сильнее гнев, тем более сильным и энергичным чувствует себя индивид, и тем больше его готовность к физическим действиям. А. Бандура (1973) трактует гнев как один из основных компонентов общего возбуждения, которое способствует возникновению агрессии.

Другой базовой эмоциональной реакцией на страдание можно рассматривать ***эмоцию страха***. В данном случае страх может возникать как реакция опасения, что потребность не будет удовлетворена из–за отсутствия объекта удовлетворения или невозможности устранения препятствия к достижению цели и страдание будет продолжаться. Как отмечает К. Изард (1980), при страхе сочетаются высокое напряжение, импульсивность и активность. На поведенческом уровне чрезмерная напряженность может приводить к заторможенности действий, вплоть до «застывания тела», т.е.

двигательного ступора (астенический страх). Высокое возбуждение (импульсивность и активность), напротив, могут вести к неадекватному поведению в форме панических или разрушительных неэффективных реакций (стенический страх). Однако общим для людей, переживающих страх, является ощущение сильного желания убежать или спрятаться. Поэтому страх главным образом способствует одному типу поведения – поведению избегания, «бегства» из ситуации. В этом случае использование психологических защит как раз и является «уходом» от травмирующих переживаний страдания. Вместе с тем возможен и другой исход, когда реакция ухода из ситуации сопровождается агрессивностью или реакциями удаления объекта, вызывающего страх, путем его разрушения.

Взаимовлияние страха и гнева может непосредственно сказываться на характере поведения. В частности, согласно данным Р. Плучика, Х. Келлермана, Х. Конте (R. Plutchik, H. Kellerman, H. Conte, 1979) указанным эмоциям соответствуют разные прототипические адаптивные комплексы: гневу – разрушение (устранение препятствия на пути удовлетворения потребности), страху – защита, протекция (избегание угрозы или вреда за счет увеличения расстояния между организмом и источником опасности, бегство).

Помимо этого в возникновении названных эмоций важную роль играют сопутствующие ситуационные факторы, такие как угроза и боль.

Решающим фактором является наличие или отсутствие угрожающей ситуации. Когда ситуация реально угрожает или воспринимается как угроза, арсенал поведенческих реакций в основном определяется стремлением индивида защитить себя от боли, телесного повреждений, травмы, ущерба, оскорблений, обиды и, возможно, от смерти. Реакции на угрозу может колебаться от безопасных реакций, таких как двигательный ступор, бегство, и принятие угрожающей позы (боксерской стойки) до жестокого нападения. Этот набор реакций обычно называется «воинственным поведением».

Боль – другой, «эмоциональный» фактор агрессивного поведения. Как показали исследования, животные, которые подвергались болезненной стимуляции (например, ударам электрическим током, внезапным повышениям температура, укусам), начинали драться друг с другом или нападать на неодушевленные предметы если находились в одиночестве (J. Archer, 1989, 1990). Также было убедительно доказано, что агрессия, индуцированная болью, аналогична защитной агрессии, индуцированной страхом (R.J. Blanchard, D.C. Blanchard, 1981). Кроме того было установлено, что даже единичный простой болевой стимул при естественных условиях вызвал гнев, мотивирующий наступательную агрессию (J. Archer, 1989/1990). В целом, агрессивное поведение может быть вызвано множеством внешних стимулов,

которые являются угрожающими или болезненными. Эти стимулы в разной степени активизируют периферическую и центральную нервные системы. При агрессии, индуцированной болью, активация рецепторов боли и/или тепловых рецепторов приводит в движение нервные пути, которые управляют выражением агрессивного поведения, и, тогда порог страха становится легко достижимым. В связи с этим, определение, мотивирована ли агрессия страхом или гневом, будет зависеть, каким из отделов головного мозга управляются агрессивные действия.

В связи с этим, что *при значительном доминировании страха* преобладает механизм подавления, направленный на исключение из сознания мыслей или переживаний, вызванных негативными эмоциями. Это приводит к формированию ***подавлено–агрессивного типа поведения***. В этом случае чаще всего наблюдаются реакции пассивного негативизма, проявляющиеся, например, в сопротивлении типа саботажа или аффективной, неконтролируемой агрессии.

В случае *относительного паритета страха и гнева* может действовать механизм смещения (замещения) – разрядки накопившихся эмоций на предметы, животных или людей, воспринимаемых как менее опасных для индивида, вместо выражения эмоций на истинные объекты, вызывающие негативные эмоции. В результате формируется ***пассивно–агрессивный тип поведения***. В этом случае чаще всего наблюдаются реакции активного негативизма (открытое неповиновение, игнорирование), косвенной агрессии (например, делание мелких гадостей, порча имущества, вандализм и пр.), скрытой вербальной агрессии (распространение сплетен, слухов, оговоры, написание доносов и кляуз).

Когда *гнев является доминирующей эмоцией* может действовать механизм проекции и регрессии. Могут наблюдаться открытые агрессивные реакции, что соответствует ***активно-агрессивному типу поведения***. В этом случае чаще всего наблюдаются реакции открытой вербальной агрессии (брань, ругань, угрозы, проклятия) и физической агрессии.

Вместе с тем следует отметить, что вид и форма выражения агрессии во многом будет зависеть от предвосхищения последствий агрессивных действий. Агрессия будет тормозиться или трансформироваться, если появляется страх, стимулированный предвидением наказания или возмездия. В частности в исследованиях было установлено, что положительные и отрицательные ожидания последствий проявления агрессии являются фактором, сдерживающий агрессивное поведение, или способствующий его реализации.

Взаимодействие в триаде ***«страдание- страх- гнев»*** может быть как адаптивным, так и дезадаптивным. Его позитивными последствиями могут стать действия, направленные на преодоление препятствий к удовлетворению потребностей, направленные на то, чтобы не допустить кризисной ситуации в будущем. Дезадаптивность имеет место тогда, когда гнев, возникающий при переживании сильного страдания при повторяющихся попытках обрести утраченный объект удовлетворения потребностей или устранить преграду на пути к нему, ведет к разрушительной агрессии. Вместе с тем следует отметить, что взаимодействие эмоций – сложное явление. Оно может дезорганизовывать те действия, которые привели к возникновению кризисной ситуации или негативного эмоционального состояния, но зато организовывать действия, направленные на уменьшение или устранение неприемлемых воздействий. Таким образом, взаимодействие эмоций содержит в себе элементы как дезорганизации, так и организации поведения.

И. А. Фурмановым (1997, 2004), было выявлено, что такому паттерну реагирования как подавлено–агрессивный тип поведения соответствует социальная адаптация по типу *пассивного приспособления*, проявляющаяся в зависимо–послушном (сверхкомформности, потребности в помощи и доверии со стороны окружающих, неуверенности в себе, неустойчивой самооценке, подавленной эгоистичности и агрессивности) или покорно–застенчивом (отличающимся скромностью, повышенным чувством вины, склонностью к самоуничижению) стилях межличностных отношений.

Пассивно–агрессивному типу поведения соответствует стратегия *адаптивного самоограничения*, которая в зависимости от валентности объекта взаимодействия реализуется в сотрудничающе–конвенциональном (компромиссном поведении, стремлении к сотрудничеству, поисках признания у авторитетных людей, компенсации вытесненных эгоцентричности и агрессивности за счет повышенного дружелюбия), недоверчиво–скептическом (обидчивости, склонности к критицизму, недовольству окружающими, подозрительностью, скрытой враждебностью) или ответственно–великодушном (выраженной готовности помогать и сочувствовать окружающим, гибкой ролевой «палитре», коммуникабельности, возможно, опосредованными влияниями подавленной или вытесненной враждебности) стилях межличностных отношений.

При активно-агрессивном типе поведения преимущественно преобладают процессы *активного приспособления* и используются прямолинейно–агрессивный (спонтанность, упорство в достижении цели, практицизм, чувство враждебности при противодействии к критике в свой адрес, недружелюбие, несдержанность, вспыльчивость), властно–

лидирующий (тенденция к доминированию, повышенный уровень притязаний, нетерпение к критике, ориентация в основном на собственное мнение, переоценка собственных возможностей) или независимо–доминирующий (самодовольство, нарциссизм, выраженное чувство собственного превосходства, неадекватно завышенный уровень притязаний, выраженное чувство соперничества) стили взаимоотношений с окружающими.

На характер поведения могут оказывать опосредованное влияние некоторые психические состояния, возникающие в результате взаимодействия страха и гнева с другими эмоциями. К ним относятся:

1) ***Тревожность***. В частности Е. Гелгорн выделяет две формы тревоги. Возбудимая форма, характеризующаяся беспокойством, гиперактивностью, симпатическими реакциями. Тормозная форма, характеризуется гипоактивностью, парасимпатическими реакциями. Первая возникает при возрастании гнева и ведет к усилению агрессивности, вторая при возрастании страха и ведет к формированию негативных психических состояний. Исследования Х.Лиддела, например, показывают, что внутренние страхи, которые не находят внешнего проявления, поддерживают более или менее выраженное состояние тревожности.

2) ***Депрессивность.*** По мнению ряда авторов триада “страдание–страх–гнев” является частью синдрома депрессии, которая протекает либо из–за фрустрации, либо является реакцией на депривацию. И в том и в другом случае механизм примерно одинаков и может состоять из трех фаз. Первая, при неудовлетворении потребностей индивид отвечает на утрату объекта или невозможность достижения цели энергичными реакциями в попытке вернуть то, что потеряно или добиться необходимого. Вторая фаза характеризуется гневом и агрессией, направленными на объект или препятствие. И, наконец, когда первая и вторая фазы не дают результата, происходит “отстранение” от побуждений, стимулирующих активность или адаптивное поведение. Эта полная отстраненность (третья фаза) и вызывает депрессию.

Присутствие страха в синдроме депрессии, во–первых, может выступать мотивационным фактором, побуждающим к удалению себя из ситуации, к перемене обстановки. Во–вторых, может препятствовать появлению чрезмерной враждебности направленной на себя и тем самым уменьшать вероятность суицида. Присутствие гнева и высокая внешняя враждебность может подавлять или ослаблять до некоторой степени страх и чувство вины. Таким образом, такой параметр, как «внешняя враждебность» может служить индикатором депрессивности: чем глубже депрессия, тем внешняя враждебность ниже.

3) ***Психотичность.*** Наличие враждебности, возникающей в результате подавления эмоций страха или гнева, вызванных угрожающими объектами. Обычно проявляется в появлении образов, фантазий, сновидений или мыслей о причинении ущерба объекту враждебности.

Таким образом, основные идеи разработанной аффективно–динамической модели позволили составить окончательную схему влияния переживаемых в кризисной ситуации эмоций страха и гнева на агрессивные паттерны поведения (Рисунок 12).

Модель переноса возбуждения

В своей модели переноса возбуждения Д. Зилманн (D. Zillmann, 1983) выдвигает предположение о том, что сила испытываемого гнева является производной двух элементов: силы психологического раздражения, которое порождено неприятным событием, и того, как это раздражение трактуется и характеризуется.

Возбуждение напрямую имеет отношение к раздражению симпатической нервной системы, что проявляется в определенных соматических реакциях – учащении пульса, усилении потоотделения, повышении давления и пр. Эти реакции, по мнению Д. Зилманна, являются составной частью эволюционного общего адаптационного синдрома «бей или беги».

Существенным в этой теории является положение о том, что возбуждение от одного источника может накладываться (переноситься) на возбуждение от другого источника, тем самым, усиливая или ослабляя эмоциональную реакцию. Поскольку возбуждение затухает очень медленно и два события отделены одно от другого коротким промежутком времени, то остатки этого возбуждения могут стать причиной эмоциональной реакции или переживания на потенциально нейтральный стимул.

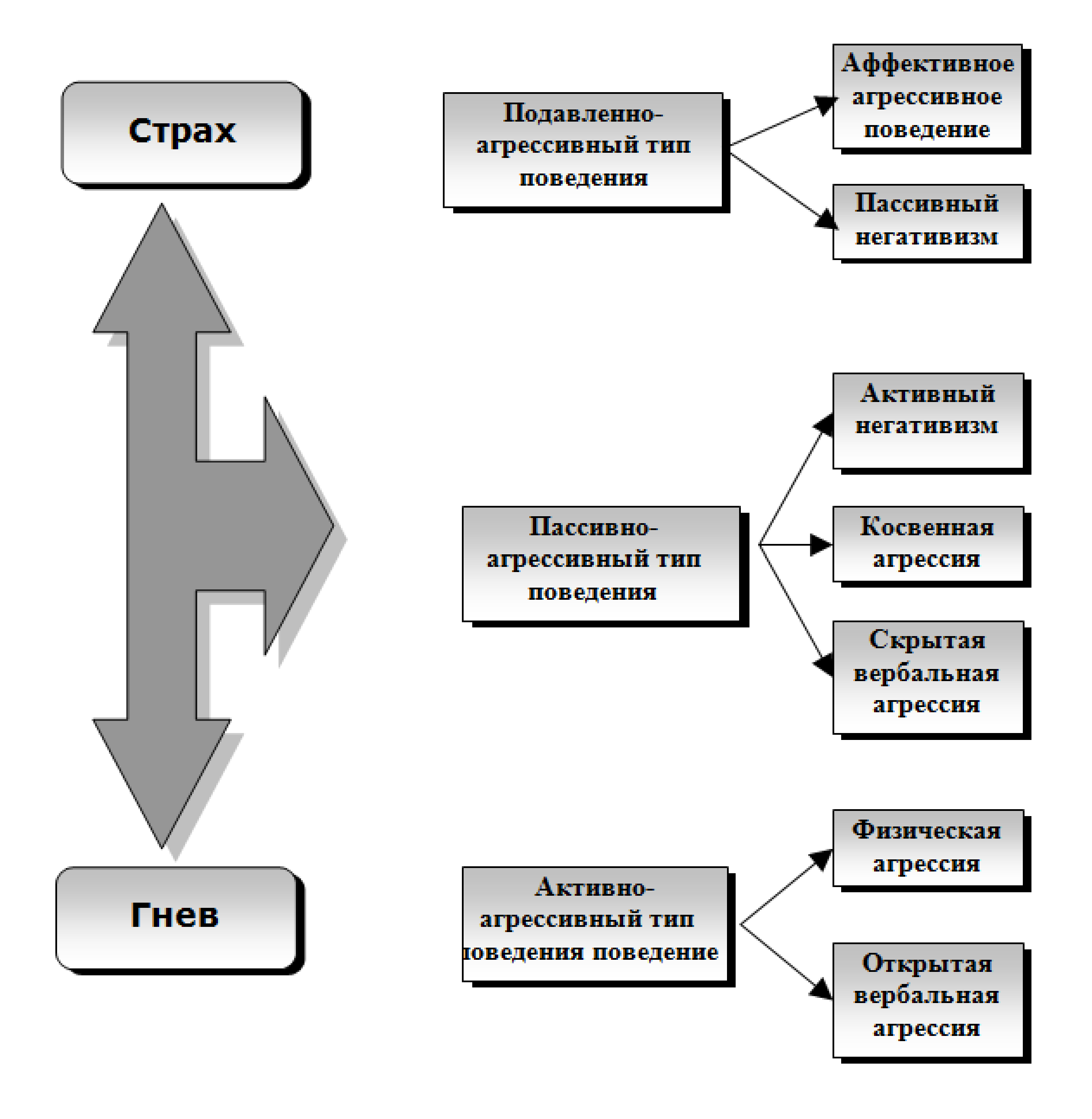

Страх
Гнев
Подавленно-агрессивный тип поведения
Аффективное агрессивное поведение
Пассивный негативизм
Пассивно-агрессивный тип поведения
Активный негативизм
Косвенная агрессия
Скрытая вербальная агрессия
Активно-агрессивный тип поведения поведение
Физическая агрессия
Открытая вербальная агрессия

Рисунок 12 – Схема влияния эмоций страха и гнева на агрессивные паттерны поведения

Кроме того, для возникновения агрессии необходимо, чтобы при оценке ситуации раздражение было интерпретировано как гнев. В этом случае атрибуция психологического раздражения, вызванного неблагоприятной ситуацией, имеет решающее значение в определении связи между этой ситуацией и потенциально возможной агрессивной реакцией (Рисунок 13).

Д. Зилманн считал, что, если эмоциональное раздражение носит неопределенный характер и его происхождение не очевидно для индивида, он попытается объяснить раздражение с помощью тех информационных ресурсов, которые присутствуют в текущей ситуации. В связи с этим, психологическое раздражение от нейтрального или неопределенного источника может быть перенесено на раздражение, вызванное неблагоприятным воздействием, посредством процесса ложной атрибуции. Раздражение, порожденное не связанным с неблагоприятным воздействием источником, может быть ошибочно приписано неблагоприятному событию и таким образом послужить для усиления гнева, который был вызван этим событием. Однако осознание первоначального источника раздражения может стереться, поэтому индивид будет продолжать испытывать раздражение, но уже не осознавая его происхождения.

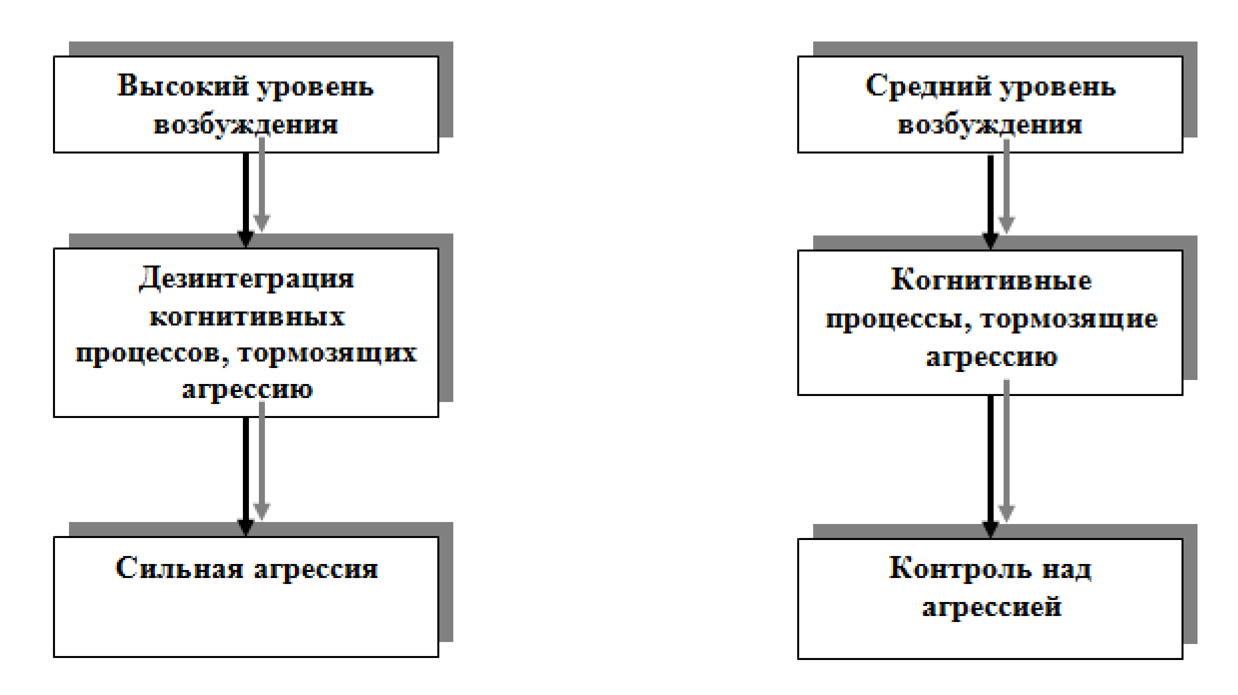

Рисунок 13 – Модель агрессивного поведения, акцентированная на взаимосвязи когнитивных процессов и физиологического возбуждения (по D. Zillmann, 1983)

В целях подтверждения своей модели Д. Зилманн (D. Zillmann, 1979) показал, что те индивиды, которые переносили остаточное возбуждение от физической активности на не имеющую к этому отношения социальную ситуацию, в которой провоцировались на агрессию, чаще, чем невозбужденные индивиды, реагировали на такое раздражение агрессивно. Эмоционально нейтральное возбуждение способствует усилению негативного возбуждения, вызванного провокацией, поскольку оно интерпретируется в свете очевидного сигнала в определенной ситуации, т. е. раздражения. Как отмечает Д. Зилманн (D. Zillmann, 1994), если остаточное возбуждение по происхождению не нейтрально, а в его основе лежит гнев, то усиливающее гнев воздействие в новой ситуации, вероятно, будет даже значительнее и приведет к обострению агрессивности.

Модель переноса возбуждения получила подтверждение и в других исследованиях. В частности, было установлено, что возбуждение, вызванное физической активностью, просмотром фильмов насильственного и эротического содержания – способствует возникновению и проявлению агрессивных реакций. Вместе с тем, было выявлено, что подобные процессы могут способствовать появлению обратных реакций. Например, агрессия может быть ослаблена в некоторых ситуациях путем приписывания возбуждения источнику, не связанному с переживаниями гнева или провокацией. Тенденция приписывать агрессивные намерения другим, даже если таких намерений и не было – получило название *предвзятой атрибуции враждебности* (K.A. Dodge et al, 1986).

Таким образом, модель переноса возбуждения рассматривает сочетание физиологического возбуждения и когнитивной оценки, задействованных в эмоциональном переживании гнева. Если оказывать влияние на то, чему приписывается физиологическое возбуждение, склонность к агрессивным реакциям может быть либо усилена, как показано выше, либо подавлена. Следовательно, данный подход также поддерживает видение агрессии как потенциально возможного, а отнюдь не неизбежного проявления человеческого поведения.

Поведенческая модель

Теория оперантного научения. Самые ранние объяснения индивидуальных различий в человеческой агрессии представлены в теории оперантного научения (Э. Торндайк, Б. Ф. Скиннер) и, в меньшей степени, в теории классического обусловливания (И. П. Павлов). *Теория оперантного обусловливания* предполагает, что люди, более вероятно, будут повторять действия, которые были вознаграждены и, менее вероятно, повторят действия, которые были наказаны (Рисунок 14).

Исследование показали, что детей можно было научить вести себя агрессивно через *позитивное подкрепление,* доставляющее удовольствие (P. A. Cowan, R. A. Walters, 1963) или *негативная подкрепление,* устраняющее боль (G. R.Patterson, et. al., 1967). Дети не только учатся вести себя агрессивно, они также учатся различать ситуациями, когда агрессия поощряется и когда она не поощряется или наказывается. Посредством генерализации стимула они начинают использовать те действия, которым они научились, и применительно к новым ситуациям (R. R. Sears, et. al., 1953).

Теория социального научения. Несмотря на то, что современные теоретики научения делают акцент на подкреплении как на необходимом условии для приобретения, сохранения и модификации поведения, А. Бандура (1977), хотя и признавал важность внешнего подкрепления, не рассматривает его как единственный способ, при помощи которого приобретается, сохраняется или изменяется поведение человека.

Рисунок 14 – Модель оперантного обусловливания агрессивного поведения

В центре теории социального научения лежит положение о том, что новые формы поведения можно приобрести в *отсутствие* непосредственного *внешнего подкрепления.* По мнению сторонников теории социального научения, на поведение оказывают влияние не только внутренние когнитивные процессы, но и наблюдение за поведением других, а также и среда, в которой имеют место данные формы поведения (Рисунок 15).

А. Бандура отмечал, что многое в поведении, которое демонстрирует человек, приобретается посредством примера: он просто наблюдает, что делают другие люди, а затем повторяет их действия. По большей части социальное научение происходит на основе случайного или целенаправленного наблюдения поведения, демонстрируемого другими людьми в повседневной жизни. Этот акцент на ***научении через наблюдение*** или примере, а не на прямом подкреплении, является наиболее характерной чертой теории А. Бандуры.

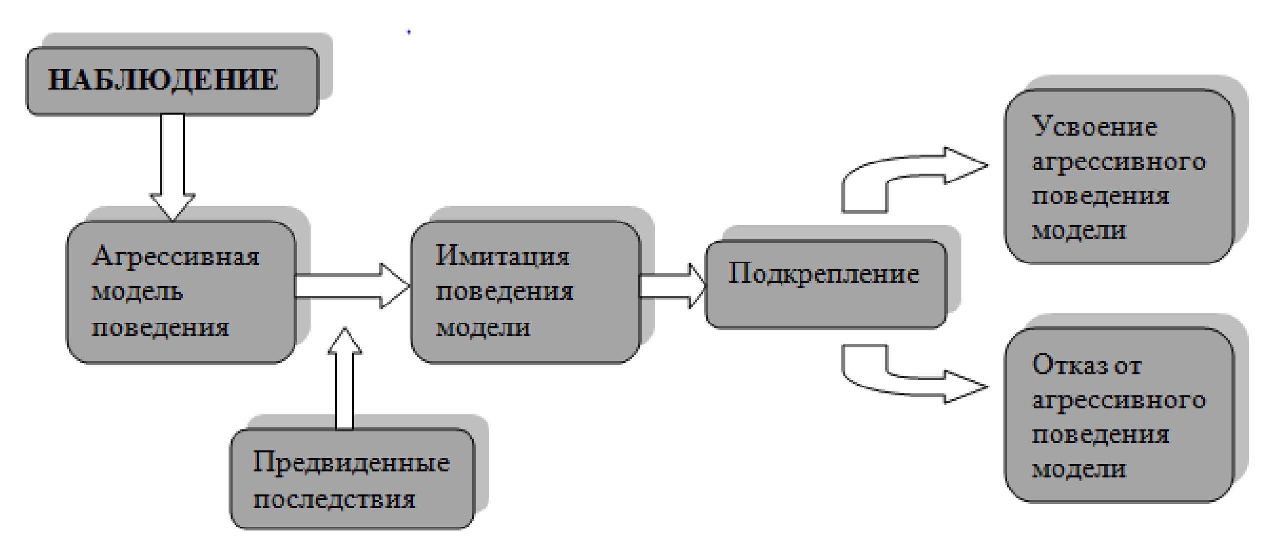

Рисунок 15– Модель социального научения агрессивному поведению

Человек, за которым наблюдают, называется ***моделью***. Факты показывают, что индивид может усвоить некоторые действия, наблюдая и подражая тем, кто выполняет соответствующие действия модель; этот процесс называют ***моделированием***.

А.Бандура рассматривал два вида моделирования: *имитацию* и *идентификацию.* В первом случае имитационные реакции вызываются напрямую и непосредственно действиями модели. Непосредственная имитация не требует многого от когнитивного функционирования, потому что воспроизведение поведения внешне направляется действиями самой модели. Имитация обычно хороша при усвоении и воспроизведении конкретных реакций.

Во втором случае наученные реакции могут проявляться позже (отсрочено) и в отсутствие модели, довольно долго после того, как наученное поведение наблюдалось. По сути эти, внутренне представленные и проявляющиеся при отсроченном моделировании реакции являются идентификационными. В отличие от имитации, идентификация представляет собой присвоение и воспроизведение целых паттернов поведения. А.Бандура отмечал, что идентификация более эффективна, так как наученные в ее результате реакции более устойчивы к воздействию критических факторов.

Научение через наблюдение имеет целый ряд преимуществ: оно более энергосберегающее и эффективное, менее потенциально опасное. Действительно вербальная передача информации и наблюдение соответствующих моделей обеспечивает основу для приобретения наиболее сложных форм поведения человека. А. Бандура установил, что фактически все феномены научения, приобретаемые в результате прямого опыта, могут формироваться косвенно, путем наблюдения за поведением других людей и

его последствиями. Подтверждением этому являются классические эксперименты с «куклой Бобо», направленные на научение агрессии через имитацию агрессивной модели поведения (A. Bandura, D. Ross, S. A. Ross, 1961).

Эксперименты с куклой Бобо

Теория социального научения считает, что другим важным элементом этой теории является ***характер подкрепления*** агрессивного поведения со стороны окружающих. Различают три вида поощрений и наказаний, регулирующих агрессивное поведение:

Материальные и социальные поощрения и наказания. Агрессия, направленная на других, может обеспечить реальные вознаграждения. Например, агрессивный школьник может с успехом притеснять своих одноклассников, вымогая у них деньги и другие материальные ценности. Агрессию можно также контролировать наказанием, актуальным или потенциальным (то есть угрозой).

Социальные поощрения и одобрения также способствуют агрессивному поведению: общественная похвала или порицание, ослабление или усиление негативного отношения со стороны других. обладание значительной долей статуса и престижа и пр. В целом было доказано, что одобрение агрессивного поведения вызывает еще большую агрессию, а социальное неодобрение может купировать желание вести себя агрессивно.

Викарный опыт. А. Бандура вводит понятие *викарного научения* агрессии, считая, что как правило, наблюдение поощрения агрессии у других

усиливает, а наблюдение наказания ослабляет тенденцию вести себя подобным образом. Эмпирически им доказано, что дети, особенно вероятно, будут подражать тем моделям, действия которых были вознаграждены за то, что они вели себя агрессивно (A. Bandura, 1965; A. Bandura et al., 1963).

Самопоощрения и самонаказания. Модели агрессивного поведения могут регулироваться поощрением и наказанием, которые человек устанавливает для себя сам. Индивиды, проявляющие агрессию могут в той или иной степени поощрять себя в результате успешных атак на других, вознаграждать себя чем-нибудь и одобрять свои действия (Bandura, 1973). Некоторые, особенно агрессивные люди гордятся своей способностью причинить вред или нанести увечье другим. В некоторых случаях, даже несклонные к насилию люди время от времени могут испытывать удовлетворение оттого, что, они сполна отплатили за нанесенное оскорбление, отомстили обидчику, и «поставили на место хама», «не ударили в грязь лицом», «не уронили своего достоинства». Агрессоры также могут наказывать самих себя, осуждая собственное поведение.

Неожиданное продолжение идеи А. Бандуры о научении через имитацию и наблюдение получили в недавних исследованиях. В частности было обнаружено, что у человека есть врожденная тенденция подражать тому, что он наблюдает (A. N. Meltzoff, 2005). Автоматическая имитация выражений на лицах других может привести к автоматической активации эмоции, которую испытывают другие люди. Например, установлено, что сердитое выражение стимулируют эмоцию гнева у наблюдателя (R. B.Zajonc, et al., 1989, J. J. Prinz, 2005).

Эмпирическое доказательство автоматической имитации было получено и в рамках нейрофизиологических исследований. Это стало возможным благодаря открытию «зеркальных нейронов», которые активируются в одном из двух случаев: когда человек наблюдает или когда человек выполняет наблюдаемое действие. Полученные результаты проведенных исследований позволили по новому понять и объяснить, почему дети подражают другим (G. Rizzolatti, 2005). Было установлено, что непосредственная «мимикрия» агрессивных действий не требует комплекса когнитивных репрезентаций наблюдаемого акта, а только простого «зеркального» представления о нем. Однако, это не означает, что более отсроченная имитация (например, идентификация) не является сложным когнитивным процессом.

В настоящее время теория социального научения является одной из наиболее популярных. Во–первых, она является достаточно эффективной в предсказании агрессивного поведения, особенно, если есть сведения об

агрессоре и ситуации социального развития. Во–вторых, располагает некоторыми методическими средствами коррекции агрессивного поведения детей.

Эволюционно–психологическая модель

Эволюционно–психологическая парадигма не придерживается только одной гипотезы о происхождении человеческой агрессии или любого другого поведенческого паттерна. В рамках эволюционная психология, совмещаются или, наоборот, противопоставляются биологические, психологические и социальные теории человеческого поведения. Основное преимущество эволюционно–психологической модели человеческой агрессии – то, что она действительно является интегративной.

В рамках данной модели агрессия рассматривается как одно их эволюционных решений адаптационной проблемы (D. M. Buss, T. K. Shackelford, 1997). В частности утверждается, что люди обладают эволюционным комплексом ситуационные, зависящих от обстоятельств, адаптационных реакций, чтобы нанести ущерб другим людям с целью решения множества разнообразных адаптационных проблем (Рисунок 16).

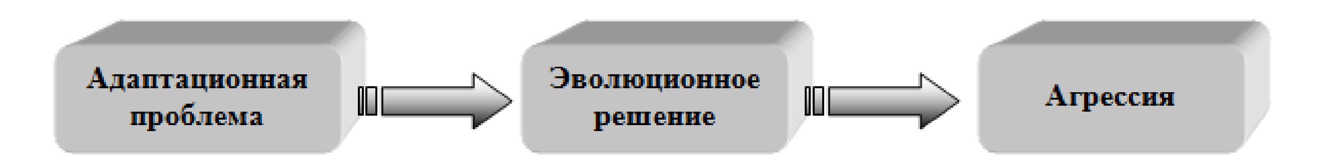

Рисунок 16 – Эволюционно–психологическая модель агрессии (по D. M. Buss, T. K. Shackelford, 1997)

Присвоение ресурсов других. Люди, возможно больше чем кто-либо из приматов, имеют склонность запасать ресурсы, которые представляют ценность для выживания и репродукции. Исторически сюда относились плодородная земля и доступ к пресной воде, еде, инструментам и оружию. Существует много средств получения доступа к ценным ресурсам, которыми обладают другие люди, такие как участие в социальном обмене, кража или обман. Агрессия – также очень эффективное средство овладения ресурсами других.

Агрессивные действия для овладения ресурсами могут осуществляться на уровне индивида или группы. На индивидуальном уровне, чтобы получить ресурсы других, достаточно часто используется физическая сила. Одной из современных форм проявления такой агрессии является буллинг в школе, когда агрессор забирает у одноклассников деньги на обед, телефон, чтобы

позвонить и пр. У совсем маленьких детей агрессия, связанная с обладанием ресурсами, обычно возникает по поводу игрушек и территории. Взрослые используют грабежи и избиения как средство насильственного получения денег или других ценных вещей. *Угроза* агрессии со стороны других может также стать поводом для защиты собственных ресурсов. Например, когда ребенок отдает свои деньги на обед, чтобы предотвратить физическое насилие, или владелец маленького магазина дает деньги бандитам для обеспечения «крыши».

Кроме того, люди, особенно мужчины, часто формируют коалиции в целях насильственного поглощения ресурсов других. Всегда в человеческой истории война использовалась, чтобы захватить землю, находившуюся в собственности других, и «дележа добычи» между победителями. Агрессивные стратегии выбирались преимущественно тогда, когда выгода, в среднем, перевешивала затраты в процессе адаптации.

Таким образом, один из источников возникновения агрессии является приобретение релевантных ресурсов для продолжения рода.

Защита против нападения. Присутствие агрессивных представителей одного и того же вида представляет серьезную адаптивную проблему для потенциальных жертв - они имеют шанс потерять ценные ресурсы, которые будут захвачены агрессорами. Кроме того, жертвы могут получить телесные повреждения или убиты, что станет препятствием выживания и репродукции. Жертвы агрессии могут также утратить статус и репутацию. Потеря доброго имени или чести, которые стали результатом безнаказанного насилия, могут привести в будущем к насильственным действиям в отношении других людей, которые могут быть выбраны в качестве жертв, частично основываясь на легкости, с которой они могут быть подвергнуты насилию или на их нежелании, неспособности принять ответные меры.

Агрессия, поэтому, может использоваться, чтобы защититься против нападения. Она может воспрепятствовать тому, чтобы ресурсы были насильственно отняты и создать репутацию, которая будет сдерживает других потенциальных агрессоров. Агрессия может использоваться и с тем, чтобы предотвратить потерю статуса и чести, которая неминуемо последует в результате безнаказанного насилия. Это тот случай, когда считается, что «лучшая защита это нападение».

Таким образом, защита против нападения, в итоге, является второй адаптивной проблемой, для которой агрессия используется в качестве ее решения.

Нанесение ущерба однополым конкурентам. Третью адаптивную проблему представляют однополые конкуренты, которые соперничают за

доступ к тем же самым ресурсам. Одним из таких ресурсов является доступ к представляющему ценность лицу противоположного пола. Действия агрессора, уводящего женщину у более слабого мужчины, является стереотипным примером однополой конкуренции и которые интерпретируется достаточно однозначно как утрата власти и могущества последним.

Агрессия с целью нанесения ущерба конкурентам может колебаться от вербальных колкостей до избиений и убийств. Как мужчины, так и женщины порочат своих однополых конкурентов, подвергая сомнению их статус и репутацию, чтобы сделать конкурентов менее желательными для представителя противоположного пола. На другом конце спектра агрессивных действий находятся мужчины, которые иногда убивают своих однополых конкурентов на дуэлях. Драки в барах, которые начинаются как тривиальные препирательства из-за женщины, иногда заканчиваются убийством. Мужчины также иногда убивают других мужчин, когда обнаруживают, что те занялись сексом с их женами или подругами.

Таким образом, с точки зрения эволюционной психологии репродуктивная конкуренция может иметь вполне обоснованный результат: ущерб нанесенный конкуренту часто обращается выгодой для агрессора. Согласно этой точки зрения, ключевой функцией вербальной и физической агрессии должно быть нанесение ущерба однополым конкурентам.

Продвижение по иерархии подчинения. Агрессия, в некоторых ситуациях, используется, чтобы повысить статус или увеличить силу власти в рамках существующих социальных иерархий. Например, это может относиться к некоторым видам спорта (победа в матче по боксу, после которой победитель приобретает более высокий статуса, а проигравший утрачивает его) или криминальным сообществам (когда убийство «авторитета» позволяет занять его место в преступной пирамиде).

Вместе с тем, физическая агрессия, иногда выполняющая адаптивную функцию повышения статуса, не подразумевает, что эта стратегия работает во всех группах. Агрессия в рамках многих групп может привести к понижению статуса. Например, преподаватель, который ударил кулаком другого преподавателя на совете факультета или студента во время занятий, почти наверняка испытает падение статуса.

Удержание романтичных партнеров от неверности. Агрессия и угроза агрессии может использоваться, чтобы оградить долговременные половые отношения от сексуальной неверности. Многие эмпирическое исследования доказывают, что мужская сексуальная ревность является главной причиной или условием эскалации супружеского насилия.

Исследования, проведенные среди женщин, подвергшихся физической агрессии, подтверждают, что в большинстве случаев, ключевым фактор, приводящий к насильственным действиям, являлась чрезвычайно сильная ревность со стороны их мужей или друзей. Кроме того, некоторые мужчины могут избивать своих жен, просто чтобы удержать их от общения с другими мужчинами, так сказать для «профилактики». Один из способов добиться этого можно через изменение женской самооценки. В частности, избивая женщину, мужчина понижает женскую самооценку, тем самым понижает ее самовосприятие как сексуального партнера. Этими действиями мужчина стремиться создать у женщины убеждение в том, что она неспособна найти себе более желательного супруга (сексуального партнера) чем тот, который есть у нее в настоящее время.

Возвращение бывших сексуальных партнеров. Агрессия и угроза агрессии – одна из стратегий, предназначенных, чтобы вернуть сексуальных партнеров или супругов, с которые разорвались отношения. На первый взгляд использование агрессии, чтобы привлечь бывшего сексуального партнера (супруга) может показаться парадоксальным. Однако агрессия и угроза агрессии в этих ситуациях может использоваться в качестве стратегии негативного подкрепления, когда агрессия как негативный подкрепляющий стимул будет прекращена, когда отношения восстановятся. В этом случае объект агрессии – желанный или бывший сексуальный партнер – будет стремиться вновь установить романтические отношения с агрессором, чтобы избежать ущерба и перестать быть жертвой агрессии. Действительно, одна из функций такого преследования состоит в том, чтобы возвратить «дезертировавшего» сексуального партнера. В этой ситуации мужчина будет использовать агрессию и преследование женщины с цель предотвращения любой ее попытки завязать сексуальные отношения с другими мужчинами, и одновременно с целью удержать других мужчин от приближения к его женщине.

Получение доступа к сексуально недоступным объектам. Агрессия может использоваться для получения сексуального доступа к женщинам, который невозможно получить другим путем. Сексуальная агрессия может варьироваться от касания тела женщины без ее разрешения до использования угроз, физической силы с тем, чтобы вынудить женщину заняться сексом против ее воли. Биологи, например, отмечают, что у некоторых разновидностей животных, есть адаптационные реакции изнасилования. Существует даже гипотеза, что у людей также существуют эволюционные адаптивные реакции изнасилования (R. Thornhill, C. Palmer, 2000). Однако, как показывают исследования, в настоящее время, нет ни одного убедительного

свидетельства, что люди обладают такими реакциями. Тем не менее, как утверждают эволюционные психологи, отсутствие фактов не означает факта отсутствия.

Таким образом, вызвано ли изнасилование адаптационными реакциями, специально предназначенными для принудительных сексуальных контактов или альтернативно является побочным продуктом адаптационных реакций, предназначенных для выполнения каких-то других функций, эволюционные психологические механизмы агрессии почти наверняка здесь играют решающую роль. Раз когда-то агрессия была включена в человеческий поведенческий репертуар, значит, позже она могла быть выбрана, чтобы решить другие адаптационные проблемы, которые отличаются от тех, для которых она была первоначально предназначена. Получение сексуального доступа к несклонным к сексу женщинам могло стать одной из таких адаптационных проблем.

Итак, перечень семи указанных выше основных адаптивных проблем несомненно являются неполным: агрессия, вероятно, также направлена на решение и других адаптивных проблем. Ключевой идеей данной теории является то, что агрессия не есть унитарная, монолитная (инстинктивная) или ситуативно-неопределенная стратегия. Скорее агрессия будет ситуационно-определенной, вызванной прежде всего теми обстоятельствами, которые напоминают те из них, в которых предки человека противостояли определенным адаптивным проблемам и получали при этом определенную выгоду.

Информационно–процессуальная модель

Информационно–процессуальный подход развивает точку зрения, что существование индивидуальных различий в агрессии обусловлено различиями в обработке социальной информации. Этот подход представляет собой более детализированную версию теории социального научения.

В своем информационно–процесуальном подходе Л.Р.Хьюсманн (L.R. Huesmann, 1988, 1998) предполагает, что социальное поведение в целом и агрессивное поведение в частности контролируется поведенческими репертуарами, приобретаемыми в процессе ранней социализации. Из этого поведенческого опыта создаются сценарии — абстрактные когнитивные представления, содержащие типичные черты критической ситуации, ожидания относительно поведения задействованных участников, а также относительно последствий различных выбранных вариантов поведения (Рисунок 17).

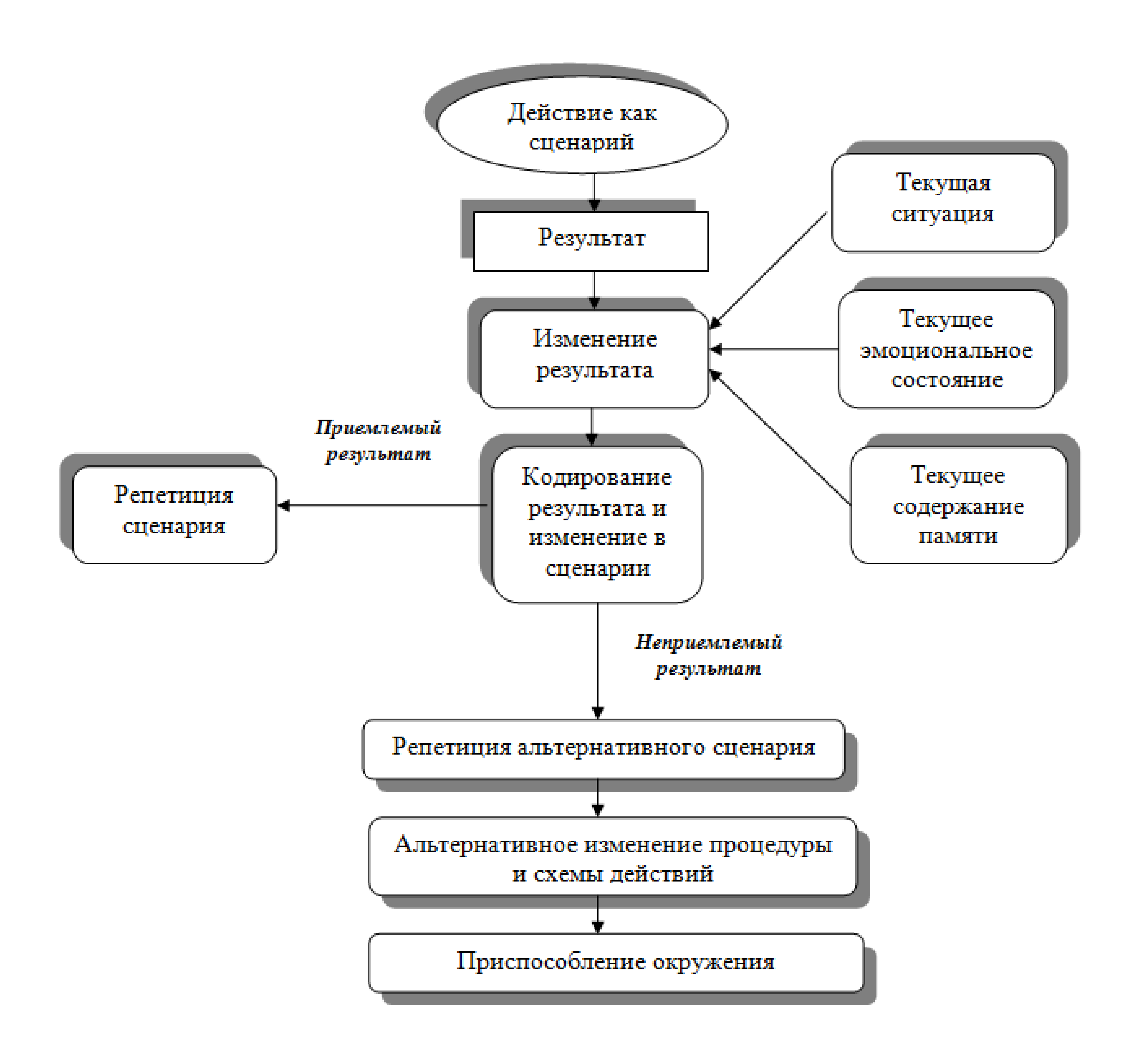

Рисунок 17 – Информационно–процессуальная модель реализации агрессивного сценария (по L.R. Huesmann, 1988)

Сценарии – это наборы особенно хорошо отрепетированных, устойчиво связанных понятий в памяти, которые включают причинные связи, цели и планы действия. Когда между отдельными элементами устанавливаются прочные ассоциативные связи и формируется сценарий «оседающий» в семантической памяти. Кроме того, даже несколько проб сценария могут изменить ожидания и намерения человека реализовать те или иные действия. Многократные репетиции могут приводить к закрепление (усилению связей между отдельными понятиями) и к универсализации (созданию дополнительных связей между различными понятиями) сценария. Например, ребенок, который несколько раз удачно использовал кулаки в разрешении споров со сверстниками, может генерализовать этот способ действия на

выяснение взаимоотношений со старшими детьми или взрослыми. В частности, возникает обобщенное когнитивное представление, в котором конфликт и агрессия будут тесно связаны. В будущих конфликтных ситуациях это представление, вероятно, активизируется, что приведет к дальнейшим агрессивным реакциям. Другими словами, сценарий может стать хроническим.

Вместе с тем, агрессивным сценариям свойственны нормативные убеждения, которыми руководствуется человек в своих решениях о том, приемлема ли конкретная реакция при данных обстоятельствах. Так, у детей может сформироваться нормативное убеждение, что можно дать сдачи в драке со сверстником, но нельзя ответить тем же на физическую агрессию взрослого. Было обнаружено, что существует корреляция между поддержкой нормативных убеждений, одобряющих агрессивное поведение, и фактическим агрессивным поведением. Неспособность усвоить нормативные ограничения, налагаемые на открытое проявление агрессии, приводит к неоднократному совершению неуместных агрессивных действий, что может стать источником длительных адаптационных трудностей.

От когнитивной обработки начальной социальной информации, которая предшествует поведенческим проявлениям, зависит, активируется ли агрессивный сценарий и вызывает ли он реакции агрессивного типа. В процессе восприятия поведения другого человека индивид стремится как-либо интерпретировать это поведение. В отдельных исследованиях показано, что люди, совершавшие в прошлом агрессивные поступки, предпочитают избирательно толковать агрессию, приписывая поведению человека враждебные намерения, особенно когда поведение этого субъекта носит неопределенный характер. Подобная схема приписывания враждебности может активировать агрессивный сценарий и повысить вероятность того, что из своего репертуара реакций индивид выберет агрессивную.

Помимо атрибуции враждебности для крайне агрессивных индивидов, как показали исследования, характерны и другие когнитивные ограничения, например трудности в запоминании подробностей сценариев конфликта, а также в выработке компромиссных способов разрешения этих конфликтов. Несмотря на то, что на эти социально-когнитивные ограничения в принципе можно воздействовать с помощью особого рода вмешательств, отмечается, что такие вмешательства в основном оказываются безуспешными. Вероятнее всего, основная причина того, что слабоадаптивные формы обработки информации не поддаются изменению, заключается в следующем: агрессивные сценарии усваиваются очень рано и успешно применяются в ходе индивидуального развития.

Информационно–процессуальная теория особенно полезна в объяснении генерализации социальных процессов обучения и автоматизации

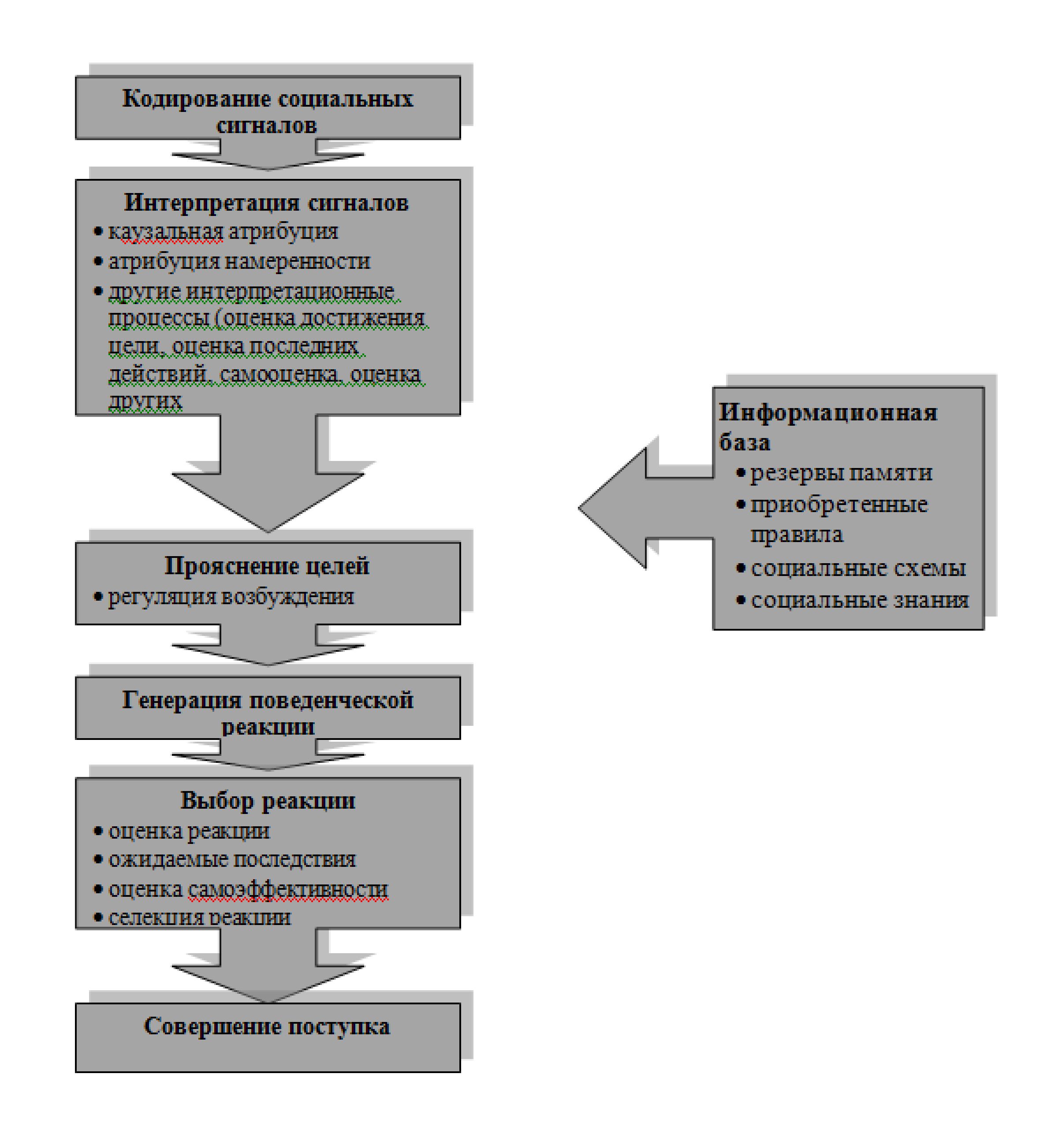
(упрощения) сложного процесса «восприятие→суждение→решение→поведение».

Модель обработки социальной информации

Модель обработка социальной информации, разработанная К. А. Доджем и Н.Р. Криком (K. A. Dodge, 1980, N. R. Crick, K. A. Dodge, 1994, 1996) предполагает серию социально-когнитивных и когнитивно - эмоциональных процессов в развитии социальной компетентности и поведения на протяжении жизненного пути (Рисунок 18).

Данную модель можно представить, в виде шести последовательных шагов, определяющих те или иные поведенческие реакции:

- ***кодирование социальных сигналов***. Индивид проявляет внимание, воспринимает и организует информацию о социальном стимуле и ситуации, т.е. регистрирует, что произошло.
- ***интерпретация сигналов***. Индивид атрибутирует причины, аффективное состояние и намерения социального стимула и ситуации (т.е объясняет почему ситуация произошла или почему кто-то действовал определенным способом), а также оценивает значимость стимула для его собственного личностного благополучия.
- ***прояснение целей.*** Индивид определяет собственные цели, к которым ситуация может иметь отношение, т.е. вырабатывает общую стратегию поведения (например, либо не создавать проблему и уйти из ситуации, либо, наоборот, обострить ее, проявить агрессию и наказать провокатора).
- ***генерация поведенческой реакции.*** Индивид обдумывает одну или несколько возможных реакций (либо обращается к памяти и опыту реагирования в подобных ситуациях ранее, либо конструирует новую реакцию).
- ***выбор реакции.*** Индивид оценивает собственные варианты реакции через призму их соответствия социальным нормам или критерию опасности/безопасности, антиципирует эффективность последствий, выбирает наиболее приемлемую модель поведения и принимает решение действовать.
- ***совершение поступка***.

Кодирование социальных сигналов
Интерпретация сигналов
• каузальная атрибуция
• атрибуция намеренности
• другие интерпретационные процессы (оценка достижения цели, оценка последних действий, самооценка, оценка других
Прояснение целей
• регуляция возбуждения
Генерация поведенческой реакции
Выбор реакции
• оценка реакции
• ожидаемые последствия
• оценка самоэффективности
• селекция реакции
Совершение поступка
Информационная база
• резервы памяти
• приобретенные правила
• социальные схемы
• социальные знания

Рисунок 18 – Модель обработка социальной информации (по N. R. Crick, K. A. Dodge, 1994)

Данная модель позволяет интерпретировать причины появления агрессивного поведения у детей и подростков, объясняя их систематическими нарушениями в процессах обработки социальной информации. В частности, ошибки в кодировании и интерпретации сигналов приводят к тому, что агрессивные дети, склонные к восприятию действий других как враждебных, чаще выбирают враждебные реакции. В подтверждение этого экспериментальные исследования показывают, что дети, имеющие поведенческие проблемы, чаще приписывают враждебные намерения другим людям, чем их «беспроблемные» сверстники.

Также дети с враждебными атрибутивными предубеждениями совершают ошибки в интерпретации мотивов других. Было определено, если ребенок считает, что сверстник преднамеренно совершил негативный или представляющий опасность поступок, то он может повести себя в отношении сверстника достаточно агрессивно. Ребенок в этом случае полагает, что сверстник имел враждебные намерения. С другой стороны, если ребенок будет считать, что сверстник не намеревался причинить вред, т.е. совершил поступок случайно – то он подавит агрессивные реакции. Ребенок в этом случае полагает, что сверстник вел себя с благим намерением. Исследования подтверждают, что атрибутивные предубеждения связаны с агрессивными реакциями у подростков. Было установлено, что восприятие подростками враждебного намерения было связано с их уровнем агрессивных реакций на гипотетическую межличностную ситуации и с самооценками их агрессивного поведения.

Исследование показало, что дети, которые склонны считать, что негативные последствия наступили в результате целеустремленных, намеренных действий других, имеют более сильное побуждение к

агрессивным действиям, чем их сверстники, которые рассматривают такие последствия как случайные. Помимо этого, агрессивные дети, более вероятно, припишут враждебное и злонамеренное содержание тем социальным сигналам, которые неоднозначны относительно их основных намерений. Таким образом, в ситуациях, в которых отсутствует ясность намерения совершающего стимулирующее действие человека и значения сигнала, агрессивные подростки склонны интерпретировать их как провокационные. Данное явление было названо ***«предвзятой атрибуцией враждебности»***, чтобы обозначить трудности с интерпретацией сигналов, возникающие у агрессивного ребенка, а впоследствии стало обозначаться термином ***«враждебный атрибутивный стиль»***.

Исследования показывают, что способность интерпретировать намерения действий других людей определяется уровнем детского социального когнитивного развития. В частности отмечается, что как раз дефицит когнитивных навыков не позволяет детям младшего возраста правильно интерпретировать намерения действий других, в отличие от детей подросткового и юношеского возраста. Вместе с тем, правильность интерпретации намерений действий других приобретает важное значение для пятого шага модели обработка социальной информации – оценки и принятия решения действовать тем или иным способом в ситуации провокации (R. G. Fontaine, et. al., 2006, 2008, 2009).

На этом шаге индивид может просчитывать несколько альтернативных поведенческих реакций основываясь на разнообразных оценочных суждениях, включая: а) ***эффективность реакции***: оценка индивидом вероятности достижения успеха, если выбранная реакция будет реализована; б) ***оценка реакции***: определение ценности, уместности выбранной реакции с точки зрения социальных и моральных норм; в) ***экспектация последствий***: оценка вероятности, что выбранная реакция приведет к определенному результату и г) ***оценка последствий***: процесс, с помощью которого индивид определяет вероятные последствия определенной реакции, т.е. степень их позитивной или отрицательной ценности. И, можно выдвинуть предположение, что только после этого альтернативные реакции сравниваются друг с другом прежде, чем будет отобрана самая подходящая.

Кроме того, рассматривают различные типы ожидаемых последствий. Например, *эмоциональные экспектации последствий* относятся к оценке личности, а именно того, как индивид будет себя чувствовать, если выбранная реакция будет совершена, а *социальные экспектации последствий* имеют отношение к предсказанию того, как другие могут рассмотреть данный поступок. Этим предполагается, что различные типы экспектаций

последствий потенциально могут быть активизированы на этом шаге обработки информации, особенно в определенных видах сценариев действий, таких как проблемные ситуации, в которых индивид неуверен относительно того, какой реакцией следует ответить на провокацию.

Когнитивная модель

Основу этого подхода составляет теория психологического дисфункционирования А. Эллиса (1991), который считал, что тремя основными психологическими аспектами деятельности человека являются мышление, эмоции и поведение (А-В-С–теория). Все три аспекта взаимосвязаны и изменение одного из них часто вызывает изменение других. Поэтому, если человек изменяет способ мышления, т.е. начинает думать о событии как-то иначе, очень вероятно, что вслед за этим изменится и его эмоциональная реакция на событие и, возможно, изменится поведение. В отличие от поведенческого подхода, где внимание акцентируется на изменении окружающей обстановки для изменения поведения, подход А.Эллиса делает упор на примат когнитивного аспекта, т.е. на изменении содержания мыслей. Эти идеи были использованы А.Эллисом (1993) и для объяснения человеческой агрессии.

Он считал, что существует четыре главных цели, к которым стремятся люди:

1. ***Выживание***, или сохранение и поддержание собственной жизни.
2. ***Счастье***, или выживание, основанное на максимизации удовольствия или удовлетворения и минимизации страдания или неудовлетворенности.
3. ***Социальное принятие***, или выживание в группе или сообществе, в которых человек чувствует себя хорошо.
4. ***Интимные отношения***, или выживание, основанное на любви к близким людям.

С точки зрения А.Эллиса любые мысли, эмоции или действия, способствующие достижению этих целей, являются рациональными, разумными или *здоровыми*. Те же, которые блокируют или препятствуют достижению этих целей – иррационалены, неразумны или *нездоровы*. Исходя из этого, выделяется **здоровая и нездоровая агрессии.** Первая, предполагает тенденцию побуждения человека к достижению целей сохранения жизни, ощущения счастья, успешной адаптации в социальной группе, установления близких отношений с окружающими. Вторая, представляет собой форму агрессии, которая имеет тенденцию блокирования или разрушения стремления к достижению этих основных человеческих целей.

К основным проявлениям агрессивного человека относятся самые разнообразные черты личности.

Раздражительность. Агрессивный человек часто сердится, когда ему мешают и поэтому начинает действовать раздраженно–настойчиво с тем, чтобы изменить ситуацию так, чтобы не испытывать больше злости. И хотя раздражение – в большинстве случаев рассматривается как отрицательное чувство, тем не менее оно часто помогает человеку добиться желаемых результатов. Следовательно, эта черта может быть как отрицательной формой проявления настойчивости, так и проявлением здоровой агрессии.

Склонность к спорам. Агрессивный человек часто любит спорить. Однако, дело не в том, что он не соглашается с другими, а в том, что делает он это почти всегда и очень навязчиво. Со стороны это может выглядеть как склочность, вздорность, резкость, придирчивость, несговорчивость, грубость, фракционность, оппозиционность, препирательство, упрямство, несогласие, диссидентство.

Высокомерие. Агрессивный человек часто высокомерен, эгоцентричен и действует в асоциальной манере, чтобы добиться того, чего он хочет. Высокомерие обычно сочетается с враждебностью и подавлением других. Со стороны это выглядит как надменность, самоуверенность, злобость, самонадеянность, хвастливость, эгоистичность, нахальство и тщеславие. Из-за тенденции высокомерного человека игнорировать и чернить других людей, и следовательно плохо адаптироваться к жизни в социальной группе, можно трактовать такое поведение как нездоровое проявление агрессии.

Самоуверенность (ассертивность). Агрессивный человек, как правило самоуверен: четко знает чего он хочет и настойчиво и энергично борется за эту цель. Ассертивные тенденции в поведении могут трактоваться как стремительность, инициативность, интервенция. Действительно, когда говорят об агрессивном спортсмене, вряд ли имеют ввиду, что этот человек крайне враждебен и склонен к проявлению насилия. Скорее речь идет о полном сил и желания, целеустремленном человеке, стремящемся получить то, на что он справедливо претендует.

Ассертивность, как считает А.Эллис, является наиболее здоровым проявлением агрессии, поскольку она не только желательна, но и просто необходимо, для человеческого выживания.

Доминантность. Агрессивный человек часто доминантен и стремиться к проявлению власти, чем мешает другим самоутверждаться. Доминирование может быть доброжелательным или враждебным, но в любом случае оно антиобщественно в том смысле, что людям, над которыми доминируют – «запрещается жить собственной жизнью», они лишаются свободы выбора и

принятия решения. Со стороны это выглядит как диктаторство, «наезды», запугивание, контролирование, покусительство, порабощение, посягательство, вторжение, тирания. Поскольку поведение доминирующего человека обычно самоутвердающе, можно считать его в некоторой степени здоровым. Однако, часто проявляя диктаторские замашки сверх всякой меры, он вступает в конфликт с окружающими и разрушает межличностные контакты, а потому его агрессивные действия можно квалифицировать как нездоровые.

Ярость. Обычно чрезвычайно враждебный и агрессивный человек в разъяренном состоянии имеет наклонность неудержимо выражать свою злобу на окружающих. Со стороны это выглядит как неистовство, безумие, разгневанность, свирепость, жестокость, бешенство, безудержность и несдержанность. Проявление ярости почти всегда является нездоровым поведением.

Враждебность. Враждебность - одна из наиболее часто встречаемых форм агрессии. Однако, не следует ставить знак равенства между понятиями «агрессивный» и «враждебный» человек. Для враждебно настроенного человека характерны злобность, гневливость, ненависть, злорадство, злонамеренность, подлость, антагонизм, нескрываемая антипатия, требовательность и придирчивость, вспыльчивость и раздражительность, обидчивость и мстительность, стремление оскорбить, чрезмерный критицизм, склонность к наказаниям, неумолимость, недружелюбность. Сходя из этого, враждебность – возможно самый лучший саботажник установления близких, дружественных межличностных отношений – и поэтому она нездорова.

Склонность к оскорблениям. Агрессивный человек часто обращается с другими людьми в оскорбительной манере. При этом он не просто не соглашается с их идеями, а подавляет их, считая их просто идиотскими. Для других это выглядит как презрительность, издевательство, высокомерность, саркастичность и едкость, осмеяние, наглость и грубость, унижение и насилие. Оскорбительное поведение обычно нездоровое, поскольку человек, который действует таким образом почти всегда имеет трудности в налаживании нормальных отношений с окружающими.

Оппозиционность. Агрессивный человек весьма часто противопоставляет себя другим или борется против окружающего его мира. Со стороны это выглядит как блокирование, столкновение, противоречивость, игнорирование, фрустрирование. Хотя люди, отличающиеся оппозиционностью, в целях защиты могут прекрасно отражать атаки других людей, которые направлены против них, и этом смысле добиваться удовлетворения собственных потребностей и достижения поставленных целей

– степень их взаимодействия с окружающими очень не высока, а часто возникающие на их пути преграды и помехи могут выработать привычку вести себя оппозиционно всегда.

Насилие. Агрессивный человек иногда проявляет насилие. Часто агрессивность в сочетании с враждебностью и гневом мотивирует физическое нападение на других людей. У многих насилие ассоциируется с воинственностью, кровожадностью, жестокостью, враждебностью, нанесением ущерба и увечий, вредительством, изнасилованием. Насилие может быть хладнокровным без примеси враждебности (инструментальная агрессия). Когда же насилие сочетается с враждебностью – оно не может быть расценено как здоровое, поскольку блокирует достижение целого ряда основных человеческих целей.

Согласно ***A-B-C – теории*** в жизни каждого человека происходит множество событий ***(А – Активирующее событие)***, на которые он откликается определенными эмоциональными и поведенческими реакциями ***(С – Последствия)***, при этом стилул (событие) не всегда является причиной той или иной реакции (последствия). Скорее всего, в результате посреднического процесса когнитивно–эмоциональной переработки информации о событии ***(В – Система убеждений)***, происходит восприятие и интерпретация Активирующего события. Например, если человек был кем–то обманут (А), испытывает гнев и чувствует себя агрессивно настроенным (С) – он действительно раздражен и возмущен потому что убежден (В), что с ним обошлись несправедливо и нечестно. Более подробная и развернутая схема возникновения агрессии представлена на рисунке (Рисунок 19).

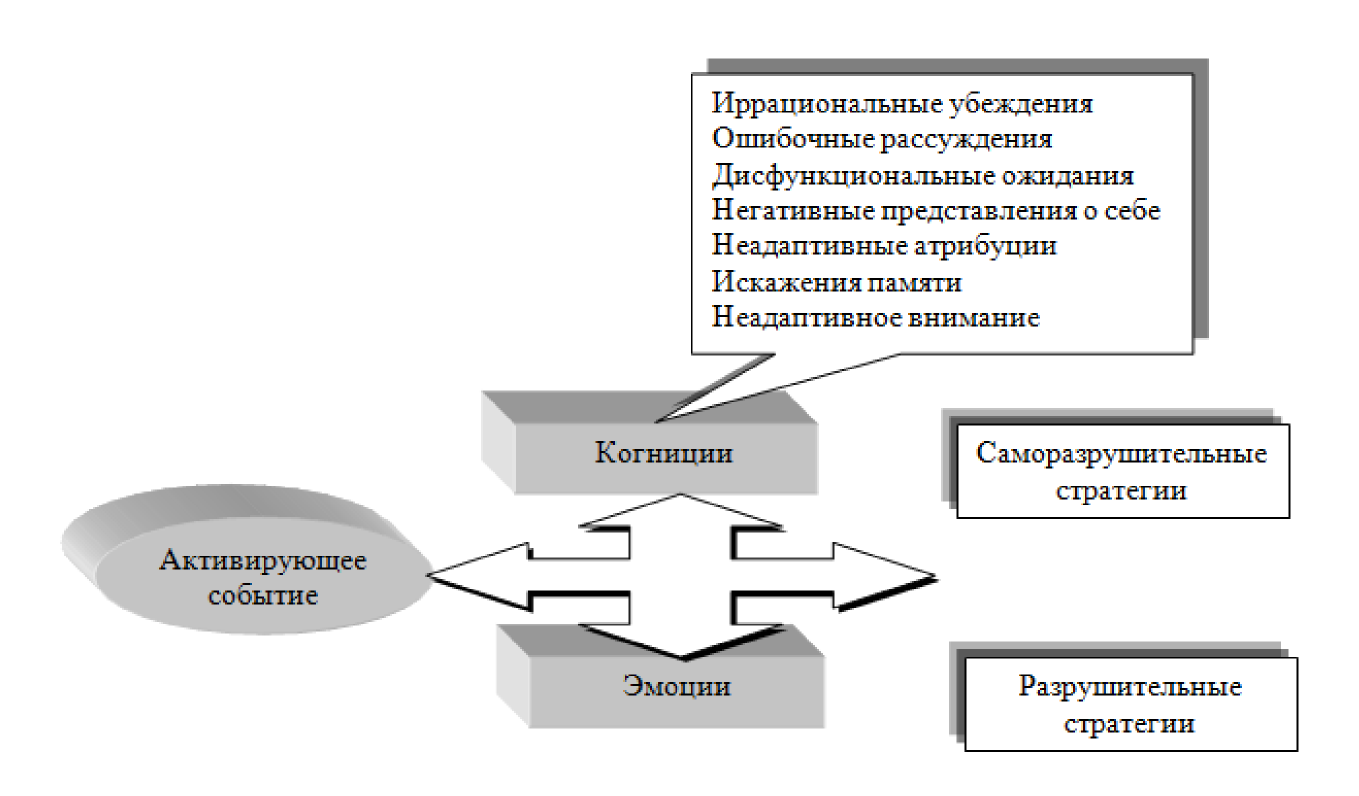

Рисунок 19 – Когнитивная модель агрессии

Значимым является то, что не столь важно каким будет эмоциональное реагирование – соответствующим (когда человек испытывает раздражение по поводу того, что действительно случилось) или несоответствующим (когда человек испытывает гнев по поводу случайного события) – сколько то, какое рациональное (rB) или иррациональная (iB) убеждение вызвало эти эмоциональные последствия. Действительно, эмоции раздражения или досады по поводу обмана могут возникнуть у человека на основе его рационального убеждения: «Я не люблю быть обманутым. Как жаль, что со мною поступили так несправедливо! Поступок, который совершил мошенник, просто отвратителен!». Но точно также в этой же ситуации, человек может испытать гнев или ярость на основе иррационального убеждения: «Со мной нельзя так поступать! Человек, который меня обманул просто грязная скотина и мерзавец!».

Первое убеждение «рационально», потому что логически согласуется с основными потребностями обманутого человека: выживать, быть по возможности счастливым, быть принятым в ближайшем социальном окружении и иметь теплые отношения близкими. Действительно, если человек был обманут, он, вероятно, сохранив способность выживать и участвовать в близких отношениях (хотя не также как мог бы быть способен делать это, если бы не был обманут), будет чувствовать себя не совсем счастливым и

испытывать трудности при общении с окружающими. На основании этого человек и делает логическое заключение, что ему нравится быть обманутым, что это плохо и несправедливо, а поступок мошенника просто отвратителен.

Это убеждение, несмотря на то, что человек считает себя обманутым и испытывает раздражение, является «рациональным», потому что помогает ему достичь основных целей адаптации и получения удовольствия. При этом чувство раздражения и состояние фрустрации будут мотивировать человека быть более внимательным в отношениях с людьми или дистанцироваться от людей, которые обманывают.

Второе убеждение обманутого человека, вызывающее ужас, неверие, что с ним это приключилось, клеймящее мошенника, «иррационалено», поскольку обычно приводит к саморазрушению или существенно затрудняет межличностные контакты. Гнев и ярость, которые сопровождают эти «кипящие» и догматическими мысли, будет чрезмерно распалять человека, разрушая его физически и психосоматически, нарушая мышление и препятствуя решению проблемы. Кроме того, эти эмоции могут приводить к нарушению восприятия окружающих – оценке их как враждебно настроенные, воинственных людей. Поэтому, весьма вероятно, такое отношение действительно может побуждать окружающих поступать с этим человеком несправедливо.

Вызывающие гнев убеждения «иррациональны» еще и потому, что они нереалистичны, нерефлексивны и чрезмерно генерализованы. В случае, когда человек думает, как ужасно быть обманутым, он действительно подразумевает, что это плохо, с точки зрения его ожиданий, которые были обмануты. Но при этом он концентрируется на «вселенском зле», т.е. то, что с ним произошло настолько плохо, что хуже уже не может быть.

Когда человек думает, что не должен был бы быть обманут, он полагает, что существует некий высший закон, который не должен был допустить этого обмана. Он верит, что он есть и этот закон должен был его защитить. Кроме того, когда он считает, что человек, который его обманул – подлец и мерзавец, он подразумевает, что последний не только совершил подлые действия, но и что он подлец «до мозга костей», «никчемный человечишка», не способный на хорошие дела, а по сему должен быть полностью проклят и, что предпочтительнее, гореть в аду. Поэтому, генерализуя эти убеждения, человек начинает считать омерзительными и подлыми, заслуживающими только презрения и ненависти, всех людей, которые его обманули – и это становится непреложным законом его жизни. Очевидно, что такая модель рассуждений неэффективна и пагубна.

Описанная выше модель характерна при возникновении любых здоровых или нездоровых форм агрессии. Например, когда человек в меру любит поспорить, он считает: «Мне не нравится точка зрения моего оппонента. Мне неприятно, что он не соглашаетесь со мной. Поэтому, я буду отстаивать свое мнение и буду пытаться, чтобы оппонент изменил свое!» Но когда человек нездорово оппозиционен и агрессивен, он убежден: «Мнение моего оппонента полный бред. Как он может не соглашаться со мной, ведь моя правота очевидна! Я должен доказать ему, как он неправ!".

Когда человек здорово ассертивен, он убежден «Я хочу только то, что хочу. И я точно знаю, как добиться этого. Конечно, жаль, если это не произойдет. Но это не «конец света»!». Когда человек нездорово доминантен, он убежден: «Я нуждаюсь в том, что хочу! И «кровь из носа» должен иметь это! И, если я не получаю того чего хочу, это будет настолько ужасно, что я готов проявить насилие, но добиться своего».

Когда раздражение человека носит здоровый оттенок, он думает: «Да, я не получаю то, чего хочу! Да, это – «головная боль»! Но я пока это возможно, в разумных пределах буду предпринимать попытки получить, что хочу! Когда человек испытывает нездоровую враждебность и злость, он думает: «Это просто ужасно, что я не имею того, чего хочу! Это просто нестерпимо! Я буду делать все возможное и невозможное, чтобы «сделать» тех паршивых подонков, которые лишают меня того, что я несомненно должен иметь!»

Таким образом, как утверждает А. Эллис, основным критерием для правильного различения между здоровыми и нездоровыми формами агрессии, между нормальным и нарушенным эмоциональным реагированием в целом, является наличие так называемого невротического набора чувств и поведенческих реакций, которые возникают в результате догматического, иррационального и нереалистичное мышления.

Интегративная модель

Разработанная К.А. Андерсоном общая модель агрессии представляет собой интегративную теорию агрессии.

Основные идеи данной модели, состоят в том, что когнитивные структуры или знания полученные из опыта *(а)* влияют на особенности восприятия на различных уровнях, начиная с элементарных визуальных образцов до сложных поведенческих реакций *(б)* могут стать автоматизированными *(в)* и связываясь с эмоциональными состояниями, поведенческими программами и убеждениями *(г)*, могут использоваться для интерпретации поступков других людей и стать причиной поведенческих реакций на влияние окружающей среды *(д)*. К трем особенно релевантным

подтипам этих когнитивных структур относятся *перцепционные схемы,* которые используются для идентификации явления (вне зависимости от того это простые предметы или объекты или сложные социальные события); *личностные схемы,* которые включают убеждения об отдельном человеке или группе людей и *поведенческие сценарии,* которые содержат информацию о том, как люди ведут себя при изменяющихся обстоятельствах. Структуры знания включают и аффективные переживания (C. A.Anderson, B. J. Bushman, 2002).

Общая модель агрессии фокусируется на изучении *эпизода* («человека в ситуации»), который представляет один цикл социального взаимодействия. Этот цикл упрощенно состоит из трех компонентов (Рисунок 20): *на входе* – это личность и ситуация; *в процессе* – это когнитивные и аффективные реакции, а также реакция возбуждения, которые определяются входящими переменными; *на выходе* – это процессы оценки и принятия решения.

К.А. Андерсон к ***личностным факторам***, которые могут стать причиной возникновения агрессии относит:

Черты характера. Считается, что определенные черты личности предрасполагают людей к высокому уровню агрессии. Например было доказано, что определенные типы людей, которые часто ведут себя агрессивно по отношению к другим потому, что имеют враждебные атрибуции, убеждения и ожидания.

Кроме того, было установлено, что индивиды с высокой самооценкой (а не с низкой) являются более агрессивными. Также определенно, что люди с чрезмерно завышенной или нестабильной самооценкой (нарциссического типа) становятся злобными и крайне агрессивными, когда существует угроза их имиджу (R.F. Baumeister et al. 1996, B.J. Bushman, R.F.Baumeister 1998).

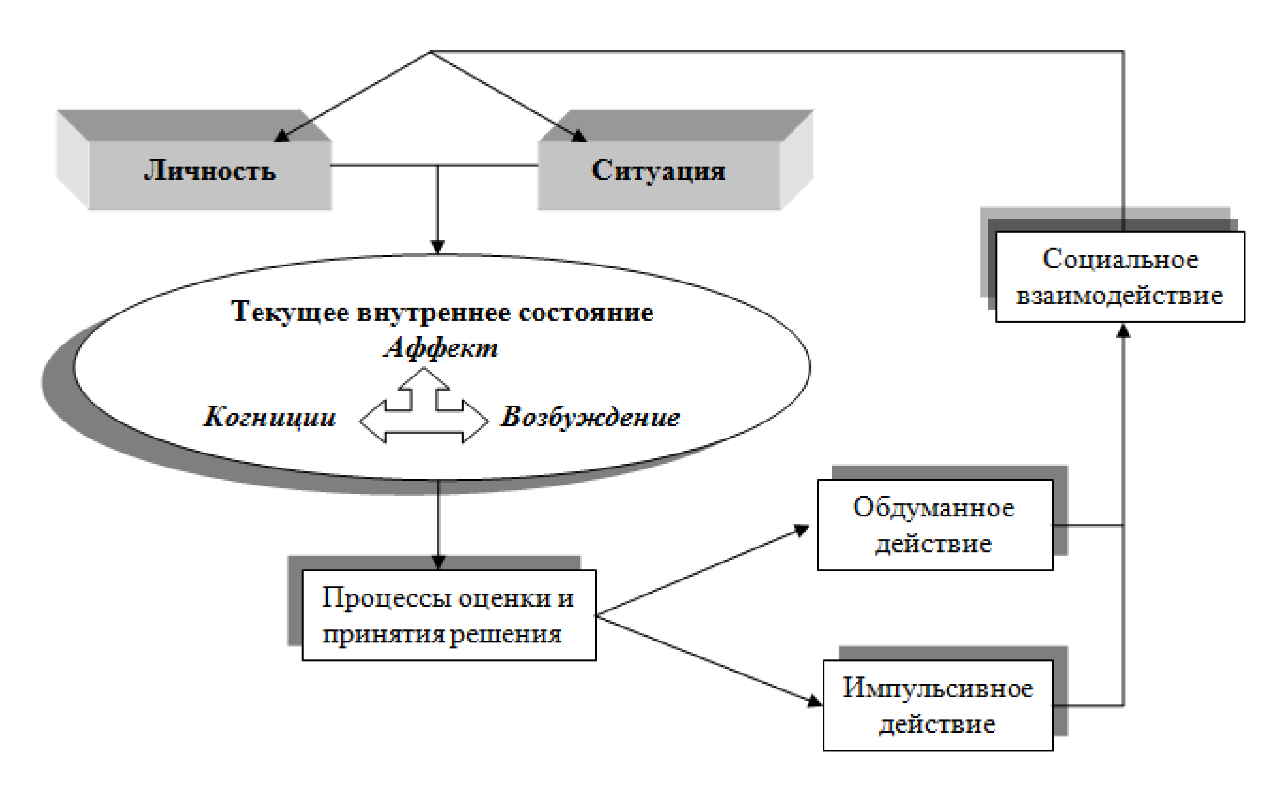

Рисунок 20 – Общая агрессивная модель в эпизодическом процессе (по C.A.Anderson, B. J. Bushman, 2002)

Пол. Криминологическая литература свидетельствует, что мужчины и женщины отличаются по агрессивным тенденциям, особенно, это заметно при сопоставлении совершенных убийств и преступлений насильственного характера с отягчающими последствиями по некоторым данным это соотношение в среднем равно 10:1). Лабораторные исследования также подтверждают существование половых различий. Однако, с той оговоркой, что серьезная провокация может сглаживать половые различия в проявлениях физической агрессии, и что для мужчин и женщин существуют специфические провоцирующие стимулы, после которых возникает агрессия (B.A. Bettencourt, N. Miller 1996). Здесь же следует отметить различия в предпочтениях мужчинами и женщинами тех или иных видов агрессивных действий (K. Oesterman et al., 1998).

Исследования в области психологии развития, связывают существование половых различий в проявлениях агрессии с различным опытом социализации, тогда как эволюционные теории – наличием ключевых гендерных различий. Например, установлено, что мужчин больше беспокоит сексуальная неверность их партнерш, чем эмоциональная неверность, тогда как для женщин характерна обратная реакция (D.C.Geary et al., 1995).

Убеждения. Многие убеждения способствуют возникновению агрессии. Например, те, кто полагает, что они могут успешно совершить определенные агрессивные действия *(самоэффективность)* и что эти действия приведут к

желательные результаты *(эффективность результата)*, намного более вероятно, выберут агрессивные действия чем те, кто не настолько уверен относительно эффективности агрессивных действий. Связанные с агрессией убеждения являются важным предиктором агрессивного поведения (L.R. Huesmann, N.G. Guerra, 1997).

Установки. Установки в целом определяют отношение человека к себе, другим людям, предметам окружающего мира, различным проблемам и трудностям. Позитивные установки в отношении насилия вообще предрасполагают определенных людей к агрессии. Более специфические установки на совершение насилия против определенных групп людей также увеличивают агрессию (например, расовая дискриминация, стигматизация сексуальных меньшинств и др.). Например, насильственные установки против женщин положительно связаны с сексуальной агрессивностью против них (N.M. Malamuth et al., 1995). Кроме того, мужчины, склонные проявлять агрессию против женщин, не вообще агрессивны против всех людей во всех ситуациях; скорее они избирательно агрессивны в отношении тех женщины (но не мужчин), которые провоцируют их (K.B. Anderson, 1996).

Ценности. Ценности как убеждения в том, что должен, а что не должен делать человек играют важную роль в формировании готовности к агрессии. Для многих людей агрессия наиболее приемлемый или предпочитаемый способ разрешения различных конфликтных ситуаций. Например, в некоторых культурах считается не только приемлемым, но и обязательным использование агрессии в случае оскорбления личностного достоинства человека или его близких. Некоторые молодежные группировки рассматривают агрессию как некий кодекс чести и используют ее для поддержания уважения в отношениях с другими группировками (например, футбольные фанаты).

Долгосрочные цели. Это абстрактные цели, которые могут способствовать проявлению агрессии. Например, цель лидера банды состоит в том, чтобы заставить остальных уважаться и бояться его. Эта цель будет укреплять определять его ценности и убеждения, а также детерминировать предпочтения в выборе действий.

Сценарии. Межличностные и поведенческие сценарии, которые человек использует в различных социальных ситуациях, будут создавать предпосылки для агрессивных действий.

К ***ситуативным факторам***, которые могут стать причиной возникновения агрессии относятся (C. A.Anderson, B. J. Bushman, 2002):

Агрессивные стимулы. К агрессивным стимулам относятся любые предметы или объекты, которые ассоциативно связываются с агрессивными

понятиями в памяти. Эту связь подтверждает описанный Л.Берковитцем «эффект оружия». Кроме того, было доказано, что не только присутствие оружия, но и его изображение или словесное его описание может автоматически вызывать агрессивные мысли (C.A. Anderson et al. 1998). К другим ситуативным переменным, которые основываются на коммуникативных сигналах и увеличивают агрессию, относятся телепередачи, кинофильмы и видеоигры насильственного содержания (C.A. Anderson, K.E., Dill 2000, B.J. Bushman 1998).

Провокация. Возможно самой распространенной причиной человеческой агрессии является межличностная провокация. В качестве провокации могут выступать оскорбления, пренебрежение и другие формы вербальной и физической агрессии, попытки вмешаться в действия других людей и пр.

Фрустрация. Если определить фрустрацию как блокировку достижения цели, то большинство провокаций, которые связаны с препятствиями и созданием помех целенаправленным действиям, можно с полным основанием отнести к определенным типам фрустраторов. Даже фрустрация, которая является полностью справедливой, может увеличивать агрессию против фрустрирующего объекта (J.Dill, C.A.Anderson 1995), а также против человека, который ответственен за ограничения достижения цели (R.G. Geen 1968). Кроме того существует возможность проявления смещенной агрессии не на человек, который вызвал начальную фрустрацию (A.Marcus-Newhall et al. 2000, W.C.Pedersen et al. 2000).

Боль и дискомфорт. Различные исследования показывают, что социально неприемлемые условия (например, высокая температура, громкие шумы, неприятные ароматы) усиливают проявление агрессии. Острые болевые ощущения также, увеличивают агрессию.

Наркотики. Различные наркотики и другие вещества типа алкоголя и кофеина могут также увеличить агрессию (B.J. Bushman, 1993). В частности было установлено, что провокация, фрустрация, агрессивные стимулы оказывают наиболее сильный эффект на людей, которые находятся под влиянием наркотиков (B.J. Bushman, 1997).

Внешние побуждения. К факторам, которые усиливают проявление агрессии можно отнести многочисленные объекты, которые люди хотят и желают иметь. Действительно, целая промышленность рекламы направлена на то, чтобы заставлять людей хотеть как можно больше вещей. Увеличивая значение предмета или объекта, реклама изменяет неявное или явное восприятие соотношения стоимости/выгоды, чем провоцирует увеличение инструментальной агрессии. Мгновенное появление стимула, типа денег,

оставленных на столе, может также влиять на агрессию самым непосредственным способом.

Перечисленные выше личностные и ситуативные переменные опосредовано влияют на поведение через ***актуальное внутреннее состояние***, которое они создают. Например, враждебность в совокупности с просмотром киносюжета со сценами насилия могут влиять на появление агрессивных мыслей, агрессивного аффекта и агрессивное поведение.

К сфере ***когнитивного реагирования*** можно отнести:

Враждебные мысли. Некоторые личностные и ситуативные переменные влияют на агрессивное поведение, увеличивая относительную доступность к агрессивным понятиям в памяти. Частая активация понятия делает его хронически доступным, тогда как периодическая, ситуативная активация делает это понятие, доступным лишь в течение короткого времени. Временное увеличение доступности понятия часто называют «прайминг». Некоторые фактор, такие как демонстрация и «смакование» насилия в СМИ, делают агрессивные мысли приоритетными(C.A. Anderson, K.E. Dill 2000, B.J. Bushman 1998).

Агрессивные сценарии. Л.Р. Хьюсманом (L.R.Huesmann, 1998) был достаточно подробно описан механизм, лежащий в основе формирования агрессивных сценариев. Точно так же как враждебная атрибуция, являясь одной из характеристик агрессивных детей, становится основой враждебного сценария действий.

К сфере ***аффективного реагирования*** можно отнести:

Настроение и эмоции. Личностные и ситуативные факторы также могут непосредственно влиять на аффективное состояние человека, готовя почву для последующего агрессивного поведения. Например, причинение боли усиливает состояние враждебности или гнева. Кроме того было установлено, что некомфортные температурные режимы в целом незначительно увеличивают силу переживания отрицательного аффекта и значительно усиливают агрессивный аффект (C.A. Anderson et al. 1996). Просмотр видеоклипов со сценами насилия усиливает враждебные переживания.

Экспрессивные моторные реакции. Это автоматические реакции (в основном мимика и пантомимика), которые сопровождают определенные эмоции. Например, уже в раннем младенчестве неожиданная боль (при уколе) отражается на лице ребенка в виде гримасы гнева. Л. Берковитц (1993) постулировал, что вызывающие отвращение события непосредственно активизируют связанные с агрессией моторные программы. Это согласуется с точкой зрения, что когнитивные структуры (например, сценарии), включают

тенденции действия, которые активизируются всякий раз, когда принимается решение действовать.

Возбуждение может влиять на возникновение агрессии тремя способами. Первый, когда возбуждение из нерелевантного источника может активизировать или усилить доминирующую тенденцию действия, включая агрессивные тенденции. Если человек подвергся провокации или его подстрекают к совершению насилия во время сильного возбуждения, то агрессии не миновать. Второй, когда возбуждение, вызванное нерелевантными источниками, не идентифицируется как гнев в провоцирующей ситуации, приводит к мотивированному гневом агрессивному поведению. Третий, когда высокий и низкий уровни возбуждения могут вызывать болевые ощущения, и тем самым стимулировать агрессию наряду с другими аверсивными стимулами.

Когнитивные, аффективные процессы и возбуждение связаны между собой. Взаимодействие этих процессов создают предпосылки для ***оценки ситуации и принятия решения***. При этом автоматические процессы обеспечивают «непосредственную оценку», тогда как управляемые процессы – «переоценку». В результате процесс принятия решения определяет завершающее действие в отдельном эпизоде, которое вплетается в общую схему социального взаимодействия (Рисунок 21).

Непосредственная оценка является автоматической, то есть относительно легкой, спонтанной и не требующей понимания. В зависимости от обстоятельств, непосредственная оценка может быть различной. Например, если в переполненном транспорте толкнуть разозленного человека, то он может воспринять эти действия как агрессию. Однако если он думает о том, как трудно всем находиться в переполненном транспорте, то толчок может быть воспринят как случайное следствие этой ситуации. Текущее внутреннее состояние в значительной степени определяет тип автоматического реагирования. И конечно же совокупность личностных и ситуативных факторов будет определять текущее внутреннее состояние.

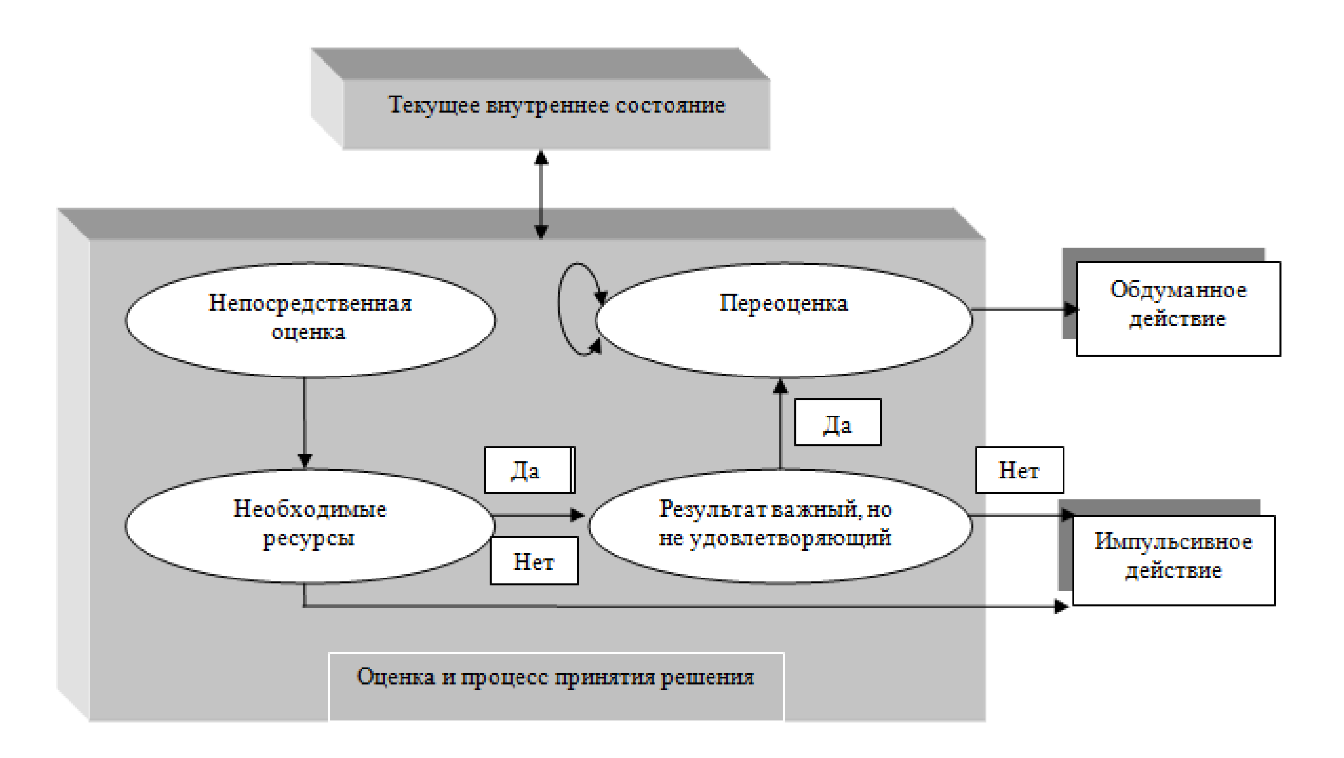

Рисунок 21 – Общая модель агрессии: процессы оценки и принятия решения (по C.A.Anderson, B. J. Bushman, 2002)

При непосредственной оценке учитываются эмоциональный фон, цель действий и намерение. Агрессивная оценка может включать, связанные с гневом эмоциональные переживания, в качестве цели – возмездие и определенное намерение достичь эту цель. Однако окончательная реакция у разных людей будет вариативной, в зависимости от черт личности, сформированных в процессе социализации, или от того, какие когнитивные структуры являются в настоящее время самыми доступными.

Непосредственная оценка зависит и от других ресурсов. Если человек имеет достаточные ресурсы (время, когнитивные способности) и если результат оценки является важным, но неудовлетворяющим, то человек предпринимает попытку переоценки. Иными словами, импульсивные действия, которые может быть агрессивным или неагрессивным зависят от содержания непосредственной оценки.

Переоценка предусматривает поиск альтернативной точки зрения на ситуацию. Это может включить поиск релевантной информации о причине события, анализ воспоминаний и особенностей существующей ситуации. Переоценка процесс достаточно длительный, так как рассматриваемые альтернативы могут обсуждаться и не приниматься. В некоторый момент этот цикл обдумывания завершается и принимается решение действовать тем или иным способом. Например, если в результате переоценки возникает убеждение, что толчок был преднамеренным, то человек может ответить на

него продуманным, расчетливым или эмоциональным агрессивным действием. Действительно, переоценка может увеличить уровень гнева, поскольку может актуализировать воспоминания о прошлых обидах или потому что угроза социальному имиджу становится очевидной.

С помощью общей модели агрессии К.А. Андерсон пытается описать многие феномены возникновения агрессивного поведения. В частности к такой попытке относится объяснение влияния сюжетов и видеоигр насильственного содержания на агрессивность детей.

Социально–интеракционистская модель

Модель социального взаимодействия (J.T.Tedeschi, R.B. Felson, 1994) интерпретирует агрессивное поведение (или принудительные действия) как социальное поведение влияния, когда субъект использует принудительные действия, чтобы вызвать некоторые изменения в поведении объекта. Принудительные действия могут использоваться человеком, чтобы получить какие-то ценности (например, информацию, деньги, товары, секс, обслуживание, безопасность), с целью совершения возмездия, устранения несправедливости, ошибок или с тем, чтобы восстановить социальный статус и собственную идентичность (например, значимость, компетентность). Согласно этой теории, субъект (или иначе *актор*) – это лицо, принимающее решение, выбор действий которого определяются ожидаемыми вознаграждениями, затратами и вероятностью достижения результата.

Понятию принудительного действия отдается предпочтение по сравнению с традиционным понятием агрессии потому, что: а) оно несет меньшую нагрузку ценностных оценок, позволяет избежать характеристики причинения вреда как законного или незаконного деяния; б) включает в себя угрозы и наказания, равно как и применение физической силы в качестве важных способов причинения вреда или достижения покорности несогласного целевого субъекта.

Социально–интеракционистская модель в основном концентрируется на инструментальной функции принудительных действий, агрессии. Ее авторы утверждают, что методы принуждения используются действующим субъектом с целью причинить своему объекту вред или заставить его исполнять определенные требования ради достижения трех основных целей:

- чтобы контролировать поведение других людей;
- восстановить справедливость;
- отстоять свою репутацию.

Принудительные действия рассматриваются как последствия процесса принятия решений, при котором действующий субъект сначала решает использовать меры принудительного воздействия, а не ненасильственные

способы, а затем выбирает из ряда доступных вариантов конкретный вид принуждения. Например, родитель, цель которого состоит в том, чтобы заставить ребенка выполнять все его распоряжения, должен сначала решить, следует ли ему использовать ненасильственную форму социального воздействия, например убеждение, или стратегии принуждения, например угрозы или причинение физического вреда. Если принимается решение в пользу принудительного воздействия, следующим шагом будет выбор конкретного вида принуждения, который эффективнее всего в достижении намеченной цели.

Ядро теории составляют три формы принудительного действия:

а) ***угроза***, т. е. сообщение объекту воздействия о намерении причинить ему вред, с особым ударением на ультимативном характере угрозы, который ставит причинение вреда в зависимость от отказа человека уступить определенным требованиям;

б) ***наказание***, т. е. действие, осуществляемое с намерением причинения человеку вреда;

в) ***физическая сила***, т. е. использование физического насилия с целью подчинить ущерб себе или ограничить поведение другого человека.

Выбор метода принуждения определяется стремлением добиться определенного непосредственного или «ближайшего» результата, который в свою очередь мотивирован намерением достижения имеющей большую ценность конечной цели (Рисунок 22). Например, даже враждебная агрессия могла бы иметь некоторую рациональную цель – наказание провокатора с тем, чтобы в последующем снизить вероятность будущих провокаций.

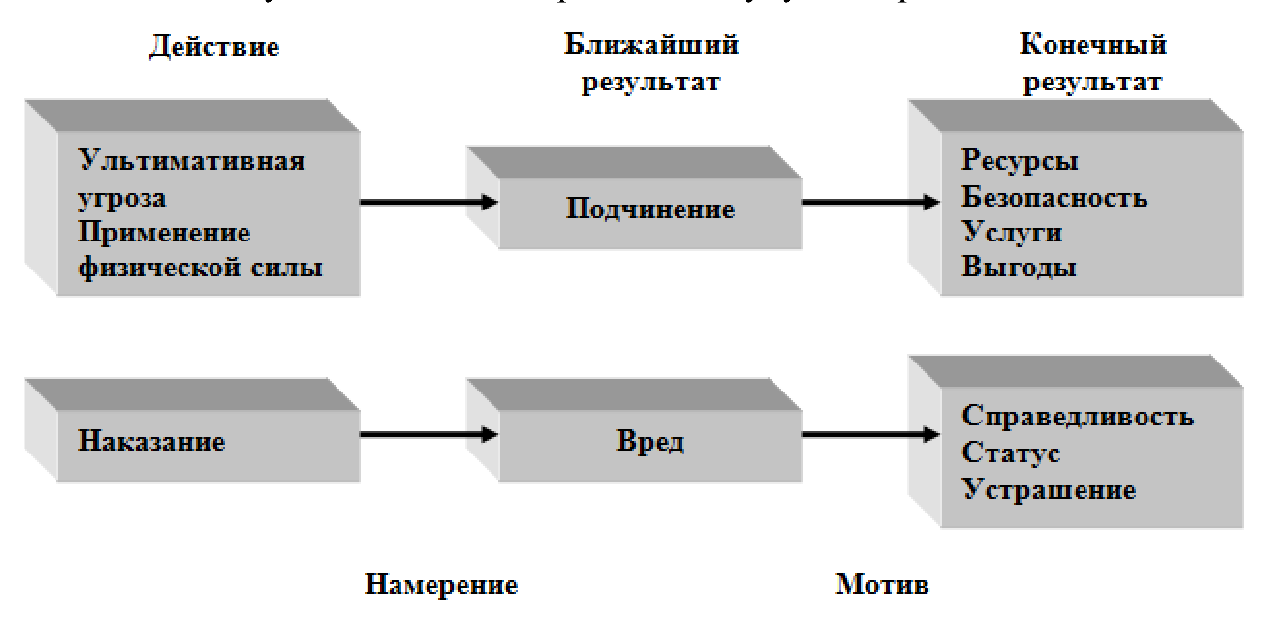

Рисунок 22 – Социально–интеракционистская модель принудительных действий (по J.T.Tedeschi, R.B. Felson, 1994)

Решение человека применить угрозы или физическую силу рассматривается как вызванное намерением действие добиться от человека, на

которого нацелено воздействие, выполнения определенных требований. Однако это подчинение не является самоцелью: намерение его добиться мотивировано желанием достижения конечного результата, например, заставить человека отдать какие-то ресурсы или оказать проявляющему агрессию субъекту какие-либо услуги. Наказание же, напротив, осуществляется в форме принудительного действия с намерением причинить человеку вред и с конечной целью восстановления справедливости, защиты чьего-либо социального статуса или удержания человека путем его устрашения от определенных нежелательных действий.

Социально–интеракционистская модель опирается на несколько теоретических направлений, которые уже рассматривались. Важную роль в процессе принятия решения имеет сопоставление затрат и выгод, связанных с каждым из возможных вариантов действия. Актор обдумывает субъективную ценность намеченной цели, вероятность ее успешного достижения с помощью определенного действия, а также величину и вероятность потенциально возможных негативных последствий. В оценке вероятности различных резулььтатов, а также связанных с ними затрат и выгод важнейшую роль играет опыт подобных ситуаций в прошлом. Кроме того, установки и ценности субъекта определяют, приемлемо ли определенного рода поведение, например телесное наказание детей или физическое насилие над женщиной, в качестве стратегии принуждения. Еще одним важным фактором является то, насколько сценарии различных видов принудительных и непринудительных тактик поведения для субъекта являются когнитивно достижимыми. Например, если человек обычно применяет принудительные методы, то в новой ситуации принуждения их сценарий будет активирован с большей легкостью, поскольку в прошлом они повторялись чаще, чем другие.

В рамках данного подхода агрессия, интерпретируемая как определенная форма принудительных действий, представляет собой лишь одну из потенциально возможных стратегий влияния. При этом индивид в процессе рационального выбора решает, следует ли в данной ситуации применять эту стратегию поведения. Следовательно, человек воспринимается не как субъект, побуждаемый к агрессивному поведению инстинктами или сильным негативным аффектом, а как субъект контролирующий собственный репертуар агрессивных реакций и способный выбирать альтернативы неагрессивного характера.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите агрессивные «новообразования» уребенка на различных стадиях психосексуального развития?

2. Какие пути реализации агрессивного мотива рассматривал А. Адлер?
3. Дайте характеристику человеку с «направленностью против людей»?
4. Сколько разновидностей агрессивного поведения выделял Э. Фромм?
5. Какое место отводится эффекту катарсиса во фрустрационной теории?
6. Диапазон, каких негативных условий, по мнению Л. Берковица, могут спровоцировать агрессию?
7. Назовите разновидности типов агрессивного поведения в теории И.А.Фурманова?
8. В чем суть теории переноса возбуждения?
9. Охарактеризуйте три вида поощрений и наказаний, регулирующих агрессивное поведение в теории социального научения?
10. Назовите адаптационные проблемы, с которыми сталкивается человек в процессе эволюции?
11. Что такое сценарий поведения?
12. Опишите феномен «предвзятой атрибуцией враждебности»?
13. В чем различия в здоровой и нездоровой агрессии?
14. Обозначте основные идеи интегративной модели агрессии?
15. Какие три формы принудительного действия составляют ядро модели социального взаимодействия?

РАЗВИТИЕ АГРЕССИИ В ОНТОГЕНЕЗЕ

Агрессивные действия у людей можно наблюдать уже с самого раннего возраста. Исследование показывают, что наиболее частыми причинами человеческой агрессии вне зависимости от возраста являются стремления к совершению возмездия, несоблюдение «правил игры» и намерения завладеть игрушками, вещами (имуществом) и/или территорией (J.H.Laub, J.L. Lauritsen, 1998).

Возрастные особенности проявления агрессии

В младенческом возрасте агрессия проявляется почти исключительно в импульсивных приступах упрямства, часто не поддающихся управлению взрослых. Выражается это чаще всего вспышками злости или гнева, сопровождающихся криком, «брыканием», кусанием, щипанием, драчливостью.

Практически во всех культурах агрессивные проявления отмечаются в очень раннем возрасте и не имеют гендерных различий.

Сердитые выражения лица уже наблюдаются у большинства младенцев 4–7 месяцев (C. Stenberg, et. al., 1983). Агрессивные действия в межличностных отношениях (хотя невозможно даже предположить, что за ними стоит намерение навредить) появляются чуть позже. Например, протест и агрессивные реакции в ответ на провокацию (например, отбирание игрушек) являются достаточно частыми (M. Caplan, et. al., 1991), а собственно физическая агрессия с целью достижения инструментальных целей появляется только к 1–3 годам жизни (R. E. Tremblay, et. al., 1996).

Многочисленные исследования показывают, что в возрасте от 9 месяцев до 30 месяцев пропорция детей, которые использует физическую агрессию существенно увеличивается, а пик вспышек гнева и физической агрессии приходится чаще всего на возраст между 18 и 42 месяцами (R. E. Tremblay, 2004).

Причиной такого поведения, с одной стороны, может являться блокирование желаний или намеченной программы действий в результате либо ненадлежащего ухода родителями за ребенком, либо применения ими воспитательных воздействий (когда ограничивают или сдерживают получение удовольствия, ребенок сопротивляется и становится упрямым и враждебным).

Как показывают исследования, в большинстве случаев еще одной из основных причин физической агрессий младенцев и малышей является гнев, вызванный или чем-то (кем-то), препятствующим получению ребенком того, что он хочет, или просьба ребенку сделать что-то, что он не хочет делать.

Кроме того, реакции избегания пристального взгляда, дистресса и отказа от взаимодействия, вероятно, также являются проявлением недовольства в ответ на навязчивое или очень отстраненное материнское поведение, которое, например, демонстрируют женщины, страдающими от послеродовой депрессии (т. Field et al., 1988). Такая форма сопротивления навязчивой или непоследовательной заботе может привести к опасным отношениям привязанности (м. Ainsworth, et al., 1978).

Существует даже точка зрения, что эволюционный процесс дал людям генетическую программу, которая кодирует основные механизмы реагирования на голод и на угрозу. В этих ситуациях мускулы маленьких детей активизируются, когда необходимо убежать, толкнуть, пнуть, захватить, ударить, бросить и громко закричать, особенно, если ребенок голод, сердит или сильно привлечен чем-то.

С другой стороны, как отмечает А.Фрейд, для самых маленьких детей характерны каннибалические желания, сопровождаемые агрессией. Однако агрессивные проявления в этом возрасте означают не больше, чем моторно-аффективный процесс «отвода» инстинктивных побуждений, для которых нет никакого другого выхода.

Агрессивные действия младенца первоначально направлены на него самого, когда он царапает и кусает сам себя. Однако уже в первый месяц жизни происходит «разворот» агрессии вовне. В этом случае, когда младенец еще не способен четко различать внутреннее и внешнее – он может жестоко обращаться с материнской грудью, лицом, руками или волосами, так как будто они являются частями его собственного тела.

Поэтому в ситуации, когда активность ребенка, вызвана состоянием дискомфорта, фрустрации или беспомощности, такое его поведение можно считать условно агрессивным, так как оно непроизвольно, а, следовательно, у ребенка не может быть намерения причинить ущерб окружающим. Оно скорее является выражением неудовольствия.

В период раннего возраста на первый план все активнее выдвигаются конфликты и ссоры с ровесниками, связанные с обладанием вещами, чаще всего игрушками. Доля таких конфликтов у полуторагодовалых детей составляет 78% . Наблюдения за взаимодействием детей в детских садах показали, что 25% действий приходится на физическую агрессию, например, когда один ребенок отталкивает другого и берет его игрушку (R. E..Tremblay, 2000).

В этот же период развития более чем в пять раз возрастает число случаев использования детьми физического насилия, вспышки ярости становятся более целенаправленными и в поведении ребенка отчетливо прослеживается

реакция нападения. Вероятно, это связано с преобладающими на данном возрастном этапе механизмами адаптации ребенка, а именно: «удержанием и отпусканием» (по Э. Эриксону). Конфликты между «обладать» и «отдавать» могут вести либо к враждебным, либо к доброжелательным ожиданиям и установкам. Поэтому удержание может становиться как деструктивным с грубым захватом или задержанием, так и превращаться в способ заботы: иметь и сохранять. Отпускание также может превращаться в стремление давать волю своим разрушительным страстям или же становиться пассивной готовностью оставлять «все как есть»и полагаться на естественный ход событий .

Опыт работы с детьми этого возраста показывает, что подавляющее большинство детей 1,5–2–летнего возраста добровольно не отдают собственных игрушек или делают это, только уступая авторитету родителей, но всегда с явной неохотой, обидой или плачем. И самое главное, что как только появляется возможность – они стремятся, часто с применением физической силы, вернуть эти игрушки себе.

Это наводит на размышления о том, что ребенок включает собственные вещи, в том числе и игрушки, во внутренние границы «Я» и рассматривает их, как части самого себя. Недифференцированность и слияние всех частей «Я» приводит к невозможности установления контакта с окружающими в этой сфере отношений. Поэтому, естественно, что ребенок будет воспринимать просьбу мамы «Дай поиграть свою машинку этому мальчику!» почти как эквивалентную – «Оторви руку и дай ее поносить другому ребенку!». Понятно, что реакция будет вполне предсказуемой.

Более того, наблюдения за конфликтами детей во время игровой деятельности позволяют выдвинуть предположение о том, что каждый ребенок имеет собственный круг игрушек, которые он включает во внутренние границы «Я». Избирательность ребенка в отношении игрушек очевидна и представляет сама по себе некоторую диагностическую и психотерапевтическую ценность (И.А. Фурманов, 1996).

По нашему мнению, конфликты между детьми, связанные с обладанием вещами и игрушками, возникают, когда эти границы пересекаются, т.е. несколько детей «кладут глаз» на одну и ту же игрушку или один из детей пытается расширить свои границы путем экспансии (захвата) чужих игрушек (Рисунок 23).

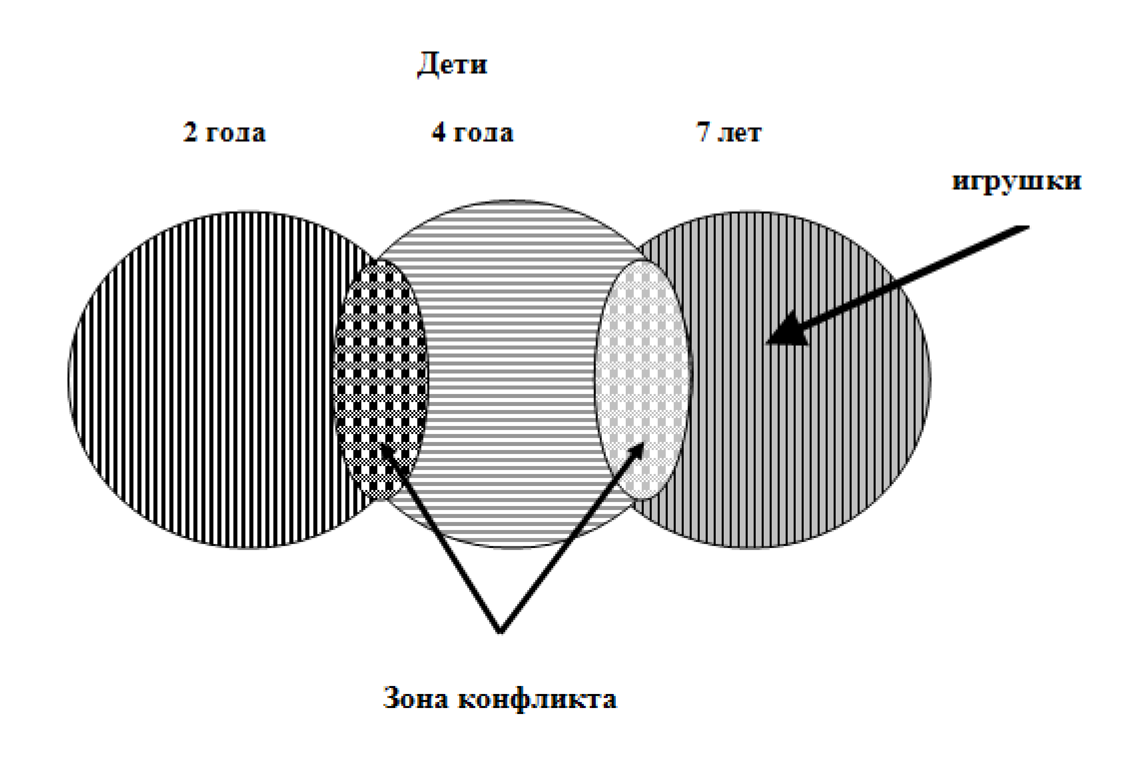
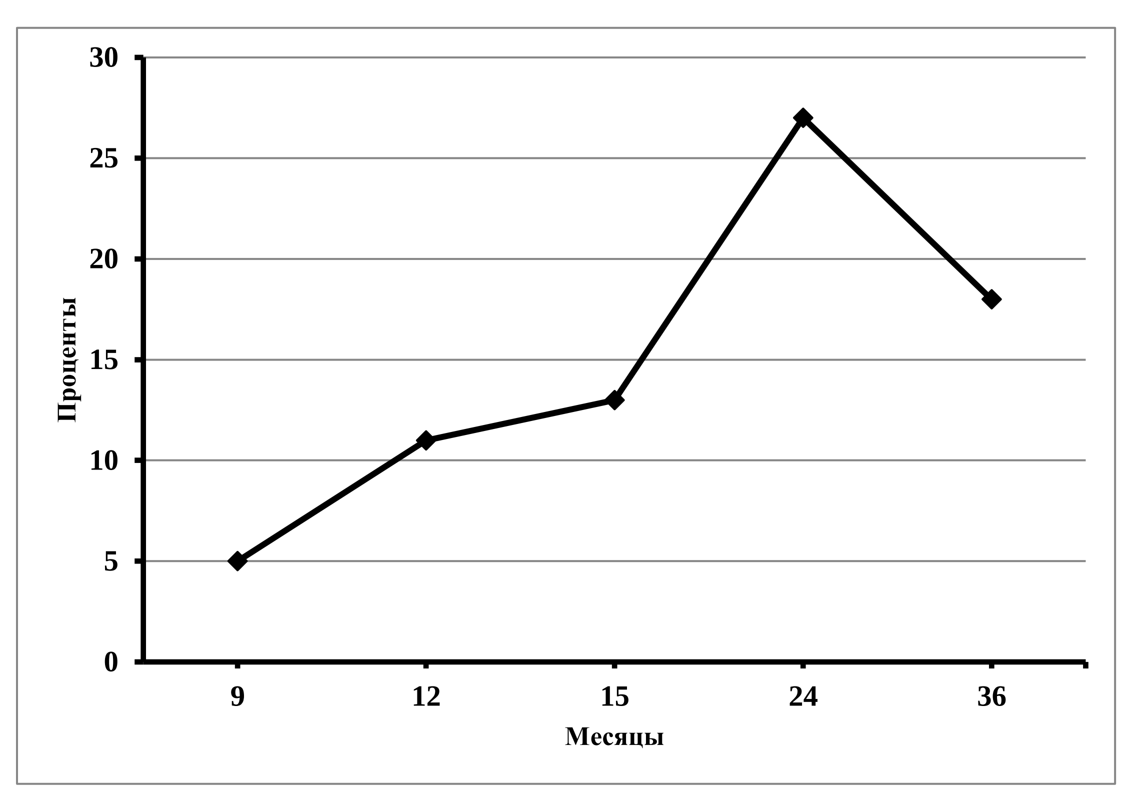

Рисунок 23 – Конфликтное взаимодействие между разновозрастными детьми в отношении игрушек

В дальнейшем, ближе к трем годам, ребенок постепенно научается контролировать свои агрессивные импульсы и выражать их в приемлемых рамках. Так исследования показывают, что относительная частота физической агрессии увеличивается с первого года после рождения ко второму, и затем уменьшается. Также было обнаружено, что физические нападения увеличивались с 12 до 30 месяцев, и затем уменьшались с 30 до 42 месяцев (M. C. Holmberg, 1977).

Изменяется также и агрессивное поведение детей при взаимодействии со сверстниками. Данные свидетельствуют о том, что физическая агрессия представляет собой каждое четвертое действие в социальном взаимодействии (Рисунок 24). Однако, как показывают эти же исследования, действия

просоциального или нейтрального характера в поведении детей раннего возраста все же превалируют над физически агрессивными (A. Restoin, et. al., 1985). Кроме того даже та физическая агрессия, которая проявляется малышами, не является настолько тяжелой, чтобы трактовать ее как насилие. В этом возрасте дети не могут причинить ощутимый ущерб жертве, будучи слишком маленькими и слабыми и, в придачу, легко контролируемыми.

Рисунок 24 – Частота агрессивных действий в отношении сверстников в возрасте от 9 до 36 месяцев (по A. Restoin et. al., 1985)

Проявления агрессивности в этом возрасте главным образом зависят от реакции и отношения родителей к тем или иным формам поведения. Если родители относятся нетерпимо к любым проявлениям открытой агрессии, то в результате могут формироваться символические формы агрессивности, такие как нытьё, фырканье, упрямство, непослушание и другие виды сопротивления.

Характерно, что в этом возрасте усиливается «исследовательский инстинкт» и значительно расширяются социальные контакты ребенка. В то же время ребенок сталкивается с целой системой, новых для его опыта запретов, ограничений и социальных обязанностей. Невольно, попадая в конфликтную ситуацию между ненасытной любознательностью, спонтанным интересом ко всему новому и необычному и родительскими запретами, ребенок испытывает сильнейшую депривацию – ограничение возможности удовлетворения своих потребностей. И воспринимает эту ситуацию как акт отвержения со стороны родителей. Невозможность разрешения этого конфликта приводит к тому, что у него появляется злость, отчаяние, агрессивные тенденции. Однако если раньше на агрессивность ребенка родители реагировали лаской, отвлечением внимания, попытками свести все дело к шутке, то теперь они чаще прибегают к угрозам, лишениям удовольствий, изоляции. Ребенок задумывается, как же ему реагировать на усиливающиеся санкции со стороны родителей, как вести себя дальше, чтобы родительская контрагрессия была по возможности минимальной. И чаще всего ребенок не находит выход из создавшегося

положения. Это может привести к всевозможным психическим расстройствам, которые проявляются в некоторых реакциях ребенка: он теряет аппетит, перестает проситься на горшок, тревожно спит.

В раннем дошкольном и дошкольном возрасте достаточно обоснованно принято считать, что проявления агрессивности во многом связаны с процессами поло–ролевой идентификации ребенка или особенностями «Эдиповой ситуации» в семье. В частности, использование техники «Doll–play» (когда ребенок играет в куклы, представляющих членов семьи) позволило установить, что игра мальчиков отличается большей агрессивностью к куклам, чем игра девочек. Наибольшая агрессия у мальчиков наблюдалась к кукле «отца», а наименьшая к кукле «матери», у девочек–наоборот. Было также замечено, что мальчики, имеющие отца, проявляют больше агрессивности, чем мальчики, выросшие без отца. В семьях, где нет отца, основы мужских черт у сыновей возникают медленнее и мальчики – менее агрессивны и более зависимы. При этом следует заметить, что родители, в свою очередь, начинают занимать и более дифференцированную позицию в отношении ребенка, то есть, воспринимают его не только как «ребенка», но и как «мальчика» или «девочку».

Влияние ближайшего окружения и процессов осознания собственной половой принадлежности на формирование агрессивных форм поведения очень хорошо можно проследить, если сравнить поведение мальчиков и девочек. В частности, отмечается, что если в 2–летнем возрасте в арсенале средств проявления агрессивности мальчиков и девочек примерно в одинаковой пропорции встречаются плач, визг и взаимные шлепки, то к 4 годам фрустрация, неудачи вызывают у них неодинаковую реакцию: мальчики большей частью дерутся, а девочки визжат.

Кросскультурные исследования показывают, что если взять наиболее простые и часто встречаемые формы детской агрессии, как–то: реакции обидеть или ударить, то у детей в возрасте от 3 до 11 лет можно наблюдать в среднем по 9 агрессивных актов в час. Из них 29% составляют непосредственные ответные реакции на нападение противоположной стороны. Причем эта доля остается практически постоянной и изменяется лишь в зависимости от пола и составляет 33% у мальчиков и 25% у девочек. С возрастом происходит также смена форм агрессии: частота простого физического нападения уменьшается за счет роста более «социализированных» форм таких, как оскорбление или соперничество.

Схожие данные были получены и в других исследованиях. В частности, было установлено, что в ходе психического развития происходит преобразование агрессивных реакций, сопровождаемых гневом (Таблица 1).

Таблица 1 – Соотношение и динамика реакций гнева у детей (по Ф.Л. Гуденаф, 1931)

Возраст	**Менее года**	**От 1 года до 2 лет**	**От 2 до 3 лет**	**От 3 до 4 лет**	**От 4 до 8 лет**
Взрывные реакции гнева (в%)	88,9	78,4	75,1	59,9	36,3
Направленные реакции гнева (в%)	0,7	6,3	10,6	25,6	28,0

В старшем дошкольном и младшем школьном возрасте часто встречается такая форма поведения, в которой наблюдается агрессия, как «игры-потасовки». Эти игры особенно популярны у мальчиков. Они как правило сопровождаются ударами, преследованием друг друга, борьбой, что обычно сильно раздражает родителей и педагогов.

Однако, по всеобщему признанию, такое поведение едва ли можно признать агрессивным. Во-первых, такая «возня» детей – это всего лишь форма игры, и как всякая игровая активность – является добровольной, приносящей детям удовольствие. Если понаблюдать за такой игрой детей, то часто можно увидеть улыбку на их лицах (чего не скажешь о выражении лица человека действительно подвергающегося насилию). Кроме того, если ребенку это неприятно и он испытывает страдания, то логичным было бы стремление избежать общения с агрессором, а не затевать с ним очередную «кучу-малу».

Во-вторых, «игры-потасовки» обеспечивают детям развитие определенных позитивных функций, например, двигательных способностей, навыков социальной аффилиации и сотрудничества, умений совместно решать проблемы и пр.

В третьих, хотя «игры-потасовки» и являются очень распространенной детской формой выражения агрессии, они редко мотивированы стремлением умышленного нанесения ущерба партнеру. Это изредка случается по неосторожности, из-за недостаточного моторного контроля или в случае низкой социальной компетентности.

В-четвертых, ребенок с сильно выраженной агрессией и стремлением обидеть других детей со временем лишается возможности быть участником «игр-потасовок», т.к. в большинстве случаев другие дети начинают избегать его или не принимать в игру.

Психологическую основу таких игр составляют желание повеселиться, разрядиться и удовлетворить те потребности, которые блокированы в реальной жизни.

Однако неадекватное восприятие таких игр взрослыми, родителями и педагогами может привести к пагубным для них последствиям.

В школьном возрасте еще более четко прослеживается существование значимых половозрастных различий в способах выражения агрессивности мальчиками и девочками (8–ми, 11–ти, 15–ти лет). Так было обнаружено, что девочки двух старших возрастных групп используют в основном непрямые способы агрессивного поведения в отличие от мальчиков, прибегающих к прямым способам агрессивного поведения. (Рисунок 25). Выявлено, что способность к использованию непрямых способов агрессивного поведения формируется у девочек к 11–летнему возрасту. А в целом в возрастной группе 11 лет дети наиболее высоко оценили себя по уровню агрессии.

Вышеизложенное подтверждается данными и других экспериментальных исследований. В частности, изучалось влияние социализации на соотношение вербальной (замечания, выговоры, угрозы, сплетни, оскорбления, обвинения, критика) и физической (нападения, драки) агрессии детей различного возраста. Данные свидетельствуют, что у дошкольников и младших школьников соотношение форм выражения агрессии прямо противоположно: у мальчиков преобладает физическая агрессия, в то время как у девочек вербальная. Позднее у мальчиков младшего подросткового возраста тенденция изменяется: вербальная агрессия становится доминирующей, и, кроме того, они чаще прибегают к словесному способу выражения негативных чувств, чем девочки того же возраста. Вместе с тем отмечается и одна примечательная особенность поведения детей: с возрастом агрессивность детей все больше приобретает враждебную окраску.

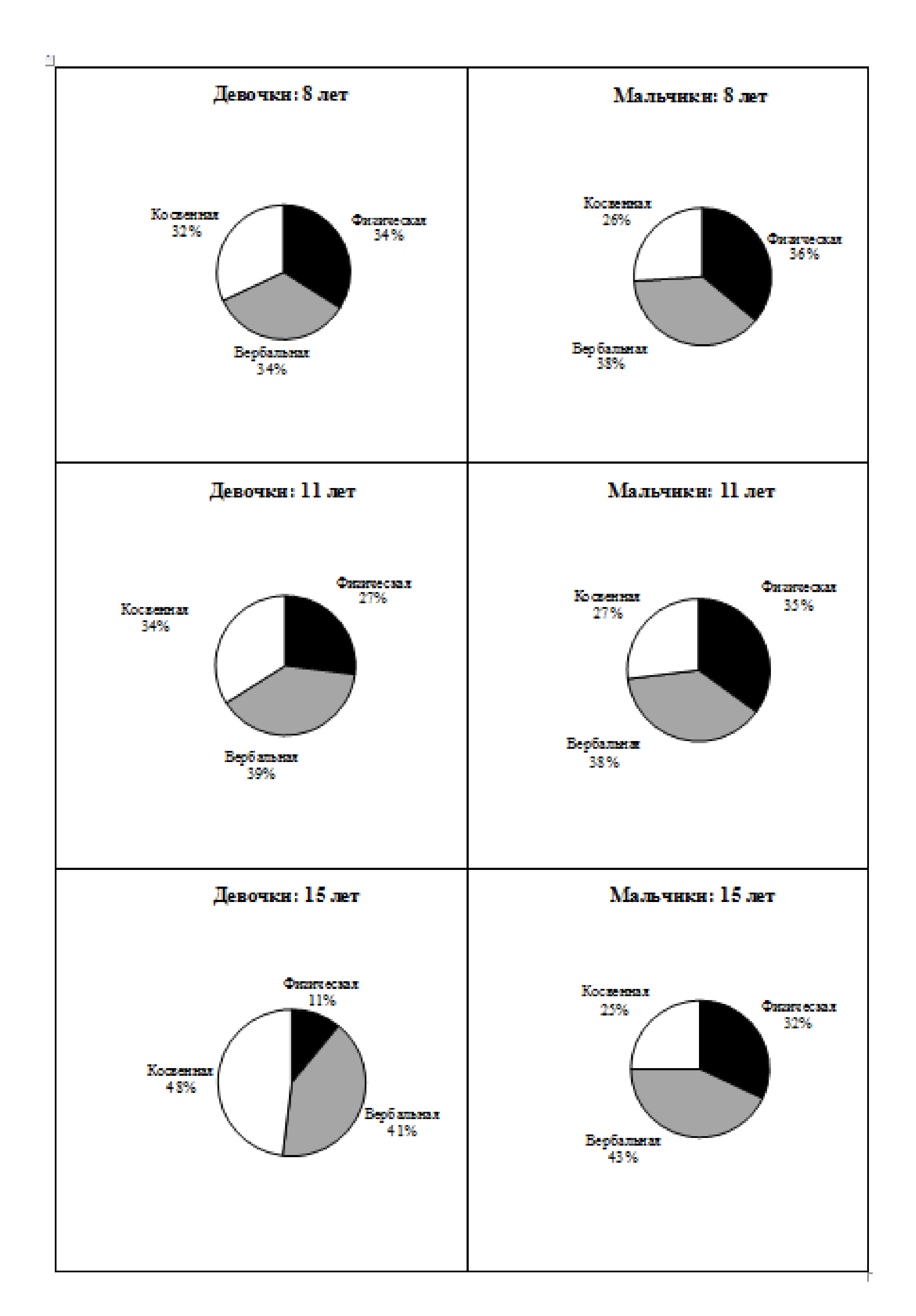

Рисунок 25 – Возрастная и гендерная динамика проявлений физической, вербальной и косвенной агрессии (по K. Osterman, et al., 1998)

Другими исследованиями также выявлены, различия в проявлении агрессивности у подростков на различных стадиях этого возраста (Таблица 2).

Таблица 2 –Проявление различных форм агрессивности у подростков 10-15 лет в процентном соотношении (по Л.М.Семенюк, 1994)

Возрастные группы	Форма агрессии (в %)			
	Физическая	Косвенная	Вербальная	Негативизм
10–11 лет	49	32	44	45
12–13 лет	56	48	51	64
14–15 лет	61	51	72	65

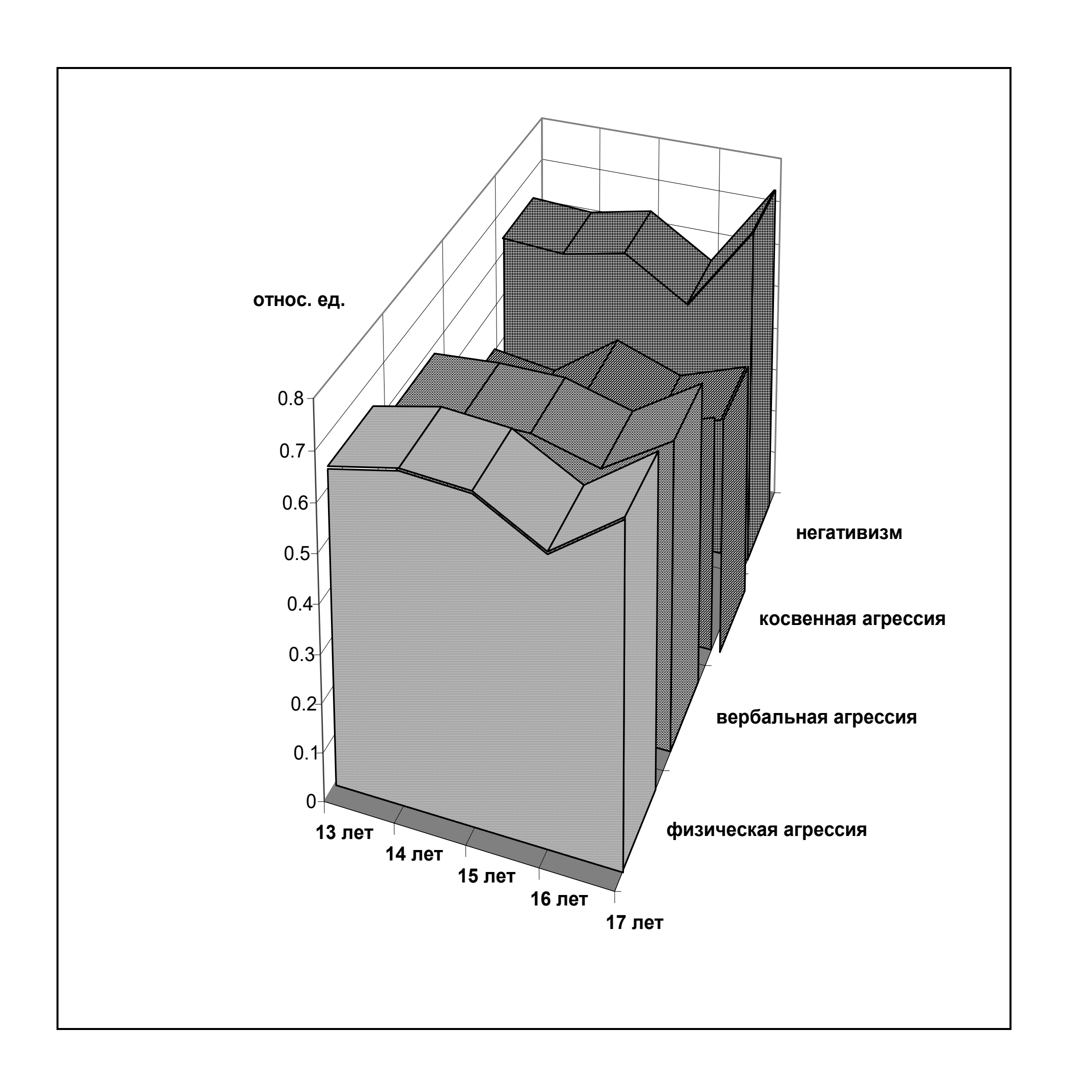
Кроме того, были установлены половозрастные различия в соотношении проявлений разных форм агрессивности (Таблица 3.).

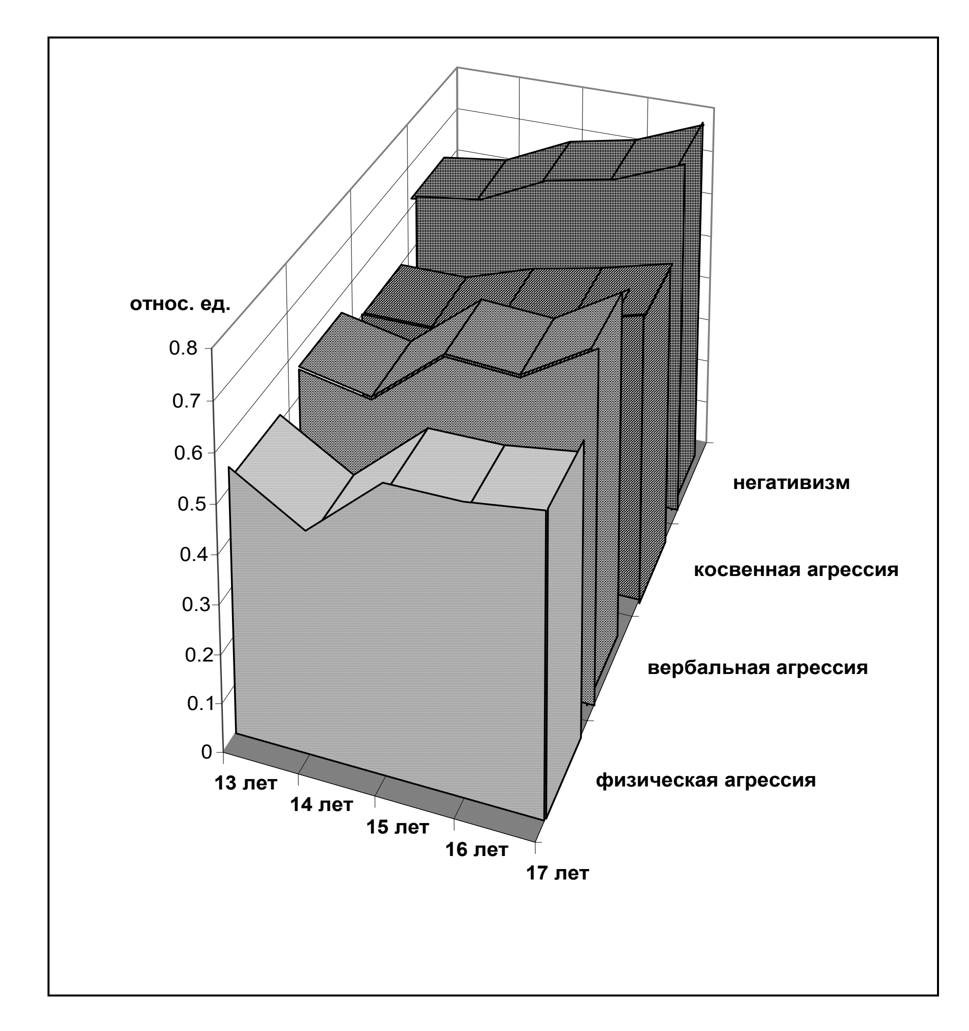
Таблица 3– Проявления различных форм агрессивности у мальчиков и девочек подросткового возраста в процентном соотношении (по Л.М.Семенюк,1994).

Формы агрессии	Пол и возраст					
	10–11 лет		12–13 лет		14–15 лет	
	маль-чики	девочки	маль-чики	девочки	маль-чики	девочки
Физическая	70	30	59	38	61	59
Косвенная	40	25	49	41	39	59
Вербальная	62	38	52	49	81	60
Негативизм	68	36	69	62	82	52

Исследования проведенные И.А.Фурмановым во многом согласуются с выше изложенными результатами. Диагностика с помощью метода поперечных срезов позволила определить основные тенденции половозрастной динамики показателей физической, вербальной, косвенной агрессии и негативизма (Рисунки 26, 27).

В результате исследования было установлено, что показатели физической агрессии у мальчиков имели тенденцию к снижению в 16–ти летнем возрасте, однако в дальнейшем уровень их агрессивности восстанавливается. У девочек такой спад отмечался в 14–ти летнем возрасте, но уже к 15–ти годам наблюдалось значительное усиление физической агрессии, а затем дальнейшая ее стабилизация.

я у

Рисунок 27– Соотношение показателей нарушений поведения у девочек различных возрастов

Показатели вербальной агрессии у мальчиков относительно постоянны на всех возрастных этапах развития и лишь в 17–ти летнем возрасте наблюдается их увеличение. У девочек следует отметить два пиковых возраста: показатели вербальной агрессии значительно увеличивались в 15 и 17 лет.

Некоторой скачкообразностью отличается динамика косвенной агрессии у мальчиков. Имело место существенное повышение показателей этого типа агрессии в 15–ти летнем возрасте. У девочек наблюдалась плавная тенденция к усилению косвенной агрессии от 13–ти к 17–ти годам.

Показатели негативизма резко увеличивались у мальчиков только в 17–ти летнем возрасте, у девочек наблюдалось постепенное нарастание негативизма от возраста к возрасту.

В целом, сравнивая детей подросткового и юношеского возраста, следует отметить, что у мальчиков наблюдались значимые различия в динамике нарушений поведения лишь по показателям физической агрессии – у юношей они существенно ниже. У девочек юношеского возраста показатели всех типов нарушений поведения были достоверно выше, чем у девочек–подростков.

Относительно половых различий можно констатировать, что у мальчиков всех возрастов склонность к реакциям физической агрессии была выражена сильнее, чем у девочек. Исключение составляли лишь дети в возрасте 16 лет, когда эти показатели паритетны у обоих полов. Вербальная агрессия была сильнее выражена у мальчиков 13–14–летнего возраста, однако в дальнейшем соотношение значительно менялось. Начиная с 15–ти летнего возраста, показатели этого вида агрессии у девочек были выше, чем у мальчиков.

Косвенная агрессия у девочек была выражена сильнее на протяжении всех возрастных этапов. Сила реакций негативизма у мальчиков и девочек различалась несущественно (кроме возраста 16 лет).

Схожие тенденции наблюдались при сравнении мальчиков и девочек подросткового и юношеского возрастов. Так, в подростковом возрасте мальчики отличались более выраженной тенденцией к реакциям физической агрессии, а девочки – к косвенной агрессии (по остальным типам нарушений различия не достоверны). В юношеском возрасте девочки превосходили мальчиков по показателям вербальной, косвенной агрессии и негативизма. Склонность к физической агрессии различалась не существенно.

Взрослый возраст. Многочисленные исследования показывают, что тенденции характерные для детского и подросткового возраста сохраняются и во взрослом возрасте. Так, мужчины проявляют больше физическую агрессию,

а женщины вербальную и косвенную. Вариативность в агрессивном поведении определяют такие характеристики как раздражительность, эмоциональная восприимчивость и рассеянность/вдумчивость в реакциях на вызывающий агрессию стимул, а также склонность к враждебной атрибуции (т.е. к интерпретации поведения других как враждебного) и неадекватно высокая самооценка.

Гендерные различия

Многочисленные исследования индивидуального развития показывают, что гендерные различия в агрессивном поведении возникают в раннем возрасте, приблизительно уже с третьего года жизни. На основе анализа ряда экспериментальных исследований было установлено, что в первые годы жизни нет различий в частоте и продолжительности отрицательных эмоциональных реакций у мальчиков и девочек, но с возрастом их частота и интенсивность у мальчиков возрастают, а у девочек убывают. Комментируется это тем, что девочки, имея те же агрессивные тенденции, что и мальчики, боятся их проявить из–за страха наказания, в то время как к агрессии мальчиков окружающие относятся более благосклонно. С возрастом эти модели закрепляются: число проявлений агрессии в поведении девочек постепенно сокращается и они становятся менее агрессивными, даже если в раннем детстве они были очень драчливы.

В частности некоторые исследования (R. Loeber, M. Stouthamer-Loeber, 1998), достаточно четко указывают на существование гендерных различий в агрессивном поведении в разные периоды развития ребенка (Таблица 4).

Таблица 4– Гендерные различия в агрессии в детском и подростковом возрасте

Период в индивидуальном развитии	**Проявления**	**Гендерные различия**
Раннее младенчество	Фрустрация и гнев	Нет
Ребенок 2-3 лет	Инструментальная агрессия	Незначительные
Дошкольный возраст	Личная агрессия. Физическая агрессия	Есть
Начальная школа	Косвенная агрессия	Есть
Средняя школа	Групповое нападение. Тяжкое нападение. Сексуальное насилие. Убийство	Есть

Эти данные согласуются и с результатами масштабного кросс–культурного исследования, в котором были зафиксированы примерно те же тенденции. (Таблица 5).

Таблица 5 – Соотношение проявлений физической, вербальной и косвенной агрессии у детей различных возрастов (по K. Osterman, et al., 1998)

Возраст	Девочки	Мальчики
8 лет	косвенная > вербальная > физическая	физическая = вербальная > косвенная
11 лет	косвенная > вербальная > физическая	физическая = вербальная > косвенная
15 лет	косвенная > вербальная > физическая	вербальная > физическая > косвенная

Представляют интерес также данные о соотношении различных видов нарушений поведения в возрастной аспекте (И.А.Фурманов, 1997). Установлено, что у мальчиков на протяжении всех возрастных этапов устойчиво доминировали физическая агрессия и негативизм, а у девочек – негативизм и вербальная агрессия. В возрастной динамике следует отметить общее нарастание агрессивных и негативистских тенденций как у мальчиков, так и у девочек.

Согласно традиционным представлениям об особенностях формирования мужской и женской агрессивности в онтогенезе, и мальчики, и девочки в той или иной степени научаются регулировать собственные агрессивные побуждения, однако мальчики все же имеют больше возможностей для свободного проявления агрессивности. Кроме того, если в процессе развития ребенок не научается контролировать свои агрессивные импульсы, то в дальнейшем это «грозит» преимущественной ориентацией на сверстников – в подростковом возрасте и склонностью к разгульному поведению – в юношеском. Так, например, установлено, что спонтанное выражение гнева и совершение насилия в отношении окружающих в 8 лет приводит к использованию физической силы против других лиц, скитанию по улицам, влечению в компании, поиску удовольствий в курении, принятии алкоголя и общении с противоположным полом – в 14 лет, а в дальнейшем в 20 лет – к деструктивным поступкам, конфликтам с родителями, потребности во встречах с друзьями, выпивке, курении и половых связях.

Исследования в области гендерной психологии показывают, что в результате усвоения социокультурного опыта мужчины и женщины имеют различные модели агрессивного поведения. Так, мужчины отдают предпочтение использованию физической агрессии, а женщины – косвенной. Вербальная агрессия достаточно широко применяется как мужчинами, так и женщинами. Вместе с тем, были обнаружены существенные отличия в переживаниях и оценках агрессии. Женщины часто рассматривают агрессию как результат чрезмерного напряжения и потери самоконтроля. При этом они испытывают более сильные чувства вины и беспокойства после агрессивных

действий. Мужчины рассматривают агрессивные действия как способ восстановления утраченного контроля над другими в случае угрозы их самооценке, чести, достоинству и целостности. При этом агрессия воспринимается мужчинами как действия позитивного и инструментального характера.

Объяснения гендерных различий в агрессии

Для объяснения гендерных различий в агрессии мужчин и женщин используются разные подходы: биологические, психологические, социально–культурологические и др. К наиболее распространенным относятся модель гормональной обусловленности, социобиологическая модель, социально-ролевая модель, модель эмоционального возбуждения.

Модель гормональной обусловленности. Сводит объяснение повышенной склонности к агрессивному реагированию содержанием мужского полового гормона тестостерона. Согласно данному подходу, межполовые различия в агрессивном поведении отчасти обусловлены более высоким уровнем содержания тестостерона у мужчин. Однако, целому ряду исследований, пытающихся установить связь между тестостероном и агрессивным поведением у людей, не удалось подтвердить предполагаемое значение тестостерона в мужской агрессии (Б. Крейхи, 2003).

Социобиологическая модель делает акцент на приспособительной ценности мужской агрессии в обеспечении доступа к привлекательным (т. е. обладающим высокими репродуктивными возможностями) женщинам (R. Thornhill, C.T. Thornhill, 1991). Было установлено, что более высокий уровень агрессии характерен для поведения более молодых мужчин. Такое чрезмерно агрессивное и рискованное в возрастном аспекте поведение получило название «синдром молодого мужчины» (M.Wilson, M.Daly, 1985).

Проявление агрессии мужчинами часто рассчитано на демонстрацию их статуса и власти, а, следовательно, на достижение большей успешности в репродуктивной конкуренции с другими мужчинами. Поэтому ситуации, которые несут угрозу статусу мужчины, представляют собой источник агрессии как средства восстановления силы и статуса. В частности, Дж. Арчер и др. (J.Archer, R. Holloway, K. McLoughlin, 1995) выявили, что мужчины, чей статус низок или находится под угрозой демонстрировали больше насилия, чем мужчины с высоким статусом.

С точки зрения эволюционного подхода в выборе сексуального партнера активная роль отводится мужскому полу, тогда как пассивная – женскому. Однако, если рассматривать человеческое поведение это не совсем так. В частности установлено, что женщины не *беспорядочно* выбирают сексуальных

партнеров (супругов), а чаще *активно выбирают* тех партнеров, которые являются или могут стать более «высшего качества» (H. Kokko, et. al., 2003). Для них, как правило, имеет важное значение профессиональный и/или экономический статус мужчины (D. M. Buss, 1989; A. Feingold, 1992). Женщины предпочтительно вступают в брак с высокостатусными мужчинами, в надежде, что они смогут в большей степени обеспечить выживаемость потомства.

В связи с тем, что адаптивность женщин зависит от характеристик жизнеспособности мужчины, и, полагая, что не все мужчины будут обладать такими позитивными качествами, следует ожидать, что между женщинами будет существовать достаточно сильная интрасексуальная (внутриполовая) конкуренция. Такая конкуренция может проявляться в двух формах: либо *привлечения сексуального партнера* (например, делать себя более привлекательной с помощью макияжа) или *отпугивания конкуренток* (например, заставляя противницу казаться менее привлекательной, используя стратегию обесценивания) (D. M. Buss, 1988, D. M. Buss, L. A. Dedden, 1990). Исходя из этого следует, что женщины могут использовать косвенную агрессию, поскольку она представляет более эффективную и менее опасную интрасексуальную стратегию, которая повышает возможность доступа к качественным сексуальным партнерам и их ресурсам (K. Bjorkqvist, 1994; A. Campbell, 1995, 1999).

В литературе также отмечается, что женщины высокого статуса чаще косвенно преследуют женщин низкого статуса, тем самым снижая репродуктивный успех и доступ к ресурсам, а следовательно, обеспечивая возможность доступа к ресурсам себе и своему потомству (S. B. Hrdy, 1981, 1999; A. Campbell, 1999). Результаты нескольких исследований продемонстрировали, что известные и могущественные женщины используют косвенную агрессию гораздо чаще, чем низкостатусные женщины (T. Vaillancourt, , S. Hymel, 2001). Действительно, женщины высокого статуса, более вероятно, добьются успеха в том, чтобы унизить конкурентку, учитывая их социальное положение среди окружающих (D. E. Merten, 1997).

Эволюционно-психологическая модель. Эволюционные психологи, изучающие агрессивное поведение, определили круг социальных проблем, в решении которых важную роль играют нейрофизиологические механизмы (D. M. Buss, T. K. Shackelford, 1997). Он включает отгонку сексуальных конкурентов, половые отношения с использованием силы, защиту потомства, присвоение ресурсов других, чтобы сохранить потомство, и сокращение риска инвестирования в генетически чужеродное потомство с помощью контроля сексуальной преданности. Для мужчин и женщин, актуальность указанных

социальные проблемы являются различным, чем и объясняются гендерные отличия в формах и силе агрессии (J. Archer, S. Conte, 2005; R. Vaillancourt, 2005).

По мнению эволюционных психологов, мужчины чаще, чем женщины, будут использовать агрессию, чтобы гарантировать сексуальную преданность своих партнеров, поскольку такая агрессия повышает вероятность того, что их потомство носит гены этих мужчин. Женщины же зная, что их потомство носит их собственные гены, не должны использовать агрессию с этой целью. Женщины, с другой стороны, являются более склонными использовать агрессию для того, чтобы быть уверенными, что их партнер не тратит свои ресурсы на потомство от других сексуальных партнеров и остается преданным им (D. M. Buss, T. K. Shackelford, 1997; D. C. Geary, et. al., 1995). Следовательно, женщины, вероятно, будут агрессивны к своим партнерам или конкуренткам, больше обеспокоенные проблемами выполнения мужчинами взятых обязательств, чем их сексуальной преданностью. Согласно этой идеи, у женщин эмоции гнев чаще будут вызывать мысли о том, что их партнеры любят кого-то еще, чем мысли, что они занимались сексом с кем-то другим, тогда как женщины сохраняли верность своим мужчинам (D. M. Buss, T. K. Shackelford, 1997).

В различных исследованиях эволюционных психологов приводятся факты, подтверждающие предпочтительное использование мужчинами физической агрессии, а женщинами – косвенной. Как отмечается, использование женщинами косвенной агрессии представляет собой более эффективное и менее опасное средство отпугивания потенциальных конкурентов, а, следовательно, увеличивает доступ к желательным партнерам (ближайшая выгода), обеспечивает доступ к сексуальным партнерам и тем самым увеличивает репродуктивный успех (окончательная выгода) и, в конечном счете, повышает адаптивные возможности женщины.

Женская косвенная агрессия является достаточно разрушительной тактикой поведения. В частности у женщины жертв косвенной агрессии в ситуации интрасексуальной конкуренции отмечалось снижение самооценки, увеличение тревоги и депрессии, и даже отмечались случаи самоубийства (L. Owens et al., 2000). В одном из исследований студенток просили оценить эффективность обесценивающих тактик в ситуации интрасексуальной конкуренции (D. M. Buss, L. A. Dedden, 1990). Женщины оценили распространение слухов (например, обвинение конкурентки в половой распущенности, неразборчивости в связях и знакомствах или поддразнивание) и игнорирование, исключение из групповых отношений как эффективные способы унизить соперницу.

В одном из исследований было установлено, что девушки в ситуации интрасексуальной конкуренции достаточно часто обзывали своих соперниц «потаскухами». Эта своеобразная тактика преувеличения чужой сексуальной жизни (порочности). Согласно эволюционной точки зрения, успех женщины в получении желательного партнера в значительной степени определяется оценкой мужчиной женской преданности. Кроме того, девушки также утверждали, что они опорочили бы и даже избили бы другую женщину, если бы та клеветала на их репутацию, проявляла интерес к их личной жизни или «покушалась» на их партнера A. Campbell, 1982, 1995).

Косвенная агрессия представляет собой эффективную стратегию получения доступа и защиты романтичных партнеров. Было выявлено, что показатели косвенной агрессии положительно коррелируют с количеством романтичных партнеров (T. Vaillancourt et. al., 2003). Кроме того, было установлено, что мужчины и женщины используют различные «агрессивные» стратегии в достижении популярности у противоположного пола: женщины, используют косвенную агрессию, а мужчин – доминирование (A. D. Pellegrini, J. D. Long, 2003).

Несмотря на то, что у женщин и мужчин существуют подобные репродуктивные цели, пути, которыми они их достигают, отличаются – мужчины отдают предпочтение открытой агрессивной тактике, а женщин – скрытой агрессивную тактику (A. D. Pellegrini, J. D. Long, 2003). Утверждается, что для женщин, риски, вовлечения в физическую агрессию, перевешивают возможные выгоды, что и побуждает их использовать косвенную агрессию, чтобы обеспечить достижение репродуктивных целей. В свою очередь мужчины, чтобы удовлетворить свою потребность в доминировании должны использовать открытую тактику, которая сигнализировала бы другим об их силе и могуществе (M. Wilson, M. Daly, 1985).

Помимо этого, приоритетное использование женщинами косвенной агрессии перед физической, вероятно, объясняется степенью возможного риска травмирования самой женщины и/или ее потомства. Действительно, физически агрессивные действия могут привести к телесному повреждению или смерти, которые в свою очередь могут снизить вероятность деторождения и выживания потомства и, таким образом, снизить приспособительные возможности женщины. Не вызывает сомнения, что не только у людей, но и других биологических видов, выживание потомства неразрывно связано с материнским выживанием.

Социально-ролевая модель постулирует, что агрессивное поведение приобретается человеком в процессе социализации в качестве одной из

составляющих мужской генедерной роли. Согласно этой идеи, более сильная склонность мужчин к агрессии и более выраженное у женщин сдерживание агрессии — в значительной степени результат гендерно-ролевой социализации. Исследования показывают, что женщины чаще сообщают о чувствах вины и тревоги как о реакциях, сопутствующих агрессивному поведению. Кроме того, было обнаружено, что женщины ведут себя ничуть не менее агрессивно, чем мужчины, когда устраняются ролевые ограничения, препятствующие проявлениям агрессии. Например, Б. Беттенкорт и К. Кернахан (В. A.Bettencourt, С. Kernahan, 1997) пришли к выводу, что мужчины агрессивнее женщин при наличии ключевых раздражителей, если никакого предварительно провоцирующего воздействия оказано не было. Однако, если такое воздействие имело место, женщины демонстрировали не меньше агрессии, чем мужчины.

Одной из гипотез, объясняющих существование гендерных различий в агрессии, является рассмотрение специфики и организация взаимоотношений со сверстниками в детских группах. В частности утверждается, что половые различия в агрессии существуют, потому что дети используют те способы и формы, которые являются самыми существенными, ценными и соответствующими гендерным и групповым нормам. (Lagespetz и др. (1988), Crick и Grotpeter (1995). Для мальчиков такими социальными ценностями являются доминирование и подчинение, а для девочек, включение, присоединение и исключение, изгнание. Следовательно, мальчики используют физическую агрессию, чтобы навредить сверстникам, а девочки полагаются на косвенную агрессию. Более того социальные санкции, применяемые против использования физической агрессии женщинами, способствуют этим половым различиям.

Также было выдвинуто предположение, что половые различия в агрессии являются результатом когнитивной стратегии оценки, которую называют «соотношение эффекта/опасности», где агрессор рассматривает ситуацию и принимает решение относительно использования того или иного типа агрессивной тактики (к. Bjorkqvist, 1994). Поскольку косвенная агрессия является окольной, она представляет собой наименее опасную стратегию, потому что при ее использовании агрессор часто не определяется как агрессор. Использование косвенной агрессии женщинами, таким образом, представляет агрессивную стратегию, которая приводит к максимальному эффекту с минимальным количеством опасности.

Воздействие маскулинной ролевой социализации на агрессивное поведение мужчин изучалось и в контексте так называемого феномена «мачизма» (D.L. Mosher, M. Sirkin, 1984). С помощью данного понятия стремятся объяснить индивидуальные различия между мужчинами области агрессивного поведения.

Характер «мачо» определяют три взаимосвязанных элемента: а) грубое сексуальное отношение женщинам; б) восприятие насилия в качестве проявления мужественности; в) понимание опасности как чего-то захватывающего. Такое качество как агрессия настолько прочно укоренилась в мужском гендерном стереотипе, что от «мачо» ожидаются более значительного проявления агрессивного поведения, чем от мужчин, которые не следуют этому мужественному стилю поведения. Кроме того, было выявлено, что одобрение гипербализованного маскулинного поведения имеет положительную корреляцию с агрессивным поведением, проявлениями импульсивности и стремлением к рисовке и отрицательно коррелирует с пониманием и стремлением к риску.

Модель эмоционального возбуждения. Трактует эмоциональное возбуждение как дополнительную потенциальную причину, определяющую гендерные различия в агрессии. Согласно этой модели эмоциональное возбуждение представляет собой физиологическую реакцию, механизм, который связан с усиленной активностью автономной нервной системы, подготавливающей организм к энергичным действиям, реакциям бегства или борьбы (D. Zillmann, 1983). Важно, что эмоциональное возбуждение выступает причиной агрессии, даже тогда, когда оно не является следствием провокации. Исходя из этого, можно утверждать, что, чем выше эмоциональное возбуждение, тем более вероятно человек будет вести себя агрессивно. Описывают два механизма, которые через отношение между эмоциональным возбуждением и агрессией позволяют объяснить гендерные различия в агрессии.

В частности, предполагается, что мужчины быстрее и легче возбуждаются при воздействии относительно сильных стимулов и дольше возвращаются к базовому уровню возбуждения, чем женщины (R.A. Fabes, 1994; M. Frankenhaeuser, 1982; J.J. Haviland, C.Z. Malatesa, 1981; K.B.Hoyenga, K.T. Hoyenga, 1979; H.A. Moss, 1974). Таким образом, типичные ситуации, стимулирующие агрессивное взаимодействие могут быть более эмоционально возбуждающими для мужчин, чем для женщин. Собственно эти гендерные различия в возникновении эмоционального возбуждения могут привести к гендерным различиям в проявлении агрессии.

Кроме того, это существование гендерных различий объясняется и разницей в регулировании эмоции (D.M. Brodzinsky et al., 1992; R.A. Fabes, N. Eisenberg, 1992; P.M. Miller et al., 1986) и тем, что женщины более способны к подавлению эмоционального возбуждения и связанных с ним реакций (D.F. Bjorklund, K. Kipp, 1996). В данном случае регулирование эмоций определяется как процесс инициации, поддержания, модуляции или изменения возникновения, интенсивности или продолжительности

протекания эмоциональных состояний и связанных с эмоциями физиологических процессов (N. Eisenberg, R.A. Fabes, 1999). Исходя из этого, в случае эмоционального возбуждения, женщины вероятнее всего будут предпринимать усилия, чтобы урегулировать эмоции и подавить эмоциональные реакции способом, который не приводит к агрессии. Мужчины, наоборот, менее эффективно будут регулировать эмоциональное возбуждение, таким образом, увеличивая вероятность возникновения агрессивных действий.

Помимо этого, мужчины и женщин, по-разному размышляют о гневе и агрессии. Например, женщинами, запрещают себе проявлять и показывать эти эмоции, так как воспринимают их проявление как потерю контроля (A.Campbell, S.Muncer, 1987).

Сторонники различных психологических школ находят множество и других объяснений гендерных различий в проявлении агрессии. Например, психоаналитическое направление, опирающееся на постулат о врожденности тенденций к агрессивному поведению и проявлению гнева, доказывает, что у мальчиков эти тенденции проявляются в большей степени, чем у девочек от рождения. В рамках бихевиористического направления также отмечается большая агрессивность мальчиков по сравнению с девочками, но это объясняется разными социально одобряемыми моделями поведения как для первых, так и для вторых.

Такой дифференциации могут способствовать различные факторы. В частности отношение общества к проявлениям мужской и женской агрессии (например, девочки, за проявления прямой, физической агрессии чаще всего получают отрицательное подкрепление). Исходя из этого у мальчиков и девочек наблюдаются различия в ожиданиях успеха, связанных с проявлением агрессии. Достижение успеха (положительного подкрепления) мужчины чаще всего связывают с проявлением силы, физической агрессии. Женщины, наоборот, избегая социального наказания, вуалируют проявления агрессии, избирая косвенные пути ее выражения.

Синтегрировать психоаналитическую, бихевиаристическую и социально-ролевую модели можно использовав идеи А.Адлера и А. Фрейд о развороте агрессивного мотива против себя и превращении его в собственную противоположность. Как уже отмечалось, первоначально мальчики и девочки не различаются по силе проявления агрессии. Однако, где–то к 3-4 годам, при сохранении агрессивного потенциала, начинают проявляться различия в формах проявления агрессии – мальчики отдают предпочтение физической агрессии, а девочки – вербальной и косвенной агрессии. В раннем возрасте родители обычно слабо дифференцируют детей по гендерному признаку,

обращаясь с ними просто как с малышами. В дошкольном возрасте ситуация меняется – взрослые начинают относиться к мальчикам уже как к «мужчинам», а к девочкам как к «женщинам». Более того, им приписываются и гендерные социальные роли, согласно которым мужчина это «воин», «защитник», «добытчик», а женщина – «мать», «хозяйка», «хранительница домашнего очага». Поэтому проявление открытой агрессии мальчиками обществом не только поддерживается, но и поощряется. В свою очередь проявление открытой агрессии девочками фрустрируется достаточно жесткими социальными запретами и ограничениями, а иногда и наказаниями. Различия в гендерных ожиданиях общества в отношении проявления или сдерживания агрессии наиболее рельефно проявляются в ассортименте детских игрушек, предназначенных для мальчиков и для девочек.

В результате агрессия девочек разворачивается против себя, превращаясь в самодеструкцию. Чтобы избежать тревоги и защитить свое тело от саморазрушительных тенденций девочки «превращают» свою агрессию в полную противоположность. Это и находит свое воплощение в соответствующих чертах характера (Рисунок 28).

Определенная часть социальных психологов считают, что немаловажную роль играет опыт взаимодействия со сверстниками. Например, девочки в общении больше ориентированы на участие в маленьких с тесными, эмоционально близкими отношениями группах. Большая интимность и теснота женских социальных моделей отношений приводит к развитию эмпатичности и более плотному информационному обмену. Мальчики, наоборот, имеют тенденцию становиться членами больших, не имеющих жестких границ, групп.

Устойчивость агрессивного поведения

Согласно данным лонгитюдных исследований, агрессивное поведение, действительно, относительно стабильно. На основе результатов 16 исследований устойчивости агрессии среди лиц мужского пола Д. Олвеус (D. Olweus, 1979) установил, что в коэффициенты стабильности при возрастном интервале в 1 год составляет r= 0,76, при интервале в 5 лет – r= 0,69. и при интервале в 10 лет – r= 0,60. Эти цифры свидетельствуют о том, что агрессия почти столь же стабильна, как интеллект, даже на протяжении значительных периодов времени (R.L.Thorndike, 1933). Женская агрессивность также достаточно устойчива. Однако, коэффициенты стабильности агрессивных проявлений у женщин значительно ниже, чем у мужчин: r= 0,44 против r= 0,56 (H. Zumkley, 1992). Другое более чем двадцатилетнее исследование подтвердило эти данные –

коэффициент стабильности для мужчин равнялся 0,50, а для женщин 0,35 for females (L. R. Huesmann, et. al., 1984).

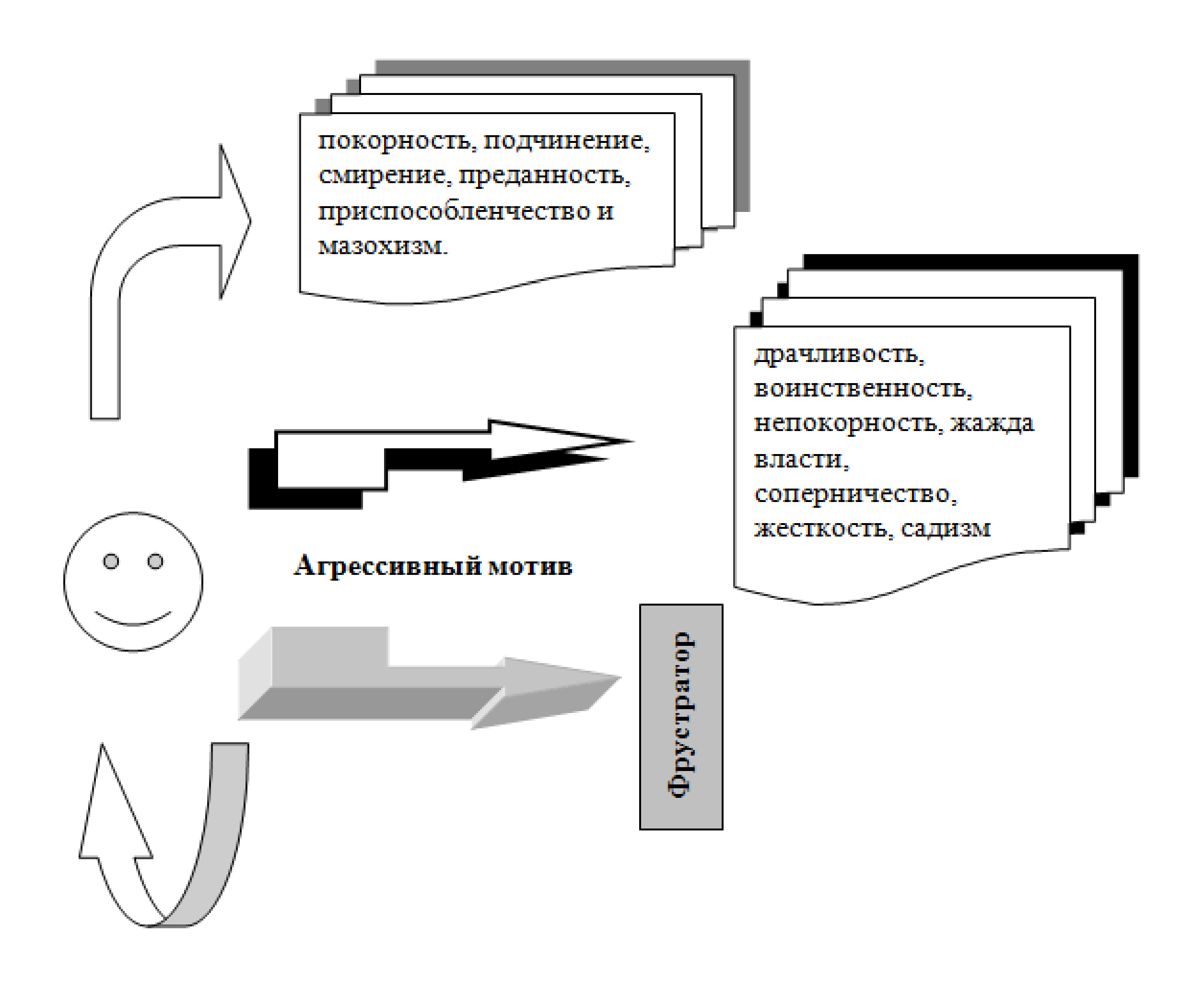

Рисунок 28 – Модель гендерных различий в проявлении агрессии

Некоторые исследователи предположили, что стабильность агрессии должна быть присуща только некоторым очень агрессивным людям, остающимися таковыми в течение долгого времени. Однако, исследования показывают, что стабильность в поведении встречается как у агрессивных, так и неагрессивных индивидов (W. W. Hartup, 2005). В частности, 18 % детей, которые были классифицированы в 8 лет как очень низкоагрессивные и 22 %, кто был классифицирован как очень высокоагрессивные, остались такими же в течение последующих 40 лет (L. R. Huesmann et. al., 2009; L. R. Huesmann, J. Moise, 1998). Как отмечается, это большая редкость, когда подростков внезапно становится очень агрессивным и продолжить оставаться агрессивным в течении взрослой жизни (B. Brame, et. al., 2001; L. R. Huesmann et. al., 2009).

Однако, несмотря на обнаруженные высокие коэффициенты стабильности агрессивного поведения при переходе от детства к взрослости, нельзя забывать о некоторой степени индивидуальной вариативности в агрессивном поведении. Например, лонгитюдные исследования Л. Кингстона и М. Прайора (L. Kingston, M. Prior, 1995), трижды измерившим агрессию в группе детей в период с 2-3 летнего до 7-8 летнего возраста, показали, что 55% мальчиков и 41 % девочек, проявлявших агрессию в возрасте 2 лет, продолжали оставаться агрессивными и в 8-летнем возрасте, т. е. демонстрировали стабильность. В противоположность этой группе, 31 % агрессивных около четверти агрессивных детей в возрасте 8 лет впервые повели себя агрессивно только в возрасте 5 лет. Каждая из двух последних групп демонстрировала неустойчивость агрессивного поведения во времени, хотя и в разных направлениях.

Таким образом, в процессе возрастного развития и приобретения социального опыта в результате взаимодействия с окружающим миром происходит трансформация, социализация агрессии.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите существенные отличительные особенности проявлениия агрессии в различных возрастах?
2. По какой причине появляются гендерные различия в агрессии?
3. Кратко охарактеризуйте теории объяснения гендерных различий в агрессии мужчин и женщин?
4. Какие факторы могут приводить к устойчивости агрессивного поведения?

СОЦИАЛИЗАЦИЯ АГРЕССИВНОСТИ

Социализацией агрессии можно назвать процесс научения контролю собственных агрессивных устремлений или выражению их в формах, приемлемых в определенном сообществе, цивилизации.

Совершенно ясно, что «природный» агрессивный потенциал никуда не исчезает в более зрелом возрасте. Просто в результате социализации многие учатся регулировать свои агрессивные импульсы, адаптируясь к требованиям общества. Другие остаются весьма агрессивными, но учатся проявлять агрессию более тонко: через словесные оскорбления, скрытое принуждение, завуалированные требования, вандализм и другие тактические приемы. Третьи ничему не научаются и проявляют свои агрессивные импульсы в физическом насилии.

Исследованиями М. Мид (1968) установлено, что социализация агрессии зависит от трех основных условий:

- раннего опыта воспитания ребенка в конкретной культурной среде;
- семейных традиций;
- эмоционального фона отношений родителей к ребенку.

Изучая примитивные сообщества, оставшиеся на более ранних этапах цивилизации, М. Мид наблюдала очень интересные факты. Например, в тех сообществах, где ребенок имел негативный опыт (раннее отлучение ребенка от груди матери, редкое общение с матерью, одиночество ребенка в течение длительного времени, частое использование наказаний при отсутствии поощрений, отсутствие осуждения взрослыми враждебности детей по отношению друг к другу), у него как правило, формировались отрицательные черты личности: тревожность, подозрительность, сильная агрессивность, эгоизм и жестокость.

Совершенно иное наблюдалось в сообществах, где вся структура жизни была построена на взаимопомощи и кооперации: с первых дней жизни ребенок окружался заботой и вниманием родителей или родственников, общение взрослых и детей было позитивно окрашено, наказания редки. Единственной особенностью поведения, которая вызывает строгость и недовольство родителей, являлась детская агрессивность. Драки и ссоры между детьми немедленно пресекались и детей учили конструктивному поведению. Например, вымещать гнев преимущественно на неодушевленных предметах. В результате у детей формировались мягкость в общении, альтруистическое отношение к другим. Очень схожие факты наблюдали и другие исследователи
.

Механизмы социализации

В связи с этим, вероятно, следует более подробно остановиться на основных механизмах научения той или иной форме поведения:

Имитация – отражение мимических и пантомимических движений (высовывание языка, открывание/закрывание рта, сжимание кулаков, стучание, бросание предметов и т.д.), воспроизведение предречевых и речевых вокализаций (интонации, темпа, громкости, ритма речи и т.д.). Чаще всего осуществляется на основе механизма заражения. Появляется уже в возрасте до 5 месяцев, когда ребенок может вообразить себя на месте модели.

Копирование – воспроизведение специфических движений взрослого или движений, входящих в состав действий с определенными предметами. Для эффективного копирования необходимо соблюдение определенных условий:

- неоднократная демонстрация модели (образца);
- обозначение модели (образца) речевой меткой;
- предоставление ребенку возможности поманипулировать (поэкспериментировать) с образцом;
- эмоционально насыщенное одобрение со стороны взрослого за воспроизведение (оперантное подкрепление).

Появляется во второй половине младенческого возраста.

Подражание – активное воспроизведение ребенком способов действия, когда взрослый выступает как объект наблюдения, пример как в предметной, так и в межличностной сфере (отношения, оценки, эмоциональные состояния и пр.). В целом, это следование какому-либо примеру, образцу, однако, в большей мере осознанное, т.к. требует выделения не только образца, но и его отдельных сторон, черт, манеры поведения. Кроме того, имеют место действия, направленные на сравнение себя с моделью и с Идеалом-Я.

Как у животных, так и у человека, подражание, являясь особой формой научения в условиях общения, когда одно существо подражает другому, разделяется на две категории:

- *инстинктивное подражание* – возникает как взаимная стимуляция (например, паника, агрессивное поведение в группе, погромы футбольных фанатов на стадионах и пр.);
- *имитационное подражание* – как способ расширения и обогащения форм поведения (адаптации) путем заимствования чужого опыта.

Появляется у ребенка в раннем возрасте.

Идентификация – уподобление, отождествление с кем-либо, чем-либо. В наиболее общем представлении это психологический процесс (полностью бессознательный), посредством которого субъект присваивает себе свойства,

качества, атрибуты другого человека и преобразует себя (целиком или частично) по его образцу.

Идентификация охватывает три пересекающиеся области психической реальности:

– это процессы *объединения* субъектом себя с другим индивидом или группой на основании устойчивой эмоциональной связи, когда человек начинает себя вести так, как если бы он сам был тем другим, с которым данная связь существует, а также некритического и целостного *включения*_в свой внутренний мир и *принятия* как собственных норм, ценностей и образцов поведения другого человека;

– это *восприятие* субъектом другого человека как продолжения самого себя и *проекция*, т.е. наделение его своими чертами, чувствами и желаниями;

– это *постановка* субъектом себя на место другого, что выступает в *погружение и перенесение* индивидом себя в пространство и время другого человека, которые позволяют осваивать и усваивать «чужие» личностные смыслы и опыт.

Появляется в раннем дошкольном возрасте, однако, используется достаточно часто и в более поздние возрастные периоды.

С нашей точки зрения существенно то, что все перечисленные механизмы научения не утрачивают своей активности на протяжении всей жизни человека.

Механизмы межпоколенной эстафета агрессии и насилия

В последнее время все больше внимания психологов привлекают феномены поведения человека, имеющие социально–генетическое происхождение. К одному из таких феноменов относится межпоколенная эстафета агрессивных и насильственных моделей поведения. Как установлено, передача модели насильственных отношений от одного поколения к следующему осуществляется через трансляцию родителями агрессии детям.

Как показывают результаты многочисленных исследований, именно образец отношений и поведение родителей оказывает существенное влияние на обучение детей агрессивному поведении (А.Бандура, Р. Уолтерс, 1999). Было установлено, что дети, видевшие проявления физического насилия в отношениях между собственными родителями, склонны воспроизводить подобные действия в общении с другими людьми. Этот феномен имеет длительный эффект: люди, бывшие в детстве свидетелями физического насилия между родителями и подвергающиеся телесным наказаниям, во взрослом возрасте сами становятся склонными к использованию физической силы в отношениях с супругами и агрессии в отношении собственных детей.

Кроме того, насильственные отношения между супругами в семье повышают вероятность использования этими родителями физического насилия по отношению к собственным детям. По некоторым данным приблизительно 30 %, тех, кто был свидетелем агрессии между родителями и был жертвой физических наказаний, во взрослом возрасте совершают насилие (И.А. Фурманов, 2007, 2010).

Эстафета агрессии и насилия становится возможной в результате совокупного воздействия целого ряда эндогенных и экзогенных факторов (И.А. Фурманов, 2009). К значимым факторам относятся использование агрессии и насилия в супружеских и родительско–детских отношениях.

Тщательный анализ различных психологических теорий, так или иначе позволил понять феномен и механизмы межпоколенной эстафеты агрессии и насилия (Рисунок 29).

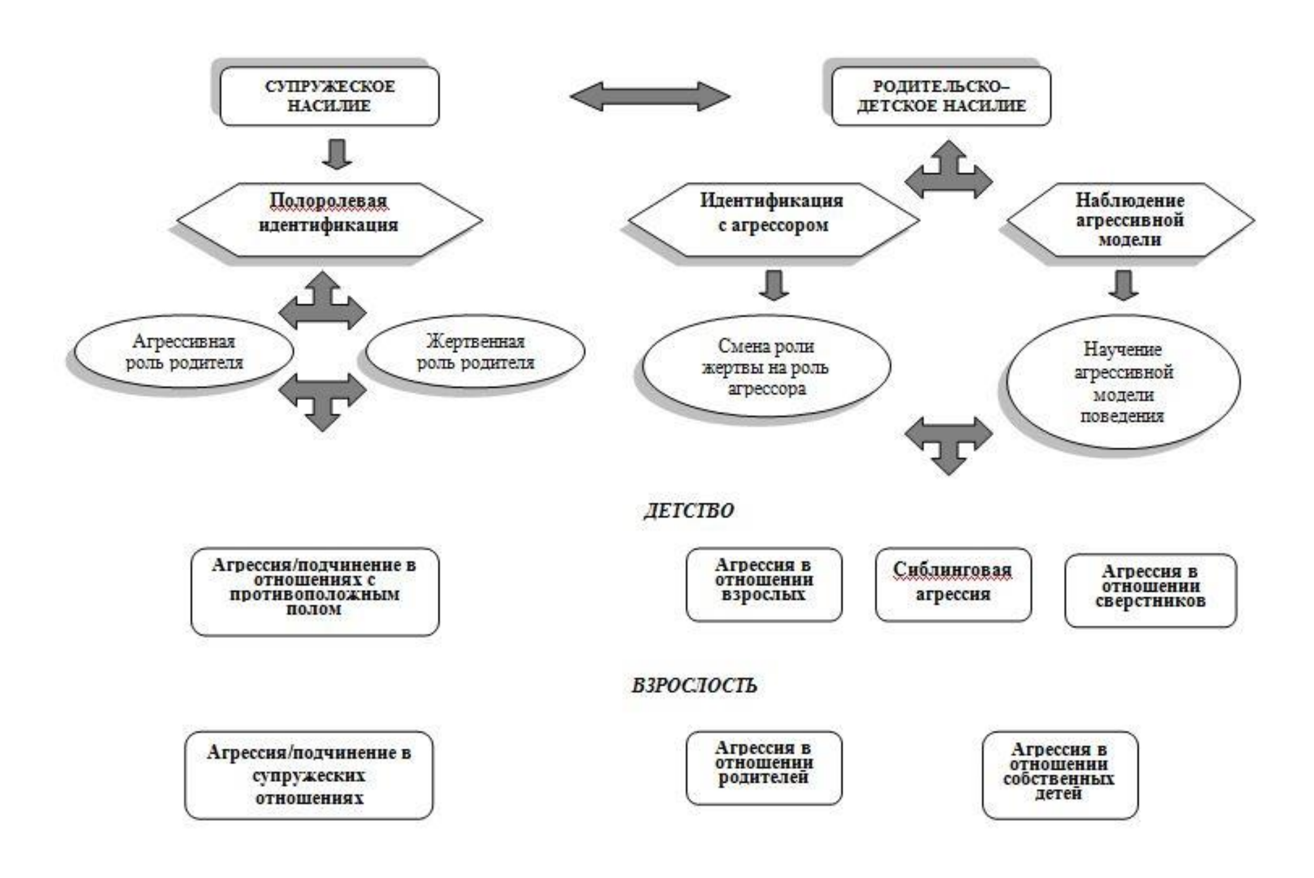

Рисунок 29 – Механизмы межпоколенной эстафеты агрессии и насилия

Межпоколенная эстафета агрессии и насилия может транслироваться благодаря трем различным механизмам.

Первый механизм – через ***процессы полоролевой идентификации ребенка с родителем***, когда ребенок является свидетелем агрессивных

взаимоотношений между собственными родителями в супружеских отношениях.

В целом *супружеское насилие*– это неправомерное использование, употребление силы, власти и контроля, это попытка принуждать и управлять супругом через физическое или психологическое воздействие. Физическое воздействие включает – истязания, пытки, избиение, толчки, царапание, кусание, хватание, удушение, посягательства сексуального характера, использование холодного и огнестрельного оружия. Психологическое воздействие включает – многообразные разновидности принуждения (коммуникативного, сексуального, экономического и пр.), основу которых составляют вербальная и косвенная агрессии и различные формы проявления негативизма.

Полоролевая идентификация – это процесс и результат формирования у ребенка образа Я, который содержит элементы половой и ролевой идентичности, образующих в совокупности интрапсихическую модель взаимодействия с окружающими на основе представлений о маскулинности и фемининости. Восприятие ребенком физических и поведенческих различий у родителей, сиблингов и сверстников, побуждает его не только отнести себя к определенной категории, но и вести себя соответствующим образу Я способом.

Известно, что чаще всего ребенок идентифицируется с родителем одного с ним пола. В итоге, результатом идентификации для девочек является осознание собственной принадлежности к женскому полу, отождествление с материнской ролью в отношениях с отцом и с материнской манерой взаимодействия с окружающими, а для мальчиков – формирование чувства мужественности, навыков регуляции агрессивного поведения, заимствование мужской модели взаимодействия с матерью, другими женщинами. Психоаналитики обычно рассматривают идентификацию как бессознательный процесс, отличный от сознательной имитации, способствующий процессу научения, здоровому становлению Эго и на адаптации в целом.

Первоначально данная модель поведения может проходить апробацию в подростковом и юношеском возрастах в романтических отношениях с противоположным полом. Если между партнерами устанавливаются бесконфликтные отношения доминирования/подчинения и агрессор не будет встречать сопротивления со стороны жертвы, то с большой степенью вероятности можно ожидать, что эти отношения будут развиваться по ненасильственному сценарию. Если конфликт в сфере обладания властью и контролем над партнером не разрешается и агрессор сталкивается с

сопротивлением жертвы, то с большой степенью вероятности можно ожидать, что эти отношения будут развиваться по насильственному сценарию. Реакция смирения со стороны жертвы будет усиливать установку агрессора на насильственные действия в отношениях с противоположным полом.

Таким образом, с высокой вероятностью можно предположить, что если в результате полоролевой идентификации мальчик идентифицируется с отцом–агрессором, а девочка с матерью–жертвой, и эти роли закрепляются в результате опыта экспериментирования в сексуально–агрессивных отношениях с противоположным полом в подростковом и юношеском возрасте, то в будущей их супружеской жизни значительно возрастает риск воспроизведения этой системы отношений во взаимодействия с собственными супругами, а также ретрансляции ее собственным детям.

Второй механизм – ***идентификация с агрессором*** в результате использования в семье физических наказаний в отношении детей.

Физические (телесные) наказания – это использование физической силы с намерением воздействовать на ребенка, чтобы он почувствовал боль, но без нанесения серьезного ущерба (ран, увечий, ожогов и пр.), с целью исправления или контроля его поведение.

Идентификация с агрессором можно трактовать как механизм защиты, который срабатывает, когда ребенок сталкивается с опасностью: критикой, вербальной или физической агрессией со стороны родителей. Ребенок идентифицируется с агрессором посредством приписывания себе самого акта агрессии, подражания физическому и моральному облику агрессора, заимствования некоторых символов его власти. Как отмечала А.Фрейд (1999) воплощая агрессора, принимая его атрибуты или имитируя его агрессию, ребенок преображается из того, кому угрожают, в того, кто угрожает, поэтому часто проецирует агрессию на третьих лиц.

Здесь наблюдается эффект оборачивания ролей: жертва представляет себя агрессором и часто становится таковым, чтобы защититься, избежать страданий, болезненных ощущений и сознавания себя в роли жертвы.

Как показано в многочисленных исследованиях чаще всего в родительско–детских отношениях в качестве агрессора выступают отец или мать, а дети в качестве жертвы.

Риск насилия в отношении ребенка возрастает, если агрессор и жертва обладают определенными физическими, психологическими или поведенческими особенностями и способностями налаживать коммуникацию с ребенком.

Третий механизм – ***наблюдение соответствующего способа действий*** также в результате использования в семье физических наказаний в отношении детей.

В период взросления и социализации поведение детей часто ориентировано на образец, поэтому они с готовностью воспроизводят поведение взрослых. Следование образцу поведения взрослых, особенно родителей, позволяет детям достаточно эффективно осваивать широкий спектр способов межличностных отношений. Исследованиями доказано влияние первичных посредников социализации, а именно образца отношений и поведения родителей, на обучение детей агрессивному поведению. Поведение родителей представляя собой модель агрессии приводит к тому, что у агрессивных родителей обычно вырастают агрессивные дети.

Идентификация с агрессором и наблюдение за агрессивной моделью могут привести к использованию ребенком насилия как в отношении сиблингов и сверстников, так и в отношении взрослых. В последующем, во взрослой жизни, объектами агрессии могут стать собственные родители и дети (И.А. Фурманов, 2005, 2007). Это происходит потому, что, кроме адаптивной, агрессивная модель поведения выполняет еще защитную и компенсаторную функции. Кроме того, многочисленными экспериментами убедительно доказано, что использование аверсивных стимулов является одним из эффективных и экономичных способов научения желаемому поведению или установления власти и контроля над другим человеком.

Таким образом, когда родители демонстрируют личный пример агрессивного поведения, они тем самым «преподают урок» научения насилию:

эффект адаптации – ребенок, ставший свидетелем насилия со стороны родителей, зачастую открывает для себя совершенно новый опыт поведения, то есть через наблюдение он обучается вербальным и/или физическим реакциям, которые ранее отсутствовали в его поведенческом репертуаре и с помощью которых можно причинять вред окружающим либо защитить свои интересы (механизмы имитации и копирования);

эффект снятия запретов – ребенок, наблюдающий агрессивные действия родителей, может бессознательно “пересмотреть” или осознанно кардинально изменить свои взгляды и поставленные им самим ограничения подобного поведения (механизмы идентификации и подражания). Его позиция может стать таковой, что если другие безнаказанно проявляют агрессию, то и мне позволено то же самое;

эффект утраты эмоциональной восприимчивости – ребенок настолько привыкает к насилию, его последствиям и признакам чужой боли, что перестает рассматривать агрессию как особую, крайнюю форму поведения

(механизм повышения порога восприятия агрессии). Поэтому его уже фактически ничего не удерживает от реализации агрессивных действий;

эффект изменения образа реальности – часто дети, наблюдающие бесконечное насилие, становятся склонными ожидать его в любую минуту, а, следовательно, начинают воспринимать окружающий мир как враждебно настроенный по отношению к ним. Такое искажение может привести к формированию модели “оборонительного поведения” (механизм снижения порога восприятия агрессии): постоянному обостренному ощущению угрозы и к склонности реагировать агрессивно на любые стимулы.

Цикл насилия

Агрессивные и насильственные отношения в семье (между супругами или между родителями и детьми) носят циклический характер (L. E. Walker, 1979). Во взаимоотношениях «агрессора» и «жертвы» выделяют несколько фаз (Рисунок 30).

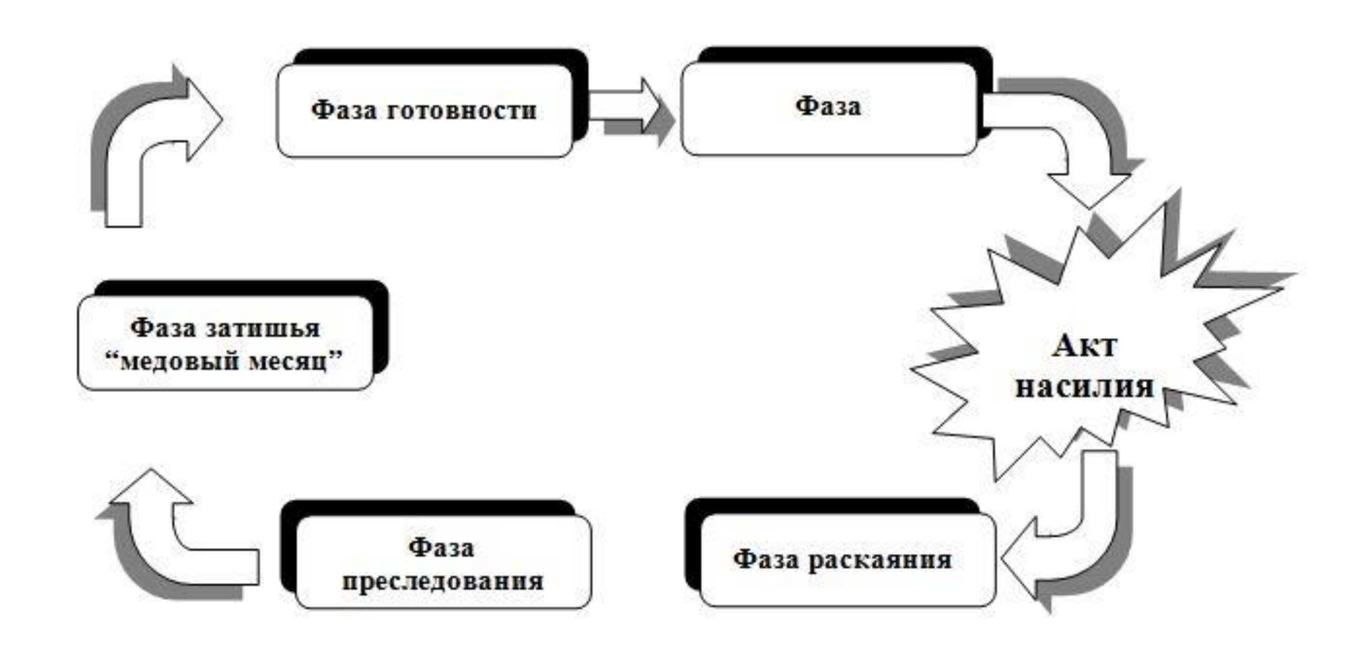

Рисунок 30 – Цикл насилия

Фаза готовности. Данная фаза характеризуется нарастанием напряжения во взаимоотношениях. Происходит нарушение коммуникации (учащаются ссоры и скандалы). Агрессор начинает становиться озлобленным. Возрастает угроза насильственных действий. Жертва испытывает потребность успокоить агрессора. Напряженность нарастает до предела. У жертвы появляется «предчувствие грозы».

Фаза нерешительности. Агрессор использует психологическое насилие (вербальные атаки, принуждение, запугивание) с целью получения контроля над жертвой.

Инцидент. Любой акт физического, сексуального или психологического насилия.

Фаза раскаяния. Агрессор испытывает чувство вины, пытается минимизировать последствия и делает все возможное, чтобы доказать, что насилие никогда больше не повторится (начинает приносить извинения, давать обещания, делать подарки и всячески задабривать жертву). Может также обвинять жертву в провокации насилия («Ты же знаешь, что когда ты это делаешь – я становлюсь бешенным!». Может отрицать, что насилие имело место или пытается убедить жертву, что он совершил не такой плохой поступок, как это может показаться («А, что собственно такого я сделал!»).

Фаза преследования. Агрессор пытается убедить жертву, что он нуждается в ней и не может жить без нее. Если попытки откупиться не срабатывают, агрессор может обратится к угрозам и насилию.

Фаза затишья («медового месяца»). Взаимоотношения между агрессором и жертвой становятся даже более близкими по сравнению с теми отношениями, что были до недавней изоляции («Видите, у нас никаких проблем! Мы любим друг друга даже сильнее, чем прежде!». Агрессор выполняет все данные им обещания. Жертва начинает верить и надеяться, что насилие закончилось раз и навсегда. Однако, в конечном счете, а иногда достаточно быстро, цикл насилия возобновляется.

Роль подкрепления

Как уже отмечалось при рассмотрении поведенческой модели, возникновение агрессии во многом обусловлено ролью родителей и семьи в целом в научении агрессивным паттернам поведения. Существуют неопровержимые доказательства того, что если ребенок ведет себя агрессивно и получает при этом положительное подкрепление, то вероятность его агрессии в будущем в аналогичных ситуациях многократно возрастает. Постоянное положительное подкрепление определенных агрессивных актов, в конце концов, сформирует привычку агрессивно реагировать на различные раздражители .

Представляет интерес зависимость между реакцией родителей на раннее проявление агрессивности со стороны детей и агрессивностью, проявляемой ими в более зрелом возрасте. Родители часто по–разному реагируют на агрессивное поведение детей в зависимости от того, направлено ли оно на них или на сверстников. Как правило, строже наказывается ребенок за

агрессивность по отношению ко взрослому, чем по отношению к другому ребенку, особенно, если последний действительно заслужил это.

В приведенной ниже таблице хорошо прослеживается зависимость санкций родителей и субъективные переживания детей по поводу агрессивности в более зрелом возрасте (Таблица 6).

Таблица 6. – Переживания по поводу проявления агрессивности в более зрелом возрасте в зависимости от санкций родителей в детстве

Поведение родителей	Реакции ребенка в более зрелом возрасте
Агрессивность по отношению к родителям или другим взрослым разрешается	Не испытывает какой–либо вины (или испытывает в незначительной степени) за агрессивное поведение по отношению к старшим
Агрессивность по отношению к старшим не разрешается	Испытывает чувство вины при проявлении агрессивности по отношению к старшим
Агрессивность по отношению к "заслуживающим этого" сверстникам разрешается	Не испытывает чувства вины (или испытывает в незначительной степени) при проявлении агрессивности по отношению к сверстникам
Агрессивность по отношению к сверстникам не разрешается	Испытывает чувство вины при проявлении агрессивности по отношению к сверстникам
Агрессивность по отношению к младшим разрешается	Не испытывает чувства вины (или испытывает в незначительной степени) при проявлении агрессивности по отношению к младшим
Агрессивность по отношению к младшим не разрешается	Испытывает чувство вины при проявлении агрессивности по отношению к младшим

Таким образом, предполагается, что в подростковом, юношеском или более позднем возрасте выросший ребенок будет чувствовать себя спокойнее, проявляя агрессивность лишь по отношению к сверстнику или равному по статусу человеку, а не по отношению к какому–либо авторитетному лицу (педагогу, руководителю, начальнику). Более того, у него, вероятнее всего, будет формироваться и укрепляться чувство вины всякий раз, когда он проявит агрессивные чувства или действия против старшего, либо сверстников того же возраста.

Исследованиями доказано, что в социализации агрессии присутствуют два важных момента: 1) снисходительность (степень готовности родителей прощать поступки ребенка) и 2) строгость наказания родителями агрессивного поведения ребенка. При этом снисходительность рассматривалась как поведение родителя до совершения поступка (ожидания родителя, предостерегательная тактика в отношении появления агрессии и др.), а строгость наказания – после совершения поступка (сила наказания за проявленную агрессию).

Гипотеза была такова: поскольку снисходительность сама по себе не способствует возникновению тревоги и чувства вины, можно ожидать, что агрессивность ребенка окажется пропорциональной снисходительности матери. Иными словами, чем больше снисходительность родителя, тем больше агрессивность ребенка. Если считать, что наказания подавляют нежелательное поведение, то можно ожидать– чем строже будет наказывается агрессия, тем меньше она будет проявляется. Однако на практике такие предположения оказались сильно упрощенными. Так, в исследованиях, основанных на опросе матерей, использовавших разные методы воспитания ребенка и затем оценивших уровень детской агрессивности, были получены результаты, представленные в таблице 7.

Таблица 7– Результаты исследования детской агрессивности при различных стилях воспитания

Гр.	Стиль воспитания	Число агрессивных детей (%)	
		Мальчики	*Девочки*
A	Низкий уровень снисходительности, низкий уровень склонности к наказаниям	3,7	13,3
B	Низкий уровень снисходительности, высокий уровень склонности к наказаниям	20,4	19,1
C	Высокий уровень снисходительности, низкий уровень склонности к наказаниям	25,3	20,6
D	Высокий уровень снисходительности, высокий уровень склонности к наказаниям	41,7	38,1

Анализ табличных данных показывает, что наиболее снисходительные (группа C) и наиболее требовательные (группа B) родители имели детей, чей уровень агрессивности мало различался. Родителями наименее агрессивных детей оказались те (группа A), кто не был ни снисходительным, ни склонным к применению наказаний. Их позиция заключалась в осуждении агрессии и доведении этого до сведения ребенка, но без строгих наказаний в случае проступка. (R.R.Sears, E.C.Maccoby, H. Levin, 1957).

Родители наиболее агрессивных детей (группа D) вели себя так, как будто любое поведение детей приемлемо, не показывая своего отрицательного отношения к агрессивным поступкам. Однако, наряду с этим, когда ребенок совершал поступок, он бывал строго наказан. Здесь напрашивается вывод – суровое наказание в неопределенной ситуации вызывает у ребенка враждебность (т.к. он не понимает, за что его наказали) и дальнейшую агрессивность. Кроме того, склонный к наказанию родитель, хотя и не намеренно, подает ребенку пример агрессивного поведения. Ребенок постепенно привыкает к тому, что агрессия – это нормальный путь

преодоления фрустрации. Строгость родителя, если она последовательна и достаточно чувствительна для ребенка, может привести к подавлению агрессивных импульсов в присутствии родителя, но вне дома ребенок будет вести себя более агрессивно, чем дети, которые воспитывались иначе.

Представляет интерес установленная зависимость между родительским насилием и агрессией у детей: мальчики, чьи родители применяли суровые методы воспитания, были высокоагрессивны во взаимодействии со сверстниками и взрослыми вне дома, хотя проявляли мало прямой агрессии по отношению к родителям. Более того, различно и отношение родителей к поведению детей в зависимости от пола ребенка. Если отцы больше утешают дочерей, чем сыновей (когда те огорчены и чаще их ободряют), то матери более снисходительны и терпимы к сыновьям (разрешают им чаще проявлять агрессию в отношении родителей и других детей), чем к дочерям.

Если же рассмотреть особенности родительских наказаний, то установлено, что отцы предпочитают физические наказания, а матери– непрямые или более психологические воздействия и на сыновей, и на дочерей . В целом же данные ряда исследований свидетельствуют о том, что мальчиков родители чаще подвергают физическим наказаниям, чем девочек, а более частые и сильные наказания вызывают у мальчиков и большее сопротивление .

Кроме того, теория социального научения утверждает, что в процессе онтогенеза ребенок осваивает и более эффективные агрессивные действия: чем чаще он их использует, тем совершенней становятся эти действия. Вместе с тем существенное значение имеет успешность агрессивных действий: достижение успеха при проявлении агрессии может заметно повысить силу ее мотивации, а постоянно повторяющийся неуспех – силу тенденции торможения.

Таким образом, согласно теории социального научения , формирование агрессивного поведения может происходить несколькими путями:

1. Родители поощряют агрессивность в своих детях непосредственно либо показывают пример (модель) соответствующим поведением по отношению к другим и к окружающей среде. Определено, что дети, наблюдающие агрессивность взрослых, особенно если это значимый и авторитетный для них человек, которому удается добиться успеха благодаря агрессивности, обычно воспринимают эту форму поведения. Например, на рисунке "Семейная идиллия" отлично видно как ребенок "заражается" агрессией отца.

2. Родители наказывают детей за проявление агрессивности:

а) родители, очень резко подавляющие агрессивность у своих детей, воспитывают в ребенке чрезмерную агрессивность, которая будет проявляться в более зрелые годы.

б) родители, которые не наказывают своих детей за проявление агрессивности, вероятнее всего, воспитывают в них чрезмерную агрессивность;

в) родителям, разумно подавляющим агрессивность у своих детей, как правило, удается воспитать умение владеть собой в ситуациях, провоцирующих агрессивное поведение;

Следовательно, можно заключить – наблюдение и подкрепление агрессии со временем развивает у человека высокую степень агрессивности как личностной черты. Точно также наблюдение и подкрепление неагрессивного поведения развивает низкую степень враждебности.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение социализации агрессии?
2. Назовите механизмы социализации агрессии?
3. Охарактеризуйте механизмы межпоколенной эстафеты агрессии и насилия?
4. Из скольких фаз состоит цикл насилия?
5. Обозначте роль подкрепления в формировании агрессивной модели поведения?

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СИТУАТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АГРЕССИВНОСТИ

На возникновение агрессии часто оказывают влияние не только факторы, опосредованные особенностями процесса развития в онтогенезе и социализации, но и социально–психологические, и ситуативные факторы. К числу таких основных факторов можно отнести следующие:

Оценка другими людьми. Было установлено, что присутствие других лиц уже само по себе может либо усиливать, либо тормозить агрессию. Однако здесь важную роль играет оценка степени агрессивности наблюдателя. Так, например, экспериментально доказано, что если за поведением детей наблюдал человек, воспринимавшийся ими как лицо, склонное к агрессии (скажем, тренер по восточным единоборствам), то дети проявляли больше актов агрессивного характера. Если в этой же ситуации наблюдателем оказывалось лицо, воспринимаемое детьми как противник агрессии (скажем, учитель), то их поведение отличалось большей сдержанностью. Причем следует отметить такую закономерность: как только агрессивный наблюдатель уходил, уровень агрессии в поведении детей значительно снижался или достигал исходного уровня.

Социальное отвержение. Было установлено, что люди, которые не принимаются или отвергаются окружающими чаще испытывают гнев и становились агрессивными. В экспериментальных исследованиях одним участникам разрешалось подавать другим участникам через наушники громкие звуки или очень пряный острый соус для еды, которые им не нравились. В этих экспериментах отверженные индивиды были более агрессивны, чем неотвергаемые индивиды (M. R. Leary, J. M. Twenge, E. Quinlivan, 2006). Если групповое членство для отверженного является важным, то он, также с большей вероятностью, примет ответные меры против всей группы, даже при том, что другие член группы не имели никакого отношения к его отвержению (L. Gaertner, J. Iuzzini, E. M. O'Mara, 2008). Агрессия в ситуации социального отвержения особенно характерна для индивидов, которые являются очень чувствительными к непринятию (O. Ayduk, A. Gyurak, A. Luerssen, 2008).

Одной из чрезмерный форм социального отвержения является остракизм. *Остракизм* предполагает исключение, отвержение и игнорирование другими (например, «молчаливый байкот»). Остракизм является очень болезненным и действительно увеличивает агрессию (W. A.Warburton, K. D. Williams, D. R. Cairns, 2006).

Намеренность агрессии. Существует точка зрения, что для начала агрессии нередко бывает достаточно одного только знания, что другой человек имеет враждебные намерения, хотя непосредственного акта нападения не было. Часто в таких случаях основным запускным стимулом выступает гнев, возникающий как эмоциональная реакция на планируемое насилие. Однако в тех случаях, когда противник заранее просит извинить его за агрессивное поведение, то очень часто гнев не возникает вообще, и ответной агрессии не происходит .

Кроме того, если человек, к примеру, осознает , что конфликт или другой инцидент оказался непреднамеренным, и понимает, что произошла ошибка, то гнев, желание мести и стремление к ответной агрессии у него могут быстро пройти.

Провокация. Провокация к агрессии включает реальные и/или предполагаемые спусковые механизмы агрессии и насилия. К спусковым механизмам провокации могут относиться оскорбления, физическая агрессия, или вмешательство в процесс достижения цели. Как показали исследования, помимо названных, к провоцирующим агрессию факторам могут относиться также кража собственности и угроза самооценке (C. A.Anderson, B. J. Bushman, 1997).

Первая причина, вызывающая агрессию в ситуации провокации, это перцепционные и когнитивные предубеждения индивидов, склонных к агрессивным и насильственным действиям, которые искажают поступающую информацию о ситуации, что не позволяет оправдать наблюдаемые агрессивные действия других людей. Второй – когда агрессивные индивиды вербально нападают на других, защищая аргументы, приводящие к эскалации конфликта и ситуативной агрессии. Третья – тенденция некоторых индивидов использовать положение и власть над другими, которые воспринимаются как более слабые, с тем, чтобы не оказаться в агрессивном взаимодействии в роли жертвы.

В одном исследовании мужчинам, совершивших насильственные преступления и отбывающим срок наказания, предложили назвать вид провокации, который может вызвать насилие, проинтерпретировать свой выбор и аргументировать оправдания за эти насильственные действия (V. Lopez, E. Emmer, 2002). Их объяснения были разделены на две категории, основанных на убеждениях, мотивов к совершению насилия в ответ на ситуативные влияния: преступления линчевателя и преступления чести. Примечательно, что как только ситуация провокация была определена, эти преступники преднамеренно проигнорировали возможность негативных последствий их насилия (таких как арест, тюремное заключение, возмездие).

Преступления линчевателя (составляющие 25 % от всех случаев) имели главной целью защиту других. Такое насилие воспринималось как заслуживающее полного оправдания и не сопровождалось никаким сожалением или раскаянием.

Преступления чести были теми, которые предполагали защиту себя в ответ на реальную или воспринятую угрозу (то есть, самосохранение – составляли 39 % всех случаев), и теми, в которых была задета честь их преступной группы, если они считали, что ей угрожали (37 % всех случаев). Общим и для преступлений линчевателя, и для преступлений чести было одобрение насилия в качестве приемлемого и предпочтительного метод контакта с воспринятой как провокация ситуацией, которым они руководствовалось, опираясь на гипермаскулинные ценности и нормы поведения. Особенность преступлений чести состояла в готовности к нападению на других как людей, пытающийся представить их слабыми, трусливыми или не достойными уважения. Иными словами эти преступники в большей мере руководствовались предубеждениями враждебного атрибутирования.

В другом исследовании предубеждений враждебного атрибутирования, группам агрессивных и неагрессивных подростков демонстрировали видеосюжеты, изображающие конфликты со сверстниками и авторитетными фигурами (J. Lochman, K. Dodge, 1994). Детей просили поставить себя на место протагониста (главного героя). Антагонист изображался или как добрый, или как враждебный, или как неоднозначный (с неопределенным намерением выполнить действие). После просмотра каждого из сюжетов детей просились назвать и проинтерпретировать намерения антагониста и закончить описанием выбранной ими стратегии разрешения представленной межличностной проблемы. Результаты этого исследования показали, что дети группы агрессивных подростков по сравнению с группой неагрессивных, генерировали меньше решений, в которых протагонист справлялся с проблемой, и называли меньше релевантных реакций, но чаще интерпретировали неоднозначные действия антагониста как агрессивные.

Таким образом, провокация хорошо заметна в ситуациях, когда оскорбления начинают использоваться как аргументы в споре и нарастает вероятность использования физической агрессии. Кроме того, провокация прослеживается в сверхчувствительной психологической готовности интерпретировать намерения других как недоброжелательные и угрожающие, что требует молниеносной реакции запугивания и предупреждения других об использовании агрессии в случае продолжения провокационных действий. Чрезмерно агрессивные индивиды характеризуются высокой готовностью

реагировать агрессивно на воспринимаемое неуважение их самих или их близких, но также и на нарушения чувства справедливости, при этом не испытывая потребность беспристрастно установить виновность/невиновность «провокатора».

Фрустрация. Состояние фрустрации может возникнуть в любой сфере межличностных отношений, когда кто-то/что-то препятствует достижению цели. Л. Берковиц (L. Berkowitz, 1993) отмечал, что фрустрация может стать вероятной причиной гнева/страха и агрессии, если: 1) повторные попытки достижения целей или получения вознаграждения, которые ожидались, остаются безрезультатными; 2) действия, вызывающее фрустрацию, воспринимается как несправедливые или произвольные (деспотичные); (3) действий персонифицируются 4) ресурсы (личностные, когнитивные, социальные), с помощью которых можно справиться со стрессорами, являются ограниченными или недоступными.

Таким образом, часто испытываемая фрустрация может усилить повседневную раздражительность и стресс, делая индивида, особенно уязвимым для провокации. Агрессия может быть направлена на воспринятый источник фрустрации, такой как учителя, конкуренты, сверстники или к чужая собственности, проявляясь в виде вандализма.

Восприятие агрессии. Широкое распространение видео и телепрограмм с сюжетами насилия и увлечение ими детей вызывают острую критику педагогов и социальных работников, которые считают, что сцены насилия на экране и фильмы ужасов делают ребенка более агрессивным и жестоким. Однако, как считают некоторые детские психоаналитики, эти утверждения бездоказательны и восходят к древнему педагогическому мифу о tabula rasa. В видеофильмах ребенок бессознательно реализует определенные свои потребности и отреагирует аффекты, чему во многом способствуют образы героев фильмов. Поэтому чрезмерное увлечение видео и телевидением возникает только у тех детей, которые испытывают затруднения в адаптации к действительности и не могут решить их в реальной жизни.

В рамках теории социального научения существует противоположное мнение, свидетельствующее о том, что переживания, вызываемые даже пассивным наблюдением агрессии и насилия, происходящих как на экране, так и в реальной жизни, ведут не к катарсическому эффекту, как предполагает теория влечений, а наоборот, к возбуждению агрессии. Это мнение, основано на том, что наблюдатель, особенно, если он ребенок, проявляет тенденцию совершать те же самые действия, как и лицо за которым он наблюдает . В частности, указывается, что просто ожидание или сам просмотр сцен насилия по телевидению и в фильмах может увеличивать степень агрессивности. Было

установлено, что зрители с высоким уровнем агрессивности в большей степени интересуются видеонасилием, в то время как малоагрессивные поверхностно просматривают такие фильмы и не концентрируются на сценах подстрекательства и ответного насилия .

Кроме того, дети из семей, использующих различные способы социального подкрепления, по–разному воспринимают телепередачи агрессивного содержания. Дети, чаще подвергающиеся наказаниям в семье, во–первых, вообще больше смотрят телевизионные передачи, во–вторых, в качестве любимых передач они отмечают большее количество программ, в которых присутствует насилие, и, в–третьих, в качестве любимых героев – выбирают телеперсонажей, проявляющих враждебность и агрессию.

Однако, вникнув в аргументацию и психоаналитиков и бихевиористов, вдруг начинаешь понимать, что их точки зрения мало чем отличаются друг от друга. Разве, что углом зрения. А иногда излагаемые факты, просто являются выражением оппозиционного мнения по поводу одного и того же явления. Как, например, в случае с пристрастием часто наказываемых детей к просмотру телепередач. Это пристрастие с психологической точки зрения можно объяснить только либо механизмом компенсации, либо механизмом катарсиса.

В целом же, если проанализировать эффект влияния теле– и видео сюжетов на поведение детей, то можно сделать интересные выводы. Многие, особенно американские «агрессивные» мультики, боевики и вестерны, по своему сюжету и композиции очень похожи на столь любимые в детстве сказки. Они отвечают всем трем «сказочным» условиям: во-первых, в них всегда добро борется со злом, во-вторых, добро всегда побеждает зло, и наконец, в-третьих, это «happy end» – торжество добра, счастья и справедливости. Взять хотя бы столь любимые детьми мультфильмы как «Ну, погоди!» и «Том и Джерри». Да и справедливости ради можно отметить, что среди самых любимых детских сказок, есть немало с очень агрессивным содержанием: «Колобок», «Красная шапочка», «Мальчик с пальчик», «Кот в сапогах», «Буратино», «Соловей-разбойник», «Конек-горбунок» и много других.

Желание возмездия. Как уже отмечалось, часто агрессия, особенно в детском возрасте, может возникать как ответная реакция на неприемлемое поведение окружающих, то есть как акт возмездия за что–либо. Так, например, ребенок, часто подвергавшийся наказаниям, усваивает, что человек сам должен наказывать, если другие совершают неблаговидные поступки. Ответное причинение страданий своему обидчику (явное, косвенное или в

фантазиях) и наблюдение его страданий ослабляют у ребенка реакцию гнева и удовлетворяют его потребность в агрессии.

Существуют также некоторые данные, которые свидетельствуют о наличии прямой зависимости между возможностью осуществить возмездие и агрессией. Было определено, что при отсутствии возможности возмездия уровень агрессивной мотивации в результате фрустрации повышается, а уровень мотивации торможения агрессии снижается.

Более того, полученные экспериментальные данные позволяют сделать предположение, что агрессивное кино негативно действует только на человека, подвергшегося агрессии и думающего о возмездии, поскольку некоторые его сюжеты могут не только привести к возникновению замещающего переживания, но возбуждать и умножать надежды на отмщение обидчику, а следовательно, приводить к усилению агрессивной мотивации.

Анонимность. Было замечено, что анонимность является существенным фактором, который уменьшает торможение и усиливает проявление агрессии. Это происходит потому, что агрессоры думают, что они, менее вероятно, будут пойманы и понесут ответственность за свои агрессивные действия. Когда люди становятся анонимными, они теряют чувство индивидуальности и испытывают состояние, названное *деиндивидуализацией.* Люди могут разными путями достигнуть анонимности: носить маску или маскировку, стать частью многочисленной группы или действовать в темноте. Это, например, может объяснить, почему грабители стремятся при совершении преступления надеть маску или орудовать в ночное время суток или почему футбольные фанаты, находясь в группе, более агрессивны, чем в одиночку.

Анонимность увеличивает агрессию, как в лабораторных условиях, так и за пределами лаборатории (C. A. Anderson, B. J. Bushman, 1997). В результате анализа большого количества насильственных нападений преступников было установлено, что нападавшие, которые использовали маскировку, причиняли более серьезные физические повреждения, нападали на большее количество людей, и, более вероятно, угрожали жертвам после нападений в сравнении с нападавшими, которые не носили маскировки (A. Silke, 2003). В других исследованиях (P. A.Ellison, et. al., 1995), «подставной» водитель останавливался на перекрестке, когда горел зеленый свет. Участники (водители транспортных средств с открытым и закрытым верхом салона) вынуждены были останавливаться на перекрестке из-за невозможности двигаться дальше. Водители с закрытым верхом (и, следовательно, более анонимные) гудели в клаксон чаще и дольше, чем водители с опущенным верхом. В одном из своих ранних лабораторных экспериментов Ф. Дж.

Зимбардо (P. G. Zimbardo, 1969), изучал студенток колледжа в двух ситуациях. Половина была одета в лабораторные халаты с капюшоном на голове и не имела бейджа с указанием имени. Другая половина не была одета в халаты и носила большой бейдж с указанием имени. Участники эксперимента слушали интервью между исследователем и конфедератом (помощником экспериментатора), который вел себя или предосудительно, или хорошо. Участники решали, сколько времени конфедерат должен быть наказан ударом тока. В результате было установлено, что участники анонимной группы назначали конфедерату более длинные интервалы удара током, чем из не анонимной группы, особенно, если он предосудительно вел себя во время интервью.

Алкоголь. Согласно обыденным представлениям, под воздействием алкоголя люди становятся агрессивнее. Тот факт, что агрессия сопутствует употреблению алкоголя, подтверждается данными различных исследований. В результате был сделан вывод – алкоголь является фактором риска насилия в семье, а также главная причина многих видов группового насилия.

Однако то, что алкоголь часто способствует совершению агрессивных поступков, еще не означает, что он является единственной причиной действия подобного рода. Вполне вероятно, что существуют и другие причины, которые в совокупности и приводят к совершению агрессии. Например, вероятность агрессии в состоянии опьянения может возрастать: при недостаточном контроле человека за собственными импульсами, в случае низкого индивидуального порога подверженности фрустрации, при сильном провоцирующем воздействия или предварительной фрустрации.

Воздействие алкоголя на побуждение человека к совершению агрессивного поступка может осуществляться по крайней мере двумя способами. Во-первых, фармакологическое воздействие алкоголя отражается на физиологическом функционировании организма. Во-вторых, психологическое влияние алкоголя заключается в порождении ожиданий, что его употребление приведет к определенным изменениям в ощущениях, мышлении и поведении. Связанные с употреблением алкоголя ожидания могут оказывать влияние на агрессивные реакции, поскольку обеспечивают агрессору оправдание его действий.

В целом исследования по проблеме связи алкоголя с агрессией демонстрируют схожие результаты:

– имеются многочисленные свидетельства более агрессивного поведения индивидов, находящихся в состоянии опьянения;

– усиление агрессии при употреблении алкоголя во многом предопределено его фармакологическим воздействием;

– алкоголь не приводит к агрессивному поведению непосредственным путем, а воздействует опосредованно. В частности установлено, что алкоголь ослабляет способности человека к обработке информации, включая внимательное отношение к нормативным ограничениям, которые в трезвом состоянии сдерживали бы агрессивные реакции;

– на взаимосвязь алкоголя и агрессии влияют особенности ситуации – такие как провокация, фрустрация и способность концентрации внимания на собственных действиях.

Температура. Было замечено, что некомфортно высокие температуры усиливают агрессивные мотивы и агрессивное поведение (C.A. Anderson et al, 1997, 2000). Существует три основных подхода к изучению взаимосвязи температуры и агрессии.

В первом подходе основное внимание уделяется определению влияния географической области и доказывается, что агрессия в большей степени распространена в жарких регионах по сравнению с теми географическими областями, где климат более прохладный. В частности в целом ряде исследований было обнаружена связь температуры и совершаемыми жестокими преступлениями.

В рамках второго подхода устанавливается влияние временных периодов, т. е. исследуются различия в уровне агрессии в зависимости от изменений температуры с течением времени (времена года, месяцы, периоды дня).

Сравнительное исследование более жарких и прохладных лет, сезонов и дней подтвердило влияние температуры на проявление агрессии. Так, например, результаты нескольких исследований показали, что количество убийств, серьезных нападений и изнасилований значительно возрастает в летние месяцы в целом, а также в более жаркие годы и более жаркие летние периоды, в то же время преступления имущественного характера не испытывали на себе воздействия температурных изменений (C.A. Anderson, B.I.Bushman, R.W.Groom, 1997). Было также установлено, что дневное количество обращений в полицию повышается то мере роста температуры.

Однако в данном случае эти данные нельзя трактовать однозначно. Здесь многое может зависеть от ситуативного контекста. Например, летом люди больше времени проводят вне дома, и поэтому вероятность быть вовлеченным в происшествия агрессивного характера может быть выше.

И, наконец, в рамках третьего подхода рассматриваются сопутствующие жаре влияния, т. е. температура и агрессия изучаются одновременно и определяется, какие изменения происходят в агрессивном поведении в зависимости от температурных колебаний. Здесь были выявлены

устойчивые внутриличностные зависимости между пребыванием на жаре и агрессивным поведением.

В целом все полученные данные подтверждают «гипотезу жары», которая предполагает, что некомфортно высокая температура, порождая отрицательные эмоции, чаще всего приводит к аффективной (или враждебной) агрессии. Кроме того, отмечается более сильное воздействие температуры на агрессивные действия с сильным аффективным компонентом (например, убийства, нападения, бесчинства и изнасилования) по сравнению с проявлениями инструментальной агрессии (например, кражами, грабежами или, возможно, международными конфликтами).

Эти закономерности, возможно, объяснить тем, что людям всегда было легче защититься от холода, нежели избежать жары. Поэтому неудобство, причиняемое низкими температурами, не ощущается в той ее степени, как дискомфорт от высоких температур. Однако существуют и другие точки зрения.

Теория рутинной деятельности, связанные с температурой изменения в агрессивном поведении, объясняет изменениями повседневной деятельности людей при различных температурных режимах. Например, сезонные изменения в повседневных поведенческих моделях (частота пребывания на улице, употребления алкоголя и др.) могут влиять на вероятность оказаться вовлеченным в происшествия агрессивного характера и поэтому выступают опосредующим фактором в связке «температура—агрессия».

Теория избавления от негативных эмоций, предполагает, что высокие температуры вызывают негативные эмоциональные состояния, а агрессия есть реакция на это состояние. Кроме того, согласно данной теории, если отрицательные эмоции превысят определенный уровень (например, если высокие температуры действуют совместно с провокацией или фрустрацией как дополнительными источниками отрицательных эмоций), основным стремление человека будет желание избежать данную ситуацию, а не разрядить агрессивное напряжение.

Теснота. Теснота связана с ощущением территориальной ограниченности и пространственной плотности – восприятием их как дискомфортных. Совершенно очевидно, что теснота – это субъективное переживание, тогда как плотность – это физическое понятие, которое можно определить с точки зрения количества людей на единицу пространства. Это разграничение имеет большое значение, потому что одинаковая плотность может у одних людей вызвать ощущение тесноты, а у других нет. Аналогично один и тот же уровень пространственной плотности может в одной обстановке (например, на концерте, проводимом на открытом воздухе) восприниматься как приятное оживление, а в другой (например, в переполненном транспорте) – как

тягостная давка. В литературе не обнаружено данных, свидетельствующих о непосредственной связи большого скопления людей с проявлениями агрессией. Однако, если опираться на житейский опыт и наблюдения за поведением людей в ситуации скученности, то можно утверждать, что теснота повышает вероятность агрессии, например в стесненных условиях проживания в семьях, в тюрьмах, а также в случае вторжения в личное пространство человека. Экспериментальные данные свидетельствуют, что усиление агрессии в стесненных условиях опосредуется негативным эмоциональным возбуждением, вызываемым субъективным восприятием пространственной ограниченности и скованности. Кроме того, было установлено, что мужчины, сильнее реагируют на тесноту, чем женщины, с точки зрения агрессивного поведения (Baron & Richardson, 1994). Это объясняется тем, что мужчины претендуют на большее личное пространство, чем женщины, и поэтому ограничения их территориальных притязаний с большей вероятностью оказывают на них неблагоприятное воздействие, вызывает возбуждение, а, следовательно, агрессию.

Шум. Шум – еще один внешний стрессор, который может провоцировать агрессивное поведение. Экспериментально было установлено, что изменение шумового уровня приводило к усилению агрессии у индивидов, находящихся в состоянии сильного возбуждения. Кроме того, шум может снижать терпимость человека к фрустрации и потому усиливает склонность к агрессивному поведению в ответ на фрустрацию.

Таким образом, шум действует как «проявитель» склонности к агрессивным реакциям у тех людей, которые уже находятся в состоянии повышенной готовности к агрессивному поведению. Однако, вкорее всего, способствует агрессии не шум сам по себе, а то, что зачастую он представляет собой неблагоприятное событие, которое невозможно проконтролировать. Если бы шум воспринимался человеком как контролируемый, его влияние на агрессивное поведение было бы в значительной степени снижено.

Загрязнения воздуха. Было также обнаружено, что и загрязнение воздуха может усиливать склонность к агрессивным реакциям. В результате изучения влияния на агрессию сигаретного дыма было установлено, что под воздействием сигаретного дыма индивиды по отношению к другим людям (не только по отношению к курящему) выказывали больше враждебности, чем люди, которые находились в незадымленом помещении. Согласно модели избавления от негативных эмоций умеренный уровень неприятного запаха приводит к усилению агрессии, тогда как если такой запах становится сильнее, уровень агрессии снова снижается.

Таким образом, несмотря на то, что ни один из указанных факторов не рассматривается в качестве главной причины агрессивного поведения,

они имеют важное значение для формирования готовности к агрессивным реакциям.

Вопросы для самоконтроля

1. Почему отвергаемые индивиды более агрессивны, чем неотвергаемые?
2. В каких случаях провокация может усиливать стремление к агрессии?
3. Назовите условия, когда фрустрация становится причиной агрессии?
4. В чем суть эффекта деиндивидуализации?
5. Назовите экологические факторы, провоцирующие возникновение агрессии?

НАСИЛИЕ И ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С РЕБЕНКОМ

Насильственное и жестокое обращение с ребенком достаточно распространенное явление. Оно может осуществляться как в явной, открытой (сексуальное, физическое насилие), так и в скрытой (психологическое насилие) формах. Наиболее часто жертвами насилия как со стороны взрослых, так и сверстников, становятся (Н. В. Тарабрина, 2001):

- дети, воспитывающиеся в условиях безнадзорности, заброшенности и эмоционального отвержения, не получающие достаточного ухода и эмоционального тепла, а также имеющие отставание в психофизическом развитии, легко внушаемые, не способные оценить степень опасности и сопротивляться насилию;
- уличные дети;
- дети, воспитывающиеся в условиях жестокого обращения в семье, которые враждебно воспринимают мир, готовы быть жертвами насилия со стороны сильных и сами проявлять его в отношении слабых;
- дети, которые воспитываются в обстановке беспрекословного подчинения, не умеющие сказать «нет», с нечеткими внутренними границами личности, делающими их не способными сопротивляться насилию, боязливые и тревожные;
- дети с нервно-психическими расстройствами (олигофрения, расстройства личности – психопатии, последствия органического поражения головного мозга и пр.) и физическими недостатками;
- маленькие дети в силу своей беспомощности.

Дети, подвергшиеся физическому насилию

Как показывают различные международные исследования каждый день по причинам несчастных случаев из-за жестокого обращения с детьми или отсутствия должной заботы о них – погибают 3 ребенка. Более чем в половине всех случаев нанесения детям телесных повреждений они подвергались физическому насилию со стороны своих родителей, причем отцы и матери замешаны в этом примерно одинаково. Среди других лиц, уличённых в жестоком обращении с детьми, число мужчин превышает число женщин в 4 раза. Физическому насилию чаще подвергаются мальчики. Маленькие дети получаю тяжелые физические повреждения, чем дети старшего возраста. Около половины всех случаев, повлекших серьезные телесные повреждения или смерть, приходится на детей в возрасте до 3-х лет (Г. Крайг, 2000).

Многие дети, подвергающиеся насилию, воспринимаются родителями как трудные, с задержкой развития или с умственной усталостью, плохие,

эгоистичные и не подчиняющиеся дисциплине. Дети с гиперактивностью наиболее часто подвергаются физическим наказаниям, особенно если их родители лишены способности осуществить правильный уход за ребенком.

В избиении ребенка обычно бывает виновата женщина, а не мужчина. Один из родителей обычно бывает инициатором применения силы, а другой пассивно мирится с этим. Средний возраст матерей, злоупотребляющих своими детьми, – 26 лет, средний возраст отцов – 30 лет.

В большинстве случаев физические наказания детей имеют место в семьях с низким социально-экономическим статусом.

Физическое насилие – это насильственные и другие умышленные, намеренные действия, которые причиняют ребенку физическую и душевную боль и страдания, включая избиения, ожоги, кусание, удушение и ошпаривание, приводящее к ожогам, наказание («лупцевание») ремнем или другими предметами, переломы костей, нанесение шрамов, рубцов или серьезных внутренних повреждений, а также наносят ущерб его развитию, здоровью и жизнедеятельности.

Индикаторы физического насилия

К физическим (внешне наблюдаемым) индикаторам относятся: следы укусов; синяки; кровоподтеки; царапины; шрамы, следы связывания, следы ногтей, следы от сжатия пальцами; следы от ударов предметами (ремнем, палкой, следы от веревочной петли); ожоги; наличие на голове участков кожи без волос; высокая вероятность травматизации или частых повреждений; переломы в необычных местах; повреждения, припухлости на лице или конечностях; бледность кожных покровов; повреждения внутренних органов (разрыв печени, ушибы почек, мочевого пузыря в результате удара в живот или в бок); необычное состояние ребенка после насильственного приема алкоголя или лекарств; умерший ребенок с признаками насилия (убийство). О повторяющемся физическом насилии можно судить в том случае, если на теле ребенка имеются следы разной давности (раны, кровоподтеки и т. д.).

К поведенческим индикаторам относятся: избегание физических контактов с другими людьми; застывший, испуганный взгляд (наблюдается и у грудного ребенка); пугается, когда слышит крик или плач других детей; ношение закрытой одежды, чтобы преднамеренно скрыть повреждения; отказ раздеваться для участия в школьных спортивных мероприятиях; невразумительные (противоречивые) объяснения причин происхождения повреждений; страх перед родителями; частые опаздания или пропуски школьных занятий; ранний приход в школу/детский сад и очень поздний уход домой; испытание трудностей, когда необходимо быть вместе с другими; неуважительное отношение к другим; чрезмерное послушание, избегание,

готовность и позволение «без протеста» делать другим с собой все что угодно; пассивность, замкнутость или повышенная агрессивность; агрессивные игры, часто с причинением повреждений сверстникам; случаи причинения себе вреда – саморазрушительное поведение (употребление алкоголя, наркотиков, курение); необъяснимые изменения в поведении (прежде жизнерадостный ребенок теперь постоянно грустен, задумчив, замкнут); жалобы на боль при движениях или контактах; большой опыт побегов из дома; отчаянные просьбы и мольба ребенка не сообщать родителям о его неудачах (двойки, прогулы, плохое поведение) в школе; рассказы о насилии со стороны родителей.

К индикаторам семейной обстановки и поведения родителя, использующего физическое насилие по отношению к детям можно отнести наличие многочисленных личностных и супружеских проблем; экономический стресс; ситуацию, когда родитель(и) сам в детстве подвергался насилию или вырос в семье, где использовались чрезмерные наказания и строгая дисциплина; высокая морализация; длительное употребление алкоголя или наркотиков; психическая неуравновешенность; антагонизм, подозрительность и напуганность другими людьми; социальная изоляция, отсутствие поддержки со стороны близких или друзей; рассмотрение ребенка как источника всех бед или зла; небольшой или полное отсутствие интереса к благополучию ребенка; необъяснимо презрительное, пренебрежительное отношение родителя к ребенку; безразличие к боли ребенка; семейные традиции жестокого дисциплинирования ребенка; непоследовательное (противоречивое) или уклончивое объяснение причин появления телесных повреждений у ребенка; возложение на ребенка ответственности за повреждения; постоянная критика, необоснованные требования к ребенку; обращение к различным врачам или в больницу после каждого случая нанесения телесных повреждений.

Последствия физического насилия

Последствия физического насилия могут проявляться в различных симптомах.

Травматические стрессовые реакции. Состояния страха и тревоги достаточно типичные реакции ребенка на угрозу физического насилия. Кроме того, они могут проявляться в нарушении сна, бессоннице, плохом аппетите, психосоматические жалобах. Часто страх имеет генерализованный характер, т.е. распространяется не только на насильника, но проявляется в настороженном отношении или избегании родителей и других взрослых.

Сверхагрессивность и импульсивное поведение. Поведение этих детей часто сопровождается агрессивным деструктивным поведением дома и в школе. Они отличаются задиристостью, драчливостью, агрессивностью по

отношению к сверстникам, братьям и сестрам, бесконтрольностью поведения.. Это свидетельствует о серьезных нарушениях поведения. С одной стороны, их проблема связана с недостаточным контролем над импульсами. С другой, базируется на идентификации с их родителями, склонными к насилию, («идентификация с агрессором»), как основной защите против чувства тревоги и беспомощности. Часто вовлекаются в преступные и антисоциальные действия. У таких детей обычно мало друзей, потому что, с одной стороны, ровесников часто пугает их взрывное, импульсивное поведение, а с другой –. они сами дистанцируются от окружающих из-за боязни причиненить боль другим людям.

Подозрительность и недоверие. Детям, которые испытали родительское предательство, подверглись насилию, физическим наказаниям, словесным оскорблениям, а также побывали в роли “козла отпущения” очень трудно установить доверительные отношения со взрослыми. Они могут не ожидают от своих родителей ни поддержки, ни заботы, ни помощи. Они могут также считать, что все потенциальные объекты любви опасны и непредсказуемы.

Депрессия и суицидальное поведение. У этих детей наблюдаются депрессивные симптомы, сопровождающиеся печалью и неспособностью испытывать приятные ощущения. Дети, подвергшиеся физическим оскорблениям демонстрируют саморазрушительное поведение в таких формах как причинение увечий самим себе, суицидальные реакции, суицидальные попытки и желания.

Низкая самооценка. Эти дети учатся рассматривать себя с некоторым недовольством и презрением. Их низкая самооценка со временем маскируется компенсаторной грациозностью и фантазиями всемогущества.

Нарушения в развитии и познавательной деятельности. У этих детей наблюдаются нарушения функций речи и и языкового развития как результат заторможенности этих функций в случае если ребенка часто наказывали за плач и крики.

Нарушения в сфере межличностных отношений. Подвергавшиеся жестокому обращению дети плохо контролируют свои эмоции и поведение и, как правило, менее уверенно чувствуют себя в обществе, чем дети выросшие в нормальной обстановке. Проведение длительного исследования на 5-летних детях, подвергавшихся жестокому физическому обращению, психологи обнаружили, что такие дети испытывали больше трудностей в отношениях со сверстниками, чем дети их возраста, воспитывавшиеся в нормальной обстановке. Они были менее популярны среди сверстников и более замкнуты,

а их проблемы в отношениях с детьми увеличивались с каждым годом на протяжении всех пяти лет наблюдения за ними (Г. Крайг, 2000).

Нарушения в центральной нервной системы. При отсутствии ясно выраженных повреждений головы, у этих детей могут наблюдаться «мягкие» симптомы нарушений в деятельности центральной нервной системы. Тем не менее есть основание полагать, что именно многочисленные лишения, такие как ненормальное воспитание в детстве, «бедное» внутриутробное развитие, отсутствие заботы в младенческом возрасте, дефицит питания, неполная сенсорная стимуляция могут приводить к подобным симптомам.

Потеря интереса к школе. Характерна школьная неуспеваемость из-за снижения познавательной мотивации и повышенной рассеянности, гиперактивности, специфических учебных затруднений. Дети, выросшие в атмосфере физического насилия, часто являются источниками многих конфликтов в школе из-за своего агрессивного поведения по отношению к другим детям и взрослым, а также из-за низкого самоконтроля. В результате этого другие дети стараются их избегать или, наоборот, мстить им, дразнить их, что, естественно, негативно отражается на их школьной мотивации.

Плохая успеваемость детей с посттравматическим стрессовым расстройством зачастую обусловлена *трудностями концентрации внимания,* так как их мысли постоянно заняты проблемой своего существования в качестве жертвы, а также титаническими усилиями, направленными на вытеснение всплывающих травматических воспоминаний. Социальная изоляция ребенка может распространиться на все школьное окружение и постепенно привести к уклонению от обучения.

Причины жестокого обращения с детьми. Модель жестокого обращения с детьми строятся на 3-х основных теоретических объяснений: психиатрического, социологического и ситуационного (Г. Крайг, 2000).

Психиатрические основания. Психиатрическая модель ставит в центр личность и семейную историю родителей. Она предполагает, что жестокие родители больны и требуют психиатрического лечения. Однако исследователи так и не смогли выявить комплекс черт личности, связанных со склонностью к жестокому обращению с детьми.

Единственной факт, который им удалось установить, заключается в том, что многие взрослые, проявлявшие жестокость в обращении с детьми, сами в детстве подвергались подобному обращению. Психологи не могут сказать с уверенностью, почему примеры жестокого обращения с детьми передаются от одного поколения к другому. Одно из наиболее правдоподобных объяснений состоит в том, что те люди, с которыми в детстве жестоко обращались, на основе подражания насильственным ролевым моделям просто воспроизводят

в своем взрослом поведении примеры жестокого поведения родителей или воспитателей. Возможно, в детстве родители приучили этих людей к тому, что рассчитывать на их заботу или, наоборот, не принимать их в расчет недопустимо, что плакать и просить помощи бесполезно, неуместно, или это свидетельствует о дурном характере. Дети усваивая уроки жестокости в раннем возрасте –часто сами становясь родителями, применяют те же методы “воспитания” к своим детям.

Социологические основания. Здесь упор делается на то, что *средства массовой информации* пропагандируют и внушают людям – насилие это вполне приемлемый способ разрешения конфликтов. Кроме того, если физическая агрессия проявляется в ссорах между мужем и женой, то, вероятно, она проявляется и в отношениях родителей с детьми. Вероятность жестокого обращения с детьми повышается вследствие широкого мнения, будто физическое наказание является эффективной формой воспитания. Доминирующее большинство родителей физически наказывают своих детей, хотя большинство все же соблюдают меру. Для сравнения следует упомянуть, что в более миролюбивых обществах, где предпочитаются дисциплинарные меры, ориентированные на любовь, значительно реже встречается насилие, в том числе и над детьми.

Бедность также играет свою роль в жестоком обращении с детьми. Хотя жестокость по отношению к детям встречается во всех слоях общества, почти в 7 раз чаще о ней упоминается там, где семейный годовой доход не так велик. Такую статистику можно отчасти объяснить тем, что случаи жестокого обращения с детьми в семьях, принадлежащих к среднему классу, не так часто становятся достоянием гласности. Верно, однако, и то, что любое напряжение в семье, – а бедность, бесспорно, является источником такого напряжения, – увеличивает риск плохого обращения с ребенком.

Другим фактором риска является *безработица*. В периоды высокого уровня безработицы количество случаев насилия мужчин над своими женами и детьми заметно увеличивается. Родители, неожиданно потерявшие работу, начинают вымещать злобу и раздражение на своих детях. Безработица не только приносит с собой финансовые проблемы, но также снижает социальный статус и самоуважение потерявшего работу человека. Безработный отец иногда пытается возместить эти утраты, добиваясь беспрекословного подчинения членов семьи с помощью физической силы.

Еще одной нередко встречающейся особенностью семей, в которых имеет место жестокое обращение с детьми, является *социальная изоляция*. Такие родители часто живут в изоляции от своих родственников, друзей и местных органов социальной помощи. Им трудно поддерживать дружеские

отношения с окружающими, и они редко становятся членами каких-либо общественных организаций и объединений. Иногда им просто некого попросить о помощи в трудную минуту, и они обращают свое раздражение и свой гнев против собственных детей.

Ситуационные основания. Эта модель ищет причины жестокого обращения с детьми, в факторах внешней среды. Однако ситуационная модель придает центральное значение формам взаимодействия между членами семьи, причем дети рассматриваются как активные участники этого процесса. При изучении конкретной роли каждого ребенка в жестоких по отношению к детям семьях, было обнаружено, что родители обычно выделяют одного из детей, к которому начинают относиться особенно предвзято. Младенцы и дети младшего возраста оказываются самыми частыми объектами родительской жестокости. Дети с физическими и умственными аномалиями или чрезвычайно обидчивые дети также подвержены риску плохого отношения со стороны родителей. Постоянно плачущие грудные младенцы тоже выводить родителей из себя. В других случаях поводом может стать расхождения между ожиданиями родителей и особенностями ребенка. Например, мать, привыкла выражать свою любовь физически, обнаруживает, что ее ребенок не любит прикосновений к себе. В ряде случаев родители имеют нереалистичное представление о том, как должны вести себя дети. Например, отец может рассердиться, если 3-летний ребенок не убирает свою комнату. Такие неадекватные представления тоже иногда приводят к жестокому обращению с детьми.

Дети, подвергшиеся оскорблениям и унижениям

Пренебрежительное отношение (родительская небрежность, детская запущенность) – умышленное ограничение биологических потребностей ребенка или создание неблагоприятных условий для их удовлетворения, а также недопустимые действия, наносящие ущерб развитию и жизнедеятельности ребенка.

Плохое обращение с ребенком существует в контексте межличностных отношений, и эти отношения психологически являются оскорбительными: манипулятивными, отвергающими или унижающими. Между тем эта психологическая травматизация может оказаться не менее серьезной, чем физические страдания ребенка. Часто такие взаимоотношения родителей и ребенка квалифицируются как эмоциональное или психологическое насилие.

Эмоциональное или психологическое насилие – преднамеренные деструктивные действия или значительный ущерб детским способностям, включающие наказание за чрезмерную эмоциональную привязанность

ребенка к родителю или взрослому, за самоуважительное отношение к себе и потребности, необходимые для установления нормальных социальных взаимоотношений. От кого бы ни исходило психологически жестокое обращение с ребенком – от родителей, учителей, братьев, сестер или сверстников, – в нем всегда присутствует злоупотребление силой или властью над уязвимыми в этом отношении детьми.

Формы психологического насилия

Психологически жестокое обращение с ребенком принимает следующие основные формы (С. Харта и др.,1987):

1. *Отвержение.* Активное отвержение представляет собой отказ выполнять просьбы или удовлетворять потребности ребенка в форме, выражающей сильную неприязнь.

2. *Отказ в эмоциональном отклике.* Эта пассивная форма отказа ребенку в теплых чувствах, заключающаяся в излишней холодности, нежелании или неспособности ответить на предпринимаемые ребенком попытки общения.

3. *Унижение.* Прилюдное унижение ребенка или постоянное высмеивание его, употребление по отношению к нему обидных прозвищ и бранных слов. Самооценка и самоуважение ребенка снижаются частыми оскорбительными нападками на его достоинство, знания или умственные способности.

4. *Запугивание.* Терроризирование ребенка с целью формирования стабильного чувства страха, поддержание постоянного напряжения, запугивание, угрозы, принуждение ребенка быть свидетелем надругательства над любимым человеком или угроза применить насилие к нему самому. Ребенок, слышащий угрозы типа: «Будешь плохо себя вести, голову оторву!», удерживается взрослыми в состоянии постоянного страха. Более хитрая форма запугивания проявляется тогда, когда родители оставляют расшалившегося ребенка на улице, где он оказывается незащищенным от опасности.

5. *Изоляция.* Отчуждение ребенка от нормального социального общения, запрещение ребенку играть с друзьями или принимать участие в семейных мероприятиях может быть формой психологического насилия. А некоторые формы изоляции, такие как запирание ребенка в темной комнате, шкафу, кладовке, сарае, можно рассматривать и как запугивание.

6. *Эксплуатация.* Предъявление ребенку чрезмерных, не соответствующих возрасту, требований. Кроме того, использование невинности или слабости ребенка (наиболее очевидным примером эксплуатации является сексуальное насилие).

7. *«Торговля запретами».* Манипулирование ребенком с использованием негативного подкрепления (например, если ребенок в

определенное время не выполнил уроки или не убрал постель, то за этим на определенное время следует запрет смотреть телевизор или гулять).

8. *Моральное разложение.* Коррумпирование, привлечение и принуждение ребенка к действиям, которые противоречат общественным нормам и наносят ущерб ребенку (вовлечение или принуждение к совершению краж, употреблению алкоголя или наркотиков).

Индикаторы психологического насилия

К физическим (внешне наблюдаемым) индикаторам относятся: сосание пальцев, монотонное раскачивание (аутоэротические действия); ночной и/или дневной энурез (недержание мочи); психосоматические жалобы: головная боль, боли в животе и области сердца, сообщение ребенка, что ему плохо; замедление физического, психического и общего развития ребенка.

К поведенческим индикаторам относятся: эмоциональная невосприимчивость, равнодушие или, наоборот, чрезмерная ранимость; проявления низкой самооценки и самоуважения; переживания фрустрации; грусть или выраженная депрессия; замкнутость в себе, задумчивость или, наоборот, агрессивность; «прилипчивость» к любому взрослому в поисках внимания и тепла; социальная беспомощность; ночные приступы страха, плохой сон; отсутствие к играм.

К индикаторам семейной обстановки и поведения родителя, использующего психологическое насилие по отношению к детям можно отнести предъявление ребенку завышенных требований, с которыми он не в состоянии справиться; непредсказуемое поведение родителей по отношению к ребенку суровые наказания ребенка; чрезвычайно критичное отношение к ребенку, постоянные его обвинения; проявления злости и запугивание ребенка.

В процессе развития ребенку приходится неоднократно испытывать эмоциональное напряжение из-за неадекватной реакции взрослого или другого ребенка: страх, гнев, горе, унижение, волнение, подавленность и т. д. Как известно, продолжительное эмоциональное напряжение может тормозить нормальное психическое развитие ребенка. При такой ситуации развития эмоциональная жизнь ребенка становится однобокой, затрудняется как понимание собственных эмоций, так и их внешнее проявление. Вследствие односторонности эмоций ребенок не учится распознавать и понимать чувства других людей, адекватно реагировать на них.

Похвала, благодарность, радость и чувство гордости – естественные реакции «нормальных» родителей на успех ребенка. Однако, случается, что родители проявляют равнодушие и раздражение. Поначалу это вызывает в ребенке смешанные чувства. В дальнейшем ребенок, которому неоднократно

приходится сталкиваться с такими реакциями родителей в ответ на его положительное поведение и чувства, быстро «теряет» мотивацию достижений. Он делает вывод, что проявлять радость от своих достижений и связанное с этим чувство удовольствия неприемлемо, а иногда даже опасно.

При неустойчивом, непоследовательном отношении со стороны родителей ребенок воспитывается в условиях эмоциональной депривации и часто становится жертвой эмоционального и психологического насилия. Постоянные переживания отрицательных эмоций из-за конфликтов, ссор, агрессии и насилия в семьях с таким стилем воспитания, а также невозможность поделиться с кем–либо своими переживаниями и хоть как–то снизить эмоциональное напряжение приводит к «замораживанию» эмоций. Возникает так называемая аффективная тупость, которая становится своеобразным механизмом защиты, обеспечивающим выживание в такой ситуации.

Привыкнув к подобной реакции со стороны родителей, ребенок перестает испытывать потребности в эмоциональной близости и эмоциональном контакте. Как показывают исследования, дети–жертвы насилия испытывают большие трудности при переживании и выражении эмоции, у них хуже развита способность к эмпатии, они не способны понимать чувства других людей, сопереживать им. Вырастая и становясь взрослыми людьми, эти дети часто не только не умеют выражать свои переживания, но и вообще как бы отказываются от них, боятся их и стремятся уйти из ситуаций, где затрагиваются чувства.

Воспитание ребенка в условиях эмоционального и психологического насилия может приводить к деформации личности: формированию низкой самооценки, устойчивого чувства собственной ненужности, глубокого чувства вины и стыда за свое существование.

Один из самых важных принципов воспитания – это относиться к ребенку серьезно, смотреть на него как на равного, не унижать и не злоупотреблять его доверием. К сожалению немало фактов того, что ребенок вырос в страхе перед жизнью, перед оскорблениями и унижениями.

Уже доказано, что под воздействием каких-либо травматических переживаний, например, из-за того, что дети боятся шага ступить без ожидания унижений, оскорблений, наказаний и воспринимают ближнего как врага, когда родитель рассматривается как основной источник опасности – в них развивается пессимизм, безнадежность. Они часто сохраняют эту оценку на всю жизнь, не верят в себя, становятся нерешительными. Поэтому такие дети будут неутомимо пытаться завоевать авторитет, пытаться не быть *ничем*, а стать *всем*.

Любой детский психолог скажет, что дети испытывают особенную жажду власти и авторитета, жажду повышенного чувства собственного достоинства. Дети хотят действовать, хотят иметь большое значение. В одном случае ребенок живет в согласии с родителями, в другом – он находится в атмосфере враждебности и развивается в противоречии требованиям общественной жизни. Он думает: «Я здесь ничто, я ничего не значу, меня не замечают!». И тогда на первый план выходит чувство неполноценности, недостаточности, унижения.

Когда дело доходит до того, что дети в угнетающем чувстве своей ничтожности уходят в оборону, тогда может проявиться такое явления, которое называется беспризорность.

Семья. Дети, с которыми обращались жестоко в психологическом смысле, попадают в сеть вредящих отношений и выпадают из нормального процесса социализации, с положительным подкреплением и поддержкой со стороны родителей. В результате этим детям трудно удовлетворить свои потребности в защите и покровительстве, нередко им приходится быть чрезмерно уступчивыми, чтобы избежать плохого отношения к себе, и у них могут развиться невротические черты и проблемное поведение. В то же время такие дети постепенно учатся эксплуатировать, унижать или терроризировать других, равно как и ожидать, что любые человеческие отношения приносят боль и страдание. И все это – глубокие, долговременные последствия жестокого обращения с детьми.

Пренебрежительное отношение к ребенку очень часто встречается в семьях с так называемой гипопротекцией. Это стиль воспитания, при котором ребенок находится на периферии внимания родителей и попадает в поле их зрения только тогда, когда случиться что-то серьезное (болезнь, травма и т.п.). Родители не проявляют к ребенку никакого интереса и могут полностью игнорировать как его естественные (сон, еда), так и психологические (любовь, нежность, забота) потребности.

Родители, исповедывающие такой стиль воспитания, рассматривают ребенка как обузу, мешающую заниматься собственными делами. Поэтому ребенок в такой семье оказывается не только в эмоциональной изоляции, но и очень часто подвергается наказаниям, когда пытается все же тем или иным способом удовлетворить свои потребности.

Многим родителям приходится наказывать своих детей. Даже тем, кто считает, что этого делать нельзя.

Однако психологи высказывают большие сомнения по поводу того, что наказания приносят эффект, если применяются для воспитания детей. Это всего лишь родительское заблуждение. Им кажется, будто бы, если они

прибегают к наказаниям, то могут заставить детей повиноваться и исправиться. По существу же родители таким образом проявляют лишь свое нетерпение и гнев.

А. Фромм считает, что существует ряд опасностей, которые возникают, когда родители применяют наказания:

1. Очень часто наказание не исправляет поведение ребенка, а лишь преображает его. Один проступок заменяется другим. Но при этом он по-прежнему может остаться неправильным и еще более вредным для здоровья ребенка.

2. Наказания вынуждают ребенка опасаться потерять родительскую любовь. Он чувствует себя отвергнутым и нередко начинает ревновать брату или сестре, а порой и к родителям.

3. У наказанного ребенка может возникать враждебное чувство к родителям, и это породит в его сознании чудовищную дилемму. С одной стороны, родители – это взрослые, восстание против них никак невозможно. С другой – он еще слишком зависит от них, чтобы извлекать пользу от своей вражды, не говоря уже о том, что он все-таки любит своих родителей. И едва в нем объединятся эти два чувства – любовь и ненависть, – как сразу же возникает конфликт, который приводит к тревоге.

4. Частые наказания так или иначе побуждают ребенка оставаться незрелым, инфантильным. Обычно его наказывают за какую-нибудь ребяческую проделку. Но желание достичь запретного не пропадает, и ребенок решает, что, пожалуй, не стоит от него отказываться, если можно расплатиться всего лишь наказанием. То есть он терпит наказание, чтобы расплатиться, очистить совесть и продолжать в том же духе – и так до бесконечности.

5. Наказание может помочь ребенку привлечь к себе внимание родителей. Хотя детям нужна, прежде всего, родительская любовь, они часто ищут даже такую жалкую ее имитацию, как простое внимание. Ведь порой гораздо легче привлечь внимание родителей, делая какие-нибудь глупости, чем оставаться все время добрым и послушным. Речь может идти не только о добром внимании со стороны родителей – неважно: все равно, было бы внимание.

В результате соответствующего воспитания и постоянных наказаний от любви к родным не остается ничего, кроме видимости или привычки. Но часто нет даже этого и дети действуют против семьи. В жизни они играют роль людей, которым недостает чувства солидарности, у которых не сложились отношения с людьми, и они видят в ближних что-то враждебное. Они все время начеку, чтобы кто-нибудь другой их не обманул. Очень часто от таких детей можно слышать, что они готовы “растерзать” своих родителей.

Недоверие прокрадывается во все отношения. Из-за него все время увеличиваются трудности совместной жизни. У них также очень часто наблюдаются деструктивные наклонности. Трусливое коварство растет в них само по себе из-за их недостаточного доверия к самим себе и к окружающим.

Итак, невозможность удовлетворения своих потребностей в семье приводит детей к тому, что они ищут себя в побочной, а не главной области отношений, которая закрылась для них, и пытаются компенсировать свой неуспех, свое честолюбие, стремления к власти и превосходству в другой не менее значимой деятельности – школьной.

Школа. Дети, обреченные на неуспех в жизни – это дети с чрезвычайно сильным честолюбием, повышенной чувствительностью к любым обидам.

Если ситуация, связанная с неуспехом, который или уже произошел, или угрожает, повториться в школе – это ведет к безнадежности, к стремлению скрыть свою слабость. В начале этот ребенок начинает избегать школу.

Первый путь – проявить «защитную» форму лени. Известнейший психолог А. Адлер считал, что такую лень нужно понимать не как что-то врожденное или как плохую привычку, а как средство не подвергать себя какой бы то ни было проверке. Так, ленивый ребенок всегда может сослаться на лень: он проваливается на экзамене–виновата лень. Лучше потерпеть поражение из-за лени, чем из-за неспособности. И ребенок должен как опытный преступник создать для себя алиби. Он все время должен ссылаться на лень. И это ему удается. Он спрятан за своей ленью, психическая ситуация по отношению к сохранению честолюбия облегчена.

Второй путь – ребенок начинает прогуливать занятия, подделывает подписи и делает “липовые” справки. Но что должен делать ребенок со свободным временем? Нужно найти какое-нибудь занятие. При этом чаще всего ребенок соединяется с себе подобными, с теми, кто уже вступил на тот же путь, у кого та же судьба. Это всегда честолюбивые дети, которые очень хотели бы играть некоторую роль, но которые больше не надеются удовлетворить свои потребности на основном жизненном пути. Таким образом, они ищут другие занятия, которые бы их удовлетворили. И очень часто эти дети становятся на преступный путь, так как не имеют опыта удовлетворения своих потребностей социально приемлемым способом.

Дети, подвергшиеся сексуальному насилию

Обычно жертвами сексуальных действий являются дети моложе 12 лет, но наиболее часто ими становятся в возрасте 3-7 лет. В этом возрасте ребенок еще не понимает происходящего, его легче запугать, склонить к тому, чтобы он никому не говорил том, что произошло (то есть заключить договор молчания).

Также совершивший насилие взрослый надеется, что в этом возрасте ребенок еще не сможет словами описать произошедшее. Поскольку фантазии ребенка зачастую смешаны с реальностью, то, вероятно, его рассказу не поверят, даже если он что-то об этом и расскажет.

Сексуальному насилию в возрасте до 14 лет обычно подвергаются 20-30% девочек и 10% мальчиков. Мальчики чаще, чем девочки, подвергаются насилию в более раннем возрасте. Хотя в общей сложности сексуальное насилие над мальчиками встречается в 3-4 раза реже, чем над девочками. Как показывают различные международные психологические исследования жертвами сексуального насилия в семье, как правило, бывают девочки. И хотя считается, что к насильственным действиям по отношению к детям прямо или косвенно причастны оба родителя, доля мужчин здесь составляет почти 95 %.

В большинстве случаев насильники знакомы детям. И только 25% насильников — совершенно незнакомые люди. В 45% случаев насильником является родственник, в 30% — более дальний знакомый (друг брата, любовник матери или бабушки). Среди родственников наиболее часто насилие совершается отчимом, опекуном, реже – отцом, братом или дядей (Е.М.Черепанова, 1996). Отчимы совершают такое насилие в пять раз чаще, чем – отцы.

Сексуальное насилие или оскорбление квалифицируется в тех случаях, когда были предприняты следующие действия по отношению к ребенку:

а) сексуальный контакт между взрослым и сексуально незрелым ребенком с целью получения взрослым сексуального удовольствия;

б) использование силы, угроз или обмана с целью вовлечения ребенка в сексуальную активность;

в) сексуальный контакт, при котором ребенок не способен контролировать свои взаимоотношения со взрослыми в силу возрастных и физических особенностей.

Сексуальное насилие в отношении детей включает большое количество действий и дополняется такими из них, как принуждение или поощрение ребенка совершать сексуально окрашенные прикосновения к телу взрослого или самого ребенка, принуждение ребенка к обнажению, вовлечение в оргии и ритуалы, сопровождаемые сексуальными действиями. Вместе с тем, не все сексуальные насильственные действия включают раздевание и прикосновения.

Формы неконтактного сексуального взаимодействия с ребенком. К актами «безобидного», неконтактного сексуального взаимодействия с ребенком относят действия, которые нередко предваряют начало сексуального насилия:

- Взрослый, делает сексуальные «намеки» ребенку: смущает, притесняет ребенка взглядами, высказываниями сексуальными содержания. Пример: учитель, оставшись наедине с девочкой–подростком, рассказывал ей анекдоты на сексуальные темы.
- Взрослый ласкает, ощупывает, целует, ненароком касается интимных частей тела ребенка. Пример: тренер говорил члену команды, что он имеет прекрасное телосложение и что они должны найти время чтобы исследовать (ощупать) тела друг друга. При этом он убеждал мальчика, что он проделал это и с другими членами команды и им понравилось.
- Взрослый, оголяет интимные части тела ребенка или рассматривает половых органов ребенка, иногда сопровождая эти действия мастурбацией. Пример: дедушка требовал, чтобы его 6-летняя внучка раздетая становилась перед ним на колени, а он часами мастурбировал.
- Вуайеризм (подглядывание): наблюдение за ребенком во время раздевания, купания, в туалете. Пример: отчим сделал дырочку в стене ванной и наблюдал за падчерицей, когда она занималась собственным туалетом.
- Взрослый, показывает ребенку порнографию (картинки, книг, или кино). Пример: Мать и отец смотрели порнографический фильм в присутствии их 6- и 8-летних дочерей.
- Взрослый демонстрирует свое голое тело или половые органы ребенку. Пример: перед тем как принять душ, мать просила своего сына–подростка оценить, как выглядит ее обнаженное тело.
- Взрослый побуждает ребенка раздеваться и/или мастурбировать. Пример: Сосед заплатил 13-летней девочке деньги, чтобы она разделась и походила перед ним обнаженной.

Формы контактного сексуального взаимодействия с ребенком. К контактным формам сексуального насилия относятся следующие действия:

- Взрослый трогает интимные части тела ребенка (гениталии, ягодицы, грудь). Пример: отец засовывал руку в трусики его 4-летней дочери и ласкал ее влагалище в то время, когда они вместе смотрели мультфильм.
- Взрослый побуждает ребенка касаться его интимных частей тела. Пример: мать поощряла ее 10-летнего сына ласкать ей грудь, когда они лежали вместе в постели.
- Фроттаж (трение гениталиями о тело или одежду жертвы). Пример: отец, лежащий в постеле, просит свою одетую дочь сесть на него и поиграть в «лошадку».

Формы сексуального контакт с проникновением (пальцами или другими объектами)

- Взрослый, помещает палец(цы) во влагалище или задний проход ребенка. Пример: отец использовал пальцы, чтобы показать дочерью как взрослые занимаются сексом.
- Взрослый, побуждает ребенка засовывать палец(цы) во влагалище или задний проход взрослого. Пример: подросток предложил, чтобы 10-летний мальчик поместил смазанный вазелином палец в его задний проход как инициирование вступления в подростковую компанию.
- Взрослый, вставляет различные объекты во влагалище или задний проход ребенка. Пример: психотическая мать имитировала половой акт, вставляя во влагалище ее дочери свечу.
- Взрослый, побуждает ребенка засовывать различные предметы во влагалище или задний проход взрослого. Пример: приходящая няня сделала так, чтобы 6-летний мальчик вставил ей во влагалище ручку швабры.

Оральный секс

Поцелуи. Пример: Маленькая девочка рассказала родителям, что один из подростков в их дворе учил ее французскому поцелую.

Сосание, целование, облизывание, покусывание груди. Пример: мать требовала, чтобы ее 6-летняя дочь сосала ее грудь во время взаимных сексуальных ласк.

Кунилингус (облизывание, целование, посасывание, покусывание влагалища или просовывание языка во влагалище). Пример: мачеха в состоянии опьянения заставила сына лизать ее влагалище.

Фелляция (облизывание, целование, посасывание, покусывание члена). Пример: подросток, увлекающийся порнографией, велел его 7-летней двоюродной сестре закрыть глаза, открыть рот и положил в него свой член.

Анилингус (облизывание, целование анального отверстия). Пример: мать, отшлепавшая свою дочку, целовала ее ягодицы и анус.

Половой акт

Вагинальное половое сношение. Пример: на терапевтической сессии 7-летняя девочка рисовала себя на четвереньках и затем рассказала, что ее отец «делал с ней так как это делают животные». Медицинское освидетельствование подтвердило факт влагалищного проникновения.

Анальное половое сношение. Пример: на терапевтической сессии 8-летний мальчик из семьи алкоголиков рассказал, что его пьяный отец «засовывал письку в попу» и разрешил это делать двум его друзьям.

Половое сношение с животными.

Виды сексуальных действий. Сексуальные действия с детьми могут происходить при различных обстоятельствах.

Диадное сексуальное насилие. Наиболее часто встречаемый вид сексуального насилия, когда взаимодействуют два человека ребенок и взрослый.

Групповой секс. Практикуется также достаточно часто. Как правило в нем принимают участие либо несколько детей и взрослый, либо несколько взрослых и один ребенок, несколько детей и взрослый. Такие конфигурации могут быть внутрисемейными (например, в случаях полиинцеста) или внесемейными.

Сексуальное окружение. Дети также могут быть подвергнуты сексуальному насилию со стороны окружающих; часто это – групповой секс. Определенная сексуальная атмосфера может быть организована педофилами (людьми, имеющими сексуальное влечение к детям), таким образом, чтобы они имели постоянный доступ к детям для удовлетворения собственных сексуальных потребностей а, в некоторых случаях, для получения прибыли. Жертвы подкупленые или совращеные педофилом в и становятся частью этого окружения. Для этих действий могут использоваться и вербовщики. Окружение изменяется в зависимости от ситуации, т.е. оно может предполагать как участие только одного взрослого, который хочет получить сексуальное удовольствие, так и участие нескольких взрослых и детей, детскую порнографию и проституцию (A. Burgess, 1984).

Сексуальная эксплуатация детей. Использование детей в порнографии и для проституции– и все связанные с этим ситуации, когда ребенок может быть подвергнут сексуальному насилию

Детская порнография. Сьемка может производится как членами семьи, знакомыми детей, так и профессионалами для личностного пользования, торговли или продажи. Порнографическая продукция может также использоваться, чтобы инструктировать, соблазнить или шантажировать жертву.

Детская проституция. Принуждение к занятию проституцией может исходить от родителей, других близких родственников, знакомых ребенка или людей, которые осуществляют уход за ними. Более старшие дети, часто убегающие из дома и/или дети, которые ранее подверглись сексуальному насилию, могут могут начать заниматься проституцией и без принуждения (K.C. Faller, 1988).

Ритуальное насилие. На этот вид детского сексуального насилия лишь недавно стали обращать внимание. К нему относят сексуальное насилие, которое допускается и совершается в рамках того или иного религиозного течения или обряда (например, сатанизм и др.).

На практике непросто отличить начинающееся сексуальное насилие от позитивного телесного контакта, который бывает совершенно необходим в общении с маленькими детьми. Различия между этими двумя ситуациями определяются намерениями взрослого человека, а также возможностью ребенка «уйти» из ситуации.

Индикаторы сексуального насилия

Сексуальные индикаторы, характерные для младших детей и подростков:

- Реплики, указывающие на несоответствующие возрасту сексуальные знания, часто сказанные невзначай. Например, ребенок, наблюдая за целующейся парой по телевизору, говорит: «а сейчас дядя засунет свой пальчик в тетю»
- Рисунки на явно сексуальные темы. Например, ребенок рисует сцену фелляции.
- Сексуальное взаимодействие с другими людьми. Например, сексуальная агрессия по отношению к более младшим детям (может свидетельствовать об идентификации с насильником), сексуальная активность в отношении сверстников (может указывать, что ребенок получает некоторое удовольствие от насильственных действий), сексуальные предложения или жесты старшим людям (может сигнализировать о том, что ребенок воспринимает и расценивает сексуальную активность как необходимый атрибут взросления).
- Сексуальные действия с животными или игрушками. Например, ребенок может имитировать фелляцию со своей собакой или разыгрывать сценку орального секса, играя с куклами.
- Чрезмерная мастурбация. Этот индикатор сексуального насилия следует использовать с некоторой долей осторожности, так как и взрослые, и дети время от времени занимаются мастурбацией и эти действия не выходят за рамки нормального сексуального поведения. Поэтому мастурбацию ребенка следует квалифицировать как индикатор сексуального насилия, если мастурбация связана с повреждениями, ребенок занимается ею много раз в день и не может остановиться, вставляет различные предметы в вагину или анус, ребенок издает стоны или звуки стенания в то время мастурбации, сопровождает мастурбацию копулятивными фрикциями.
- Беспорядочные половые связи с различными сексуальными партнерами (промискуитет).
- Сексуальное преследование девочек сверстниками или взрослыми.
- Занятие проституцией.

К физическим (внешне наблюдаемым) индикаторам относятся: порванная одежда; окрашенное или испачканое кровью нижнее белье; боль или зуд в половой области; гематомы (синяки) в области половых органов; кровотечения, необъяснимые выделения из половых органов; гематомы и укусы на груди, ягодицах, ногах, нижней части живота, бедрах; боль в животе; повторяющиеся воспаления мочеиспускательных путей; повреждения в прямой кишке, покраснение ануса, варикозные изменения, ослабление сфинктера; запоры; нарушение девственной плевы, расширение влагалища, свежие повреждения (раны, ссадины), сопутствующие инфекции; венерическая болезнь; беременность.

К поведенческим индикаторам относятся: внезапный отказ, сопротивление тому, чтобы пойти куда-то или с кем-то; чрезмерное проявление привязанности; сексуальное отыгрывание (acting out); неожиданное употребление сексуальных терминов или присваивание новых названий для частей тела; стеснительность или уклонение от привязанности к семье; проблемы со сном, включая бессоницу, ночные кошмары, отказ засыпать в одиночестве или настаивание на том, чтобы был включен ночник; регрессивное поведение, включая: сосание большого пальца, энурез, недержание кала; инфантильное поведение или другие проявления зависимости; чрезмерная «цепкость», «прилипчивость» или другие признаки напуганности; страх перед людьми определенного типа; импульсивность, неусидчивость (более характерна для жертв мальчиков), деструктивность; суицидальные попытки или рискованное поведение; жестокость к животным (более характерна для жертв мальчиков); резкое изменение индивидуально-личностных особенностей; проблемы в школе; нежелание посещать уроки физкультуры или публично переодеваться в раздевалке; побеги из дома; необычайная искушенность и несоответствующая возрасту образованность в вопросах секуального поведения; сообщение о сексуальном насилии или принуждении родителем, взрослым; реверсирование роли в семье или псевдозрелость.

Для детей подросткового и юношеского возраста характерны нарушения пищевого поведения (булимия и анорексия); побеги из дома; токсикомания; попытки самоубийства и членовредительства; недисциплинированность; депрессия, социальная изоляция; асоциальное и делинквентное поведение.

Последствия сексуального насилия

Сексуальное насилие, совершаемое по отношению к ребенку, по своим последствиям относится к самым тяжелым психологическим травмам. Реакции ребенка на совершенное сексуальное насилие могут быть самыми разнообразными.

Травматические стрессовые реакции. Состояния страха и тревоги относятся к тем симптомам, которые возникают у этих детей как непосредственные, так и отсроченные реакции на травму. Нарушение сна (беспокойный сон), бессонница, плохой аппетит, психосоматические жалобы, всепоглощающая тревога является отсроченными последствиями надругательства. Эти дети часто распространяют свой страх не только на насильника. Он проявляется в избегании других взрослых и лиц, пользующихся авторитетом. У некоторых жертв могут проявляться посттравматические стрессовые расстройства, с типичными симптомами реинтерпритации и переосмысления травматического события, избегания ситуаций, ассоциирующихся с сексуальным оскорблением, сильного возбуждения со сверхбдительностью, появлением ночных кошмаров, болезненной чувствительности. Кроме того, навязчивые воспоминания, часто с видениями в виде ярких вспышек и повторяющимися ночными кошмарами, касающимися событий, связанных с надругательством вызывают у них страх перед отходом ко сну.

Рассмотрение последствия сексуального насилия, пережитого ребенком, требует учета его возрастных особенностей (F. Rowan, D. Foy, 1993; J. Goodwin, 1995). В разные периоды жизни реакция ребенка на подобную травму проявляется по-разному:

– детям до 3 лет свойственны страхи, спутанность чувств, нарушения сна, потеря аппетита, агрессия, страх перед чужими людьми, инфантильные сексуальные игры;

– у дошкольников на первый план также выступают эмоциональные нарушения (тревога, боязливость, спутанность чувств, чувства вины, стыда, отвращения, беспомощности, испорченности) и нарушения поведения (регрессивные реакции, отстраненность, агрессия, сексуальные игры, мастурбация) и в меньшей степени психосоматические симптомы;

– у детей младшего школьного возраста – чаще всего возникают амбивалентные чувства по отношению ко взрослым, сложности в определении семейных ролей, страх, чувство стыда, отвращения, испорченности, недоверия к миру, а в поведении отмечаются отстраненность, агрессия, молчаливость либо неожиданная разговорчивость, нарушения сна, аппетита, ощущение «грязного тела», сексуальные действия с другими детьми;

– для детей 9-13 лет характерно то же, что и для детей младшего школьного возраста, однако могут добавляться также депрессия, диссоциативные эпизоды – чувство потери ощущений, а в поведении: изоляция, манипулирование другими детьми с целью получения сексуального удовлетворения, противоречивое поведение;

– для подростков 13-18 лет – отвращение, стыд, вина, недоверие, амбивалентные чувства по отношению ко взрослым, сексуальные нарушения, несформированность социальных ролей и своей роли в семье, чувство собственной ненужности, а в поведении: попытки суицида, уходы из дома, агрессия, избегание телесной и эмоциональной близости, непоследовательность и противоречивость поведения.

Косвенными признаками, указывающими на наличие травматического опыта, может стать повышенная тревожность дома или в школе, связанная со страхами или фрустрирующими обстоятельствами, чего раньше не наблюдалось.

Подозрительность и недоверие. Детям, которые подверглись сексуальному насилию или оскорблению и тем самым испытали или пережили родительское предательство, очень трудно установить доверительные отношения со взрослыми, что существенно сужает круг их общения. Они больше не ожидают от своих родителей любви, признания, поддержки и помощи в реализации себя. Они могут считать, что все потенциальные объекты любви опасны и непредсказуемы. Причем их подозрительность может распространяться на всех мужчин, а иногда и женщин.

Став взрослыми, такие дети стараются избегать любой близости с другими людьми, в том числе и психологической, считая эти отношения потенциально опасными и непредсказуемыми.

Депрессия и суицидальное поведение. У этих детей наблюдаются депрессивные симптомы, сопровождающиеся печалью, тоской, грустью и неспособностью испытывать приятные ощущения, радость и наслаждение. Тяжелая депрессия, сопровождаемая чувством униженности, состоянием чрезвычайной уязвимости и ощущением вторжения в их “интимную” зону. У детей старшего возраста, преимущественно подростков, переживших сексуальное насилие, глубокая депрессия часто сочетается с суицидальным поведением. Аутоагрессивное поведение выражается в действиях, направленных на нанесение себе травм, попытках суицида и мыслях о суициде.

Чем тяжелее травма при сексуальном насилии, тем выше риск суицида и более глубоко выражена депрессия. У детей, подвергнувшихся сексуальным злоупотреблениям, в дальнейшем могут возникнуть более серьезные эмоциональные нарушения.

Гиперсексуальность. У этих детей отмечается высокий уровень (низкий порог) сексуального возбуждения и они легко достигают оргазма. Они не способны отличать нежные и любовные от сексуальных отношений. Поэтому либо часто возбуждаются лишь от физических прикосновений, либо как защитное поведение демонстрируют психологическую холодность и закрытость. Дети всех возрастов, подвергшиеся сексуальному насилию,

сексуально соблазненные сверстниками и взрослыми, часто прибегают к сексуальной самостимуляции – «вынужденной» мастурбации. В подростковом и юношеском возрасте эти дети могут быть склонными к беспорядочным половым связям. Движимые сильной потребностью в любви и комфорте, удовлетворения которой они ищут в сексе, полностью обесценивая при этом самих себя. У них также могут иметь место тенденции к проституированию (тому способствует их соглашательское, уступчивое, пассивное поведение).

Избегание сексуальных стимулов. На фоне эмоции страха по отношению к сексуальным стимулам могут отмечаться сильная тревожность вплоть до реакций панического непринятия, агрессии и избегания, например, ухаживаний или поцелуев. И как следствие этого сексуальная индифферентность. Если домогательство исходило от мужчины, ребенок–жертва может бояться всех мужчин.

В дальнейшем, став взрослыми, у жертв сексуального насилия часто отмечаются нарушения сексуальной жизни, выражающиеся в избегании сексуальных отношений и неспособности чувствовать радость и удовлетворение. По некоторым данным (Н.О.Зиновьева, Н.Ф.Михайлова, 2003), у 80% жертв инцеста имеются нарушения сексуального поведения, которые проявляются в торможении сексуальной активности или в ее усилении.

Нарушение половой идентификации. Часто сексуальное насилие, связанное с ранним сексуальным опытом, и действиями, совершенными вопреки желанию ребенка, приводит к нарушению сексуального развития, половой идентификации и сексуальных установок. Патологическое психополовое развитие наблюдается как у мальчиков, так и у девочек. Девочки предпочитают более маскулинное (мужского типа) полоролевое поведение, их отличает конфликт половой идентификации, они начинают отождествлять свое поведение с мужским поведением, что часто выражается уже в фантазийных играх раннего детства, когда они выбирают себе роли или героев, обладающих мужскими качествами.

У девочек подросткового возраста жертв сексуального насилия в семье отмечаются трудности в формировании стабильной женской идентификации, так как они отождествляют себя больше со своим доминирующим отцом, чем с пассивной матерью, особенно, если последняя публично подвергалась психологическому и физическому насилию. Эти девочки чувствуют себя несчастными оттого, что родились не мальчиками. Предпочитая носить мужскую одежду, они скрывают под ней презираемые ими отличительные признаки своего пола. Иногда их тело (особенно девочкам-подросткам) кажется причиной насилия, поэтому они пытаются сделать его непривлекательным для насильника. Они

начинают худеть или, наоборот, много есть, прятать тело под длинной одеждой, для них также характерны попытки самоистязания или самонаказания.

В более зрелом возрасте они начинают принимают участие в экстремальных видах спорта или грубых играх, требующих мужских качеств, предпочитают компании сверстников мужского пола.

У мальчиков отмечаются изменения в мужской половой идентификации, проявляющиеся в компенсаторном гипермаскулинном поведении и гомофобии. Некоторые мальчики демонстрируют женоподобное поведение.

У детей-жертв сексуального насилия вне зависимости от пола встречаются и нарушения сексуальной ориентации, среди которых наиболее выделяются гомосексуальные отношения.

Для некоторых жертв сексуального насилия характерно сексуально-агрессивное поведение по отношению к сверстникам или сестрам-братьям, напоминающее поведение взрослого насильника.

Низкая самооценка. Эти дети из–за сильных переживаний стыда и вины начинают рассматривать себя с некоторым недовольством и презрением. Их низкая самооценка со временем маскируется компенсаторной грациозностью и фантазиями всемогущества. Низкая самооценка у жертв сексуальных оскорблений часто основывается на стыде и чувстве вины, ассоциирующемся как клеймо инцеста. Стыд и вина могут появляться и в отношении собственных переживаний, когда в период домогательства у ребенка возникают приятные сексуальные фантазии и сексуальные чувства. Жертвы инцеста могут также испытывать синдром «испорченного товара», при котором ребенок постоянно ощущает себя физически непривлекательным для сексуальных контактов.

Низкая самооценка может проявляться и в определенных видах защитного, компенсаторного поведения. В частности, если это экстрапунитивное реагирование, то это визг, нытье, жажда победы и самоутверждения любой ценой, обман в игре, стремление к совершенству, крайнее хвастовство и самохвальство, подкуп, обвинение во всем других, желание многих вещей, использование различных приемов привлечения внимания (шутовство, поддразнивание других детей, антисоциальное поведение – воровство, ложь, драки, порча вещей и т. д.). Если это интрапунитивное реагирование, то это излишняя самокритика, замкнутость, стыдливость, извинение по каждому поводу, пугливость по отношению к новым стимулам, неспособность к принятию решения или выбора, подчеркнуто защищающее поведение, чрезмерные попытки всегда и всем нравиться.

Импульсивность и поведенческие расстройства. Отличает агрессивность, асоциальность, неконтролируемое поведение. Эти дети могут иметь большой опыт побегов из дома. Поэтому, бродяжничая или присоединяясь к деликатным группам подростков, они часто вовлекаются в злоупотребление алкоголем , наркотиками, занятия проституцией.

Потеря интереса к школе. Характерна школьная неуспеваемость из-за снижения познавательной мотивации, гиперактивности, специфических учебных затруднений.

Итак, при сексуальном насилии или оскорблении ребенок служит средством забавы и утешения родителей либо других близких взрослых и часто используется в качестве объекта сексуального комфорта и получения сексуального удовольствия.

Как только совершается надругательство и сексуальный барьер переступается, жизнь ребенка меняется необратимо. Он или, что более часто, она может не понимать того, что случилось. Мужской пенис неприятен ребенку и может его испугать. Сперма кажется ему в чем-то сходной с мочой, а само событие может причинить боль и привести к кровотечению. Девочке при этом могли угрожать тем, что, если она кому-либо расскажет о случившемся, ее выгонят из дома, ей переломают ноги, ее мать убьют, а отца посадят в тюрьму.

В результате дети хранят все в строжайшем секрете месяцами и годами. Они ощущают ужас от того, что, рассказав, они нарушают некий негласный семейный обычай секретности. Их сдерживают сильное чувство лояльности к отцу или матери, а также страх пойти против запретов отца и перед угрозами наказания, в случае если кому-либо расскажут о происшедшем. Кроме того дети желают знать, случилось ли это на самом деле или им все это показалось? Ведь родители ведут себя так, будто ничего не произошло, и ребенок ждет, обмирая, повторится ли это снова. Он перестает верить самому себе, своему собственному опыту и рассудку.

В то время, когда над ребенком совершается надругательство, ему велят сдерживать свои эмоции, не плакать, обеспечивая совратителю некоторое ощущение триумфа. Ребенок вынужден молчать и подавлять боль и гнев. Желание девочки, например, рассказать о случившемся матери скорее всего встретит недоверие и упреки за «вздор, который она несет». Более того, ребенок не знает порой даже слов, которыми возможно описать происшедшее, поскольку все это находится как бы по ту сторону его повседневного опыта.

Сексуальная травматизация ребенка может начинаться очень рано, между тремя и шестью годами. Гораздо раньше, чем он способен запомнить это. По мере достижения ребенком подросткового возраста возможен переход

от прикосновений, несущих оттенок сексуальности, к развернутому оральному, вагинальному или анальному сношению. Ребенок привыкает к повторяющемуся надругательству. Он боится отходить ко сну, может страдать от ночных кошмаров, энуреза, испытывать трудности в школе, иметь поведенческие нарушения. При этом у него преждевременно пробуждается сексуальность. Девочка может стать молчаливой, замкнутой, отстраненной и слезливой, неожиданно отворачивается от родственника, с которым прежде была весела и игрива.

В подростковом возрасте (в период полового созревания) девочка постепенно начинает осознавать свое отличие от большинства сверстников, лишенных столь тягостного опыта. Она стесняется выступать перед классом, показываться в раздевалке после уроков физкультуры и занятий спортом, боясь, что окружающие смогут разглядеть нечто и узнают о том, что же происходит с ней дома.

Сексуальная травматизация может иметь и более отдаленные последствия. Например, для девушек, подвергшихся сексуальному насилию в детстве, трудно а иногда просто невыносимо поддерживать разговоров подруг о парнях, первых поцелуях, об ухаживании, о положении невесты и свадьбе. Еще в детстве она “потеряла” отца и мать, стала изолированной и депрессивной, с крайне бедным образом «Я», чувствовала себя униженной, злой и в чем-то виноватой.

Девочка старается полностью забыть случившееся до тех пор, пока во взрослой жизни какое-либо событие, такое, например, как рождение ребенка или специальная телепередача, посвященная инцесту, не растревожит ее воспоминаний. Она может испытывать большие трудности, сталкиваясь с разного рода медицинскими осмотрами и обследованиями. И врачи часто не могут понять, в чем, собственно, дело. Вагинальное или ректальное (анальное) обследование вновь возвращает их к тягостным воспоминаниям, а авторитарная фигура врача напоминает им отца-насильника.

С такими детьми очень трудно вступить в контакт, так как они не хотят ворошить свои тягостные воспоминания, сопряженные с невыносимой душевной болью, и боятся вызвать у окружающих неодобрение, отвережение и отвращение.

Исследования показали, что насилие чаще проявляется в отношении детей младшего возраста и с более низким уровнем развития. Характер и глубина нарушений личности вследствие насилия будут также зависеть от возраста и уровня развития ребенка. Последствия для ребенка будут серьезнее, если насилие сопровождалось причинением боли и травмы. По сравнению с сексуальным злоупотреблением такие формы сексуального насилия, как

половое сношение (оральное, анальное или вагинальное), для ребенка, наиболее травматичны. Последствия насилия будут тяжелее и в том случае, если оно совершено близким для ребенка человеком. Если после обнаружения сексуального насилия члены семьи встанут на сторону ребенка, а не на сторону насильника, то для ребенка последствия будут менее тяжелыми, чем когда он не получит защиты и поддержки.

Личность насильника

Как показывают результаты различных исследований в качестве насильника могут выступать как мужчины, так и женщины, как подростки, люди среднего (30–40 лет), так и пожилого возраста, как психически больные, так и здоровые люди, как в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, так и в нормальном состоянии. Чаще всего это люди, которых ребенок хорошо знает, или хотя бы периодически общается.

Ситуативные насильники. Это люди, которые в силу определенных обстоятельств останавливают свой сексуальный выбор на детях. Их можно разделить на несколько типов:

Регрессивные. Они отличаются низким уровнем собственного достоинства, а также слабой способностью контролировать собственные желания и управлять ими. По определенным причинам они не могут справляться с семейной ситуацией и поэтому нереализованное стремление к власти, с одной стороны, и доступности детей, с другой, провоцируют их к совершению насилия.

Морально неразборчивые. Они жестоко обращаются со всеми близкими людьми, кто находится в их власти и зависим от них – женой, родственниками, друзьями, подчиненными. В конце концов объектом насилия становится ребенок, при этом, как правило, насильник заставляет вступать с ним в сексуальный контакт, используя физическую силу.

Сексуально неразборчивые. Это люди, для которых не существует границ и правил при необходимости удовлетворения собственных сексуальных потребностей.

Неадекватные. К этому типу относят социопатов — людей, с явно выраженным асоциальным поведением, для которых дети не имеют никакой ценности и потому они считают себя вправе делать с ними все, что захотят.

Преферентные насильники – это исключительно те, чья сексуальное влечение фиксировано на детях, то есть педофилы. Для удовлетворения своих потребностей они не останавливаются ни перед чем, поэтому количество жертв значительно больше, чем у ситуативных насильников. Преферентных насильников разделяют на следующие типы:

Соблазнители. Они умеют хорошо находить контакт с ребенком, общаться с ним, слушать, разговаривать, устанавливать партнерские отношения. Вовлечение в сексуальные отношения происходит постепенно и сопровождается проявлением внимания по отношению к ребенку, ухаживанием и дарением подарков.

Интроверты. Этот тип не обладает такими же навыками общения и обольщения, как соблазнитель, поэтому установление длительного контакта с ребенком, позволяющего вступать в сексуальные отношения – для него непростая задача. В связи с этим его сексуальный опыт кратковременен и нередко сопровождается физическим насилием.

Садисты. Это те, кто предпочитает в качестве сексуальных партнеров исключительно детей. Их сексуальные действия сопряжены с необходимостью для насильника причинять физическую боль, истязать жертву, вплоть до убийства.

Инцест

Инцест (кровосмешение)– это половая связь акт между кровными родственниками (между отцом и дочерью, матерью и сыном, братом и сестрой, матерью и дочерью, а также между отцом и сыном). Основной причиной инцестных отношений считают нарушенное функционирование семьи. В первую очередь это семьи, в которых отсутствует взаимное доверие и подлинная эмоциональная привязанность членов семьи друг к другу и в связи с этим любые тактильные контакты (прикосновения, телесные ласки) начинают приобретать сексуальный подтекст. Также важную роль играют сексуальные отношения между матерью и отцом. Если отец склонен к насилию и алкоголизации, мать может настолько потерять власть в семье или контроль над своими сексуальными влечениями, что не в состоянии воспрепятствовать инцесту.

Матерей жертв сексуального насилия по личностным характеристикам можно разделить на два типа (Н.О.Зиновьева, Н.Ф.Михайлова, 2003):

Доминирующая мать. Это часто совершенно независимая и самостоятельная женщина, которая большое значение придает профессиональному росту. Нередко обладает более высоким интеллектуальным уровнем развития, чем муж. Эмоционально сдержанная, прагматичная, властная, крайне недовольная мужем – она, как правило, стремиться удовлетворять свои психологические и сексуальные потребности вне рамок семьи. В этом случае важное значение имеет мотивация, благодаря которой она сохраняет этот брак.

Пассивная мать. Она характеризуется низкой самооценкой, низким уровнем социальных и интеллектуальных потребностей, значительными проблемами в сексуальных отношениях с мужем. В структуре семьи находится на

периферии. Она отсутствует либо физически (вынуждена много работать), либо психологически (всегда во всем соглашаясь). С ее мнением , если же его кто-то спрашивает, никто не считается – она «пустое место». Довольно часто и подолгу находится в депрессивном состоянии, подавлена, чрезвычайно зависима от мужа, его сексуальных пристрастий.

Как показывает практика, в алкогольных и дисфункциональных семьях много секретов, запретов и страхов. Методы воздействия на жертву в целях сохранения тайны различны. Их использование обеспечивают насильнику безопасность, а жертве не позволяют защитить себя. Основными из них являются:

Изоляция. Насильник способствует изоляции жертвы, лишает ее всякой социальной поддержки и тем самым существенно ограничивает возможности позаботиться о себе самостоятельно. Часто ребенок, не доверяя ни близким взрослым, ни детям, может просто не знать, к кому и куда можно обратиться за помощью.

Угрозы. Ради сохранения тайны насильник прибегает к использованию давления на детей и угрозам физической расправы («Скажешь кому – убью!»). Часто жертва подвергается и психологическому насилию – ей внушается страх , что именно она станет причиной несчастий в семье. «Хорошим» способом являются попытки «повесить» на жертву чувство вины: «Если ты кому-нибудь скажешь, то папу посадят в тюрьму».

Демонстрация силы. Насильник может перейти от угроз к физическому насилию или наказаниям.

Обман или подкуп. Когда насильник близкий человек, которому ребенок доверяет и которого любит – нет ничего проще сманипулировать им так, что он и не поймет, что стал жертвой насилия. Иногда маленький ребенок (3-6 лет) сомневается, что что-то произошло, было ли это на самом деле, или ему это всего лишь показалось, поскольку взрослые ведут себя, как раньше. Маленькому ребенку иногда бывает сложно отличить хорошее от плохого, насилие от любви. Кроме того, угроза потерять любовь отца может, например, сочетаться у девочки с честолюбивым стремлением стать более любимой и более близкой, чем мама.

Усиление обычных, тривиальных требований. В данном случае речь идет о том, что жертва занимает полностью подчиненную позицию, когда уступка становится обычной привычкой.

Факторы, детерминирующие инцестные отношения

Доминирующая позиция родителя. Сексуальное насилие над ребенком возможно вследствие того, что у взрослого члена семьи гораздо больше

власти, чем у ребенка. Эта власть и используется для удовлетворения взрослым собственных сексуальных потребностей.

Сексуальная неудовлетворенность родителя. В семье может сложится такая ситуация, когда существуют нарушенные сексуальные отношения или их вообще нет. Очевидно, что вероятность инцеста по мере взросления ребенка возрастает.

Естественная привлекательность ребенка. Взаимоотношения родителя и ребенка чаще всего отличаются эмоциональной близостью. В результате такой структуры эмоциональных связей ребенок может вообще не восприниматься как жертва. Поэтому достаточно часто инцестные отношения строятся либо на взаимном согласии, либо провокации или соблазнении. Однако при инцесте, как и при любом сексуальном насилии, ребенок должен всегда расцениваться как жертва.

Алкоголизаци или наркотизация. Сексуальное влечение может нарастать и растормаживаться под влиянием алкоголя, наркотиков.

Внешние обстоятельства. Доступность и территориальная близость ребенка также могут способствовать ослаблению тормозных механизмов: например, родитель или другой близкий и значимый взрослый часто находится наедине с детьми и внешне это выглядит совершенно естественно и не вызывает у окружающих тревоги.

Игра в «кошки–мышки». Необходимость преодолеть сопротивление ребенка, вовлечь его во взаимодействие сексуального характера. Важно отметить, что инцест часто начинается с флирта и обольщения и крайне редко с полового акта.

Невмешательство родителя, пассивная позиция по отношению к инцесту. Например, когда мать узнает об инцесте, ее мир рушится, и поэтому она старается вытеснить этот инцедент, умудряясь «не замечать» происходящего, или отрицать происшедшее. Дочь же расценивает подобное поведение матери как предательство с ее стороны и не прощает этого. В итоге сначала мать теряет мужа, а затем и дочь.

Фазы процесса инцеста

Инцест как и любой процесс насилия имеет свое развитие и в нем можно выделить несколько фаз.

Первая фаза – *вступительная*. На этом этапе взрослый должен создать благоприятные условия для установления инцестных отношений. Сначала это может быть делом случая, однако, затем насильник может неоднократно предпринимать попытки специально организовать ситуацию таким образом, чтобы он мог находиться с ребенком один или в уединенном месте. Таким

образом, ребенок попадает в опасную ситуацию, связанную с человеком, которому доверяют его близкие или он сам.

Вторая фаза – *непосредственно сексуальный акт*. На этом этапе взрослый начинает «притуплять бдительность» и исподволь готовить ребенка к сексуальной близости. Например, насильник может постепенно и не полностью раздеваться, оставаясь наедине с ребенком. Важно сделать так, чтобы ребенок воспринимал наготу родителя естественно. Процесс развивается по нарастающей: от невинных прикосновений – к ласкам интимного характера. Часто насильник обликает сексуальные ласки в форму игры и когда ребенок воспринимает их как развлечение – тогда это можно повторить снова. В конце концов интимные ласки переходят в половой акт.

Третья фаза – *контроль за сохранением секрета.* Главной задачей насильника является сохранение его действий в секрете. Поэтому он должен оказать на ребенка такое давление, чтобы тот ни при каких обстоятельствах не раскрыл происходящего. В подавляющем большинстве случаев это без труда удается. Как уже отмечалось ребенка можно запугать как угрозами физической расправы или наказания, так и моральной угрозой: потери любви, стать причиной семейного конфликта, вплоть до разрушения семьи. Обычно фаза секретности длится долго, иногда до нескольких лет.

Четвертая фаза – *раскрытие*. На этом этапе окружающим становится известно о происходящем или имевшем место насилии. В одних случаях факты насилия обнаруживаются случайно это может быть третье лицо (какой–то свидетель), а могут свидетельствовать – раны и повреждения на теле ребенка, появление которых он не может внятно объяснить, венерические заболевания, беременность и пр. И, как показывает практика, хотя это и выглядит парадоксально, жертва может реагировать крайне негативно на попытки специалистов или окружающих изменить ситуацию и оказать ей помощь.

В других случаях одна из сторон (либо ребенок, либо взрослый) сообщает о происходящем. Конечно же, чаще всего это делают жертвы. Детям очень хочется поделиться своим секретом и получить поддержку близких. Как правило, это происходит тогда, когда жертвы начинают понимать, что их используют как сексуальный объект и у них уже нет сил терпеть все это.

Следует отметить, что обвинение в насилии может быть сфальсифицировано или быть плодом сексуальных фантазий ребенка. Иногда дети специально оговаривают взрослых, включая своих родителей, поэтому требуется особое внимание и тщательное изучение ситуации. Однако любые сообщения ребенка о насилии не должны игнорироваться взрослыми.

Пятая фаза – *подавление*. Не столь важно, каким образом тайное стало явным. Важно, что любая семья стремится сделать происшедший инцидент

делом семейным, свести к минимуму всю информацию о происшедшем. Родители в тайне надеются, что ребенок обо всем забудет. Более того, семья часто оказывает на ребенка давление, сознательно или бессознательно добиваясь, чтобы он тоже делал вид, что ничего не произошло. Раскрытие инцеста вызывает у ребенка сильные переживания, так как ребенку кажется, что, рассказывая о случившемся, он совершает преступление – предает отца и мать. Во многих случаях после раскрытия факта инцеста происходит распад семьи и у многих ее членов психологи отмечают серьезные травматические переживания.

Причины неразглашения факта сексуального насилия или инцеста

Дети не рассказывают про сексуальное насилие или инцест по целому ряду обстоятельств. К наиболее существенным можно отнести:

Возраст ребенка. Если речь идет о маленьких детях, то в силу своего возраста они еще не понимают смысла сексуальных действий.

Уровень образования. Дети могут не владеть достаточным словарем, чтобы описать действия взрослого.

Запреты взрослых. Детям могут не разрешать это сделать.

Недоверие к окружающим. Их рассказы могут игнорироваться или высмеиваться. Детей могут упрекать в лживости и в нелепых фантазиях.

Озабоченность собственным положением. Многие дети озабочены тем, как их будут воспринимать окружающие, если обо всем станет известно. Страх быть отвергнутым, смешанный с чувством стыда и вины, мешает ребенку рассказать о случившемся, но в то же время и жить с этими переживаниями очень трудно.

Психологические защиты. В такой ситуации часто срабатывают механизмы вытеснения, отрицания и диссоциации травматического опыта.

Социально–психологические факторы семейного насилия

Насилие в семье часто провоцируется взаимодействием различных личностных и ситуативных факторов. Остановимся более подробно на наиболее существенных из них.

Личность ребенка как фактор насилия. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют, что целый ряд особенностей личности и развития ребенка могут вызвать в родителе агрессию, недовольство, раздражение и последующее за этим насилие.

Высокий риск стать жертвами насилия имеют дети со следующими проблемами в психическом и физическом развитии:

– нежеланные дети, а также те, которые были рождены после потери родителями предыдущего ребенка;

– недоношенные дети, имеющие при рождении низкий вес;

– дети, живущие в многодетной семье, где промежуток между рождениями детей был небольшим;

– дети с врожденными или с приобретенными увечьями, низким интеллектом, с нарушениями здоровья (наследственными или хроническими заболеваниями, в том числе и психическими);

– с расстройствами и особенностями поведения (раздражительность, агрессивность, непокорность, непослушание, импульсивность, гиперактивность, непредсказуемость поведения, нарушения сна, энурез);

– с определенными свойствами личности (апатичность, замкнутость, равнодушие, чрезмерная зависимость, лживость);

– с привычками, действующими на нервы родителям (грызение ногтей, ковыряние в носу, кривляние, манипулирование гениталиями);

– с низкими социальными навыками (несамостоятельные, некоммуникативные, не имеющие друзей);

– с особенностями внешности, отличающейся от других или тяжело переживаемой родителями, с которыми они никак не могут примириться («ушастые», «сутулые», «кривоногие», «толстые»);

– дети, чье вынашивание и рождение было тяжелым для матерей, которые часто болели и были разлучены с матерью в течение первого года жизни.

Каждая из перечисленных выше особенностей или их комбинация увеличивают в семье дистресс и вероятность проявления насилия к ребенку.

Личность родителя как фактор насилия. Физические, индивидуальные и личностные особенности самого родителя и его способность налаживать коммуникацию с ребенком также могут провоцировать насильственное поведение.

1. *Особенности личности родителя.* Как было установлено, риск насилия взрослого над ребенком возрастает, если родители обладали такими психологическими качествами и свойствами как ригидность, доминирование, тревожность, быстрая раздражительность (особенно на провоцирующее поведение ребенка), низкая самооценка, депрессивность, импульсивность, зависимость, низкий уровень эмпатии и открытости, низкая стрессоустойчивость, эмоциональная лабильность, агрессивность, замкнутость, подозрительность и нарушенные процессы самоидентификации.

2. Негативное отношение родителя к окружающим и неадекватные социальные ожидания в отношении ребенка. В этом случае родители оценивают поведение ребенка как сильную «помеху». Их отличает недовольство и негативное самоощущение. Они чувствуют себя несчастными, недовольными своей семейной жизнью, страдающими от стресса.

3.Низкий уровень социальных навыков. Для таких родителей характерно отсутствие умений вести переговоры, решать конфликты и проблемы, совладать со стрессом, просить помощи у других. При этом часто срабатывает такой механизм психологической защиты как отрицание – наличие проблемы игнорируется, чтобы не принимать помощь окружающих. Насилие над детьми является семейным секретом, который тщательно скрывается и открыто не обсуждается, поскольку вызывает страх обвинений в родительской некомпетентности, стыд, вину и т. д.

4. Психическое здоровье родителя. Определенные психопатологические отклонения у родителей, их невротичность, депрессивность, склонность к суицидам увеличивают риск применения насилия в отношении детей.

Родители, склонные к насилию, могут страдать некоторыми расстройствами личности и нарушениями поведения. Например, у лиц, страдающих синдромом зависимости, присутствуют изменения личности и аффективные нарушения, которые приводят в дальнейшем к психопатизации личности. Их характеризует перемена настроения в отношениях с людьми, нарушение самосознания, отсутствие ясных и постоянны целей, плохой контроль над своими желаниями и действиями. Ригидность, плохая социальная толерантность, конфликтность детерминируются категоричностью мышления, склонностью к крайним эмоциям и манере поведения, которые часто переходят границы и приводят к насилию. Родитель с *делинквентным поведением, социопат,* может крушить, красть, причинять телесные повреждения окружающим. Он не в состоянии планировать и контролировать свои действия, импульсивен и склонен к насилию, у него снижен инстинкт самосохранения, и он также беспечен по отношению к своим родным.

5. *Алкоголизм и наркомания родителей.* Вызванные различными психофармакологическими проблемами аффективные и поведенческие нарушения: агрессивность, гиперсексуальность, раздражительность, ослабленный контроль над своим поведением, нарушения координации, сниженная критичность, деформация личности увеличивают риск насилия над детьми. Часто в результате опьянения или наркотизации процессы торможения ослабевают, резко ухудшается внимание и способность мыслить, снижается самоконтроль и критическое восприятие себя и своим действиям, что приводит к неадекватной оценке происходящего. Так, малейшее невыполнение ребенком зачастую противоречивого распоряжения или запрета может вызвать сильный аффект ярости и агрессии. Тот же механизм может срабатывать и при сексуальном насилии: в состоянии опьянения растормаживается половое влечение, утрачивается контроль и критика, в результате это приводит к злоупотреблению ребенка.

6. Проблемы со здоровьем. К факторам, увеличивающим риск насилия, также могут относиться патологически протекающая беременность, прервавшаяся беременность, тяжелые роды. Все что влияет на нервную систему и делает женщину не резистентной к стрессовому воздействию. (P. J. Lynch ,1975).

7. Эмоциональная невосприимчивость и умственная отсталость. Родитель не всегда понимает и может оценить физическое и психическое состояние ребенка, особенно больного, течение и последствия его болезни, поэтому может оставить ребенка без необходимой помощи (M.P. Johnson, 1993).

8. Неразвитость родительских навыков и чувств. Дефицит родительских чувств и навыков чаще всего характерен для молодых, умственно отсталых, психически больных родителей.

Молодые родители, часто являясь незрелыми и не вполне компетентными, не могут взять на себя ответственность, не обладают необходимыми знаниями о развитии и воспитании ребенка. Такие родители всегда испытывает страх, что не справится с требованиями, поэтому бывают раздражительны и агрессивны. Они не в состоянии подавить собственную агрессию и гнев по отношению к ребенку. Боясь потерять контроль над ребенком, молодые родители часто используют авторитарный метод воспитания, а наказание рассматривают как единственный «эффективный» способ коррекции поведения ребенка. Часто это обусловлено незнанием других способов воспитательного взаимодействия с ребенком. При этом агрессия, сопровождаемая депрессией и тревогой, снижают толерантность к стрессу, способность справляться с возникающими трудностями в воспитании.

Некоторые родители не понимают потребностей ребенка, не способны оценить его умения и способности, в результате чего предъявляют к нему требования, которые он не может удовлетворить. У родителей, склонных к проявлению насилия, часто отсутствуют коммуникативные навыки, позволяющие им справиться с агрессивным поведением ребенка. Они убеждены, что ребенок существует для удовлетворения их эмоциональных потребностей и что он должен быть послушным, чутким, ласковым, понятливым, не огорчать, а только любить их и радовать.

Структура семьи и модель общения как факторы риска. Исследования показывают, что факторы и условия, которые способствуют жестокому обращению с детьми достаточно многочисленны (A. Browne, 1988 и M. A. Straus, 1980):

1. Неполные и/или многодетные семьи. Часто из–за более тяжелого материального положения, занятости на работе, дефицита свободного времени у родителей, неравномерного распределения внимания детям неполная или многодетная семья создают больше предпосылок для переживания стресса, чем

обычная семья. Нестабильность семьи, которая существенно затрудняет формирование семейной системы, является серьезным стрессогенным фактором как для родителя, так и для детей (например, когда мать часто меняет сожителей). Во–первых, отношения между детьми и сожителем складываются по-разному и часто неопределенны из–за статуса «нового члена» семьи; во–вторых, они отличаются непостоянством, и в–третьих, могут быть обусловлены своеобразной, «центрированной на сожителе» позицией матери..

2.*Семьи с отчимом или приемными родителями.* Как показывают многочисленные исследования, например, риск сексуального насилия над девочкой в семьях с отчимом увеличивается.

3.*Конфликтные или насильственные отношения между членами семьи.* Как уже отмечалось, родители, применяющие насилие при разрешении конфликтов между собой, склонны использовать его с целью подчинения и по отношению к детям. Женщины, испытывающие насилие от мужа, достоверно чаще проявляют его к своим детям. В семьях с неравномерным распределением власти между родителями — при доминирующей гиперпротекции – применение насилия над детьми наиболее вероятно. Также семьи с размытыми, неопределенными семейными ролями и функциями, с неустойчивым стилем воспитания, когда к детям применяются непоследовательные и противоречивые требования, имеют высокий риск применения насилия к ребенку. Семьи, в которых проявляют насилие к детям, отличают недостаточные и нарушенные эмоциональные связи и коммуникация между членами семьи, как следствие этого – несформированная и неэффективная психологическая поддержка и низкий уровнь семейной сплоченности (Н. Ф. Михайлова, 1998, 2001).

4. *Проблемы между супругами* Финансовая, психологическая, сексуальная неудовлетворенность супругов, отсутствие или недостаток эмоциональной поддержки и теплоты влияют на психологическое благополучие матери и в конечном итоге определяют ее отношение к детям. В частности, по мнению Coohey (1995), брошенная или неудовлетворенная отношениями с мужем женщина с высокой степенью вероятности не сможет проявить нежность и установить близость со своим ребенком.

5. *Межпоколенная эстафета.* Как уже отмечалось ранее, родители, испытавшие или видевшие в детстве насилие или пренебрежительное отношение, склонны к нему в обращении со своими детьми (А. Н. Green, 1988, 1995 и S. Kaplan, D.Pelcovitz, S.Salzinger, 1983). С раннего возраста родители–жертвы усвоили модель агрессивного поведения по отношению к другим людям и членам семьи. И здесь снова необходимо обратиться к механизму «идентификации с агрессором». Ребенок, с которым плохо обращались, отождествляет себя со своим родителем–насильником и учится тому же. Насилие для таких ставших взрослыми

детей – наиболее приемлемый и привычный способ разрешения межличностных конфликтов и дисциплинирования собственных детей. Например, А. Грин (A. H. Green, 1995) отмечает, что существенная часть родителей, применивших сексуальное насилие к своим детям, сами пережили в детстве сексуальное злоупотребление. Это закрепило *инцестную модель поведения,* согласно которой допускается использование детей в качестве сексуального партнера. Более того, те родители, которые не применяют насилия, но и не могут защитить своих детей от насилия другого родителя, могут формировать у детей *модель беспомощного родителя.* Именно матери, имеющие травматический опыт детства, не в состоянии защитить детей от сексуального насилия своего партнера, по той причине, что отождествляют себя со своей матерью, которая не заботилась о них и не защищала.

В связи с этим, как показывают исследования, родителей, страдавших в детстве от насилия, отличает низкая самооценка, социальная изолированность, переживание хронических повседневных стрессов, трудности при формировании близких отношений, особенно со своими детьми. Травматический опыт детства может снижать их родительскую компетентность. Пережитая ими заброшенность, пренебрежение и отсутствие любви, иногда в сочетании с требованиями беспрекословного подчинения, сформировали недоверие к людям и собственному ребенку в частности. Очень часто они повторяют ту же модель поведения: суровые требования и наказания.

6. Проблемы взаимоотношений родителя и ребенка. В семьях, где между родителем и ребенком не формируются отношения привязанности, существенно возрастает риск проявления насилия. Кроме того, в старшем возрасте у ребенка могут быть трудности в формировании самостоятельности и близких отношений, поскольку отсутствуют подходящие условия и образцы для подражания и приобретения основных навыков общения с людьми, усвоения действующих норм морали, формирования умения решать собственные проблемы, устанавливать необходимые эмоциональные связи. Это подтверждается многочисленными исследованиями, которые проводились в семьях с зависимыми, асоциальными и делинквентными родителями.

Кроме того, у родителей, применяющих физическое и сексуальное насилие, может быть нарушено адекватное восприятие своего ребенка. В частности, в семьях с жестоким обращением можно наблюдать феномен «перевертывание ролей», когда родители ждут от детей удовлетворения своих желаний и выполнения некоторых родительских обязанностей (например, стирки белья, приготовления пищи, уборки, ухода за другими детьми и т. д.). Если ребенок в роли «родителя» не выполняет свои обязанности, то его наказывают. Эта же схема используется и в семьях инцестными отношениями: отец общается

с дочерью как с супругой или любовницей, причем мать в роли «жены» либо игнорируется, либо сама отказывается от выполнения этой роли. В этом случае именно ребенку приходится нести ответственность за сексуальную удовлетворенность своего отца, а также за сохранение семьи.

7. *Эмоциональная и физическая изоляция семьи.* Изоляция проявляется в отсутствии социальных контактов, формальной и неформальной поддержки. В частности, отсутствие кого–то из близких с кем бы можно было бы поделится проблемами, кому можно было бы довериться, на кого можно было бы оставить ребенка, что бы уделить время себе, устранение одного из родителей от воспитания ребенка и пр.

Социально–экономические факторы насилия в семье. К такого рода факторам, провоцирующим проявление насилия, относятся: низкий доход семьи и постоянный дефицит денежных средств; безработица или временная работа, а также низкий трудовой статус родителей (работающие родители меньше склонны к насилию); размеры и состав семьи; возраст родителей;; принадлежность к групповому (этническому, религиозному) меньшинству; плохие жилищные условия; отсутствие социальной помощи и пр. Эти хронические стрессовые ситуации часто вызывают у родителей фрустрацию и чувство беспомощности и оказывают существенное влияние на психологический климат семьи. В результате ребенок может стать, а часто и становится «козлом отпущения».

Было установлено, что родители, существующие в перечисленных выше условиях, в большей мере склонны к насилию, чаще других попадают в стрессовые ситуации и находятся в условиях хронического дистресса. А. Грин (A. H. Green, 1988, 1995) и С.Каплан и др. (S. Kaplan, D.Pelcovitz, S.Salzinger, 1983) обнаружили, что применяющие насилие и оставляющие детей без присмотра матери более изолированы от общества, имеют меньший круг друзей и знакомых, проводят в собственной родительской семье больше времени, чем заботливые матери. Инцест чаще встречается в социально изолированных сообществах. Отцы, неспособные к созданию нормальных социальных отношений вне семьи, используют детей для удовлетворения своих сексуальных потребностей особенно в период супружеского кризиса. Кроме того, исследования показали, что, будучи ожесточенными и разочарованными в своих возможностях найти или сохранить постоянное место работы и таким образом материально обеспечить себя, они выплескивают на детей свое напряжение, гнев и разочарование. Вынужденные в рабочие дни оставаться наедине с детьми, они чаще срываются, наказывая их даже за маленькие шалости и непослушание. При этом отец/отчим, находясь с детьми в дневное время, получает все условия для сексуального злоупотребления детьми.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение физическому, психологическому и сексуальному насилию?
2. Найдите сходства и различия в последствиях физического, психологического и сексуального насилия?
3. Найдите сходства и различия в личности агрессора?
4. Найдите сходства и различия в личности жертвы физического, психологического и сексуального насилия?
5. Какие факторы и условия способствуют жестокому обращению с детьми?

АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ В РОДИТЕЛЬСКО–ДЕТСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

Взаимоотношения между родителямии детьми в процессе воспитания, как один из важнейших факторов социализации, оказывает существенное влияние на формирование агрессивной модели поведения ребенка.

Стили родительского воспитания

Под родительским стилем воспитания понимается система, или совокупность, родительского эмоционального отношения к ребенку, восприятие ребенка родителем, а также способы поведения и взаимодействия с ним. Стиль родительского воспитания определяется по целому ряду критериев.

Критерии оценки стиля воспитания в семье

1.Уровень протекции в процессе воспитания. Здесь имеется в виду сколько сил, внимания и времени уделяют родители воспитанию ребенка. Можно отметить два уровня:

Гиперпротекция, когда родители уделяют ребенку крайне много времени, сил и внимания, воспитание стало центральным делом их жизни.

Гипопротекция, ситуация в семье при которой ребенок оказывается на периферии внимания родителей, до него «не доходят руки», родителю «не до него». Ребенок часто выпадает у них из виду. За него берутся лишь время от времени, когда случается что-то серьезное.

2. Степень удовлетворения потребностей ребенка. Здесь имеется в виду степень удовлетворения потребностей ребенка, т.е. в какой мере деятельность родителей нацелена на удовлетворение, как материально-бытовых (в питании, одежде, развлечениях), так и духовных - прежде всего, в общении с родителями, в их любви и внимании, нужд ребенка. Данная черта семейного воспитания принципиально отличается от уровня протекции, поскольку характеризует не меру занятости родителей воспитанием ребенка, а степень удовлетворения его потребностей. Так называемое «спартанское воспитание» является примером высокого уровня протекции, поскольку родитель много занимается воспитанием, и низкого уровня удовлетворения потребностей ребенка.

Можно также отметить два уровня:

Потворствование. О потворствовании судят в тех случаях, когда родители стремятся к максимальному и некритическому удовлетворению любых потребностей ребенка. Они «балуют» его. Любое его желание для них – закон.

Игнорирование. Данный критерий противоположен предыдущему и характеризуется недостаточным стремлением родителя к удовлетворению потребностей ребенка. Чаще страдают при этом духовные потребности, особенно потребность в эмоциональном контакте, общении с родителем.

3. Количество и качество требований к ребенку в семье. В данном случае имеет смысл отметить, что требования родителя к ребенку – неотъемлемая часть воспитания. Вместе с тем, существуют требования-обязанности, предписывающие что ребенок должен делать в семье и требования-запреты – предписывающие что ребенок не должен делать в семье. И наконец, за выполнением-невыполнением требований следуют санкции: поощрение или наказание. В связи с этим различают:

Чрезмерность требований-обязанностей. Требования к ребенку в этом случае очень велики, непомерны, не соответствуют его возможностям и не только не содействуют полноценному развитию его личности, но, напротив, представляют риск психотравматизации.

Недостаточность требований-обязанностей ребенка. В этом случае ребенок имеет минимальное количество обязанностей в семье. Данная особенность воспитания проявляется в высказываниях родителей о том, как трудно привлечь ребенка к какому-либо делу по дому.

*Чрезмерность требований-запретов***.** В этой ситуации ребенку «все нельзя». Ему предъявляется огромное количество требований, ограничивающих его свободу и самостоятельность.

*Недостаточность требований-запретов***.** В этом случае ребенку «все можно». Даже если и существуют какие-то запреты, ребенок их легко нарушает, зная, что с него никто не спросит. Он сам определяет время возвращения домой вечером, круг друзей, вопрос о курении и употреблении спиртных напитков. Он ни за что не отчитывается перед родителями. Родители при этом не хотят или не могут установить какие-либо рамки в его поведении. Данное воспитание стимулирует развитие гипертимного типа характера, и особенно, неустойчивого типа.

Чрезмерность санкций. Для этих родителей характерна приверженность к применению строгих наказаний, чрезмерное реагирование даже на незначительные агрессия.

Минимальность санкций. Родители предпочитают либо вовсе обходиться без наказаний, либо применяют их крайне редко. Они уповают на поощрения, сомневаются в результативности любых наказаний.

Исходя из различных комбинаций указанных выше критериев можно описать целый ряд родительских воспитательных стратегий, провоцирующих агрессивное поведения у детей (И.А.Фурманов, 1997).

Родительские воспитательные стратегии и агрессия

Авторитарная гиперпротекция. При этом стиле семейного воспитания родители уделяют подростку много времени и внимания, однако при этом не оказывают ему эмоциональной поддержки, игнорируют его потребности в общении с родителями и часто используют наказание как основной метод воспитания.

Доминирующая гиперпротекция. Стиль примечателен тем, что ребенок находится в центре внимания родителей, которые стремятся к максимальному удовлетворению его потребностей. Наряду с этим, к нему предъявляются непомерные требования, которые часто не соответствуют его реальным возможностям. В случае невыполнения требований к нему применяются очень строгие санкции. Проявление мелочной опеки, жесткий контроль за поведением, чрезмерное навязывание родительской воли лишает, таким образом, ребенка самостоятельности, инициативы, чувства ответственности и долга.

Требовательная гиперпротекция. Родители уделяют ребенку достаточно много времени, сил и внимания, однако при этом предъявляют к нему чрезвычайно высокие требования, часто несоответствующие реальным возможностям. На ребенка перекладываются непосильные заботы и «недетская» ответственность, что приводит к формированию невротических симптомов у детей.

Ограничивающая гиперпротекция. Родители уделяют ребенку достаточно много времени, сил и внимания, однако при этом предъявляют к нему чрезвычайно высокие требования, часто несоответствующие реальным возможностям. На ребенка перекладываются непосильные заботы и “недетская” ответственность, грозящая ребенку невротическими срывами.

Различие двух последних стилей состоит в степени самостоятельности ребенка. В первом случае ребенку предоставляется возможность самому выбирать способы поведения, а во втором – нет, т.е. при огромном количестве требований свобода принятия решения и выбора действий значительно ограничена. Необходимо отметить, что при таких подходах к воспитанию ребенок может формироваться не только агрессивность, но и реакции эмансипации, которые проявляются в открытом непослушании, грубости, игнорировании конвенциональных норм.

Снисходительной гиперпротекции. Дети находятся под бдительным неустанным надзором и чрезмерным навязыванием родительской воли во всем: в выборе одежды, предметах развлечений, друзей. Дети находятся в рамках высоких требований и многочисленных запретов, которые существенно ограничивают свободу и самостоятельность. При таком

воспитании ребенок становится нерешительным, безынициативным, боязливым, неуверенным в своих силах. Доминирующей эмоцией является обида на окружающих за то, что другим “все дозволено” – и как следствие этого – бунт против родительского засилья, стремление к конфронтации с другими людьми.

Потворствующая гиперпротекция отличается пристальным вниманием родителей к вопросам воспитания и удовлетворения потребностей ребенка, при которой ребенок находится на правах “кумира семьи”. Родители не столько контролируют, сколько чрезмерно покровительствуют, стремясь освободить ребенка от малейших трудностей, от скучных неприятных обязанностей, непрестанно восхищаются мнимыми талантами и преувеличивают действительные его способности. Рисунок «Плата за мир» хорошо иллюстрирует такое отношение к ребенку.

Потворствующая гипопротекция. Названный стиль семейного воспитания отличается отсутствием внимания родителей к детям, их занятостью решением собственных проблем. В этих семьях распространена практика “задабривания” детей путем максимального и некритического удовлетворения их материально–бытовых и других потребностей.

Скрытая гипопротекция. Этот стиль характерен для семей, где родители излишне заняты своими делами и не уделяют должного внимания детям. Требование к ним достаточно высоки, иногда выше их реальных возможностей. Вместе с тем, выполнение ребенком своих обязанностей в семье формально, т.к. никак не контролируется со стороны родителей.

Гипопротекция с жестоким обращением. При этом стиле семейного воспитания – ребенок находится на периферии внимание родителей, он попадает в поле зрения родителей лишь тогда, когда случается что–то серьезное. Так же как и в первом случае, родители не проявляют устремлений к удовлетворению потребностей подростка и отличаются чрезмерно строгим реагированием на нарушение поведения.

Скрытая гипопротекция с жестоким обращением отличается полной самоустраненностью родителей от решения проблем воспитания, равнодушным и безразличным отношением к нуждам ребенка, его интересам и потребностям, эмоциональной холодностью. Стиль взаимодействия с ребенком строится только на предъявлении к нему непомерных требований и строгих наказаний за невыполнение обязанностей, непослушание и неповиновение. Это воспитание, основанное на отсутствии симпатии и любви к ребенку, по типу «Золушки», не только усиливает реакцию эмансипации, но и обусловливает острые аффективные реакции экстрапунитивного типа:

характеризующуюся открытым проявлением агрессии, выражением гнева и раздражительности.

Жесткая гипопротекция. Стиль отличается предоставленностью ребенка самому себе. У родителей отсутствует интерес к воспитанию ребенка и стремление к привлечению его к делам семьи. Вместе с тем, для родителей характерна чрезмерная реакция на незначительные агрессия (приверженность к применению строгих наказаний).

Жестокая гипопротекция характерна для семей детей с полной отстраненностью родителей от процесса воспитания ребенка. За малейшую провинность или непослушание ребенок сурово наказывается. В семье существует атмосфера деспотизма и тирании со стороны родителей. В итоге у детей могут формироваться жестокость и озлобленность.

Эмоциональное отвержение. Такой стиль воспитания характеризуется эмоциональным отвержением ребенка, безразличием и холодностью со стороны родителей, когда ребенок ощущает, что им тяготятся, что он обуза в жизни родителей. При этом возможны две модели воспитания:

а) когда ребенку предъявляются некоторые требования, свобода и самостоятельность ограничивается жесткой системой запретов и ограничений, нарушение которых строго карается. Такая ситуация способствует невротизации, чрезмерной чувствительности к фрустрации, озлобленности детей, а также может приводить к акцентуациям характера.

б) когда, наоборот, преобладает вседозволенность. Ребенку «все можно». Если в семье и существуют какие–то запреты, то он их легко нарушает, зная, что с него не будет спроса. Ребенку предоставляется полная свобода в определении собственного регламента жизни, выбора друзей, пристрастий.

Повышенная моральная ответственность. Характерно сочетание высоких требований к ребенку с пониженным вниманием к нему со стороны родителей, минимальной заботой о нем. Он встречается в семьях, где существует атмосфера эмоционального равнодушия и вседозволенности, но при этом родители ожидают и требуют от подростка результатов гораздо больших, чем он может достичь реально. На этот подход к воспитанию ребенка также накладывается приверженность родителей к применению строгих наказаний даже за незначительные агрессия. В результате у подростка появляется устойчивая реакция оппозиции, которая проявляется в категорических отказах выполнить какие–либо поручения, заниматься нелюбимым делом, нарочитой грубости, непослушании. Медленно накапливающаяся обида нередко проявляется в продуманных, заранее спланированных действиях, направленных на то, чтобы отомстить

“обидчикам”: дети могут портить вещи родителей, писать на стенах нецензурные слова, заниматься оговорами и пр.

Требовательное обращение. Этот стиль воспитания характеризуется недостаточным стремлением родителей к удовлетворению потребностей подростка в материально–бытовой и духовной сферах. Но, вместе с тем, к ребенку предъявляются непомерно высокие требования, часто не соответствующие его реальным возможностям. Неудовлетворенность потребностей, особенно в эмоциональном контакте, любви и внимания, и неадекватно завышенные требования к ребенку нарушают полноценный ход его развития и представляют риск психотравматизации.

Жесткое обращение. Отличительной особенностью данного стиля является полное ограничение свободы и самостоятельности ребенка (ситуация «все нельзя»). При такой ситуации у подростков появляется реакция эмансипации, т.е. сильная потребность в освобождении от контроля и опеки родителей с целью получения самоутверждения и независимости. В связи с чем подростки, удовлетворяя эти потребности, проявляют непослушание, игнорируют мнение и распоряжения взрослых, стремятся к независимому образу жизни, саботируют существующие порядки и традиции.

Жестокое обращение. Вся методика воспитания построена только на системе наказаний, часто телесных.

Более подробно взаимосвязь стиля семейного воспитания и агрессии отражена в нижеследующей таблице (Таблица 8). Причем, как уже отмечалось выше, согласно аффективно-динамической теории, эта связь может быть:

– непосредственной, возникающей в результате «прямого» воздействия стиля семейного воспитания, когда агрессия являются реакцией ребенка на ситуацию депривации или фрустрации;

– опосредованной, возникающей в результате длительного воздействия стиля семейного воспитания, когда агрессия являются следствием кризисной ситуации в семье, устойчивых негативных эмоциональных состояний ребенка: невротизма, психотизма, депрессии или синдрома психической неуравновешенности (в таблице эти агрессия маркированы «о»).

Таблица 8 – Взаимосвязь стиля семейного воспитания и агрессии у детей подросткового и юношеского возраста (по И.А.Фурманов, 1997, 2004)

№ п.п.	Стиль воспитания	Виды агрессии	
		Мальчики	*Девочки*
1.	Авторитарная гиперпротекция	ВА, ОА(о)	ОА, ААН, КА, ОА(о), ААН(о)
2.	Доминирующая гиперпротекция	АДН	
3.	Требовательная гиперпротекция	ОА, ААН, ФА, ВА	
4.	Ограничивающая гиперпротекция	ОА, ААН	
5.	Снисходительной гиперпротекции	ФА, ВА	АДН
6.	Потворствующая гиперпротекция	АДН(о)	ААН, ВА, Н, АДН(о)
7.	Потворствующая гипопротекция.		АДН
8.	Скрытая гипопротекция	АДН	ФА
9.	Гипопротекция с жестоким обращением		ОА, Н, ААН(о)
10.	Скрытая гипопротекция с жестоким обращением		ФА
11.	Жесткая гипопротекция	АДН	КА
12.	Жестокая гипопротекция	ФА	
13.	Эмоциональное отвержение	ААН, ОА(о), ААН(о)	ОА(о), ААН(о)
14.	Повышенная моральная ответственность	КА, Н	ОА
15.	Требовательное обращение	ОА, КА, АДН(о)	АДН(о)
16.	Жесткое обращение	АДН(о)	АДН(о), ААН(о)
17.	Жестокое обращение	ОА(о), ААН(о)	Н, ОА(о), ААН(о)

Прим. «ОА»– общая агрессивность, «АДН»– агрессивность деструктивной направленности, «ААН»– агрессивность асоциальной направленности, «ФА»– физическая агрессия, «ВА»– вербальная агрессия, «КА»– косвенная агрессия, «Н»– негативизм.

Сопутствующие факторы семейного воспитания и агрессия

Неустойчивость стиля воспитания. Здесь следует иметь в виду угрозу резкой смены стиля, приемов воспитания. Это может свидетельствовать о «шараханьях» родителей – от очень строгого стиля клиберальному а затем, наоборот. Особенно часто определяет поведение ребенка неустойчивость эмоциональных отношений в семье. Неустойчивость стиля воспитания содействует формированию таких черт характера, как упрямство, склонность противопоставлять себя любому авторитету.

Расширение сферы родительских чувств. Обычно этот феномен наблюдается при таких нарушениях воспитания как потворствующая или доминирующая протекция. Данный источник «недоразумений» в воспитания возникает чаще всего тогда, когда супружеские отношения между родителями в силу каких-либо причин оказываются нарушенными: нет одного из супругов (смерть, развод), либо отношения с ним не удовлетворяют родителя, играющего основную роль в воспитании (несоответствие характеров, эмоциональная холодность и др.). Нередко при этом мать, реже отец, сами того четко не осознавая, хотят, чтобы ребенок, а позже подросток стал для них чем-то большим, нежели просто ребенком. Родители хотят, чтобы ребенок удовлетворил хотя бы часть потребностей, которые в обычной семье должны быть удовлетворены в психологических отношениях супругов – потребность во взаимной исключительной привязанности, частично эротические потребности. Мать нередко отказывается от вполне реальных возможностей повторного замужества. Появляется стремление отдать ребенку - чаще противоположного пола – «все чувства», «всю любовь». В детстве стимулируется эротическое отношение к родителям - ревность, детская влюбленность. Когда ребенок достигает «пубертатного» возраста, у родителя возникает страх перед самостоятельностью подростка. Появляется стремление удерживать его с помощью потворствующей или доминирующей гиперпротекции. Стремление к расширению сферы родительских чувств за счет включения эротических потребностей в отношениях матери и ребенка, как правило, ею не осознается. Эта психологическая установка проявляется косвенно, в частности, в высказываниях о том, что ей никто не нужен, кроме сына, и в характерном противопоставлении идеализированных ею собственных отношений с сыном, неудовлетворяющим ее отношениям с мужем. Иногда такие матери осознают свою ревность к подругам сына, хотя чаще они проявляют ее в виде многочисленных придирок к ним.

Предпочтение во взрослеющем ребенке детских качеств. Этот вид нарушения воспитания обусловлен потворствующей гиперпротекцией. У родителей наблюдается стремление игнорировать повзросление детей, стимулировать сохранение у них таких детских качеств, как

непосредственность, наивность, игривость. Для таких родителей ребенок все еще «маленький». Нередко они открыто признают, что маленькие дети им вообще нравятся больше, что с детьми старшего возраста уже не так интересно. Страх или нежелание повзросления детей могут быть связаны с особенностями биографии самого родителя (он имел младшего брата или сестру и на них в свое время переместилась любовь родителей, в связи, с чем свой старший возраст воспринимался как несчастье). Рассматривая ребенка как «еще маленького», родители снижают уровень требований к нему, создавая потворствующую гиперпротекцию, тем самым, стимулируя развитие психического инфантилизма.

Воспитательная неуверенность родителя. Наблюдается чаще всего при таких нарушениях воспитания, как потворствующая гиперпротекция либо просто пониженный уровень требований. Воспитательную неуверенность родителя можно было бы назвать «слабым местом» личности самого родителя. В этом случае происходит перераспределение власти в семье между родителями и ребенком в пользу последнего. Родитель «идет на поводу» у ребенка, уступает даже в тех вопросах, в которых уступать, по его мнению, никак нельзя. Это происходит потому, что ребенок сумел найти к своему родителю подход, нащупал его «слабое место» и добивается для себя ситуации «минимум требований – максимум прав». Типичная комбинация в такой семье - бойкий, уверенный в себе ребенок, смело ставящий требования, и нерешительный, винящий себя во всех неудачах с ребенком, родитель. В одних случаях «слабое место» обусловлено психастеническими чертами характера родителя. В других - существенную роль в формировании этого стиля семейного воспитания могли сыграть отношения родителя с его собственными родителями. В определенных условиях дети, воспитанные требовательными, эгоцентричными родителями, став взрослыми, видят в своих детях ту же требовательность и эгоцентричность, испытывают по отношению к ним то же чувство «неоплатного должника», что испытывали ранее по отношению к собственным родителям. Характерный признак таких родителей – доминирование в их высказываниях реплик с признанием массы ошибок, совершенных в воспитании. Они боятся упрямства, сопротивления своих детей и находят довольно много поводов уступить им.

Фобия утраты ребенка. Чаще всего в основе лежит потворствующая или доминирующая гиперпротекция. «Слабое место» – повышенная неуверенность, боязнь ошибиться, преувеличенные представления о «хрупкости» ребенка, его болезненности и т.д. Один источник таких переживаний родителей может корениться в истории появления ребенка на свет - его долго ждали, обращения к врачам-гинекологам ничего не давали,

родился хрупким и болезненным, с большим трудом удалось его выходить и т.д. Другой источник - перенесенные ребенком тяжелые заболевания, особенно, если они были длительными.

Отношение родителей к ребенку формировалось под воздействием накопленного ими страха потери. Этот страх заставляет одних родителей тревожно прислушиваться к любому пожеланию ребенка и спешить удовлетворить их (потворствующая гиперпротекция), в других - мелочно опекать его (доминирующая гиперпротекция). В типичных высказываниях родителей отражена их ипохондрическая боязнь за ребенка: они находят у него множество болезненных проявлений, свежи воспоминания о прошлых, даже отдаленных по времени переживаниях по поводу здоровья ребенка.

Неразвитость родительских чувств. Этот вид воспитания обусловлен нарушения воспитания: гипопротекцией, эмоциональным отвержением, жестоким обращением. Адекватное воспитание детей и подростков возможно лишь тогда, когда родителями движут какие-либо достаточно сильные мотивы: чувство долга, симпатия, любовь к ребенку, потребность «реализовать себя» в детях, «продолжить себя». Слабость, неразвитость родительских чувств нередко встречается у родителей подростков с отклонениями характера. Однако это явление очень редко ими осознается, а еще реже признается как таковое. Внешне оно проявляется в нежелании иметь дело с подростком, в плохой переносимости его общества, поверхностности интереса к его делам.

Причиной неразвитости родительских чувств может быть отвержение самого родителя в детстве его родителями, то, что он сам в свое время не испытал родительского тепла. Другой причиной могут быть особенности характера родителя, например, выраженная шизоидность.

Замечено, что родительские чувства нередко значительно слабее развиты у очень молодых родителей, имея тенденцию усиливаться с возрастом. Пример любящих бабушек и дедушек достаточно убедителен. При относительно благоприятных условиях жизни семьи неразвитость родительских чувств обусловливает тип воспитания «гипопротекция» и особенно – «эмоциональное отвержение». При трудных, напряженных, конфликтных отношениях в семье на ребенка часто перекладывается значительная часть родительских обязанностей (тип воспитания «повышенная моральная ответственность»), либо к ребенку возникает раздражительно-враждебное отношение (тип воспитания "жестокое обращение"). Типичные высказывания родителей содержат жалобы на то, насколько утомительны родительские обязанности, сожаление, что эти обязанности отрывают их от чего-то более важного и интересного. Для женщин с неразвитым

родительским чувством довольно характерны эмансипационные устремления и желание любым путем «устроить свою жизнь».

Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств. Чаще всего составляет основу эмоционального отвержения, жестокого обращения. Причиной такого воспитания ребенка нередко бывает то, что в ребенке родитель как бы видит черты характера, которые чувствует, но не признает в самом себе. Это могут быть агрессивность, склонность к лени, влечение к алкоголю, негативизм, различные протестные реакции, несдержанность и др. Ведя борьбу с такими же, истинными или мнимыми качествами у ребенка, родитель (чаще всего отец) извлекает из этого эмоциональную выгоду для себя. «Борьба» с нежелаемым качеством в ком-то другом помогает ему верить, что у него самого данного качества нет. Родители много и охотно говорят о своей непримиримой и постоянной борьбе с отрицательными чертами и слабостями ребенка, о мерах и наказаниях, которые они в связи с этим применяют. В высказываниях родителя сквозит неверие в ребенка, нередки инквизиторские интонации, с характерным стремлением в любом поступке выявить «истинную», т.е. плохую причину. В качестве таковой чаще всего выступают качества, с которыми родитель неосознанно борется.

Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания. Как правило является первопричиной противоречивого типа воспитания, соединяющего в себе потворствующую гиперпротекцию одного родителя с отвержением либо доминирующей гиперпротекцией другого. Конфликтность во взаимоотношениях между супругами - нередкое явление даже в относительно стабильных семьях. Нередко воспитание превращается в «поле битвы» конфликтующих родителей. Здесь они получают возможность наиболее открыто выражать недовольство друг другом, руководствуясь «заботой о благе ребенка». При этом разница во мнениях родителей чаще всего бывает диаметрально противоположной: один настаивает на весьма строгом воспитании с повышенными требованиями, запретами и санкциями, другой же родитель склонен «жалеть» ребенка, идти у него на поводу. Характерное проявление - выражение недовольства воспитательными методами другого супруга. При этом легко обнаруживается, что каждого интересует не столько то, как воспитывать ребенка, сколько то, кто прав в воспитательных спорах.

Предпочтения мужских или женских качеств в ребенке. Это обнаруживается во сдвиге в установках родителя по отношению к ребенку в зависимости от его пола. Обусловливает такие нарушения воспитания, как потворствующая гиперпротекция или эмоциональное отвержение.

Нередко отношение родителя к ребенку определяется не действительными особенностями ребенка, а теми чертами, которые родитель

приписывает его полу, т. е. «вообще мужчинам» или «вообще женщинам». Так, при наличии предпочтения женских качеств наблюдается неосознанное неприятие в ребенке атрибутов мужского пола. В таком случае приходится сталкиваться со стереотипными отрицательными суждениями о мужчинах вообще: «Мужчины в основном грубы, неопрятны. Они легко поддаются животным побуждениям, агрессивны и чрезмерно сексуальны, склонны к алкоголизму. Любой же человек, будь то мужчина или женщина, должен стремиться к противоположным качествам – быть нежным, деликатным, опрятным, сдержанным в чувствах». Именно такие качества родитель хочет видеть и в женщинах. Примером проявления установки, ориентированной на женские качества, может служить отец, видящий массу недостатков у сына и считающий, что таковы же и все его сверстники. В то же время этот отец «без ума» от младшей сестры ребенка, так как находит у нее одни достоинства. Под влиянием названной установки, в отношении ребенка мужского пола в данном случае формируется тип воспитания «эмоциональное отвержение» Возможен и противоположный перекос с выраженной антифеминистской установкой, пренебрежением к матери ребенка, его сестрам. В этих условиях по отношению к самому ребенку мужского пола может сформироваться воспитание по типу «потворствующей гиперпротекции».

Резюмируя, описанный в данной главе материал, можно еще раз убедиться, что влияние семьи, семейных отношений и стиля семейного воспитания на поведение ребенка, безусловно, носит системный характер. Причем семья как система, по нашему мнению, имеет как минимум два уровня. Первый – это своеобразие личности и поведения каждого члена семьи по отношению к другому члену семьи (диадные, триадные и пр.)и второй – это количественно-качественные характеристики межличностного взаимодействия членов семьи.

Наши исследования также подтвердили, что ребенок будет нарушать поведение исходя не столько из реально существующей модели родительского воспитания, сколько, во-первых, из ее «образа», т.е. опираясь на представления о родительском поведении, а, во-вторых, в результате неблагоприятного эмоционального состояния, возникающего при неудовлетворительных внутрисемейных отношениях.

Стратегии дисциплинирования ребенка

Дисциплинирование ребенка является базовым компонентом воспитания ребенка. Несмотря на то, что воспитание и социализация человека продолжается всю жизнь, основы дисциплины закладываются в раннем детстве. Научение ребенка дисциплине, в первую очередь – это забота о

будущем ребенка, гарантия его успешной адаптации в последующей жизни, это вооружение ребенка инструментальными средствами для достижения успеха, это формирование навыков внутреннего контроля, взамен внешнему, это умение налаживать эффективные взаимоотношения с окружающими.

Поведение ребенка, как и любое человеческое поведение, может быть нормативным или индивидуальным. Дисциплина является составной частью нормативного поведения, правил поведения, обязательных в определенной субкультуре и восходящих к ее традициям. В связи с этим следование или нарушение дисциплины ребенком можно рассматривать либо как проявление нормативности, либо как проявление индивидуальности. Фактически отношения между нормативностью и индивидуальностью в поведении строятся на основе закона единства и борьбы противоположностей. С одной стороны, по сути это вечный конфликт между линией индивидуального развития, т.е. удовлетворения собственных потребностей, и линией социализации, т.е. удовлетворения потребностей социума. На психологическом уровне этот конфликт возникает в виде дилеммы «быть независимым и самостоятельным» или «быть зависимым и традиционным». С другой стороны, основу существования любого общества составляют определенные нормы и традиции, поэтому сохранение полной индивидуальности теоретически возможно, но маловероятно. «Примирением» нормативности и индивидуальности в воспитании ребенка, вероятно, должно стать формирование у ребенка *нормативной индивидуальности* (просоциального поведения) в противовес *ненормативной индивидуальности* (асоциального поведения).

Родители выступают в качестве медиаторов, посредников между обществом и развивающимся ребенком. Эта роль является экономически оправданной и целесообразной по многим основаниям. Во–первых, именно родители (т.е. выросшие дети) являются готовым «социальным продуктом» общества, усвоившими в результате воспитания необходимые традиции и нормы поведения. Во–вторых, нормативное поведение родителя для ребенка понятие конкретное, а не абстрактное– оно видимое и слышимое, а главное, результативное (поощряемое или наказываемое). В–третьих, эффективность трансляции нормативности обусловливается еще и близостью родителей к ребенку, их авторитетностью и значимостью, т.е. теми качествами, которые отсутствуют у общества в восприятии ребенка. Именно поэтому «крошка сын к отцу пришел, и спросила кроха: Что такое «хорошо»? и Что такое «плохо»?

Э. Маккоби и К. Джэклин обратили внимание на существование *гендерного взаимовлияния родителей и детей в семье* (E. E. Maccoby, C. N. Jacklin, 1980)*:*

1. Родители обращаются с разнополыми детьми так, чтобы их поведение соответствовало нормативным ожиданиям для того или другого пола. Например, мальчиков поощряют за энергию и соревновательность, а девочек – за послушание и заботливость.

2. Вследствие врожденных половых различий, мальчики и девочки уже в раннем детстве по–разному стимулируют своих родителей и, следовательно, строят с ними разные взаимоотношения. Здесь нужно отметить, что именно ребенок «формирует» родителей больше, чем они его.

3. Родители ведут себя по отношению к ребенку на основе своих представлений о том, каким должен быть ребенок данного пола.

4. Родительское поведение по отношению к ребенку в большой степени зависит от того, совпадает ли пол ребенка с полом родителя. Были предложены три варианта:

а) каждый родитель ожидает и старается быть образцом для ребенка своего пола. Поэтому отцы уделяют больше внимание сыновьям, а матери – дочерям;

б) каждый родитель проявляет в общении с ребенком некоторые черты, которые он привык проявлять по отношению к взрослым того же пола, что и ребенок. Иногда отношение родители с ребенком противоположного пола содержит элементы кокетства и флирта, а с ребенком собственного пола – как с конкурентом. Особенно сильно сказывается это в отношениях со старшими детьми;

в) родители имеют тенденцию сильнее идентифицироваться с детьми своего, чем противоположного пола. В этом случае родитель может обнаружить больше сходства между собой и ребенком, и относиться более чувствительно к эмоциональным состояниям ребенка собственного пола.

Понятие дисциплины сильно отличается у разных людей: родителей, воспитателей, учителей. У многих из них существует мнение, что дисциплинирование – это реакция взрослого на плохое поведение ребенка. И лишь немногие считают, что дисциплина состоит по большей части в том, чтобы поощрять хорошее поведение ребенка. Лучше предупредить падение ребенка, чем потом лечить его синяки и ссадины.

Понятие дисциплины в психологии очерчено достаточно неопределенно. Основная трудность состоит в сложности конкретизации и операционализации этого понятия. Диапазон определений понятия дисциплины достаточно широк: от использования физических наказаний до любых действий родителей с целью улучшения поведения детей. Например, в справочно–энциклопедической психологической литературе дисциплина – это контроль за поведением ребенка посредством либо наказаний, либо осторожного манипулирования. Также это участие взрослых в процессе формирования у детей самоконтроля, волевых черт характера, самоуважения, уважения к другим и подчинения правилам. При этом отмечается, что дисциплина должна быть позитивной и конструктивной, а не негативной, не связанной с наказаниями, хотя наказание может применяться в дисциплинарном процессе. В психологии развития слово дисциплина означает инструктирование или обучение, а также использование методов моделирования характера и научения навыкам самообладания и приемлемого поведения. Таким образом, если обобщить многочисленные определения, то под ***дисциплиной*** можно понимать любые действия родителей или взрослых в ответ на совершенный ребенком проступок с целью изменения или исправления его поведения.

Дисциплина является одной из основных характеристик контроля родителей над поведением ребенка. Необходимость дисциплинирования ребенка возникает тогда, когда ребенок совершает тот или иной проступок. *Проступок* можно определить как такое поведение ребенка, которое родитель воспринимает как нежелательное и нуждающееся в исправлении. Нежелательное поведение может быть либо действиями, которые родитель хочет, чтобы ребенок прекратил, либо действиями, когда ребенок не выполняет то, что требует от него родитель.

В литературе рассматриваются различные основания для выделения и описания видов дисциплинирования детей. В частности, предлагается разделять дисциплину на *индуктивную* (ненасильственную, ориентированную на побуждение ребенка) и *принудительную* (насильственную, ориентированную на использование силы и власти родителем). Главная особенность индуктивной дисциплины состоит в том, что она сосредоточена на научении ребенка навыкам распознания плохих и хороших поступков в собственном и других людей поведении и основывается на уважении, авторитете, демонстрации образца поведения взрослым. В противовес, принудительная дисциплина сосредоточена на наказаниях, включающих физическую и психологическую агрессию (битье, оскорбления, лишение привилегий и пр.). Считается, что индуктивные методы поддержания дисциплины имеют преимущество из-за более высокой вероятности интернализации позитивных поступков и более низкой вероятности усвоения нежелательных моделей поведения. Тем не менее, большинство родителей используют и те, и другие методы дисциплинирования и это лишний раз подтверждает, что комбинация индуктивных и принудительных методик является самой эффективной для улучшения детского поведение.

По иным основаниям различают *проактивную* (профилактическую, превентивную) и *реактивную* (корректирующую) дисциплины. Профилактическая дисциплина опирается на установление и ожидания родителями соблюдения правил до совершения ребенком проступка. Корректирующая дисциплина предполагает действия родителей в ответ на совершенный поступок с целью его исправления. И хотя тактики предотвращения и исправления взаимодействуют, последствия использования этих тактик совершенно различны. В частности отмечаются преимущества превентивной тактики родителей. Обе тактики – необходимые части социализации, потому что даже родители, которые ориентированы на профилактические аспекты воспитания, должен прибегать к корректирующим воздействиям, поскольку детская способность управлять собственным поведением прогрессирует медленно. Вместе с тем, доказано, что как отказ предпринимать корректирующее действие, так и неадекватная корректирующая дисциплина являются факторами риска для возникновения детских поведенческих проблем.

Большинство родителей имеют собственную систему представлений о том, каким должно быть поведение ребенка. Поэтому нарушение ребенком дисциплины, когда его поведение приводит к возникновению у родителя состояния диссонанса, как правило, приводит к родительско–детскому

конфликту. Состояние консонанса достигается действиями родителя, направленными на исправление проступка ребенка.

М.А. Строссом выявляет пять тактик разрешения родительско– детского конфликта: *дисциплинирование* – ненасильственные действия родителями, направленные на регулирование поведения детей, предотвращение и профилактику возникшего конфликта; *психологическая агрессия* – вербальные и символические действия родителей в виде угроз наказания и запугивания; *физическая агрессия* – действия с применением физической силы, предполагающая *телесные наказания*, *проявление жестокости* и *физическую жестокость (*M. A Strauss, 1995, 1998).

Телесные наказания были центром исследования психологов чаще, чем другие формы дисциплины. Литература представляет противоречивые данные относительно того, используют ли отцы телесное наказание чаще или реже, чем матери. Некоторые исследования свидетельствуют, что матери и отцы в одинаковой степени отдают предпочтение использованию различные форм телесных наказаний. Однако, в одном исследовании, было выявлено, что отцы в большей мере склонны к использованию физического сдерживания, чем матери. В отношении такого наказания, как порка/битье, также не было обнаружено значимых различий между матерями и отцами. Вместе с тем в ситуации выбора наказания (т.е. бить или не бить) отцы чаще отдают предпочтение сдерживанию, а матери порке и битью.

Справедливости ради, необходимо отметить, что матери и отцы, наряду с телесными наказаниями, используют и другие дисциплинарные техники. Такие данные могут представлять определенную ценность, так как эффективность метода дисциплины может зависеть от того, с какими другими методами он сочетается. Например, эффективность телесного наказания может зависеть, от того используют ли родители также урезонивание и объяснение.

Как показывают многочисленные исследования, тактики разрешения родительско–детского конфликта в сфере воспитания существенно различаются в зависимости от пола ребенка и самого родителя (И. А.. Фурманов, 2007, 2008, 2009), В частности отмечается, что в целом матери, чаще, чем отцы применяют дисциплинарные воздействия в отношении детей, поскольку проводят с ними больше времени. Матери и отцы также имеют тенденцию использовать различные методы дисциплины. Например, было установлено, что отцы, чаще использовали принудительные тактики, чем матери, в то время как матери чаще прибегают к индуктивной дисциплине, чем отцы. Матери и отцы, не различались по таким формам поддержания

дисциплины как наказания без объяснения причин и психологическая агрессия

И.А. Фурманов (2013) на основе исследования в белорусских семьях сделал вывод о том, что в целом, матери больше ориентированы на использование ненасильственных методов, а отцы на силовые методы разрешения родительско–детского конфликта вне зависимости от пола ребенка. Структура воспитательных воздействий отцов является более целостной, а стили разрешения родительско–детского конфликта – более разнообразными. Предпочтение отцами сдерживания объясняется автором тем, что отцовская фигура является более физически сильной, что отцы могут легко травмировать ребенка, а, следовательно, им легче справиться с задачами воспитания. Согласованность тактик разрешения родительско–детского конфликта выглядит таким образом: отстраненность отца от разрешения родительско–детских конфликтов с сыновьями «заставляет» матерей становиться более жестокими в отношении собственных детей, и, наоборот, чрезмерная мягкость матерей по отношению к поведению своих сыновей побуждает отцов либо использовать ненасильственные способы дисциплинирования, либо усиливать психологическую агрессию. Это обозначает, что чрезмерно агрессивные или чрезмерно «демократичные» действия со стороны одного из родителей могут либо побуждать к более мягким и ненасильственным методам разрешения дисциплинарного конфликта другого родителя, либо усиливать проявления враждебности и жестокости. Было отмечено, что отцовское поведение при разрешении родительско–детского конфликта оказывает большее влияние на материнские тактики воспитательного воздействия на ребенка, что подчеркивает значимость отца как фигуры, определяющей модальность (насильственность/ненасильственность) стиля воспитания ребенка в семье.

Также было установлена тенденция более частого использования телесных наказаний в отношении сыновей. Другими словами, сыновья несколько чаще, чем дочери, подвергаются физической агрессии со стороны родителей. Существуют некоторые данные, которые свидетельствуют о том, что мальчики демонстрируют более высокий уровень нарушений поведения (прогулы школьных занятий, деструктивность, вербальная и физическая агрессия), чаще совершают серьезные проступки, чем девочки. Другая причина, возможно, лежит в традициях половой социализации детей в семье, где каждый родитель осознанно или бессознательно в большей мере «отвечает» за воспитание ребенка одного с ним пола, а поэтому ориентирован на трансляцию и контроль соответственно за женской или мужской модели

поведения. По отношению к дочери родители относятся в несколько строже, а в случаях неповиновения к ним применяются более жесткие санкции.

Д. Олвеус (D. Olweus, 1980) изучил взаимосвязь агрессивности ребенка с такими параметрами родительского поведения как:

– *негативизм матери* – враждебность, отчужденность, холодность и безразличие к ребенку;

– *терпимое отношение матери к проявлению ребенком агрессии* в отношении к сверстникам или членам семьи;

– *примерение родителями силовых дисциплинарных методов* – физических наказаний, угроз, скандалов;

– *темперамент ребенка* – уровень его активности и вспыльчивость.

В результате было установлено, что негативное отношение матери к ребенку коррелировало с применением силовых дисциплинарных мер воздействия, которые в свою очередь провоцировали агрессивное поведение ребенка (Рисунок 31). Кроме того, агрессия отмечалась и у вспыльчивых детей при снисходительном отношении к ней матери. Исходя из этого, Д. Олвеус делает вывод, что вероятность проявления агрессии возрастает у ребенка, к которому проявляется слишком мало материнского интереса и любви, а также которому предоставлено слишком много свободы при отсутствии ограничений на агрессивное поведение.

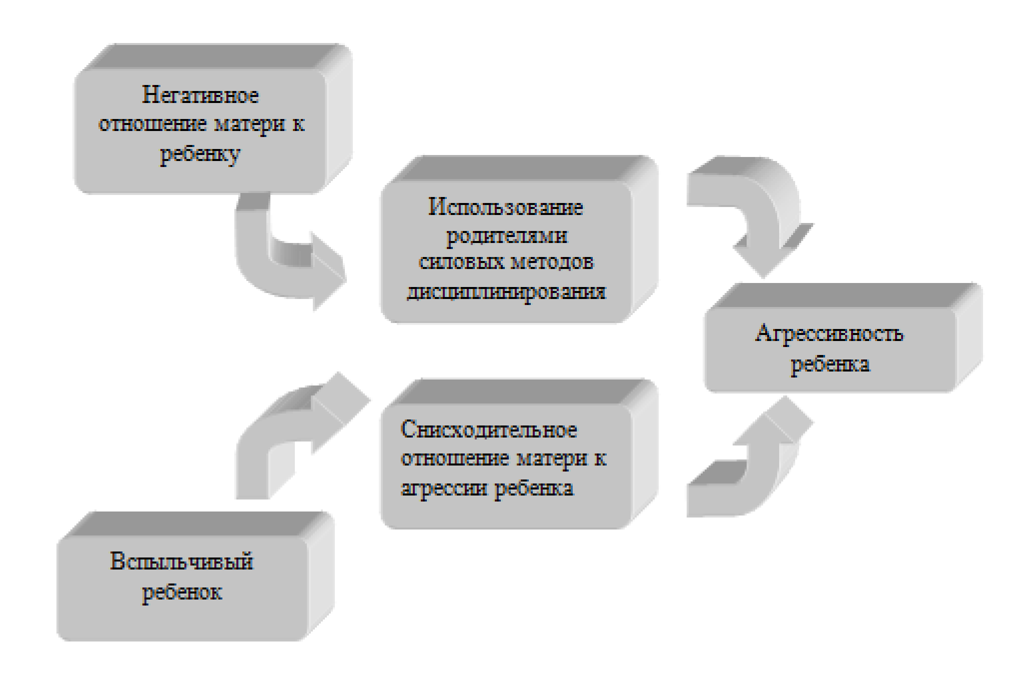

Рисунок 31 – Взаимосвязь агрессивности ребенка и родительского поведения

Дж. Паттерсон (G.R. Patterson, 1976) разработал модель взаимосвязи между характером семейного руководства и агрессивностью. Она получила название «модель принуждения» (Рисунок 32).

Идея состояла в том, что склонность к асоциальному поведению у детей и подростков возникает тогда, когда в отношении ребенка используются аверсивные меры воздействия с тем чтобы пресечь нежелательные действия в адрес родителей и сиблингов. Например, когда родитель просит ребенка сделать какую–нибудь работу по дому – тот первоначально сопротивляется. По мере того, как родитель усиливает натиск, ребенок все сильнее отказывается сделать то, к чему его принуждают. Затем он начинает кричать на родителя и в конце концов просто убегает на улицу. Если родитель никак не отреагирует на такой поступок ребенка, то эта поведенческая модель закрепляется. Чем чаще такой тип взаимодействия родителя с ребенком используется, тем больше его поведение становится неуправляемым. Вместе с тем, чем больше поведение ребенка становится неуправляемым, тем меньше он получает внимания и позитивной обратной связи от родителя. Снижение позитивного и увеличение негативного подкрепления нежелательного поведения приводит к каскадному появлению психологических проблем у самого ребенка, его семьи и пр.

Рисунок 32 – Модель взаимосвязи между характером семейного руководства и агрессивностью

Физические наказания в семье и их последствия

Физические (телесные) наказания – это использование физической силы с намерением воздействовать на ребенка, чтобы он почувствовал боль, но без нанесения серьезного ущерба (ран, увечий, ожогов и пр.), с целью исправления или контроля его поведение (M. Straus, 1994, 1996). Так что физическое наказание это и легкие шлепки по рукам и ягодицам, и увесистые подзатыльники, и порка. Здесь важным является и как сам причиненный вред, так и намерение причинить вред. То есть целью такого «воспитательного» воздействия является не только вызов болезненных ощущений, которые и делают это наказание действенным (C. Newsom et al, 1983), но и стремление родителя причинить боль. Эти два момента позволяют дифференцировать наказание от многих других действий родителей, которые могут причинять боль ребенку непреднамеренно (например хватание падающего малыша, обрабатывание ссадины йодом и пр).

Типы наказания. Физические наказания можно разделить на четыре категории: «порка/битье» (шлепание и удары по разным частям тела); «физическое сдерживание» (удержание, ограничения, подталкивание,); «наказание для примера» (используется для демонстрации ребенку последствий его действий: щипание, дергание за волосы, кусание); «физическое принуждение» (включает насильственное мытье, кормление, одевание).

Обзор многочисленных исследований показывает – большинство детей во многих странах мира подвергается физическим наказаниям. Вместе с тем, частота наказаний зависит от возраста детей (M. Straus, 1994, 1996; A. M. Graziano et al, 1996; M. A. Smith, 1995). В частности, установлено, что чаще всего физическим наказаниям подвергаются дети в возрасте от 1 года до 4 лет (по некоторым данным в 80–90% случаев дисциплинирования ребенка), в дальнейшем частота такого рода воздействий постепенно снижается, достигая к подростковому возрасту 25–30%. Вместе с тем, часто данные об использовании физических наказаний в семье получены лишь от одного из наказывающих родителей, поэтому к ним нужно относиться достаточно критически, так как ребенок может подвергаться физическим наказаниям и со стороны другого родителя.

Использование физических наказаний – одна из многих форм родительского поведения, которая часто передается от одного поколения к другому («эстафета насилия»). Основной причиной использования родителями физических наказаний по отношению к собственным детям является то, что в детстве они сами подвергались такого рода насилию (J.Giles-Sims, M.Straus, D.B.Sugarman, 1995). При этом частота и основательность, с

которой родители бьют своих детей, тесно связана с некоторыми характеристиками семьи и особенностями взаимоотношений в ней: в большей мере с такими как стабильность брака и психическое здоровье родителей и в меньшей – с демографическими индикаторами и социально-экономическим статусом семьи (M. A. Smith, 1995; G. Nobes, M. A. Smith, 1997).

Как отмечают многие родители иногда, чтобы дисциплинировать ребенка, «хорошая взбучка» просто необходима. Часть уверена, что лучший способ пресечения детской агрессии – это отшлепать его, то есть проявить контрагрессию. Некоторые родители считают, что битье детей является не только наиболее радикальным способом изменения поведения ребенка, а также может служить для того, чтобы уменьшить родительский стресс и обрести контроль над поведением ребенка. Большинство родителей отмечают, что бьют детей в состоянии крайнего раздражения и озлобленности, но вместе с тем предпочли бы альтернативную модель поведения.

Часто в семье возникает ситуация «кругооборота насилия»: плохое поведение детей провоцирует родителей на применение физических наказаний, а битье детей «заставляет», в свою очередь, их протестовать и вести себя плохо. Таким образом, с одной стороны, ребенок, который проявляет агрессию должен быть наказан, с другой – использование родителями физических наказаний приводит к повышению агрессивности у детей. Порочный причинно–следственный круг: абсолютно не понятно кто из участников этого процесса является его первоисточником.

Многочисленные исследования показывают, что дети, которые подвергаются физическим наказаниям, имеют большее количество эмоциональных и поведенческих проблем, особенно связанных с агрессией, депрессией и насилием по отношению к окружающим (R.R. Sears, E.C. Maccoby, H. Levin, 1957; W. Becker et al, 1962; S. Coopersmith, 1967; R. Gelles, 1974; J. Bryan, F. Freed, 1982; R. Larzelere,.1986; P.L. Caesar, 1988; L.D. Eron, R.L. Huesman, A. Zelli, 1991; M. A. Straus, 1994; R.H. DuRant et al, 1995).

Агрессия и асоциальное поведение. Были обнаружены корреляционные связи между физическими наказаниями и проявлениями агрессии вне зависимости от возраста детей. Например, в результате обследования годовалых детей было обнаружено, что тех, кого часто шлепали их матери, на 58 % чаще не выполняли требования матерей, чем дети, чьи родители редко или никогда физически не наказывали (T.G. Power, M.L. Chapieski, 1986). Обследование детей младшего школьного возраста показало, что те школьники, по отношению к которым дома использовались физические наказания, были вдвое более агрессивными, чем другие дети (Z. Strassberg et al, 1994). Изучив поведение детей различных возрастов, М.А. Строос выявил, что дети которые подвергались физическим наказаниям, в 4 раза чаще проявляли агрессию по отношению к сиблингам, чем дети, которых не наказывали. Кроме того, как отметили родители в своих самоотчетах, те из них кто в детстве имел опыт физических наказаний в 3 раза чаще проявляли физическую агрессию по отношению к собственному супругу (M. A. Straus, 1994).

Вместе с тем, в большинстве исследований вывод о взаимосвязи физических наказаний и агрессии делается на основе результатов корреляционного анализа, который не позволяет однозначно утверждать, что причиной эмоциональных и поведенческих проблем ребенка являются физические наказания. Немногочисленные лонгитюдные исследования не всегда подтверждают усиление детской агрессивности с возрастом (R.L. Simons et al, 1994) или смешивают физические наказания (шлепки, тычки, подзатыльники) с другими более суровыми дисциплинарными воздействиями (L.D. Eron, R.L. Huesman, A. Zelli, 1991).

М. Строс с коллегами предпринял масштабное исследование взаимосвязи между телесными наказаниями и асоциальным поведением (M. A.Straus et al, 1997). В ходе этого исследования было проведено интервью с

807 матерей детей в возрасте от 6 до 9 лет В качестве гипотезы выдвигалось предположение, что, когда родители используют телесное наказание в надежде предотвратить асоциальные действия ребенка, на самом деле создают предпосылки для асоциального поведения в будущем. В ходе исследования фиксировались уровень асоциального поведения в начале диагностики, социально-экономический статус семьи, пол ребенка, а также способы обеспечения эмоциональная поддержка и познавательного стимулирования дома.

Было установлено, что независимо от того обеспечивают ли родители удовлетворительную социальную среду в других отношениях, использование ими физических наказаний имеет тенденцию увеличивать риск появления асоциального поведения. Более того, тенденция применения физических наказаний связана с увеличением уровня асоциального поведения независимо от степени обеспечения родителями когнитивного стимулирования и эмоциональной поддержки и независимо от социально–экономического статуса семьи и пола ребенка. Таким образом, проведенное исследование позволило сделать вывод – когда родители используют телесные наказания, чтобы уменьшить асоциальные проявления у своих детей, через некоторое время они получают совершенно противоположный результат: чем чаще матерями используются физические наказания, тем больше вероятность появления асоциального поведения в будущем. И, наоборот, если родители заменяют телесные наказания ненасильственными способами дисциплинирования, то это уменьшает риск возникновения асоциального поведения.

Социальные навыки. Сравнение социального поведения и статуса детей, подвергающихся физическому насилию, и их одноклассников (возраста 8-12 лет) показало, что первые имели более низкий социометрический статус среди сверстников и меньше выбирались одноклассниками в качестве друзей (S.Salzinger, R.S.Feldman, M.Hammer, M.Rosario, 1993). Вместе с тем, они же оценивались сверстниками как более агрессивные и менее склонные к сотрудничеству, а родителями и преподавателями как более тревоженные. Сходные данные были получены и на детях в возрасте 3-6 лет (M.E.Haskett, J. A. Kistner, 1991).

П.Трикетт сравнив семьи, имеющие детей в возрасте 4–11 лет, с использованием физических наказаний и без, обнаружил, что там, где родители применяли силовые методы воздействия дети имели более низкую познавательную зрелость, слаборазвитые способности разрешения межличностных проблем и низкую социальную компетентность (P.K.Trickett, 1993).

П. Курц и его коллеги сравнили группы детей, по отношению к которым использовались физические наказания, с ненадлежащим уходом и контрольную группы (возраста 8-16) и установили, что дети, подвергающиеся физическому насилию, имели низкую успеваемость, трудности социальной адаптации и эмоциональные проблемы в школе (P.D.Kurtz, 1993).

Личностные проблемы. Было обнаружено, что дети, подвергающиеся физическим наказаниям, имеют более выраженные дисфорические (депрессивно–враждебные) характеристики, более высокую интернальность, низкую самооценку и более безнадежны в оценках собственного будущего (D. M.Allen, K. J. Tarnowski, 1989).

Не безинтересны результаты изучения самооценки детей 4-14лет, которые подверглись серьезному физическому насилию со стороны родителей. Используя структурированные интервью и шкалу самооценки, психологи выявили, что дети, подвергающиеся телесным наказаниям, имели значительно меньшее количество друзей, были менее честолюбивы, и имели более низкую самооценку (R.K.Oates, D.Forrest, A.Peacock, 1985. Однако, эти исследования не учитывали социально-экономический статус этих детей. По этому поводу М.Раттер указывал, что так как социальные фрустрации идут рука об руку с проблемами воспитания, трудно установить являются ли эти характеристики результатом использования физизических наказаний или они относятся к более широкому контексту условий окружающей среды (M. Rutter, 1989).

Проблемы психического здоровья. Вызывают интерес данные, которые были получены в результате изучения признаков психического дистресса у нормальных подростков, которые сообщили о применении их родителями физических наказаний (E. Bachar et all, 1997). У этих подростков были выявлены более высокий уровень проявления психиатрических симптомов (показатели соматизации, обсессивности, межличностной сезитивности, депрессивности, тревожности, враждебности, фобической тревоги, параноидальных идей и психотичности) и низкий уровень проявления благополучия (волнение по поводу здоровья, энергетический уровень, интерес и удовлетворенность жизнью, эмоционально–поведенческий контроль, способность справиться с тревогой и др.). Полученные данные подтвердили гипотезу о тесной корреляционной связи между физическим наказанием и психическим дистрессом у подростков, а также зависимости этих последствий от образования и местожительства семьи и отношений ребенка с родителям.

Достаточно часто физические наказания смешивают с другими родительскими методами и стилями воспитания (S.D. Herzberger, 1990). Например некоторые психологи квалифицируют родительское отвержение и

недостаток эмоциональности как проявление явной агрессии родителя против ребенка (A. Pinto, E. Folkers, J.O. Sines, 1991). Возможно именно поэтому Р. Саймонс и другие не обнаружили связи физических наказаний с подростковой агрессивностью, делинквентностью и психологическим благополучием после контрольного измерения родительского окружения (R.L. Simons et al, 1994). Именно поэтому необходимо рассматривать физические наказания в контексте родительско–детских отношений и учитывать влияние эффектов от других родительских стилей воспитания ребенка.

Кроме того некоторые считают, что негативное влияние физических наказаний может амортизироваться, например эмоциональной теплотой и когнитивной стимуляцией ребенка (E.M. Maccoby, J. Martin, 1983).Однако, как уже отмечалось выше, предположение, что дети родителей, которые обеспечивают эмоциональную теплоту и когнитивную стимуляцию, не страдают от негативного влияния физических наказаний – не нашло подтверждения (M A. Straus et al, 1997).

Существуют данные, что поскольку мальчики демонстрируют более высокий уровень агрессии (прогулы школьных занятий, деструктивность, вербальная и физическая агрессия), чем девочки (D. Cullinan, M.H. Epstein, 1982; J.S. Hyde, 1984; E.M. Maccoby, C.N. Jacklin, 1980), то родители, более часто используют в отношении их физические наказания (M. A. Straus, 1994; R.L. Simons et al, 1994). Кроме того, исследования свидетельствуют, что использование физических наказаний связано с социо–экономическим статусом семьи (M. A. Straus, 1994; R.R. Sears, E.C. Maccoby, H. Levin, 1957; J. Garbarino, G. Gilliam, 1980; J. Giles-Sims, M.A. Straus, D.B. Sugarman, 1995; L. Bank et al, 1993;. S. Feshback, 1970). Противоречивые данные существуют и в отношении возраста детей, на которых оказывают влияние физические наказания – до сих пор такой критический возраст точно не определен.

Структура семьи. Существуют многочисленные данные, что частота и сила физических наказаний связана с композиционными особенностями семьи. В частности, утверждается, что степень использования физических наказаний будет различной в полных и неполных семьях (G.Nobes, M. Smith, 2002).

Некоторые авторы полагают, что одинокие матери будут применять физические наказания более часто и сильнее. Такое мнение складывается в результате предположения, что родители–одиночки являются в семье обычно единственным лицом, на которое ложится ответственность за контроль над поведением детей. Эта повышенная («удвоенная») ответственность выступает как своего рода компенсация следствие отсутствия второго родителя, контролирующего дисциплину детей в семье. Кроме того различного рода

социальные неудобства, сопровождающие жизнь в неполной семье, особенно, бедность, низкий уровень образования и интеллектуального развития родителя (L.Burghes, 1993; R.L.Simons, C.Johnson, 1996; P. J Smock,., 1993; M.Weinraub, M.B.Gringlas, 1995), могут вызывать стресс и ухудшать родительско–детские отношения настолько, что приведут к более частому использованию физических наказаний (J.Giles-Sims, M.A.Straus, D.B.Sugarman, 1995; V.C.McLoyd, 1990; E.J.Susman, et al, 1985), а в последующем, возможно, и физического насилия (L.H. Pelton, 1981; P.K.Trickett, J. L.Aber, V. Carlson, D.Cicchetti, 1991; G.D.Wolfner, R.J. Gelles, 1993).

Другим фактором, который провоцирует использование физических наказаний в отношении детей, являются межличностные разногласия (R. A.Conger et al., 1992). Считалось, что одинокая (никогда не бывшая замужем) мать будет меньше использовать физические наказания против детей, чем замужняя. В свою очередь, ожидалось, что разведенные или разводящиеся матери могут проявлять больше физической агрессии, так как высокий уровень разногласий и межличностной напряженности может сохраняться и после сепарации (P.R.Amato, B.Keith, 1991). Однако, исследования показали, что матери–одиночки используют не больше насилия в отношении собственных детей чем, замужние матери (R.J.Gelles, A.W.Edfeldt, 1986; H.Sariola, A.Uutela, 1992). Вместе с тем, степень использования «очень сурового» насилия одинокими матерями была на 71% выше, чем замужними (R.J.Gelles, 1989).

В исследованиях Г.Нобиса и М.Смит (G.Nobes, M. Smith, 2002), основанного на самоотчетах матерей, не было установлено различий в частоте и силе физических наказаний между одинокими и замужними матерями. Однако, такие различия различия были обнаружены при изучении самоотчетов отцов, которые отметили, что дети из полных семей подвергаются физическим наказаниям значительно чаще и сильнее, чем дети, воспитывающиеся одним родителем.

Кроме того, было установлено, что «бедственное» положение одиноких матерей, не совсем однозначно определяет использование ими физических наказаний. Так, в частности, несмотря на низкий экономический статус одинокие матери не были более агрессивны в отношении собственных детей, чем замужние. Наоборот, отмечается тенденция к использованию физическим наказаниям у одиноких матерей, имеющих более высокий доход (Рисунок 33). Помимо всего, замужние матери с нарушениями психического здоровья, чаще и суровее наказывают своих детей чем, одинокие. Например, только 6%

одиноких матерей с низким психическим статусом используют суровые наказания собственных детей.

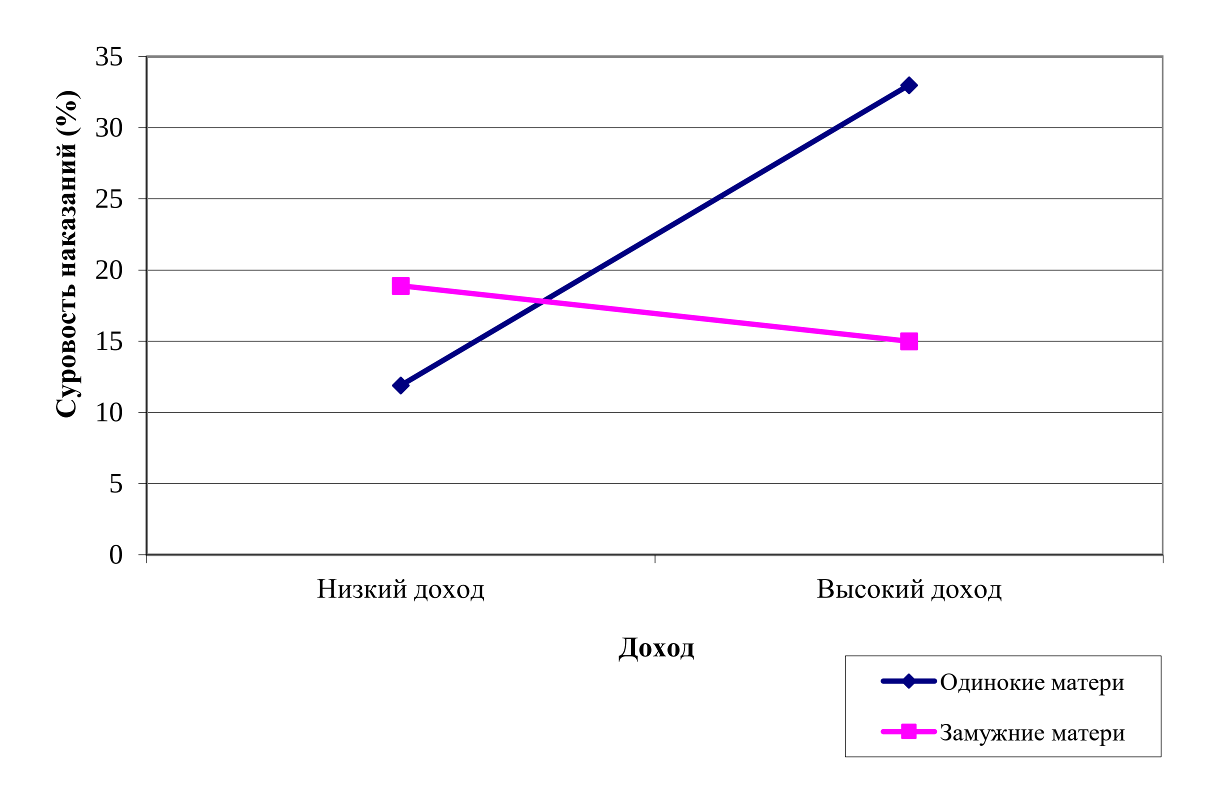

Рисунок 33 – Экономический статус матерей, использующих суровые физические наказания (по G.Nobes, M. Smith, 2002)

Эти данные несколько не согласуются, а в некотором смысле противоречат, данным других исследований. Однако, эти противоречия устраняются, если учесть, что в полных семьях наказывать ребенка может не только мать, но и отец. Другой причиной таких результатов могло стать то, что матери–одиночки с низким экономическим статусом имеют более благоприятные межличностные отношения со своими детьми, чем такая же категория замужних женщин, что и делает их менее наказывающими. Возможно, одинокие матери и их дети взаимодействуют более гармонично в неблагоприятных условиях существования семьи.

Сложнее объяснить факт более позитивного отношения к детям у одиноких матерей с низким психическим статусом. Возможно, можно провести параллель с матерями, испытывающими финансовые трудности: в неблагоприятной семейной обстановке матери с низким психическим статусом больше удовлетворены жизнью, чаще проявляют к детям нежные чувства, меньше критикуют их. Другое объяснение состоит в том, что наличие отца в семье может создавать дополнительные проблемы матерям, делая их более депрессивными и тревожными. Таким образом супруги в семье могут

выступать друг для друга дополнительным стрессогенным фактором, что усиливает их разногласия и повышает вероятность использования насилия и между супругами, и между родителями и детьми (F.G.Bolton, 1988; G.D.Wolfner, R.J.Gelles, 1993). Разногласия в супружеских отношениях часто рассматривается как самостоятельный стрессовый фактор, провоцирующий насилие над детьми. Согласно этой модели, напряжение каждого из супругов усиливается другим и ребенок может превратиться в «козла отпущения». Возможно, это как–то объясняет взаимосвязь между нарушениями психического здоровья в полных семьях и использованием физических наказаний. Исследования показывают, что в полных семьях насилие используется гораздо чаще, чем в неполных и что присутствие в семье неблагополучного партнера гораздо хуже, чем его полное отсутствие (R.S.Kempe, C.H.Kempe, 1978).

Таким образом исследования, проведенные Г.Нобисом и М.Смит (G.Nobes, M. Smith, 2002), показали, что одинокие матери не компенсируют в семье отсутствие наказывающего отца. Напротив, они реже используют физические наказания, чем замужние матери, и проявляют большую мягкость в отношениях со своими детьми. Это позволяет сделать заключение, что дети матерей–одиночек не составляют группу риска и имеют даже более низкие шансы подвергнуться насилию. Кроме того, нерегулярность использования матерями–одиночками суровых физических наказаний вообще ставит под сомнение роль таких факторов как низкий экономический и психический статус в провокации насильственного поведения родителей в отношении детей. Создается впечатление, что матери проявляют тенденцию к наказанию детей только при наличии отца в семье. Если это так, то неполную семью можно рассматривать как защитный фактор, предотвращающий наказания и насилие в случае неблагоприятного положения семьи. Еще более важно, что структура семьи, являющаяся источником психосоциального и экономического стресса, определяет степень угрозы использования наказания, но не простое количество родителей в семье.

Культурный статус, семейные традиции
Религиозные предпочтения
Религиозные установки
Уровень воспитательной культуры родителей
Отношение к родительской роли

Социальный статус
Образование
Получение поддержки от окружающих
Семейный доход
Наличие работы
Статус психического здоровья

Коммуникативные сети
Возможность получения помощи от нянь или близких родственников по уходу за ребенком
Возможность получения помощи от домработниц или близких родственников по ведению хозяйства

Другие экзогенные факторы
Количество детей в семье
Возраст родителей
Гендерная роль родителей
Расовая принадлежность
Детское поведение
Супружеское насилие

ФИЗИЧЕСКИЕ НАКАЗАНИЯ

Рисунок 34– Интегративная модель использования физических наказаний (по Xu X., Tung Y-Y., Dunaway R. G., 2000)

Обобщение многочисленных исследований позволило разработать интегративную модель для объяснения использования физических наказаний (Рисунок 34), включающую целый ряд факторов (X.Xu, Y-Y.Tung, R. G.Dunaway, 2000).

Культурный статус, семейные традиции и телесные наказания. Методы воспитания ребенка вообще и использование физических наказаний в частности в значительной степени зависит от приобретенного родителями культурного капитала, а именно культурных норм и ценностей. В этом смысле культурный опыт родителей во многих случаях является основным ресурсом в воспитании детей. Поскольку родители в качестве доминирующих культурных ценностей могут усваивают те, которые одобряют использование физической силы и телесных наказаний, насилие над детьми становится приемлемым и культурно оправданным. Это согласуется с идеями сформулированными М.А. Стросом (M. A. Straus, 1991) как теория культурного распада. основная мысль которой состоит в том, что насилие в одной сфере жизни имеет тенденцию порождать насилие в других сферах, и что этот процесс переноса нарушает границы между законным и криминальным применением силы. Поэтому чем больше в обществе существует легитимных возможностей использования силы, тем сильнее будет проявляться тенденция использования родителями насилия в отношении детей для достижения воспитательных целей.

Поэтому пока существуют указанные тенденции, культурный опыт, вероятно, будет передаваться из поколения в поколение. В частности, опираясь на социологическую теорию ритуалов, Р.Коллинз и С.Колтрейн (R.Collins, S. Coltrane, 1995) полагают, что телесное наказание могут являться составной частью семейных ритуалов, обеспечивающих сплоченность семьи. Как они утверждают, ритуал это тип взаимодействия, который создает условия и подкрепляет чувство социальной общности, членства, принадлежности к группе. Следовательно, физические наказания могут стать таким ритуалом в отношениях родителей и детей. В этом смысле Р.Коллинз и С.Колтрейн разделяют точку зрения других авторов, что дети, которые подвергались в семье физическим наказаниям, будут использовать те же методы дисциплинирования, когда станут родителями. Так они будут продолжать традиции семейной солидарности. Это доказывает, что физические наказания интернализуясь становятся тем процессом социализации, который базируется на культурном опыте приобретенном родителями в детстве.

Еще одним специфическим типом культурного опыта родителей являются их вероисповедания и религиозные убеждения. В частности, была установлена сильная и положительная взаимосвязь между религиозными

установками и ипользованием физических наказаний(C.G.Ellison, J.P.Bartkowski, M.L.Segal, 1996; C.G.Ellison, D.Sherkat 1993; H.S.Erlanger, 1974; V.R. Wiehe, 1990). Это объясняется тем, что многие христиане верят– те, кто нарушает религиозные заповеди, должен быть наказан. В этом случае они, с большей вероятностью, будут использовать силу и авторитарное дисциплинирование для достижения воспитательных целей. Например, такое поведение характерно для консервативных или фундаменталистских протестантских родителей.

Социальный статус и телесные наказания. Фактически основу социального статуса человека составляют такие три основные показателя как уровень образования, престижность работы и уровень доходов. Как показывают социологические исследования, социальный статус родителей может оказывать влияние на используемые методы воспитания ребенка (J. Coleman, 1988, 1990). В частности, в классическом исследовании Ю.Бронфенбреннер (U. Bronfenbrenner, 1958) установил, что родители, имеющие более низкий социальный статус, чаще одобряют и используют телесные наказания при воспитании детей. Вводится даже понятие «авторитаризм рабочего класса» (H. S. Erlanger, 1974), объясняемый недостатком знаний и навыков воспитания детей. Было также обнаружено, что родители, имеющие низкий социальный статус, в своих воспитательных установках ориентированы в большей мере на детское повиновение, чем на детскую автономию (M.L. Kohn, 1959; D. F. Alwin, 1984). Более поздние исследования подтверждают отрицательную корреляционную связь между уровнем социально–экономического статуса родителей и частотой использования телесных наказаний в отношении детей (M. A.Straus, D. A. Donnelly, 1993).

Уровень образования также является важнейшим фактором, определяющим использование телесных наказаний. Например, рядом исследований было показано, что лица с более низким образованием в среднем в два раза чаще одобряют физические наказания детей (C.P.Flynn, 1994; J.K.Davison,.N. B.Moore, 1996).

Еще одной составляющей социального статуса является – статус здоровья человека, особенно, его психического здоровья (W. K. Bryant, 1990; J.Wilson, M.Musick, 1997). Например, при разработке ситуативной модели (J.Belsky, 1984; M. A.Straus, R. J.Gelles, S. K.Steinmetz, , 1980) было доказано, что статус психического здоровья родителей непосредственно связан с уровнем физического насилия в отношении детей. В этом отношении достаточно иллюстративны исследования Д.Дювалля и А. Бута (D.Duvall, A.

Booth, 1979), которые выявили, что низкий психический статус влияет на частоту использования матерями физических наказаний.

Коммуникативные сети и телесные наказания. Коммуникативная сеть человека включает все межличностные отношения с окружающими, особенно неформальную сеть общения и поддержки со стороны других людей или организаций.

Как часть более широкой социальной структуры, коммуникативные сети родителей могут быть ориентированы и связаны с поиском социальной поддержки в воспитании детей. Поскольку коммуникативная сеть родителей положительно связана с эффективностью родительского функционирования, она может определять особенности дисциплинирования и воспитания ребенка (J. Belsky, 1984). То есть родители, которые имеют более разветвленную сеть возможностей получения поддержки, будет иметь большее количество времени и ресурсов для коммуникации с собственными детьми, снижая тем самым риск применения телесных наказаний. Это теоретическое суждение нашло эмпирическое подтверждение: было установлено, что матери которые имели обедненную коммуникативную среду в большей мере ориентированы на установление домашних правила и использование авторитарных наказаний (N. Colletta, 1979).

Демографические переменные и телесные наказания. Как показывают исследования, количество детей в семье играют важную роль в динамике вероятности использования родителями физических наказаний. В частности было установлено, что родители, имеющие большое количество детей, и в большей степени склонны использовать телесные наказания в воспитании (F.Nye, J.Carlson, Garrett, 1970). Другие исследования, проведенные Д.Дюваллем и А. Бутом (D.Duvall, A. Booth, 1979), показали, что количество детей в семье положительно коррелировали с использованием физических наказаний со стороны матерей. Это объясняется тем, что распределение времени и ресурсов, связанное с большим количеством детей, вынуждало родителей быть более авторитарными, строгими и жесткими по отношению к детям (M. Wagner, H.J.P.Schubert , D.S.P. Schubert, 1985). Также была выявлена тенденция родителей, имеющих значительное количество детей, более благосклонно относится к физическим наказаниям. Причем особенно рельефно эти установки проявляются у родителей, имеющих четырех и более детей (C.P.Flynn, 1994).

Эмпирическая исследования также свидетельствуют, что возраст родителей – важный индикатор использования родителями телесных наказаний (M. A.Straus, 1991; C.G.Ellison, et al, 1996;). Поскольку молодые

родители имеют малый опыт воспитания ребенка – они имеют более сильную тенденцию применять телесные наказание, чем родители старшего возраста.

Некоторые исследования демонстрируют, что наличие или отсутствие гендерного паритета в родительских ролях может оказывать влияние на использование телесных наказаний (L.Margolin, 1992; M. A.Straus, D. A. Donnelly, 1993). Были основания полагать, поскольку большинство матерей «львиную долю» своего времени тратят на уход за ребенком, чего не скажешь об отцах – следовательно, матери имеют больше возможностей и оснований быть более требовательными и склонными к наказаниям.

Однако, исследования показывают, что матери и отцы почти не отличаются по частоте использования физических наказаний в отношении своих детей (Nobes G., et al, 1999). По сообщениям матерей и отцов они примерно в равном соотношении использовали физические наказания еженедельно или даже более часто (Таблица). Исключением в этой общей тенденции было более частое использование отцами такого наказания как «физическое сдерживание).

Таблица 9 – Частота использования родителями физических наказаний (по G.Nobes, et al, 1999)

Частота (%)	**Когда-то**		**В последний год**		**Еженедельно или чаще**	
Категория наказаний	***Матери***	***Отцы***	***Матери***	***Отцы***	***Матери***	***Отцы***
порка/битье	91,2	90,3	76,8	76,7	39,8	35,9
физическое сдерживание	39,5	50	25,4	42,2	4,7	18,6
наказание для примера	38,8	30,1	12,7	14,6	1,1	2,9
физическое принуждение	9,7	3,9	5,2	3,9	0	0
другие физические наказания	93,4	91,3	80,4	80,6	42,5	45,6

В отношении использования такого наказания как «порка/битье» также не было обнаружено значимых различий между матерями и отцами. Вместе с тем в ситуации выбора наказания (т.е. «бить или не бить») отцы чаще отдают предпочтение сдерживанию, а матери порке и битью. Полученные данные согласуются и с другими исследованиями, в частности Г.Максвелл (G.Maxwell, 1993) установил, что 24.4 % матерей и 15.6 % отцов шлепают своего ребенок еженедельно, более того матери вообще на 40% больше используют физические наказания еженедельно и чаще, чем отцы.. В целом матери более склонны к использованию карательных мер в воспитании детей, чем отцы. Возможно, предпочтение отцами сдерживания объясняется тем, что отцы являются более сильными, чем матери и, следовательно, лучше справляются с задачами воспитания. Кроме того, у отцов, вероятно,

существует опасение, что, используя силу, они могут легко травмировать ребенка.

Исследования Г.Нобиса и др. (Nobes G., et al, 1999) не выявили существенных различий в степени суровости наказаний в отношении детей между матерями и отцами, хотя есть основания предполагать, что отцы наказывают детей более сурово. В частности большее количество отцов, чем матерей сообщило, что используют «ремень» и оценили используемые наказания как суровые. Также обнаружена тенденция более сурового наказания отцами сыновей, чем дочерей. Возможно, это связано с тем, что матери больше времени проводят вместе с детьми. Поэтому ограниченное время, которое отцы проводят с детьми, может побуждать их к более частому использованию физических наказаний. Однако, в тех семьях, где забота о детях распределялась равномерно между родителями, дисциплинарные меры также распределялись равномерно.

Следует отметить, что исследования влияния расовых или этнических различий относительно использования телесных наказаний дают весьма противоречивые результаты и не позволяют сделать однозначных выводов (K.T.Alvy, 1987; S.C.Weller, A.K.Romney, D.P.Orr, 1987; T.W.Julian, P.C.McKenry. M.W.McKelvey, 1994; M. A.Straus, 1994; J.Giles-Sims, et al, 1995).

Детское поведение и физические наказания. «Непослушное» поведение детей делает процесс воспитание трудным и затратным. Дети, которые ведут себя плохо так или иначе сталкиваются с наказаниями.

Как уже отмечалось дети, имеющие высокий уровень активности, непослушания, агрессивности и агрессия, чаше других сталкиваются с использованием физических наказаний со стороны родителей (M.A.Straus, 1991). Это очевидно, так как названные характеристики детей ставят под вопрос эффективность родительского авторитета и воспитания в целом, а, следовательно, заставляют родителей применять аверсивные методы подкрепления в случаях нежелательного поведения.

Супружеское насилие и телесные наказания. Было установлено, что супружеское насилие напрямую связано с физическим насилием в отношении детей (M.O'Keefe, 1995; S.M.Ross, 1996). Кросс–культурные исследования Д.Левинсона (D.Levinson, 1989) показали, что использование физических наказаний как способа социализации детей связана с частотой насилия над женами в семье. Другими словами, супруги, отличающиеся насильственным отношением друг к другу, чаще будут использовать физические наказания и в отношении собственных детей.

Насилие над родителями

Насилие в семье, как уже отмечалось может принимать различные формы. Однако общественное мнение в большей мере концентрируется на насилии в отношении детей или супружеском насилии. Вместе с тем, все большую озабоченность и интерес психологов привлекает, часто являющийся семейной тайной, феномен насилия детей над родителями.

Определение насилия над родителями. Следует признать, что случайный конфликт между людьми, кто живут вместе, включая родителей и их детей, является вполне нормальным явлением. Определить факт насилия над родителями очень трудно, потому что не всегда ясно, какие нормы поведения в этой семье являются нормальными, а какие насильственными. Конфликт приобретает форму насилия, когда один из членов семьи использует угрозы, могущество или манипуляцию, чтобы получить власть над другим членом семьи. Исходя из этого ***насилие над родителями*** – это любые действия ребенка, которые связаны с причинением физического, психологического или финансового ущерба, а также направлены на получение власти и контроля над родителем.

Большинство подростков обычно проходят этап, связанный с попытками сепарации от родителей. Обычно этот процесс называют «индивидуализацией». Он может время от времени сопровождаться открытым неповиновением или сопротивлением власти. Следует, однако, различать сопротивление и агрессию, стремление сепарироваться от родителя и попытки взять под свой контроль родителя, «нормальное» подростковое поведение и насилие над родителями.

Насильственное подростковое поведение может изменяться от умеренного до тяжкого насилия. Родители должны изучить поведение их детей и на основе этого определить является ли оно приемлемым или оно приняло форму насилия. Насильственное поведение не должен допуститься. Насилие обычно начинается с вербальной агрессии. Для большинства родителей насилие – обычное ситуация, когда родитель видит, что ребенок не демонстрирует никакие признаки раскаяния или вины за свое поведение.

Дети – не взрослые, они – зависимы, уязвимы и требую защиты и руководства. Отношения между родителями и детьми по социальной роли не равны: это – оберегающие, неравные отношения взрослого с зависимым ребенком. Относительный баланс между зависимостью и независимостью не статичен, а изменяется с возрастом ребенка и по существу достигается в период взрослости. При позитивных родительско–детских отношениях родитель несет ответственность и именно она обеспечивает разумную власть

над ребенком. Когда эти отношения дисфункциональны, т.е в них все наоборот – они потенциально насильственны (J. Barkley, 1999).

Некоторые родители, участники родительских тренинговых групп, сообщили о цикле насилия, подобному супружескому, когда дети выражали раскаяние и испытывали угрызения совести по поводу своей агрессии по отношению к родителю, а иногда и самонаказание. Даже тогда, когда подростки–агрессоры явно не выражали раскаяние, многие родители отмечали, что подростки знают, что их поведение наносит ущерб. Вместе с тем, некоторых родителей, чьи дети злоупотребляли спиртным или наркотиками, пугает эмоциональная черствость подростков, которые применяли насилие.

В принципе любое поведение, которое представляет собой намеренное причинение вреда родителям и используется как форма контроля, может быть определено как насилие. Насилие может быть физическим, психологическим (включая вербальную агрессию) или экономическим. Часто насилие по отношению к родителям представляет собой комбинацию различных форм.

К физическому насилию по отношению к родителям можно отнести удары, пинки, шлепки, толчки и отталкивания, ломание вещей, удары кулаком в стену, по столу и пр., бросание вещей, сплевывание. К психологическому насилию – запугивание и устрашение родителя, попытки выставить родителя сумасшедшим, выдвижение нереалистичных требований к родителям (типа упреков в том, что родители ничего не делают, чтобы удовлетворить желания ребенка), преднамеренное лишение родителя информации о том, куда они идут, где находятся и что делают, побеги из дома или отсутствие дома всю ночь, угрозы нанести повреждения, покалечить или убить родителя или кого; шантажирование (типа высказывания угроз убежать, совершить самоубийство или причинить другой вред без видимых попыток сделать это), унижение родителя или других членов семейства, отказ в любви, попытки контролировать ведение домашнего хозяйства. К вербальной агрессии относятся вопли и крики, призывы к дискуссии, оспаривание (типа «Я не обязан делать то, что Вы мне говорите!»), саркастичность, критичность, девальвация, высмеивание родителя, обзывание, выражение ненависти и проклинание родителей. К экономическому насилию относятся кража денег или имущества родителей (которые иногда преподносятся как «заимствование» без разрешения), продажа собственного или родительского имущества, разрушение квартиры, дома или имущества родителей, требования купить вещи, которые родители не могут себе позволять, вынуждение родителей отдавать их долги.

Родители находятся под огромным постоянным, культурно обусловленным, давлением общественного мнения, что они должны обеспечить своих детей материально. В то же время многие подростки, спекулируя на этом, настаивают на покупке фирменных и модных вещей, а некоторые подростки, склонные к насилию, играя на чувствах родителей просто вынуждают их тратить гораздо больше денег на детей, чем родители могут позволять себе.

Половозрастные особенности ребенка, склонного к насилию. Хотя многие психологи полагают, что мальчики имеют более выраженную тенденцию проявлять физическую агрессию по отношению к их родителям чем девочки, некоторые убеждены, что и мальчики и девочки в равной степени участвуют во всех формах насилия (B. Cottrell, 2001).

Следует отметить, что основа насильственного поведения закладывается задолго до того времени, когда дети достигают подросткового возраста. Большинство родителей отмечают, что насилие началось, когда ребенку было 12–14 лет. Однако некоторые из них замечали признаки насильственного поведения и в более раннем возрасте (4–5 лет), но первоначально трактовали такое поведение скорее как истерику, чем насилие. Большие физические габариты и кондиции подростков могут восприниматься родителями как более угрожающие и, следовательно, изменять их оценку, т.е. трактовать агрессивное поведение ребенка как насильственное.

Достигнув подросткового возраста, многие дети, проявляющие насилие против родителей, начинают участвовать в асоциальных (пьянство, употребление наркотических веществ) или противоправных (кражи, мошенничество, вандализм, воровство, совершение тяжкое преступлений, проституция) действиях.

Иногда молодые люди, проявляющие насилие к собственным родителям, сами являлись жертвами физического, сексуального и/или психологического насилия. Это могло быть возможным как в рамках собственной семьи, с стороны близких родственников, так и вне семьи, со стороны посторонних. Некоторые подростки – не являясь прямыми жертвами насилия, возможно, были свидетелями этого в их доме. Как уже отмечалось ранее, целым рядом исследований доказано, что дети, которые являлись свидетелями насилия, в большей мере склонны к нарушениям поведения, проявлению агрессии в отношениях со сверстниками и взрослыми, совершению деструктивных и противоправных действий.

Половозрастные особенности родителя – жертвы насилия. Поскольку семьи существенно различаются по структуре, традициям,

социальному положению, достатку, условиям проживания, трудно составить типичный портрет родителя–жертвы.

Вместе с тем, все же можно остановиться на некоторых общих закономерностях. В частности, было установлено, что единственный родитель в семье имеет больший риск быть подвергнутым насилию, чем родитель из полной семьи. Средний статистический возраст родителей, подвергающихся насилию со детей – 44 года (B. Cottrell, 1996, 2001). Это противоречит распространенному мнению, что насилию подвержены прежде всего те людьми, которые стали родителями в слишком молодом возрасте.

Матери и мачехи (как в неполных, так и в полных семьях) в большей мере подвержены угрозе стать жертвой насильственного поведения подростков. Причем и физически сильные (в меньшей степени), и физически слабые (в большей степени) матери могут быть подвержены насилию со стороны сына или дочери. По своим физическим кондициям матери в меньшей степени чем отцы способны дать отпор агрессивному подростку, дисциплинировать их или защищать себя и младших детей.

Отцы и отчимы также могут стать жертвой насилия, но, конечно же, не в такой степени как матери и мачехи. Когда насилие возникает между детьми и их отцами, отцы часто реагируют ответной агрессией и этот инцидент скорее квалифицируется как борьба, нежели насилие.

Примечательно, что родители с физическими или психическими недостатками, чаще, чем другие становятся жертвами насилия. Не остаются в стороне и другие члены семьи – младшие дети, старики, домашние животные. Как и при всех других формах насилия, семейное насилие направленно на лиц, которые воспринимаются агрессором как более слабые и уязвимые.

Родительские переживания, связанные с насилием. Все родители, подвергающиеся насилию, испытывают целую гамму различных эмоций: от страха за свою жизнь и опасения за безопасность их подростка до вины в случае обвинений за насильственный характер действий их детей со стороны окружающих. Эти переживания часто определяют не только восприятие обстановки в семье, но и поведение родителей, формируя психологию жертвы.

Отрицание. Для большинства родителей трудно признаться себе в том, что их ребенок может проявлять по отношению к ним насилие. Поэтому они могут первоначально просто отрицать проблему:

Ощущение фиаско, позора и вины. Многие родителей чувствуют себя угнетенными и опозоренными за то, что не смогли создать семейное счастье. Они подвергают сомнению свои способности к воспитанию, мучаются мыслями о том, что сделали все не так как надо и начинают походить на неудачников. Женщины особенно живут под гнетом социальных ожиданий и

осуждающего мнения, что они плохие матери. Действительно многие родители чувствуют ответственность за своих детей. Однако, признавая то, что родители конечно же играют главную роль в развитии ребенка– они обычно обвиняются и во всех грехах собственных детей. В результате не только у них формируется такое «иррациональное» убеждение, но они часто в самом деле принимают полную ответственность за насильственные действия их ребенка.

Трудно согласиться с перспективой развития таких родительско–детских отношений. Изменение убеждения, что родители – единственный фактор влияние на их детей, может стать позитивной перспективой, особенно для родителей, переживающих вину и позор по поводу действий их детей. Действительно, идея об исключительности родительского влияния на детей не только отрицает эффект других социальных воздействий на жизнь ребенка, но и возлагает на их плечи неимоверный груз ответственности. Парадоксальность ситуации состоит в том, что как только они начинают искать помощи у окружающих, они часто натыкаются на обвинения окружающих – и это еще больше усиливает их чувство вины. Эти чувство вины и ощущение чрезмерной ответственности часто делают родителей не восприимчивыми к положительные и полезные советам по поводу изменения их поведение и не позволяют предпринять эффективные шаги, чтобы справится с трудностями в поведении их детьми (A-M. Ambert, 1992, 1997).

Отчаяние и изоляция. В дополнение к чувству исключительной ответственности, родители часто ощущают себя покинутыми и изолированными. Они переживают безнадежность и беспомощность, потому что неспособны управлять ситуацией либо из-за физической опасности, либо их собственной эмоциональной нестабильности. Отчаяние из-за отсутствия гармонии в семейной жизни и ощущение изолированности в данной ситуации делает изменение убеждений еще более проблематичным.

Напряженность отношений. Проявление насилия со стороны подростков часто ведет к выяснению отношений между родителями по вопросу как должно дисциплинировать подростка. Это часто приводит к спорам и скандалам и существенно ограничивает количество времени, которое родители могли бы потратить, чтобы побыть вместе. Отношения между родителями в таких семьях настолько напряжены, что иногда приводят к разводу из-за поведения подростка.

Доверие. Почти все родители, подвергающиеся насилию, чувствуют себя неспособными доверить их детям, особенно, когда те остаются одни дома. Неуверенность будет ли конфронтация или нет, когда они возвратятся домой – чрезмерно беспокоит родителей. Кроме того – это постоянное

сомнение, будет ли ребенок вообще дома или страх, что с ребенком опять придется иметь дело, что их дом и имущество будет повреждены, или что–то опять украдено.

Самое большая трудность состоит в том, чтобы изменить чувство безнадежности родителей и инерции, которая возникает из–за отчаяния. Родители агрессивных подростков часто выглядят либо эмоционально парализованными и бесчувственными, либо активными, выполняющими набор ритуальных действий, с помощью которых они беспомощно пытаются противопоставить тирании собственных детей.

*Здоровье***.** Стресс и напряжение при общении с агрессивными подростками могут иметь негативные последствия для здоровья родителей, иногда усугубляя имеющиеся проблемы, иногда создавая новые. Многие родители прибегают к использованию лекарственных препаратов в надежде справится с со стрессом и напряженной ситуацией. Некоторые родители начинают употреблять алкоголь, реже наркотики.

*Потеря***.** Когда по разным причинам подросток покидает дом (уход из дома, заключение и пр.), некоторые члены семейства испытывают сильное чувство потери и часто горюют о потере их ребенка (брата, сестры). Они также могут горевать о нарушении целостности, разрушении единства семьи. Это особенно травматично для неполных семей, где подросток – единственный ребенок. В случаях, когда молодой человек имеет собственного ребенка – родители теряют не только их ребенка, но также могут утратить контакты с их внуком.

Сиблинги. Насильственные действия подростков могут распространяться и на других детей в семье и порождать опасения родителей за их безопасность. Некоторые родители обеспокоены, что такие действия как употребление наркотиков, алкоголя, проституция могут стать примером для подражания для других детей и распространить «эту заразу» на остальную часть семьи. Кроме того, фокусировка на агрессивном ребенке часто отнимает больше времени и энергии родителей и тем самым отвлекает их внимание от других детей. В свою очередь, дети, родители которых обходят их вниманием, становятся агрессивными, чтобы получить это внимание, или депрессивными.

Другие межличностные отношения. Родительские и детские отношения с друзьями и родственниками также могут быть пронизаны насилием. Подростки часто манипулируют другими членами семейства, убеждая, что их склонность к насилию – ошибка родителей.

Работа. Стресс, вызванный насилием, распространяется и на занятия вне дома. Родители приносят свои беспокойство и тревогу на работу.

Волнение родителей, чьих дети переводят из школы в школу или которые убегают из дома, может помешать им сконцентрироваться на работе. Их беспокойство относительно местонахождения ребенка, тревога за безопасность ребенка, может привести к безразличию и даже травматизму на работе.

Некоторые родители также обеспокоены звонками на работу из милиции или социальных служб, необходимостью выплачивать различного рода штрафы и компенсации за нанесенный ущерб.

Семейные факторы. Достаточно сложно однозначно определить причины и факторы, приводящие к насилию детей над родителями. Однако, можно безошибочно назвать некоторые из них.

Родительская власть (авторитет). Пожалуй, любая семья имеет потребность в ясной структуре и определении лидерства. Родители, будучи ответственными, понимают, что они имеют право устанавливать ограничения и говорить: «Это – мой дом и вы не можете вести себя в нем, как вам вздумается!». Некоторые из них, боясь потерять любовь их детей, устанавливают принудительные правила и стандарты поведения. Иногда родители так запуганы, что стремясь избежать конфронтации, позволяя подростку управлять в доме. Когда подростки чувствуют, что их родители не в состоянии контролировать ситуацию в семье, они начинают поступать таким образом, потому что не ощущают себя защищенными. Принятие подростком на себя роли управляющего достаточно типичный случай для такой семьи. Однако для большинства подростков это дополнительное бремя в борьбе за власть в семье.

Использование принудительных мер. Следует признать нормальным, что в жизни каждого подростка бывает период «Я ненавижу ваши правила!», но родительская работа и состоит в том, чтобы постараться, несмотря на протест подростков, вводя ограничения и правила, «удержать детей в узде». Иногда такие попытки родителей имеют успех. Однако, при таком подходе, некоторые дети становятся более агрессивными и отказываются повиноваться правилам до тех пор, пока родители не разъяснят, что такое поведение не приемлемо и именно поэтому родители вводят некоторые ограничения.

Изменения в структуре семьи. В ситуации развода родителей дети иногда злятся и обижаются на родителя, с которым они остаются жить (обычно на мать), за те изменения, которые произошли в их доме, в школы, в отношениях с друзьями или образе жизни в целом. Подростки иногда ревнуют к потере внимания со стороны их матери или отцов, особенно, когда у тех появляются другие партнеры. Когда мать – единственный родитель, подростки

иногда срывают свой гнев и отреагируют свою фрустрацию на ней просто, потому что она рядом и «больше не на ком».

Социальная изоляция. Чувства изоляции и отчужденности от семьи, школы и общества часто продукт современной «эмоционально холодной» цивилизации. Ощущение разъединенности делает большинство подростков более агрессивными.

Современный пресс работы и денег создают дополнительное напряжение, вызывает семейные проблемы и заставляет родителей уделять все меньше времени на полноценное общение с ребенком. Когда дети маленькие, родители без труда справляются с бременем ответственности и необходимости планирования их действий, но когда дети подрастают и достигают подросткового или юношеского возраста – это становится делать все труднее и труднее.

Подростки, которые чувствуют себя отчужденными от родителей жаждут их внимание и поэтому могут использовать агрессию в виде средства выражения фрустрации и гнева. В будущем такие подростки могут испытывать недостаток социальной зрелости, что может привести другим формам асоциального поведения. Эти подростки нуждаются в постоянном взрослом руководстве и лидерстве.

Сопутствующие факторы. В современном обществе насилие и агрессия обычно используется для достижения каких–то определенных целей и поддержания контроля. То, что агрессия и насилие буквально пронизывают все сферы человеческой жизни – пожалуй, самое распространенно мнение. Действительно, в некоторых семьях или сообществах физическая и вербальная агрессия, эмоциональное насилие – принятый метод воспитания и взаимоотношений. И, если это продолжалось в течение многих лет или поколений – это, возможно, стало общепринятой моделью поведения.

Следование за образцом. Некоторые склонные к насилию подростки сами были жертвами физического, сексуального или эмоционального насилия, или были свидетелями такого насилия по отношению к их родителям или сиблингам. Таким образом они могут использовать насильственные паттерны поведения как способ взаимодействия с окружающими в случае потери власти и контроль.

К сожалению, подростки, которые сталкиваются с насилием, часто сосредотачиваются не на возмездии виновнику насилия – вместо этого они направляют агрессию на ни в чем не повинного родителя. Отмечается, что мальчики, больше чем девочки, имеют тенденцию идентифицироваться с их отцами и, следовательно, с большей вероятностью будут заимствовать их негативные и позитивные черты (B. Cottrell, 2001). Это может иметь серьезные

последствия для мальчиков, ставших свидетелями насильственного поведения их отцов по отношению к матерям. В этом исследовании доказывается, что комбинация отцовской агрессии, неадекватного дисциплинарования и негативное отношение к ребенку, провоцируют возникновение агрессивного и делинквентного поведения.

Стериотипизация сексуальная роли и насилие над женщиной. Длительная девальвация женщин в патриархальном обществе, несмотря на усилия правозащитных и феминистских организаций, до сих пор не изменило положение вещей: что женщины все еще меньше зарабатывают, мужчины, они недостаточно представлены и имеют более низкий статус в институтах власти. Как жертвы сложившихся гендерных предрассудков и продолжающегося насилия многие женщины испытывают недостаток доверия к себе как к людям и как к родителям. Однако следует признать, что женщины, выполняя материнскую роль, все же в большей мере ответственны за воспитание детей. Вместе с тем, многие из отцов наравне с матерями обеспокоены агрессивностью детей и с готовностью разделяют ответственность за поиски необходимой помощи, хотя при этом могут оставаться эмоционально и физически холодными или даже агрессивными (B. Cottrell, 2001).

Многие исследования свидетельствуют в поддержать гипотезу, что подростковое агрессивное поведение является функцией того, что эти дети либо сами были жертвами насилия, либо его свидетелями. Проанализировав эти исследования можно заключить, что мальчики, склонные к агрессивному поведению, чаще, чем неагрессивные, были жертвой или свидетелем чрезвычайного физического насилия.

В последние годы и педагоги, и криминалисты отмечают увеличение распространенности агрессивного поведения среди девочек–подростков. Некоторые утверждают, что это результат женского протеста, когда молодые женщины восстают против традиционной концепции, в которой «девочки являются робкими, пассивными и испуганными существами». Действительно, многие молодые женщины хотят обладать властью и быть признанными, и в этом случае их гнев можно расценивать как оправданный и конструктивный, как ответ на социальную несправедливость и господство мужчин. Однако, их гнев иногда совершенно необоснован, а агрессия принимает разрушительный характер.

Некоторые психологи считают, что девочки выражают ненависть по отношению к матерям, считая их виновными в покорности и подверженности их и детей насилию со стороны отца или отчима. Эти девочки осторожны из–за пассивности и оскорбленности, часто подражая агрессивному поведению мужчин. Совершенно очевидно, что стратегия подчинения, которую женщины

используют, чтобы справиться с насилием – мало эффективна и часто ведет к дальнейшему преследованию.

Традиционно женщины всегда были и остаются более восприимчивыми к чувствам и эмоциональным переживаниям окружающих. Многие подростки полагают, что им более легкое делиться их переживаниями именно с матерями. Они не так боятся матерей, как отцов, которые, согласно их социальной роли, чаще реагируют более агрессивно на попытки подростка выразить свои чувства. В результате этого, подростки могут выражать целую гамму чувств матерям, включая гнев.

Роль школы. Молодежь находится под большим давлением школьного окружения и сверстников. Школьная среда может быть насильственна, опасна и непочтительна. Дети испытывают угрозу насилия или подвергаются насилию со стороны других учащихся. Угроза насилия и давление, чтобы сделать ребенка «покладистым» в школе, заставляет многих подростков чувствовать себя уязвимыми и понижает их чувство собственного достоинства. Они стремятся контролировать себя, чтобы избежать преследований за поведение, и учиться, чтобы не показаться более слабыми перед соучениками. Преподаватели же часто сами чувствуют себя столь же бессильными, как любой другой взрослый, когда сталкиваются с агрессией подростков.

Школьная жизнь часто организована таким образом, что не предполагает никаких «каналов» для разрядки напряжения, которое дети испытывают в школе. Поэтому многие подростки отреагируют накопленные в школе гнев и агрессию дома или в других местах. Родителям, которые подвергаются насилию со стороны их детей, редко, а чаще никогда, не получают поддержку и помощь со стороны школы.

Употребление алкоголя, наркотиков, токсикомания. Употребление алкоголя и наркотиков напрямую коррелируют с насильственным поведением подростков. Вместе с тем, хотя токсикомания не является причиной агрессивного поведение, такие действия подростков нельзя признать благополучными. Кроме того, попытки родителей пресечь такое поведение и оказать помощь детям могут встретить со стороны подростков достаточно агрессивный отпор.

Серьезные психические расстройства. В некоторых редких случаях, подростковое насилие может быть признаком серьезного психического расстройства. К сожалению, эти расстройства часто трудны диагностируемы. Хотя такой диагноз может как–то объяснить некоторые особенности агрессивного поведения.

Вместе с тем, постановка диагноза не должна поколебать убеждение родителей, что даже в этой ситуации можно добиться того, чтобы дети относились к ним с уважением. Пока диагноз о психическом заболевании их детей окончательно не установлен родители должны предпринимать попытки понять что происходит с их детьми и как–то изменить ситуацию. Самое большое ограничение для изменения ситуации – чувство безнадежности и инерции, вызванные отчаянным положением родителей. Как уже отмечалось, родители агрессивных подростков находятся либо в эмоциональном ступоре, либо выполняют набор ритуализированных действий, чтобы совладать с собственной беспомощностью.

Примечательно, что постановка медицинского диагноза часто приносит родителям облегчение, позволяя избавится от чувства вины и порицаний окружающих, предписанное лечения помогает контролировать агрессивное поведение.

Менее серьезные психические расстройства. У некоторых подростков, склонных проявлять агрессию по отношению к их родителям, диагностируют нарушения активности и внимания, поведенческие расстройства.

Методы воспитания. Многие современные родители направляют свою энергию на то, чтобы создать комфортабельные условия существования и сделать их детей счастливыми вместо того, чтобы формировать у них ответственность. Они пытаются изменить родительскую позицию с авторитетного дисциплинирования на установление партнерских отношений, в которых родители являются «друзьями» их детьми. В результате у детей формируется образ родителей как людей, чей обязанностью является сделать их счастливыми.

Иногда, это заканчивается неэффективными и нездоровыми родительско–детскими отношениями, в которых родители обращаются с детьми как с компаньонами или партнерами.

Изменение отношения к ребенку, под воздействием борьбы за права детей, привело к неоднозначно позитивным последствиям. С одной стороны, было признано, что дети имеют права и они должны быть защищены, с другой – это привело к неблагоприятному кризису лидерства и руководства в пределах семьи.

«Новая этика воспитания ребенка» сместила акцент с необходимости структурирования и лидерства в семье на признание потребности детей иметь возможность выражать чувства и оценочные суждения. Доброта, мягкость и признание важности свободного выражения ребенком чувств стали основными принципами положительного воспитания. Очень популярными

стали идеи, препятствующие родителям чрезмерно контролировать их детей (J. Price, 1996):

– Дети должен иметь возможность совершать собственные ошибки.

– Если родители будут опекать детей – они никогда не научатся ответственному поведению.

– Чтобы дети ни делали – это их жизнь.

– Детям нужно доверять (вне зависимости заслуживают они этого или нет). Иначе, рост внутренних ресурсов будет медленным, творческий потенциал и стремление к самовыражение может вообще не развиться.

– Молодые люди должны иметь возможность самостоятельно принимать решения (поэтому родители не должны навязывать им свои суждения).

– Эго ребенка не будет сформированным, если его право на частную жизнь будет нарушено.

– Использование наказания без предварительного предупреждения может иметь серьезные последствиях.

Вместе с тем, большинство родителей, педагогов и психологов, признавая необходимость соблюдения прав ребенка, что должен существовать некий баланс между правами детей и их обязанностями. Подростки ответственны за свои действия и поведение и должны нести за них ответственность. Хотя они могут настойчиво сопротивляться этому, делегируя лидерские полномочия собственным родителям. Взрослые же часто, опекая подростковую культуры, живут в мире «иррациональных» убеждений об ответственности за мир, который они создали для своих детей.

Вопросы для самоконтроля

1. По каким критериям оценивают стиль воспитания в семье?
2. Дайте определение дисциплины?
3. Охарактеризуйте различные виды дисциплинирования детей?
4. Как взаимосвязаны агрессия ребенка и родительское поведение?
5. Назовите типы наказаний ребенка?
6. Каковы последствия физических наказаний ребенка?
7. Опишите родительские переживания, связанные с насилием над ними?
8. Назовите факторы насилия над родителями?

НАСИЛИЕ В ШКОЛЕ

Школьное насилие – это вид насилия, при котором имеет место применение силы между детьми или учителями по отношению к ученикам и, крайне редко, учениками по отношению к учителю. Школьное насилие как и насилие в других сферах межличностных отношений подразделяется на физическое и психологическое.

Под физическим насилием подразумевают применение физической силы по отношению к ученику, соученику или учителю, в результате которого возможно нанесение физической травмы. К физическому насилию относятся избиение, нанесение ударов, шлепки, подзатыльники, порча и отнятие вещей и др.

Психологическое насилие можно определить как действие, совершенное в отношении ученика или учителя, которое направлено на ухудшение эмоционального самочувствия и благополучия жертвы. К основным видам психологического насилия в школе можно отнести насмешки, присвоение кличек, бесконечные замечания и необъективные оценки, высмеивание, унижение в присутствии других детей, отторжение, изоляция, отказ от общения с жертвой (с ребенком отказываются играть, заниматься, не хотят с ним сидеть за одной партой, не приглашают на дни рождения и т. д.).

Буллинг

Обычно физическое и психологическое насилие сопутствуют друг другу и в совокупности могут быть квалифицированы как издевательства. Издевательства могут продолжаться длительное время, вызывая у жертвы длительные травмирующие переживания.

Издевательство обычно расценивается как одна из разновидностей агрессии. Чаще всего под издевательством понимают длительно длящееся физическое, вербальные или психологическое насилие против человека, который не в состоянии защититься в фактической ситуации (E. Roland, 1989). Поскольку издевательство это поведение, которое травмирует кого–то, оно всегда предполагает причинение вреда кому–то, кто не способен защититься. В литературе такое запугивающее и третирующее поведение получило название ***буллинг***.

Издевательства в школах было выявлено во многих регионах мира: в Европе, Северной Америке, Австралии, Новой Зеландии и Японии. Удивительно, что данные о распространенности издевательства почти не отличаются друг от друга (E. Roland, 1999; C. Smith et al., 1999). К общим выявленным тенденциям можно отнести следующие: по крайней мере 5 % учеников подвергаются издевательству в школах еженедельно или более часто; учащиеся средней школы реже подвергаются издевательствам, чем

учащиеся начальной школы (5% младших школьников испытывают такого рода насилие регулярно); мальчики чаще становятся жертвами издевательства, чем девочки (E. Roland, 1999; C. Smith et al., 1999) Как было установлено, эти тенденции отличаются стабильностью довольно длительное время (D. Olweus, 1977, 1979, 1993; P.K. Salmivalli et al., 1998). Это означает, что миллионы учеников регулярно подвергаются насилию и агрессии со стороны сверстников.

Схожие данные были получены в результате проведенного в нашей стране масштабного исследования по оценке ситуации с насилием в отношении детей (И.А.Фурманов и др., 2010). В частности, по оценке большинства опрошенных (в среднем 60–70%) школьников и учащихся не подвергались психологическому и физическому насилию со стороны окружающих в учебных и воспитательных учреждениях. Вместе с тем исследование выявило, что школе имеют место случаи использования учащимися и педагогами психологического, физического насилия в отношении детей (Рисунок 35 и 36).

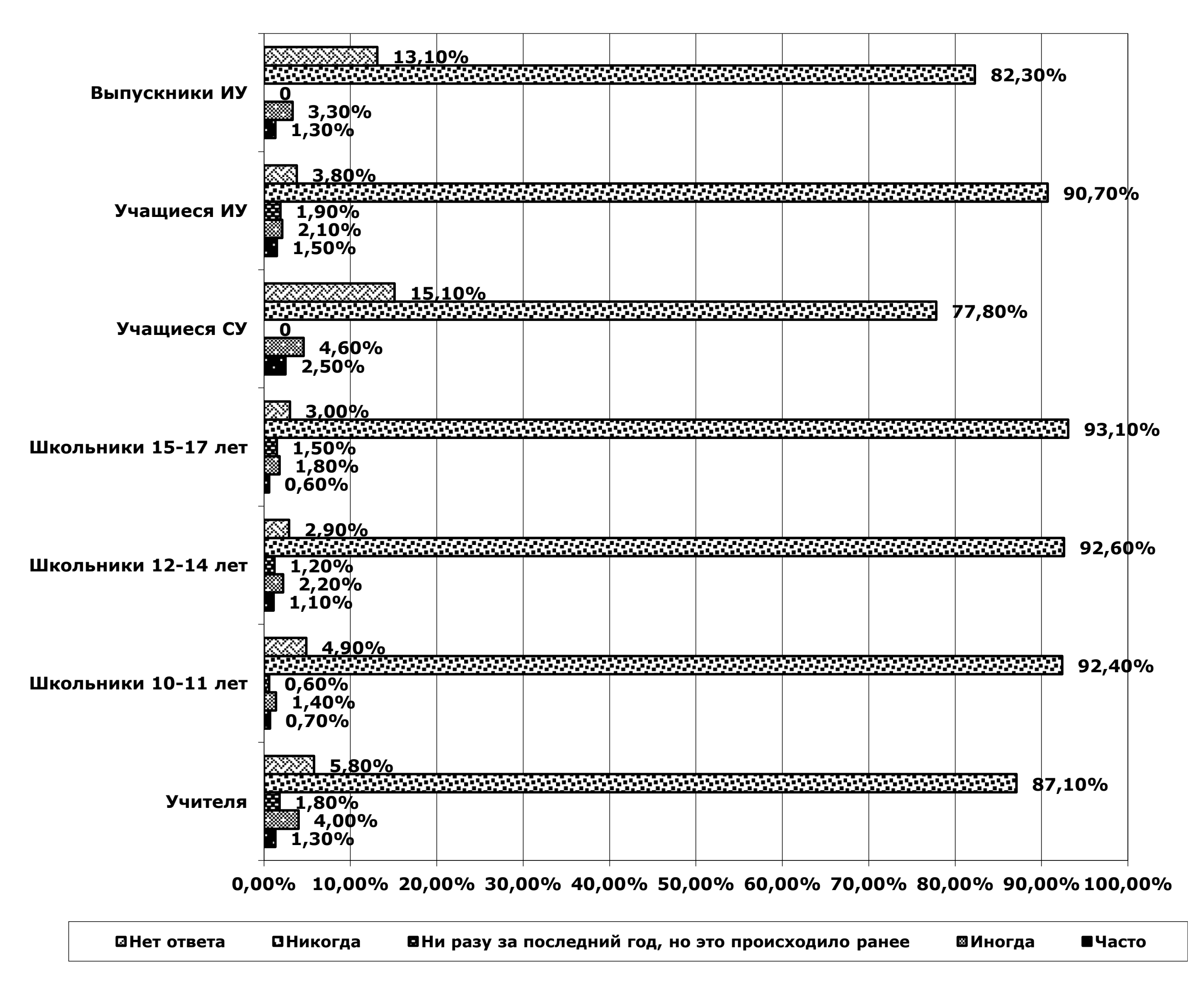

Рисунок 35 – Сравнительный анализ распространенности физического насилия в школе

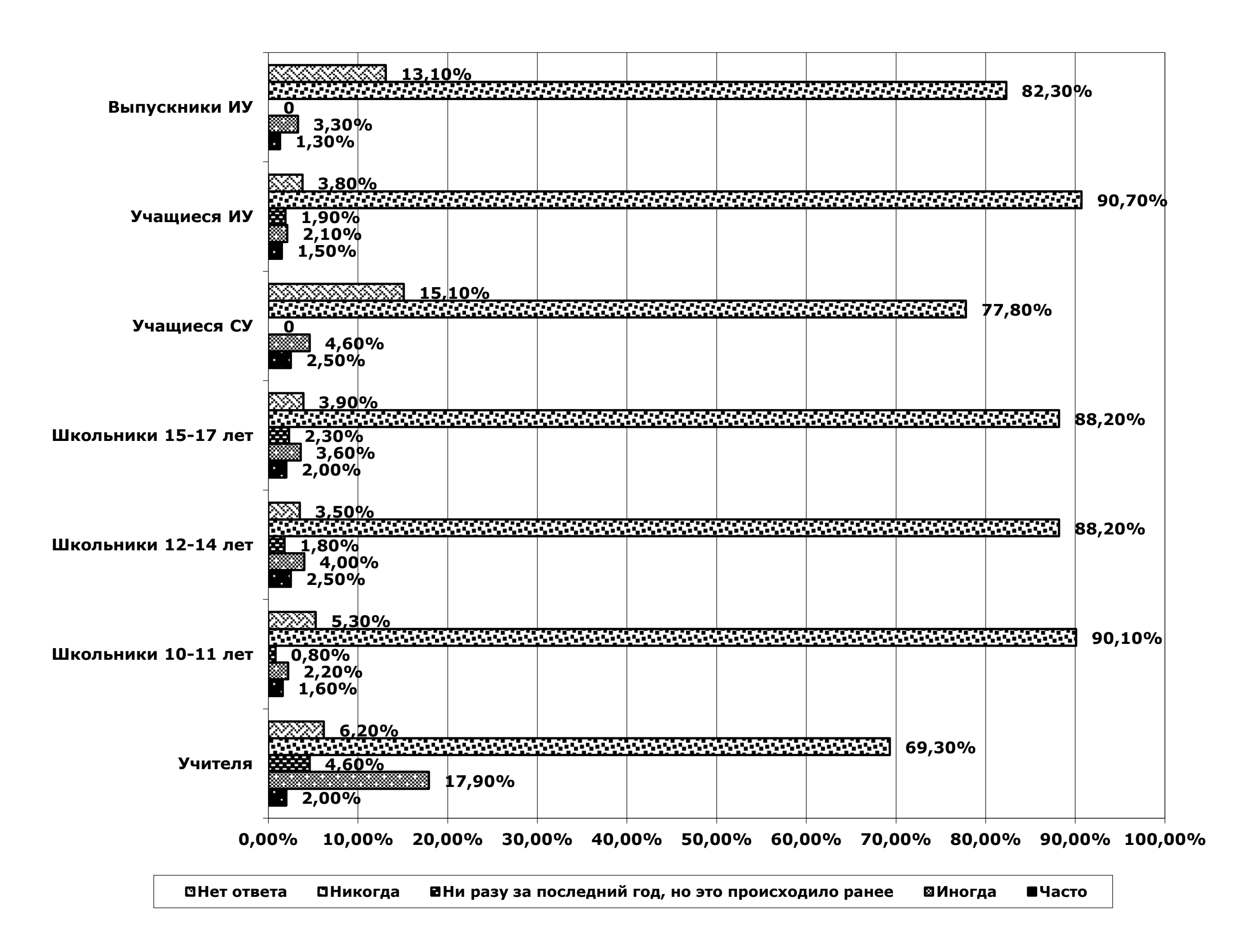

Рисунок 36 – Сравнительный анализ распространенности психологического насилия в школе

В случаях использования физического и психологического насилия в школе по оценкам школьников разных возрастов, учащихся интернатных учреждений, выпускников интернатных учреждений и воспитанников специальных учреждений, наиболее распространенными их формами являются: причинение физической боли; удары по рукам, пощечины или подзатыльники; таскание за волосы или за уши; удары кулаком или ногой; ломание пальцев или выкручивание, заламывание рук; обидные прозвища и клички, обзывания и оскорбления, грубая ругань, злые слова; намеренная порча вещей; умышленное стремление заставить чувствовать ребенка глупо, выставить его «дураком» или «дурой» перед другими людьми; обидные слова

в адрес родителей, братьев или сёстер; желание обидеть с помощью акцентирования внимания на внешности или физических недостатках; отказ в общении или подстрекание других к отказу от общения с ребенком; угрозы плохими оценками.

В школе дети в основном подвергаются насилию со стороны одноклассников, старшеклассников, учителей и детей из кружков и студий. По оценкам учителей для дисциплинирования детей в школе они или их коллеги в основном используют угрозы вызвать в школу родителей; крик и ругань; принуждение ребенка испытывать стыд в присутствии других людей или детей, чтобы дисциплинировать его; удержание ребенка в школе после уроков; выдворение на время в коридор, другое помещение; угрозы выгнать из школы или отправить учиться в другую школу; угрозы отправить в интернат, спецшколу для малолетних нарушителей; постановка ребенка на время в угол; лишение внимания, игнорирование ребенка, а также таскание за уши; хватание за плечи и встряхивание; удары линейкой, указкой или другими предметами; пощечины или подзатыльники, удары по попе рукой; таскание за волосы.

Большинство респондентов отметили, что не сталкивались или не располагали информацией о случаях сексуальных действий в отношении детей и подростков. (Рисунок 37).

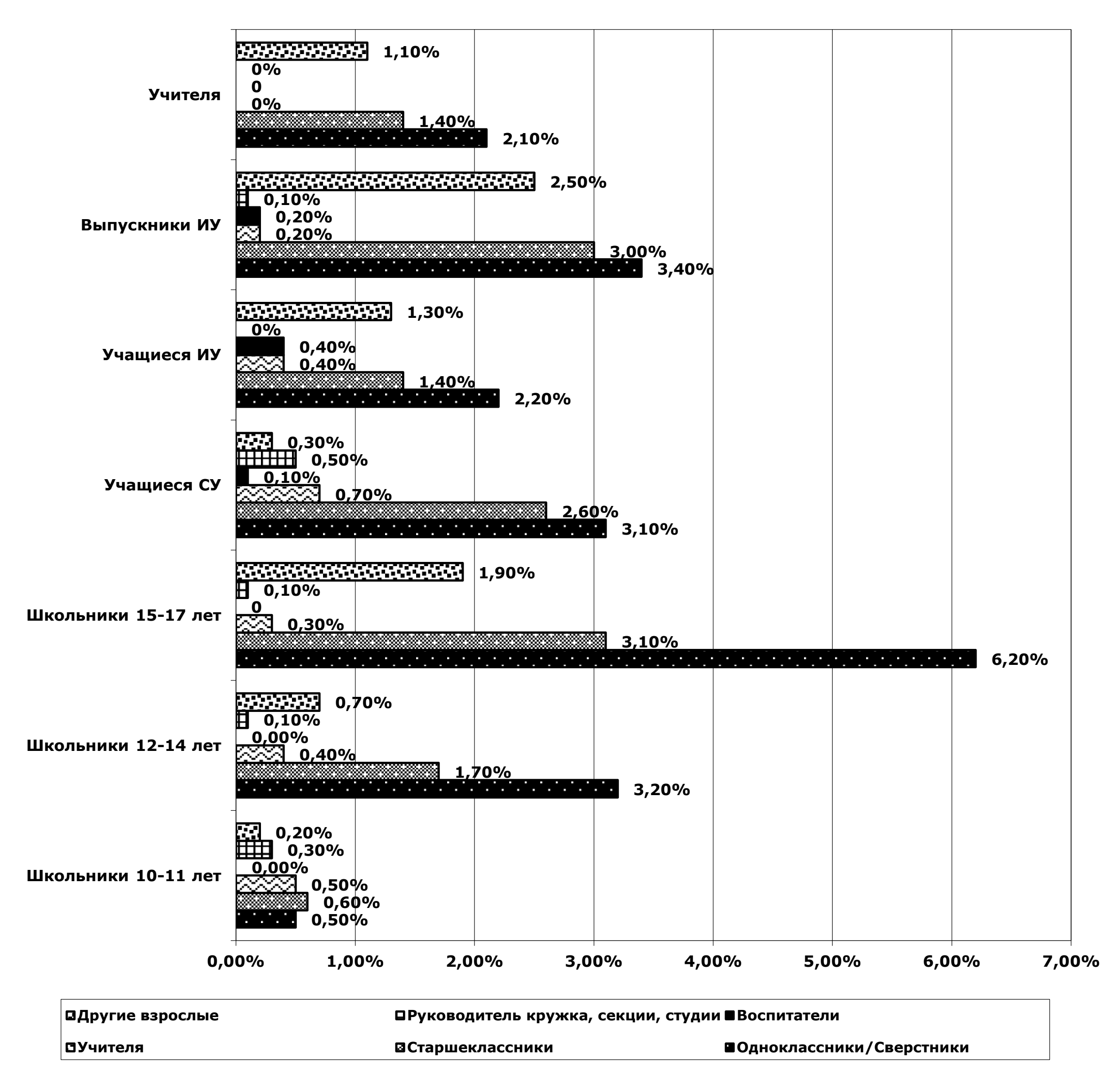

Рисунок 37 – Сравнительный анализ источников сексуального насилия в школе

Однако, когда такие инциденты случались, учащиеся становились жертвой таких форм сексуального насилия как предложения посмотреть или показать фотографии, журналы или фильмы с людьми, занимающимися сексом; предложения заняться сексом; прикосновения к интимным местам; принуждение смотреть на интимные места других людей или желанием посмотреть на их собственные; принуждение к половым отношениям; попытками вступить в половые отношения; половым актом; насильственными поцелуями. Дети и подростки чаще всего становились жертвами сексуального насилия со стороны одноклассников/сверстников, старшеклассников и взрослых. Мальчики чаще становились жертвами сексуального насилия со стороны членов семьи, одноклассников и учителей, а девочки со стороны старшеклассников и других взрослых.

Анализ оценок респондентов позволил установить, что в школе отмечается тенденция повышения интенсивности психологического насилия

со стороны учителей и администрации по мере взросления учащихся. Распространенность физического и психологического насилия в школе к 16–18–летнему возрасту существенно снижается. По мере взросления детей существенно усиливается тенденция (увеличивается риск) сексуального насилия со стороны других взрослых, одноклассников/сверстников и старшеклассников.

Некоторая научная дискуссия развернулась по поводу объяснения причин снижения с возрастом количества детей подвергающихся издевательствам. Так, например, исследование, проведенное на 7000 школьников в возрасте от 7 до 18 лет (M. Eslea, P.K. Smith, 1994), показывает, что количество детей, подвергающихся издевательствам, снижается с 30% в 7-8 лет приблизительно до 10 % в 11-12 лет и стремиться к нулю у школьников старше 16–ти лет (Рисунок 38).

Одни считают такое снижение вполне закономерным, полагая, что с возрастом жертвы издевательств становятся более адаптивными, совершенствуя тактику приспособления, предотвращения или избегания насилия. Кроме того, с возрастом уменьшается и риск подвергнуться издевательству со стороны более старших школьников.

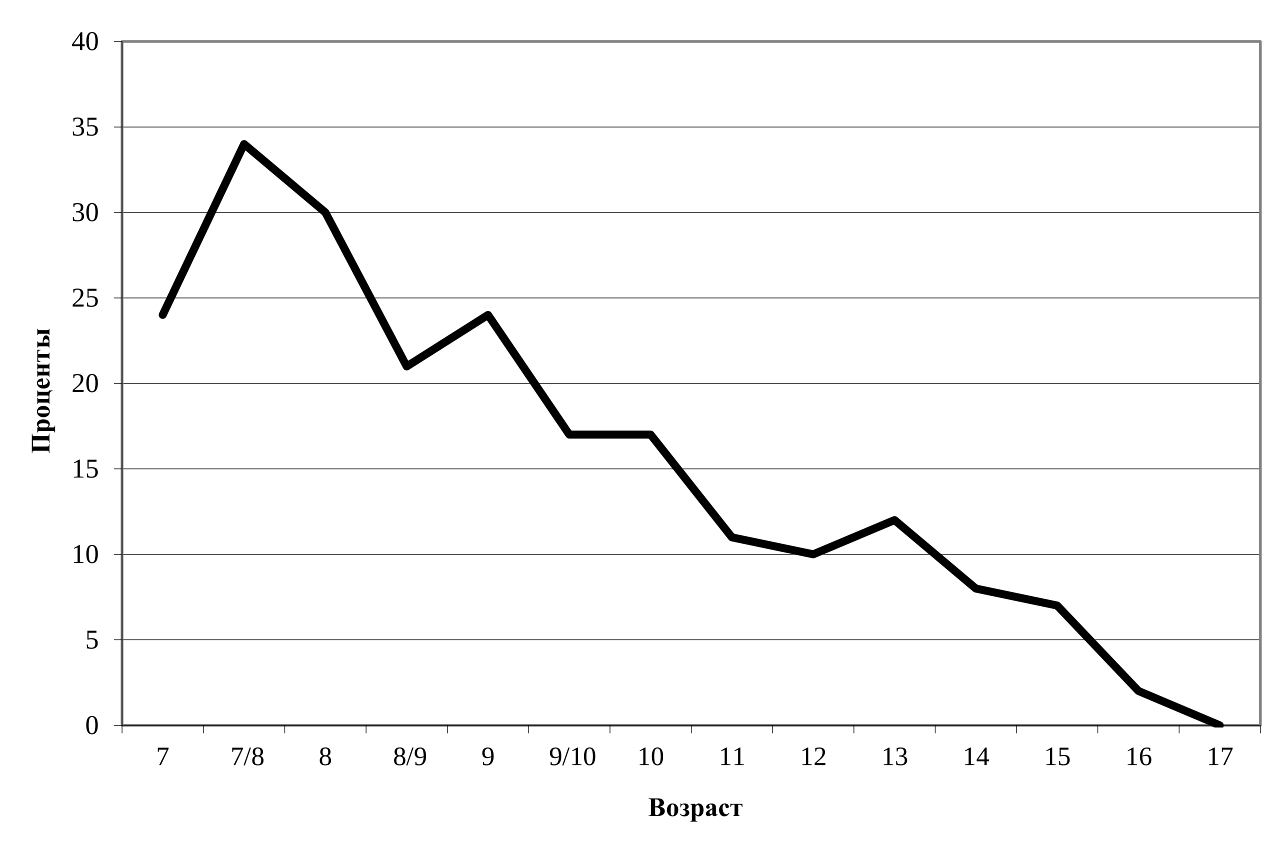

Рисунок 38 – Ретроспективная оценка (в категории «иногда») подверженности запугиванию в различных возрастах (по M. Eslea, P.K. Smith, 1994).

Другие считают, такая нисходящая тенденция связана с тем, что происходит смена форм проявления издевательств с открытых физических и вербальных агрессивных реакций в младшем школьном возрасте к косвенным агрессивным реакциям в более старшем возрасте (L.D. Owens, 1996; I. Rivers, P.K. Smith, 1994), делая сам факт издевательства более скрытым и не подлежащим соответствующей оценке. Проведенные К. Остерман с коллегами (K. Osterman, et al., 1998) кросс–культурные исследования и подтверждают, и опровергают такую точку зрения. Так, выраженная возрастная динамика различных видов буллинга характерна только для девочек и практически отсутствует у мальчиков (Рисунок 39).

Третьи, считают, что не всегда можно доверятся данным ретроспективных исследований, так как возможно просто срабатывает эффект памяти. С одной стороны, можно было бы ожидать, что детские переживания, связанные агрессией и насилием, являясь более значимыми и травматичными, будут запоминаться лучше. С другой стороны, более поздний опыт насилия может «записываться поверх» детских воспоминаний, делая доступными для воспроизведения лишь недавние травматические события, связанные с издевательством. Возможно, этот процесс, как вообще думают, и является главной причиной амнезии детства.

Рисунок 39 – Возрастная и гендерная виктимизации детей (по K. Osterman, et al., 1998).

В частности изучению этого процесса и были посвящены исследования М.Эсля и Дж.Риис (M. Eslea, J. Rees, 2001), которые демонстрируют как по–разному ретроспективно оценивают события, связанные с издевательствами в школе 18–21–летние и 22–42–летние испытуемые (Рисунок 40). Так, например, 78% респондентов из первой группы и только 58% из второй вспомнили и сообщили, что были жертвами издевательств в период обучения в школе.

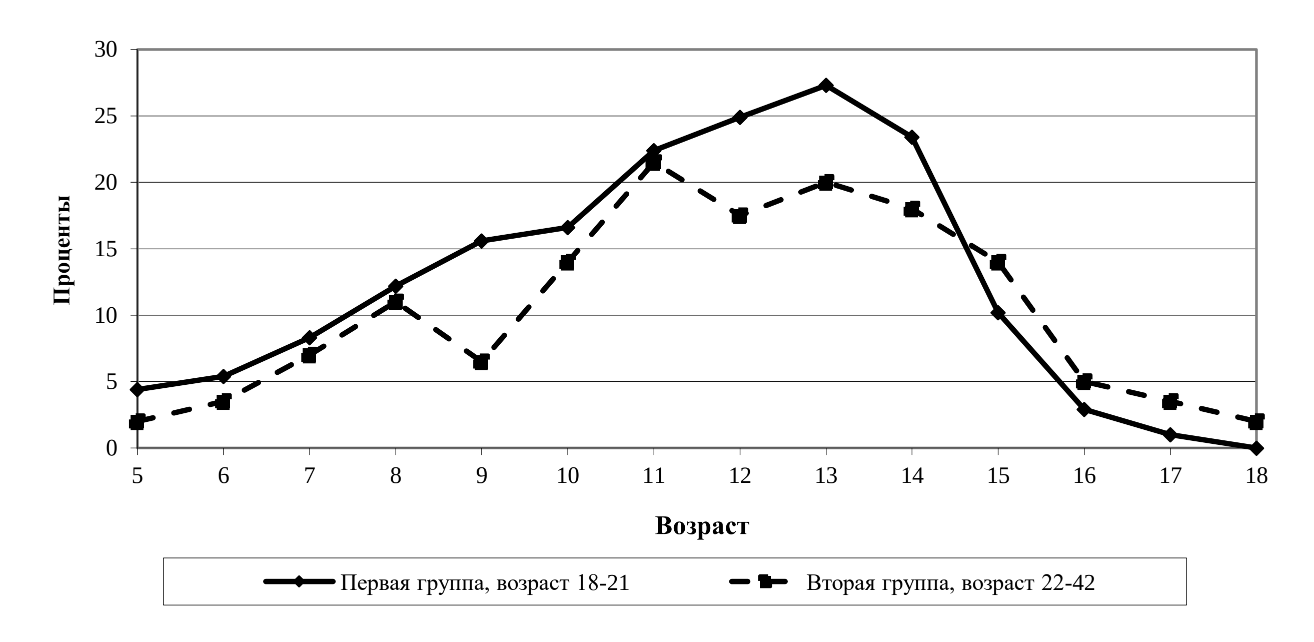

Рисунок 40 – Динамика воспоминаний–сообщений о запугивании в различных возрастах (по M. Eslea, J. Rees, 2001).

Виктимизация

Отношения со сверстниками играют центральную роль в жизни подростков, их влияние, мнения и оценки окружающих, часто рассматриваются как значимый фактор подросткового развития. В школьной жизни таким фактором являются одноклассники.

На сверстников обычно полагаются в тяжелые жизненные события, ища эмоциональной поддержки и дружбы. Однако отношения со сверстниками разного пола время от времени окрашены и негативными событиями, которые могут предполагать виктимизацию. ***Виктимизацию*** определяют как действия, предпринятые одним человеком или несколькими людьми с намерением воздействовать, дискриминировать, нанести физический ущерб или причинить психологическую боль другому человеку (D. Olweus, 1991; E. M. Vernberg, A. K. Jacobs, S.L. Hershberger, 1999).

Виктимизация в межличностных отношениях предполагает двухэлементное взаимодействие агрессора и жертвы. В этом взаимодействии термин *жертва* относится к индивиду, который чувствует себя или непосредственно является мишенью оскорбительный действий другой стороны в диадных отношениях. *Агрессор* – это та сторона в отношениях, которая является ответственной за причинение вреда жертве. В школе процесс виктимизации может разворачиваться в двух плоскостях (в горизонтальной – «ученик–ученик», «учитель–учитель» и в вертикальной – «учитель–ученик», «ученик–учитель») и на двух уровнях – персональном и групповом.

Основываясь на структурном анализе социальной сети, выделяют восемь возможных моделей взаимоотношений в классе, предполагающих виктимизацию (Рисунок 41).

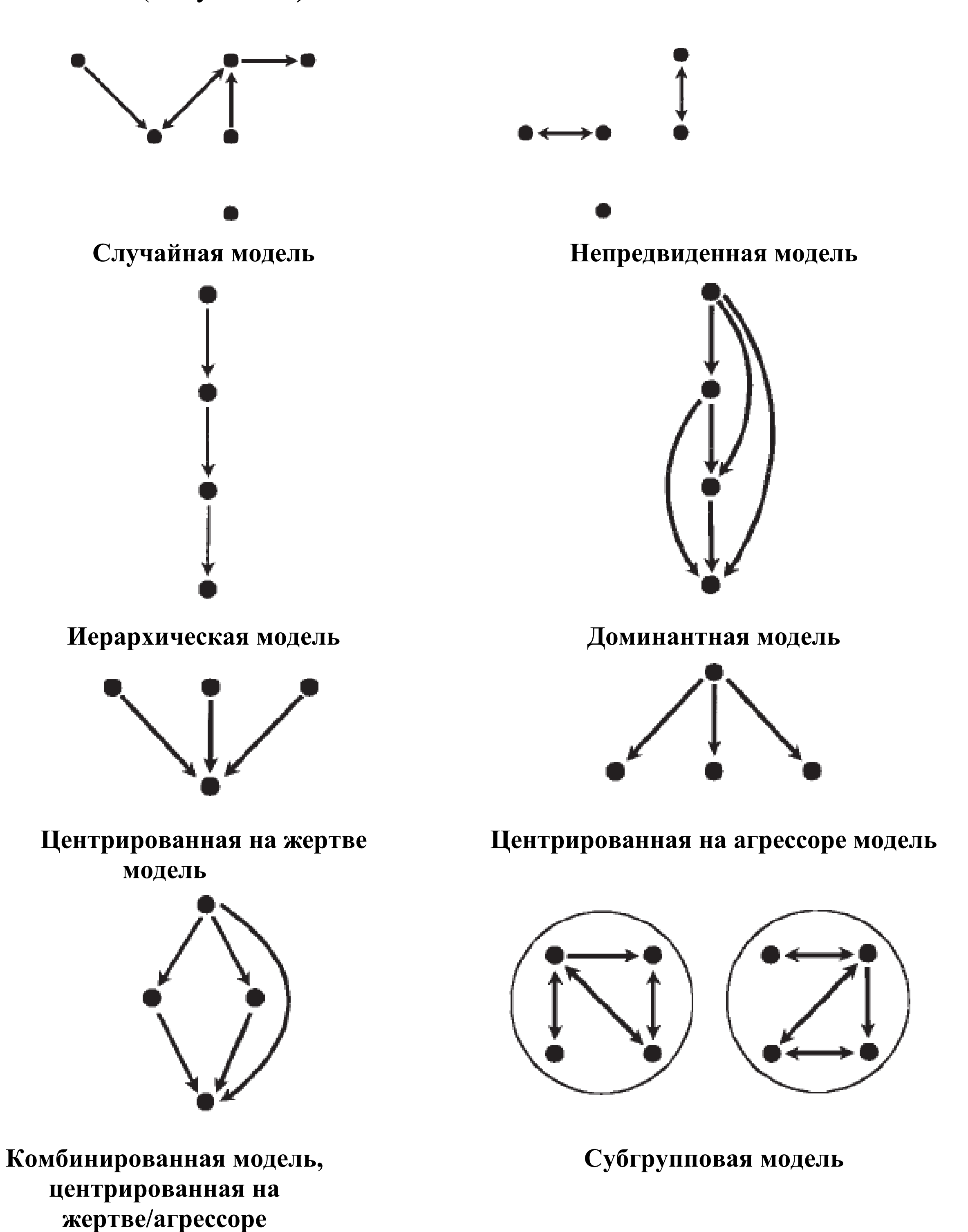

Рисунок 41 – Модели виктимизации в межличностных отношениях

Первая модель обозначается как *случайная модель*, которая предполагает, что агрессивные отношения между детьми случайны и никакой систематической структуры не существует. Следующая модель была названа

центрированной на жертве. Эта модель основана на полученных данных о том, что агрессия часто выборочно направляется от группы к некоторым виктимизированным детям (D. Olweus, 1993; D. G. Perry, S.J. Kusel, L.C.Perry, 1988). Этих жертв иногда называют «козлами отпущения». Другая особенность этой модели состоит в том, что отношения между детьми являются прямыми, а не косвенными. Это означает, что некоторые дети занимают промежуточное положение в отношениях с другими детьми. Аналогом центрированной на жертве модели является *центрированная на агрессоре модель*. Действительно, агрессия некоторыми детьми может проявляться регулярно. Соединение этих двух моделей предполагает возможность существования *комбинированной модели центральной на жертве/агрессоре*. В самом деле, некоторые дети могут являться только жертвами, некоторые – только агрессорами, но значительно больше детей являются и агрессорами, и жертвами.

Обычно, когда некоторые агрессоры являются и жертвами (L. Bowers et al., 1994; D.G. Perry et al., 1992) – они с успехом могут проявлять агрессию в отношении более слабых детей, но в тоже время быть непосредственно виктимизированными другими агрессивными сверстниками, которые являются более сильными, чем они (G.J.T. Haselager, 1997; D. G. Perry, S.J. Kusel, L.C.Perry, 1988). Поэтому в дополнение к комбинированной модели центральной на жертве/агрессоре, этот паттерн отношений можно трактовать как *иерархическую модель*. Иерархичность предполагает не взаимные непосредственные отношения одного ребенка с другим из позиций «выше/ниже», а опосредованные связи. В этом случае отдаленные уровни непосредственно не взаимодействуют, а связываются друг с другом через «промежуточных» детей. В связи, с чем расстояние контактов между взаимодействующими детьми будет намного большим, чем в трех центрированных других детских моделях. В противовес иерархической модели, *доминантная модель* предполагает, что более агрессивные дети агрессивны почти ко всем менее агрессивным детям. Отношения между детьми являются прямыми, а не косвенными. Отличительной характеристикой доминантной модели является транзитивность: если ребенок А, проявляет агрессию в отношении ребенка В, а ребенок В в отношении ребенка С, то ребенок А может проявить агрессию в отношении С (F.F. Strayer, J. Strayer, 1976). Подобная модель существует не только в сообществах животных, на что указывают этологи, но обнаруживается и в детских группах (G.S. Pettit et al., 1990; F.F. Strayer, J. Strayer, 1976; B.E. Vaugh, E. Waters, 1981). Таким образом, в доминантной модели есть дети, которые являются и агрессорами и жертвами, но расстояния между ними короче, чем в иерархической модели.

Агрессоры и жертвы могут быть вовлечены во взаимные или симметрические отношения, например, когда один ребенок докучает или нападает на другого возможно также агрессивного ребенка и тот реагирует на такую провокацию контрагрессией. Такие двухэлементные взаимоотношения можно отнести к *непредвиденной модели,* в которой может ожидаться относительно высокая интенсивность взаимных отношений. Заключительный вид моделей – *субгрупповая модель*, которая предполагает взаимоотношения детей, входящих в одну группировку, возникшей на дружеской основе.

Исходя из выше изложенного, в самом общем виде, виктимизация со стороны другого человека может быть или прямой, или косвенной. Прямые формы виктимизации можно определить, как открыто конфронтационные - нападения (K.L. Bjorkqvist, 1992), причинение вреда или ущерба через физические действия или угрозы таких действвий [N. R. Crick, J. K. Grotpeter, 1996; N. R. Crick, J.L.A. Bigbee, 1998). Поэтому было предложено прямую виктимизацию разделять на вербальную и физическую формы агрессии [K.L. Bjorkqvist, K.M.J. Lagerspetz, A. Kaukiainen , 1992; A. Campbell, M. Sapochnik, S. Muncer, 1997).

Косвенная виктимизации часто трактуется как социальная виктимизация. Включает скрытые манипулятивные нападения и предполагает действия, нацеленные на управление социальной средой другой человека, разрушительные отношения посредством целенаправленных манипулятивных и деструктивных действий, наносящих ущерб социальному статусу жертвы и ее взаимоотношениям с другими людьми [N. R. Crick, J. K. Grotpeter , 1996; N. R. Crick, J.L.A. Bigbee , 1998; W.M. Craig , 1998).

Исходя их этого, физическая виктимизация со стороны сверстников квалифицируется, когда один или более учеников бьют, пинают, толкают ребенка, когда действие носит недружелюбный или враждебный характер и когда этот второй ученик (жертва) не обладает необходимой силой или властью, чтобы дать отпор. Вербальной виктимизации идентифицируют тогда, когда ребенку неоднократно угрожают, дразнят, говорят обидные и оскорбительные вещи или обзывают [D. Olweus , 2001; M.O'Moore, C. Kirkham, 1993). Физическая и вербальная виктимизация являются самыми распространенными в детском возрасте, но, как оказалось, могут наблюдаться и в подростковом и юношеском возрастах (I. Whitney, P. K. Smith, 1993; T. W. Harachi, , R. E. Catalano, J. D. Hawkins, 1999).

Социальную виктимизация часто называют социальной агрессией (N. R. Crick, D.A. Nelson, 2002). Этот относительно недавно идентифицированный тип виктимизации может включать и физические, и вербальные действия, но ограничивающиеся только психологическими компонентами активного

игнорирования и манипуляцией отношений. Жертвы социальной агрессии – это дети, сверстники которых используют межличностные отношения как средство управления ими или нанесения вреда и ущерба (N. R. Crick, D.A. Nelson, 2002; P. K. Coleman, C. P. Byrd, 2003). Более конкретно социальная виктимизация предполагает преднамеренные попытки унизить чувство собственного достоинства другого человека, понизить его социальный статус, разрушить близкие отношения с помощью социальной изоляции или отвержения, распространение сплетен негативного характера, манипуляцию дружбой (I. Hyman, 1997; J. A. Paquette, M.K. Underwood, 1999; D. L. Espelage, S. M. Swearer, 2003; H. Mynard, S. Joseph, 2000). Другими словами, социальная виктимизация лишает жертв возможностей удовлетворить их потребность в социальном принятии, близости и дружбе в сфере взаимоотношений с окружающими. Поэтому социальная агрессия часто квалифицируется как самый пагубный тип виктимизации со стороны сверстников, потому что лишает учеников важных для социализации отношений и переживаний (P. K. Coleman, C. P. Byrd, 2003).

Опрос, проведенный Х.Майнард и С. Джозефом среди 11–16 летних детей, показал, что 43 % из них время от времени подвергались издевательствам. При этом 78 % мальчиков и 23 % девочек отметили, что стали жертвой преследования со стороны мальчиков; соответственно, 5 % и 40 % со стороны девочек и соответственно, 17 % и 37 % со стороны и мальчиков, и девочек (H.Mynard, S.Joseph , 2000). Затем более детально была изучена возрастная динамика физической и вербальной виктимизации, а также социального манипулирования и нападения на собственность у 7–11 летних детей (Рисунок 42, 43).

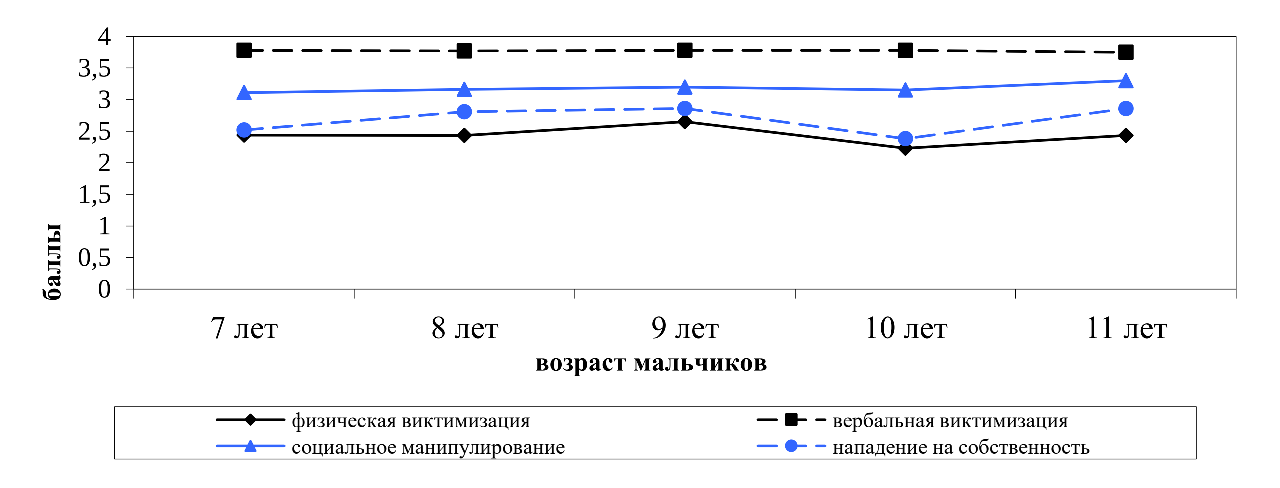

Рисунок 42 – Возрастная динамика основных форм виктимизации мальчиков (по H. Mynard и S. Joseph, 2000)

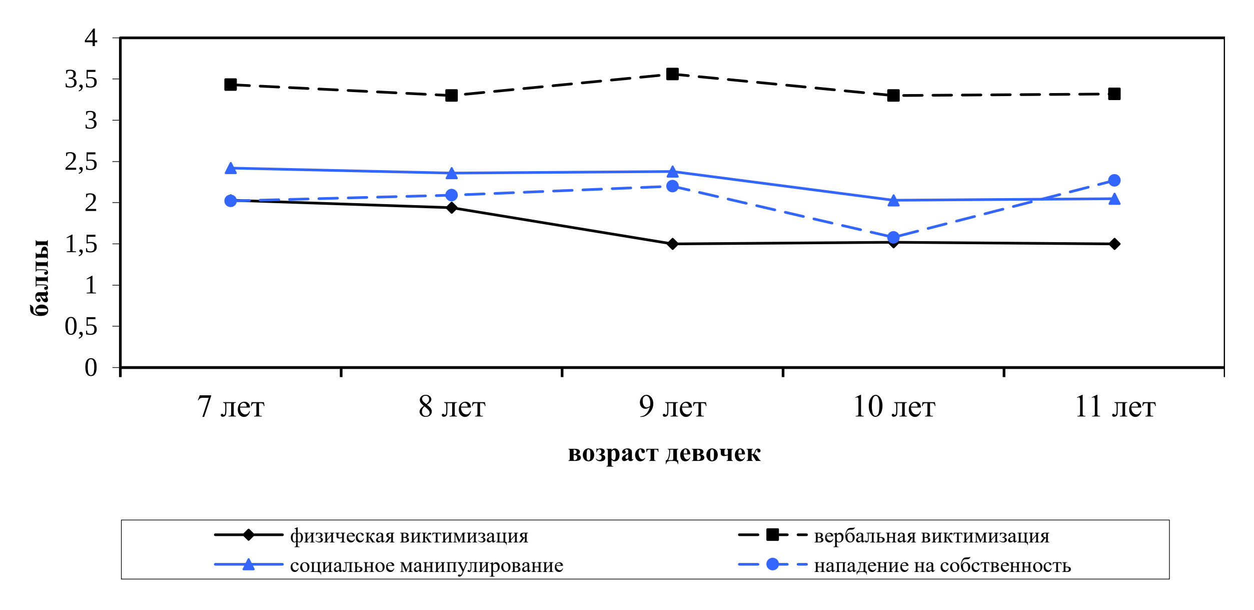

Рисунок 43– Возрастная динамика основных форм виктимизации девочек (по H. Mynard и S. Joseph, 2000)

Было установлено, что вербальная виктимизация является доминирующей вне зависимости от пола; мальчики в большей мере подвержены виктимизации, чем девочки вне зависимости от ее формы.

В других исследованиях было выявлено, что большинство школьников не являются жертвами агрессивных действий со стороны одноклассников (И.А.Фурманов, 2009). Вместе с тем можно обратить внимание, что независимо от возраста школьники чаще становятся жертвами вербальной виктимизации, социального манипулирования и нападений на собственность со стороны одноклассников. Реже всего они подвергаются физической агрессии (Рисунок 44).

Данные исследования показывают, что у мальчиков с возрастом снижается интенсивность физической виктимизации, социального манипулирования и нападений на собственность со стороны одноклассников (Рисунок 45).

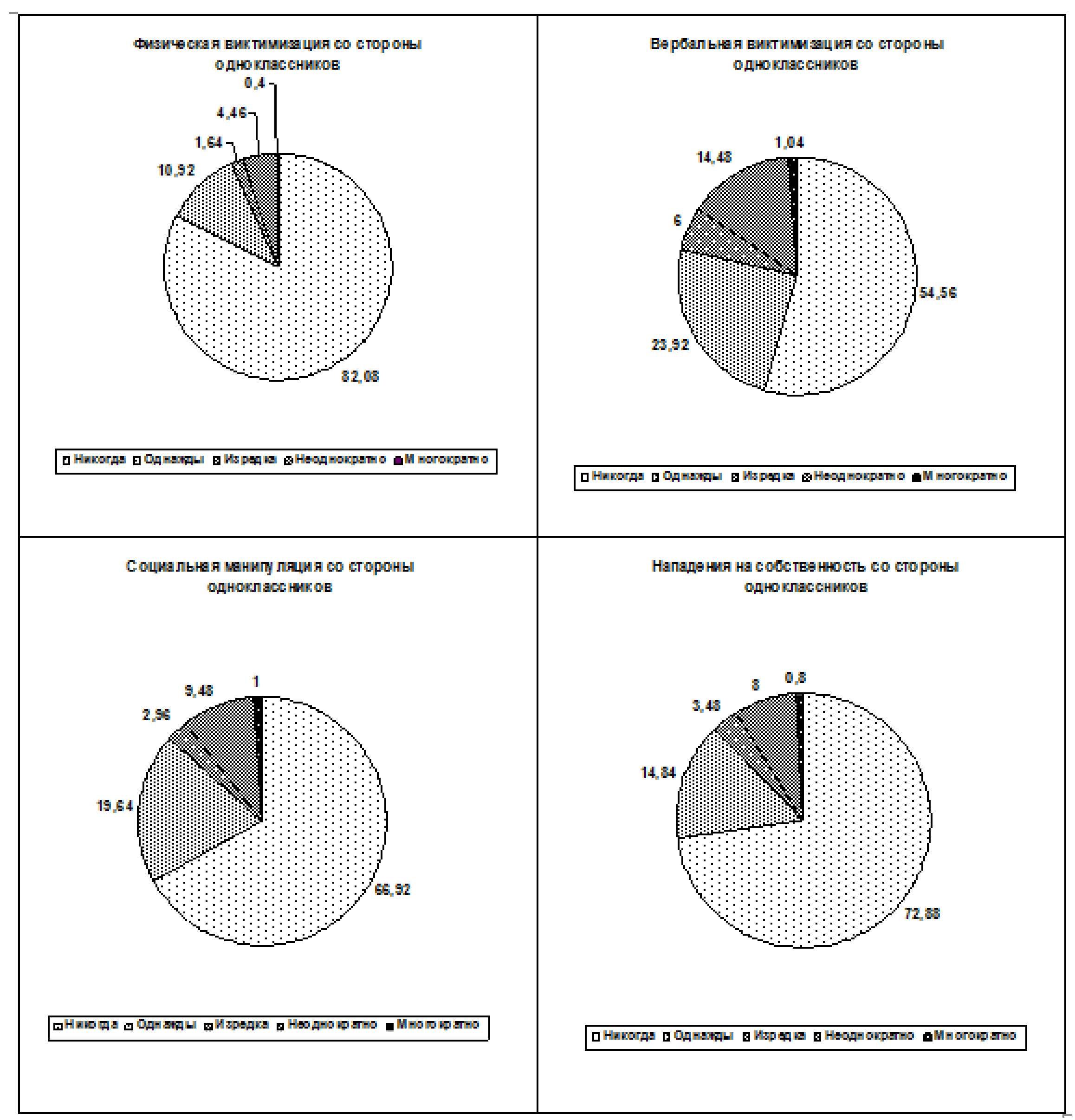

Рисунок 44 – Виды виктимизации школьников со стороны одноклассников вне зависимости от пола и возраста (в %)

Полученные данные свидетельствуют о том, что ситуация взаимоотношений мальчиков 5–6 классов с одноклассниками является наиболее виктимогенной. Тенденцию снижения виктимизации школьников от средних к старшим классам можно объяснить тем, что склонность мальчиков использовать в поведении всех видов агрессии в отношении окружающих уменьшается (И.А.Фурманов, 2007). Можно также согласиться с мнением о том, что жертвы виктимизации становятся более адаптивными, совершенствуя тактику приспособления, предотвращения или избегания насилия.

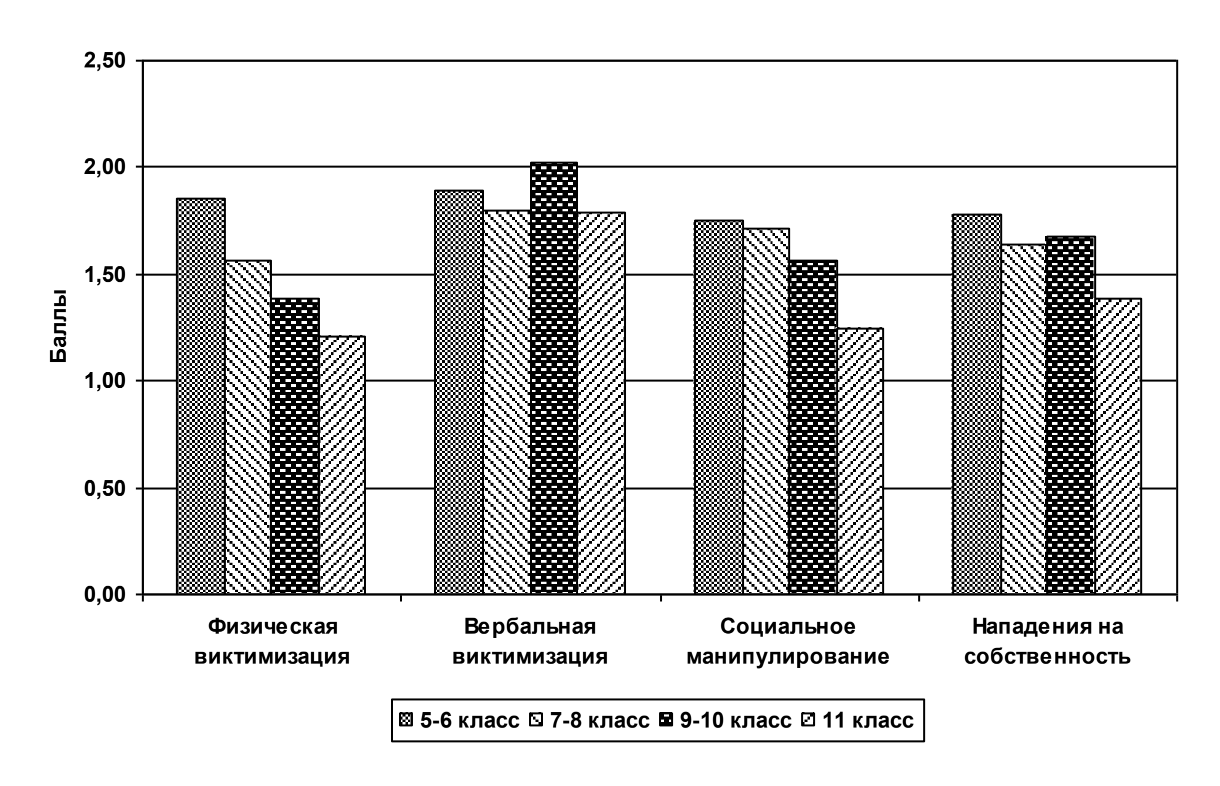

Рисунок 45 – Возрастная динамика виктимизации мальчиков со стороны одноклассников

Анализ форм виктимизации подтверждает выявленные тенденции: у младших школьников доминирующее положение занимают в основном формы физической виктимизации, а у старшеклассников вербальные. Кроме того, с возрастом можно отметить тенденции к существенному снижению мотивации к таким поступкам в отношении жертвы как драки, умышленное создание помех для осуществления активности, подговаривание других, чтобы они прекратили коммуникацию с жертвой, пинки ногами, толчки без всякой причины, угрозы избить, нанести увечья или травмы.

Несколько иные тенденции наблюдались в виктимизации девочек со стороны одноклассников (Рисунок 46). Представленные данные свидетельствовали о том, что в отличие от мальчиков, девочки независимо от возраста чаще становятся жертвами скрытой вербальной и косвенной агрессии со стороны одноклассников. С увеличением возраста у девочек можно отметить тенденции к существенному снижению мотивации к таким поступкам в отношении жертвы как обзывание, делание подлостей и гадостей, попытки сделать подножку, плевки, попытки сломать вещи жертвы, причинение физической боли.

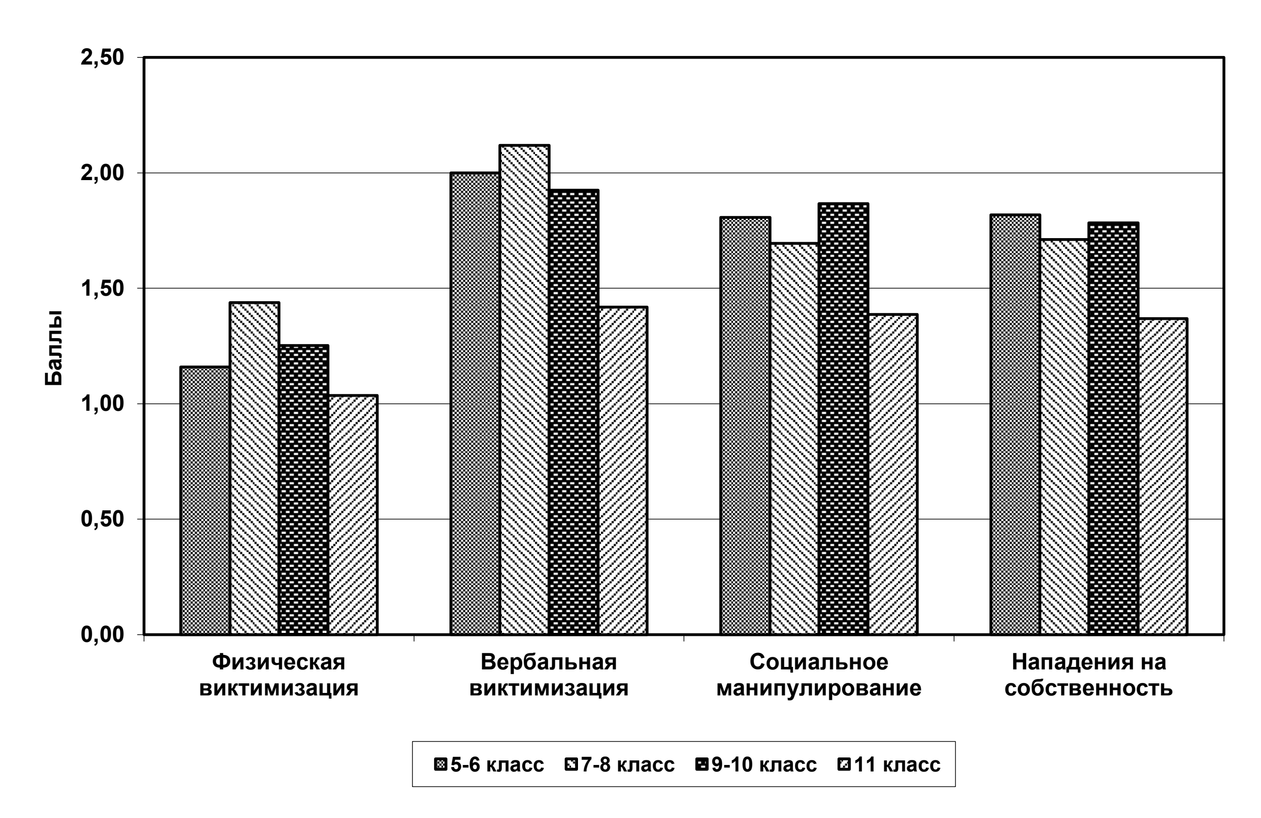

Рисунок 46 – Возрастная динамика виктимизации девочек со стороны одноклассников

Существенно, что в зависимости от гендера и возраста меняется соотношение использования агрессорами тех или иных видов насильственных действий против жертвы (K. Osterman, et al., 1998). Проведенные масштабные кросс–культурные исследования продтверждают это (Таблица 10).

Таблица 10 – Соотношение видов виктимизации детей различных возрастов (по K. Osterman, et al., 1998)

Возраст	Девочки	Мальчики
8 лет	физическая = вербальная = косвенная	физическая = вербальная > косвенная
11 лет	вербальная > косвенная > физическая	вербальная > физическая > косвенная
15 лет	косвенная > вербальная > физическая	вербальная > физическая > косвенная

Ролевое агрессивное взаимодействие

С.Монкс и др. провели исследование с целью изучить особенности ролевого поведения в ситуации издевательства (C. Monks, R. Ortega Ruiz, E. Torrado Val, 2002). Они выделили следующие роли детей:

– *Агрессор* – человек, который преследует, запугивает жертву.
– *Жертва* – человек, который подвергается агрессии.
– *Защитник* – человек, который находится на стороне жертвы и пытается оградить или защитить ее от агрессии.

– *Сторонник* – человек, который находится на стороне агрессора, но непосредственно не участвует в запугивании.

– *Наблюдатель* – человек, который соблюдает в ситуации издевательства нейтралитет и делает вид, что ничего не происходит.

Детям, учащимся начальной школы, в возрасте 4–6 лет демонстрировали мультфильмы со сценами агрессии между сверстниками. Сюжеты включали прямую межличностную агрессию (когда один ребенок, говорит другому, что они не могут играть вместе), прямую физическую агрессию (когда один ребенок бьет, пинает или толкает другого), косвенную межличностную агрессию (когда один ребенок распространяет неприятные слухи о другом) и прямую вербальную агрессию (когда один ребенок кричит и обзывает другого). После этого детей просили номинировать себя и сверстников на ту или иную роль. Учителей также просили номинировать детей в их классе на ту роль, которую они играют в агрессивной ситуации. Как показали исследования дети по разному оценивают роль себя и сверстников в ситуации издевательства (Рисунок 47). Кроме того, были обнаружены и половые различия: мальчики чаще выступали в роли «агрессора», а девочки в роли «защитника» и «наблюдателя».

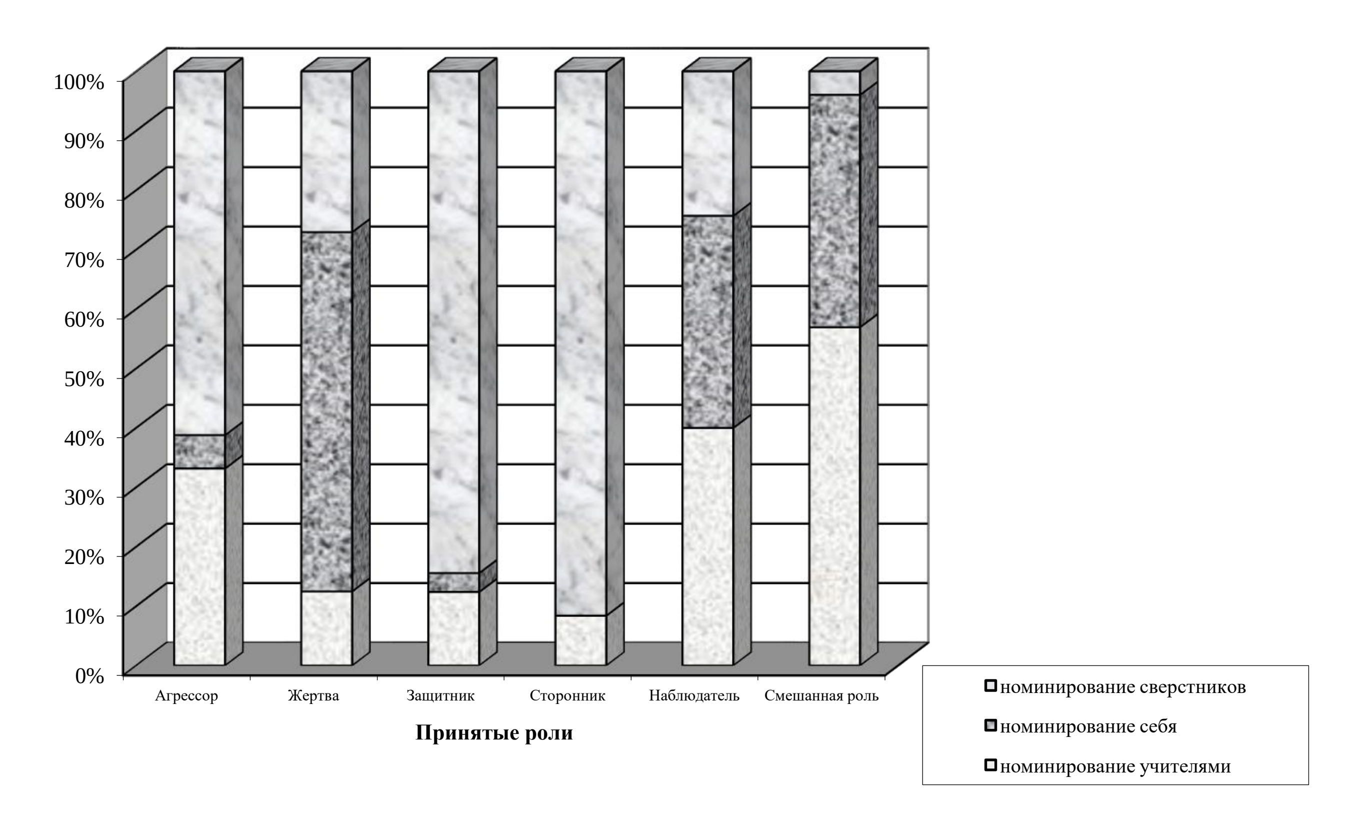

Рисунок 47 – Распределение принятых ролей в ситуации неоправданной агрессии (по C. Monks, R. Ortega Ruiz, E. Torrado Val, 2002)

Затем детям демонстрировали мультфильмы, в которых были изображены сцены с различными копинг–стратегиями жертвы в ситуации издевательства. К таким стратегиям совладающего поведения были отнесены: ответная агрессия (дать сдачи), бегство, обращение к другу за помощью, плач, бросание предметов в агрессора, жалобы взрослым. После этого детей спрашивали о типичных действиях в предъявленных ситуациях сверстников, которых они номинировали на роль жертвы (Рисунок 48). Существенных половых различий в выборе копинг–стратегий мальчиками и девочками обнаружено не было.

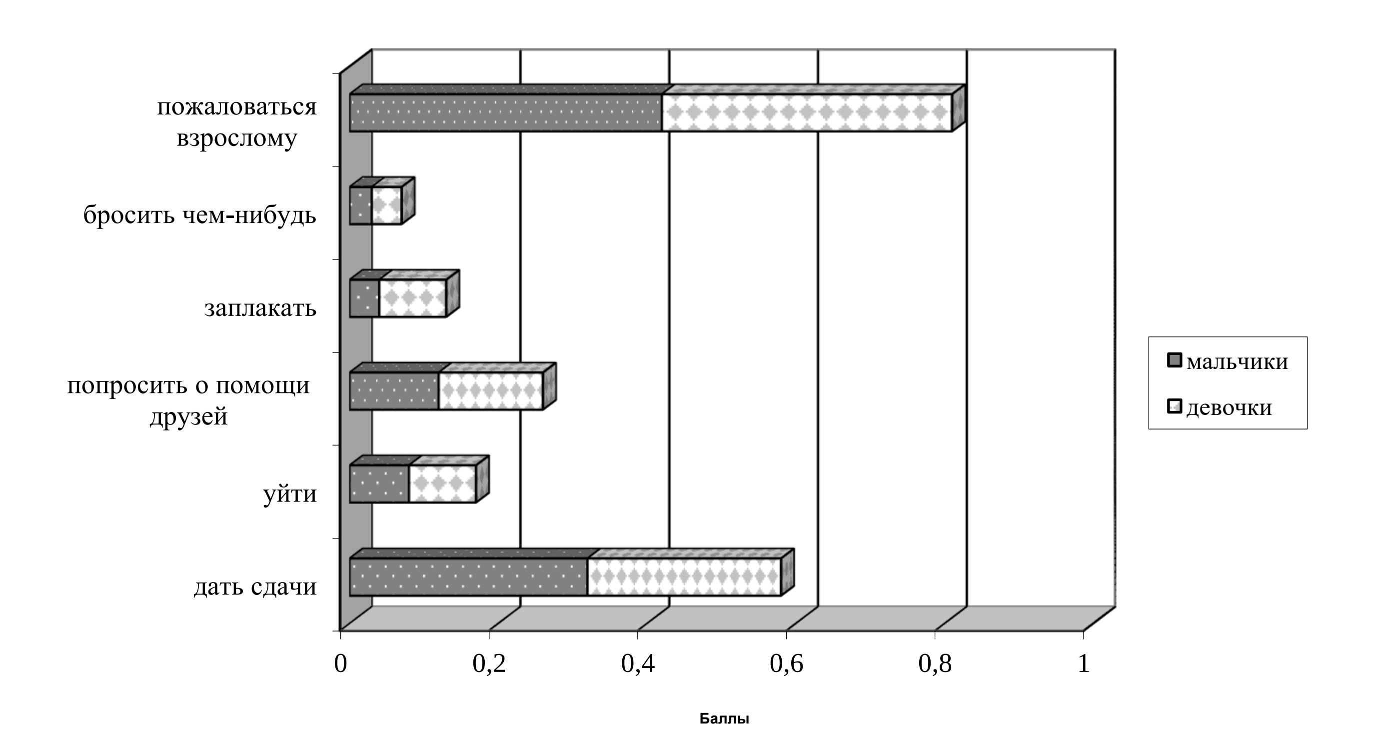

Рисунок 48 – Копинг–стратегии, используемые детьми при столкновении со сверстниками (по C. Monks, R. Ortega Ruiz, E. Torrado Val, 2002)

М.Е. Солберг и Д.Ольвеус изучили возрастную динамику виктимизации школьников. Было установлено, что вне зависимости от возраста мальчики чаще выступают в качестве преследователя, а девочки в качестве жертвы издевательств (Рисунок 49). Кроме того, у «жертв» был обнаружен значимо более высокий уровень социальной дезадаптации, негативной самооценки и депрессивных тенденций, а у «преследователей» – агрессии и асоциального поведения (M. E.Solberg, D. Olweus, 2003).

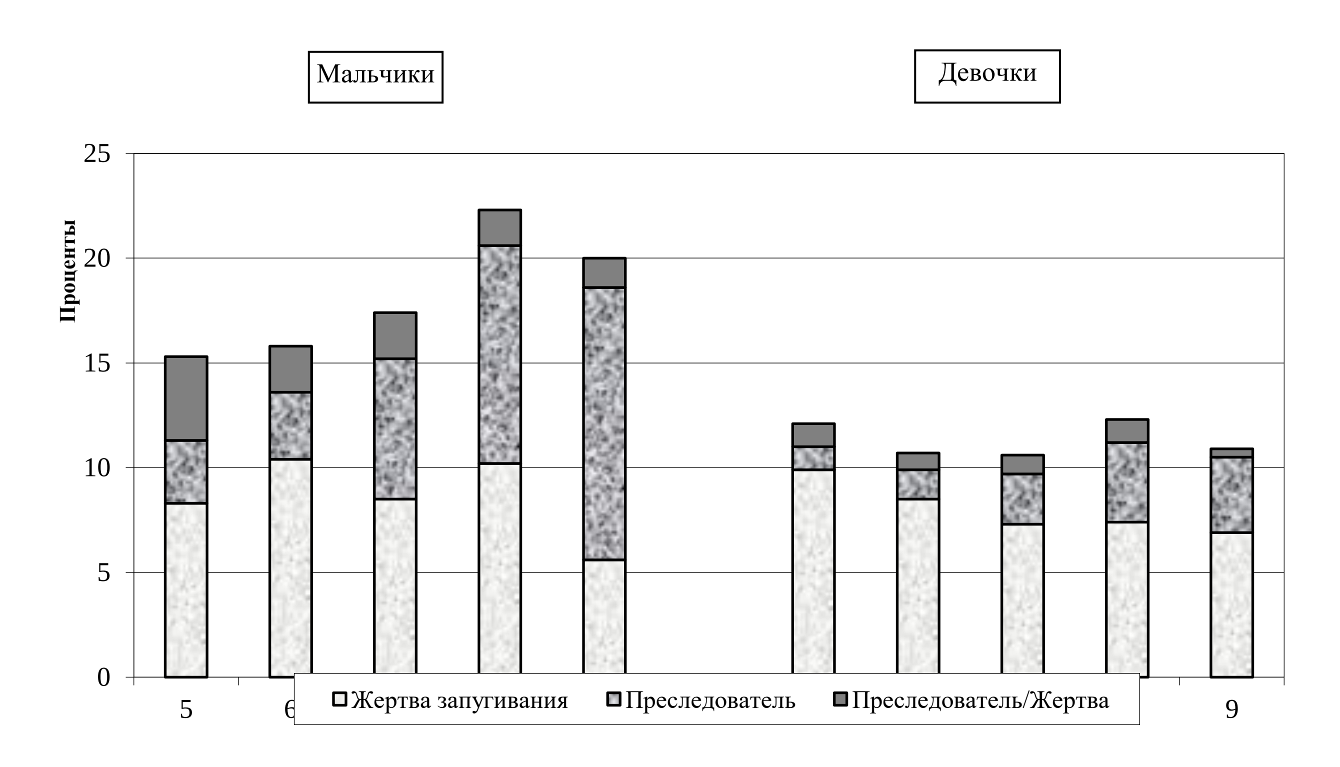

Рисунок 49 – Соотношение ролей во взаимоотношениях со сверстниками в зависимости от пола и возраста (по M. E.Solberg, D. Olweus, 2003)

Е. Роландом и др. (E. Roland, T. Idsoe, 2001) были проведены исследования по изучению зависимости между издевательствами и двумя различными видами агрессивности: реактивной как тенденцией демонстрировать негативное поведение, мотивированное гневом, и проактивной как тенденцией напасть на кого–то с целью получения некоторой материальной или социальной выгоды (L. Berkowitz, 1993; K.A. Dodge, 1991; R. Lazarus, 1991; J. Sutton et al., 1999).

Исследования проводились на пяти– и восьмиклассниках с целью доказательства модели взаимозависимости между издевательствами и агрессивностью (Рисунок 50). Было установлено, что влияние реактивной агрессивности на подверженность издевательству и стремление проявлять такого рода насилие снижается от пятого к восьмому классам. При этом влияние проактивной агрессивности усиливается на поведение агрессоров и уменьшается на поведение жертв. Эти результаты доказывают, что указанные виды агрессивности вне зависимости мальчик это или девочка дают возможность предсказать, кто в дальнейшем может стать агрессором, а кто жертвой издевательств.

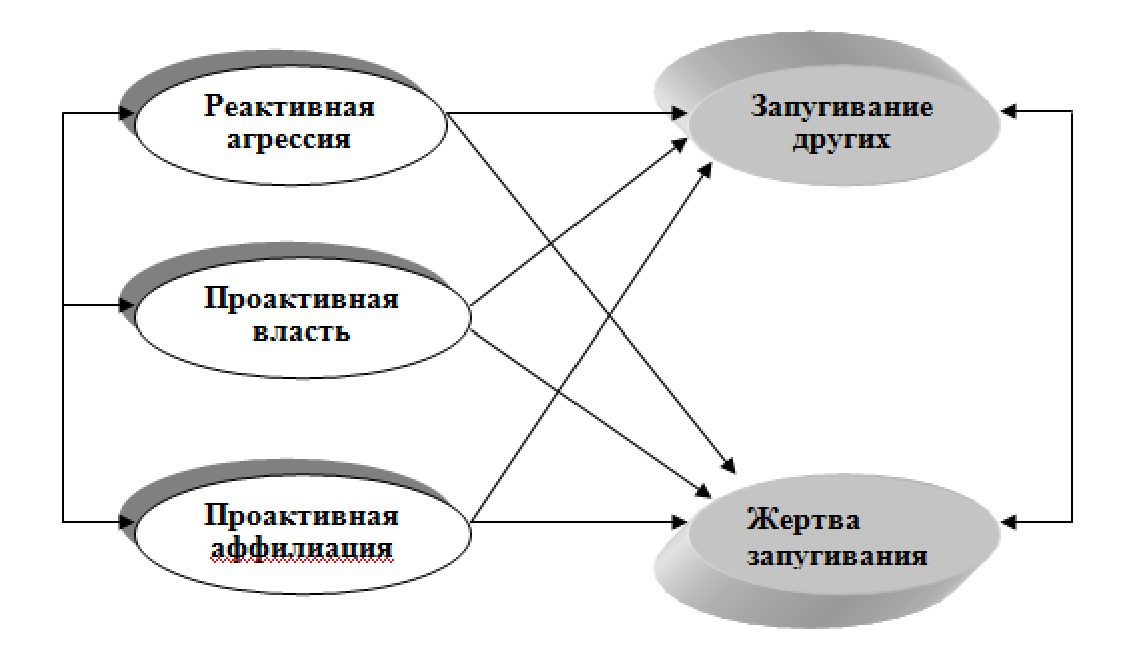

Рисунок 50 – Модель взаимосвязи между различными видами агрессивности и запугивания

Взаимосвязь между реактивной агрессивностью и подверженностью издевательствам для мальчиков и девочек отличается несущественно. Вместе с тем, проактивная агрессивность, ориентированная на получение власти, является более лучшим предиктором для прогнозирования наклонности к издевательству для мальчиков, чем для девочек, в то время как проактивная агрессивность, ориентированная на аффилиацию (привязанность, дружескую поддержку, симпатию), наоборот, для девочек.

Возможным объяснением, выявленных закономерностей, является то, что школьники, склонные к издевательствам, могут быть физически более сильными, чем их жертвы и у них меньше ограничителей к проявлению

агрессии в отношении к окружающим (D. Olweus, 1978). Кроме того, как показывают исследования, агрессоры менее тревожны, имеют более высокое интеллектуальное развитие, более высокую уверенность в себе и более высокий социометрический статус, чем жертвы (K. Bjorkqvist, et al., 1982; D. Olweus, 1978, 1993). Помимо этого полученные данные хорошо согласуются с результатами некоторых гендерных исследований агрессивности: власть и доминирование более значимы для мальчиков и мужчин, чем для девочек и женщин, в то время как близкие отношения и привязанность более важны для женщин, чем для мужчин (H. Holter, 1982; E.E. Maccoby и C.N. Jacklin, 1975, 1980).

Большинство исследований посвящено изучению личности и поведения «классических» агрессоров и жертв. Вместе с тем, существуют и другие группы школьников, которые отличаются «смешанным» поведением – провоцирующие жертвы (D. Olweus, 1973, 1978), преследователи–жертвы (I. Whitney и P.K.Smith, 1993) или агрессивные жертвы (A. Pellegrini et al., 1999; D. Perry et al., 1988). Эти категории преследуемых детей не только являются объектом агрессии других, но и сами проявляют агрессию. Главной отличительной особенностью таких детей является комбинация тревоги и агрессивных паттернов поведения (D. Olweus, 1991), а также высокая эмоциональность и неуравновешенность (K.A. Dodge, 1991; D. Schwartz et al., 1998). Кроме того, они отличаются от «классических» жертв тем, что, например, имея те же психологические и психосоматические проблемы, преследователи–жертвы демонстрируют высокий уровень экстернальных поведенческих реакций и гиперактивности (K. Kumpulainen et al., 1998). Именно поэтому они могут быть достаточно длительное время быть вовлеченными в ситуацию, связанную с издевательством.

В исследованиях Х.Сальмивалли и Е.Ниеминен (C. Salmivalli, E. Nieminen, 2002) сверстников и учителей просили отнести школьников к определенной категории, а затем оценить их по показателям реактивной и проактивной агрессии. Было установлено, что самые высокие показатели как по оценкам одноклассников, так и учителей имеют школьники категории «преследователь/жертва» и чуть более низкие – «преследователь» (Рисунок 51). Более того было зафиксировано единодушное мнение, что для детей 10–13 лет независимо от категории более характерны реактивные нежели проактивные агрессивные реакции.

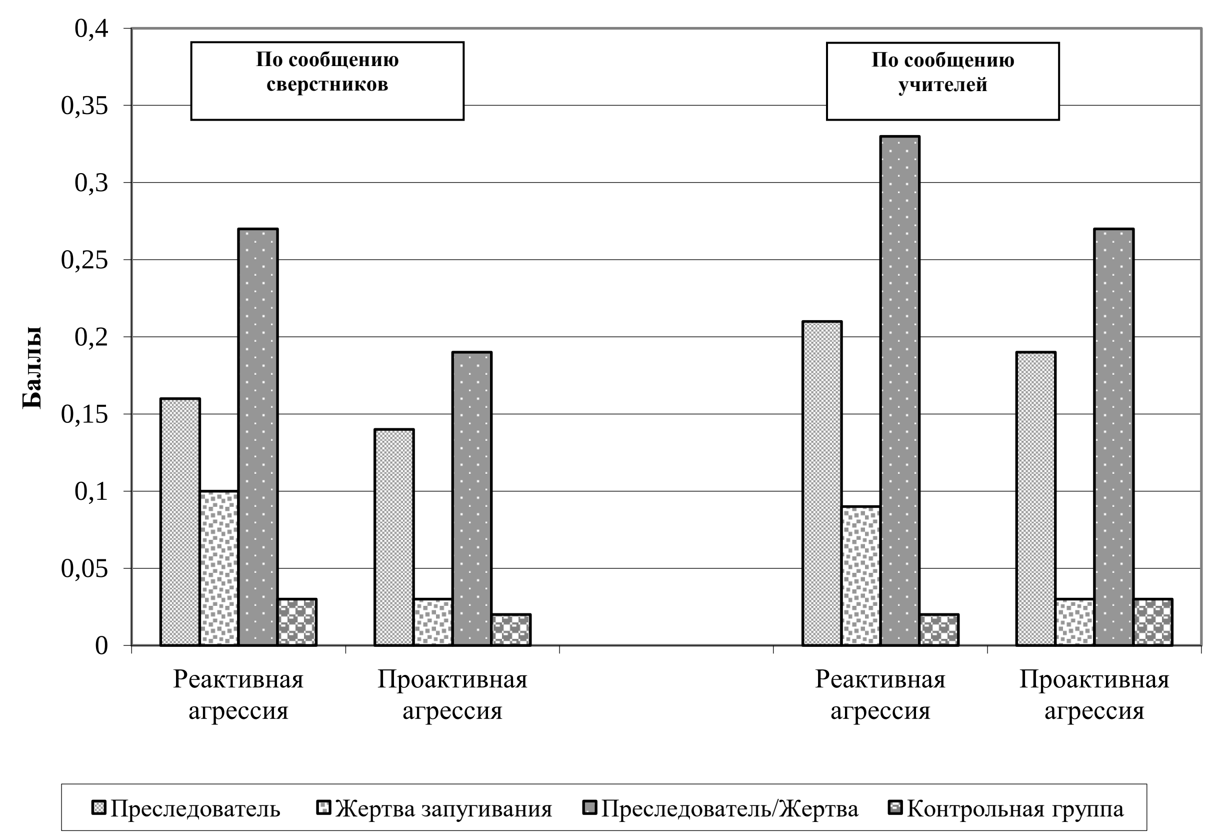

Рисунок 51 – Показатели проявления реактивной и проактивной агрессии у различных категорий детей (по C. Salmivalli, E. Nieminen, 2002)

Личностные характеристики жертв и агрессоров

Личность жертвы. Жертвой может стать любой ребенок, но обычно для этого выбирают того, кто слабее или как-то отличается от других. Наиболее часто жертвами школьного насилия становятся дети, имеющие:

Физические недостатки. Детей с физическими недостатками– носящих очки, имеющих пониженный слух, с нарушениями осанки, координации или движений (например, при ДЦП), то есть тех, кто не может адекватно ответить обидчику и защитить себя;

Особенности поведения. Мишенью для физических и вербальных издевательств часто становятся необщительные, застенчивые и замкнутые дети

или, наоборот, дети с импульсивным поведением. Жертвы издевательства обычно описываются как неагрессивные, застенчивые, пассивные, покорные, интровертированные дети (D. Olweus, 1973, 1978, 1991). Часто гиперактивные дети бывают чрезмерно назойливыми, при этом более наивными и непосредственными, чем их сверстники. Они слишком глубоко проникают в личное пространство других детей и взрослых: влезают в чужие разговоры, игры, навязывают свое мнение, нетерпеливы в ожидании своей очереди в игре и т. д. По этим причинам они часто вызывают раздражение и гнев сверстников, становясь жертвами агрессии. Гиперактивные дети могут быть как жертвами, так и насильниками, а нередко и теми и другими одновременно;

Особенности внешности. Все то, что выделяет ребенка по внешнему виду из общей массы, может стать объектом для насмешек: рыжие волосы, веснушки, оттопыренные уши, кривые ноги, особенная форма головы, вес тела (полнота или худоба) и т. д.;

Плохие социальные навыки. Есть категория детей, которых не способны к защита от вербального и физического насилия в следствие недостаточного опыта общения и самовыражения. По сравнению со сверстниками, у которых социальные навыки развиты достаточно хорошо, дети с неразвитыми социальными навыками легче принимают роль жертвы. Принявший роль жертвы смиряется с ситуацией как с неизбежностью, часто даже внутренне находит оправдание насильнику.

Страх перед школой. Чаще всего возникает у тех детей, кто идет в школу с отрицательными социальными ожиданиями в отношении нее. Иногда этот страх индуцируется от родителей, у которых самих были проблемы в школьном возрасте. Пусковым механизмом возникновения страха могут стать рассказы о злой учительнице и плохих оценках или постоянная угроза наказания за плохие оценки. Ребенок, проявляющий неуверенность и страх перед школой, легче становится объектом для издевок одноклассников;

Отсутствие опыта жизни в коллективе («домашние дети»). Дети, не посещающие до школы детский коллектив, могут не иметь необходимых навыков, позволяющих справляться с проблемами в общении. При этом часто они могут превосходить своей эрудицией и умениями детей, ходивших в детский сад;

Болезни. Существует масса расстройств, которые вызывают насмешки и издевательства сверстников: эпилепсия, тики и гиперкинезы, заикание, энурез, энкопрез (недержание кала), нарушения речи — дислалия (косноязычие), дисграфия (безграмотное письмо), дислексия (нарушение обучению чтению), дис-калысулия (нарушение обучению счету) и т. д.;

Низкий интеллект и трудности в обучении. Низкие способности детерминируют и более низкую обучаемость ребенка. Плохая успеваемость

формирует низкую самооценку. Низкая самооценка в одном случае может способствовать формированию роли жертвы, а в другом — насильственному поведению как варианту компенсации (S.R.Asher, K.A.Dodge, 1986).Таким образом, ребенок с низким уровнем интеллекта и трудностями в обучении может стать как жертвой школьного насилия, таки насильником.

Поскольку физические наказания в школах запрещены, психологическое насилие становится специфической формой воспитательного воздействия на детей (F.Briggs и R.M.F.Hawkins 1996). Различные исследования показывают, что достаточно большой процент учителей использует психологическое насилие в соединении с другими карательными методами дисциплинирования как средства давления и контроля (S.N.Hart, R.B.Germain, M.R. Brassard, 1987; F.Briggs и R.M.F.Hawkins 1996).

К различным формам психологического насилия, используемого учителями относятся: ограничение туалетного поведения для маленьких детей; угрозы сообщить родителям о неблаговидном поведении ребенка или об неудовлетворительной отметке его работы; дистанцирование ребенка, лишение его возможности выполнить задание или принять участие в каком–либо классном мероприятии; вербальные оскорбления детей; приставания и «бесконечные цепляния»; стигматизация, т.е. «навешивание ярлыков» таких как «трудновоспитуемый», «глухой» или «тупой»; повышение голова и покрикивание на детей; принуждение детей выполнять задания, которые не соответствуют уровню их развития и пр.

Ф.Бриджс и Р.Хоукинс (F.Briggs и R.M.F.Hawkins 1996, p.37) к действиям, относящимся к психофизическому насилию, причисляют также ущимление прав, хватание и дергание детей за уши; использование устрашающих методов контроля детьми, качание стульев под детьми и пр.

Личность агрессора (преследователя). Преследователи чаще всего агрессивны не только по отношению к жертве в школе, но также и во многих других контекстах отношений, то есть, к другим сверстникам, сиблингам, взрослым и в целом характеризуются как агрессивные и антиобщественные личности. Агрессоры имеют позитивное отношения к насилию (K. Lagerspetz et al., 1982) и потребность доминировать над другими и низкий уровень эмпатии (D. Olweus, 1978), а стремление запугивать сверстников отличает как детей с реактивной, так и проактивной агрессией (A. Pellegrini et al., 1999).

В формировании личности агрессрора большую роль играют внутрисемейные факторы. Большой риск склонности к насилию обнаруживается у детей, которые происходят из следующих семей.

Неполные семьи. Ребенок, воспитывающийся родителем-одиночкой, больше склонен к применению эмоционального насилия по отношению к другим детям. Причем девочка в такой семье достоверно чаще будет применять к другим эмоциональное насилие, чем мальчик.

Семьи, в которых у матери отмечается негативное отношение к жизни. Матери ребенка, недоверчиво и враждебно к окружающим и школе, обычно не желают сотрудничать с учителями. В связи этим насильственные действия ребенка в школе матерью не осуждается и не корректируется. В таких случаях матери склонны оправдывать насилие как естественную реакцию на общение с «врагами».

Авторитарные семьи. Воспитание в условиях авторитарной и доминирующей гиперпротекции характеризуется безусловным подчинением ребенка воле родителей. Поэтому дети в таких семьях зачастую настолько задавлены, что школа служит одним из каналов, через который они выплескивают внутренне подавляемые гнев и страх.

Конфликтные семьи. В семьях, где взрослые часто ссорятся и ругаются, стремясь агрессивно самоутвердиться в присутствии ребенка, сработает «модель научения». Фрустрирующая и тревожная атмосфера семьи заставляет ребенка защищаться, вести себя агрессивно. В таких семьях практически отсутствует взаимная поддержка и близкие отношения. Дети из семей, в которых практикуется насилие, оценивают насильственные ситуации иначе, чем другие дети.

Семьи с генетической предрасположенностью к насилию. У детей разная генетическая основа толерантности (переносимости) стресса. У детей с низкой толерантностью к стрессу обнаруживается большая предрасположенность к насильственным действиям.

Родительская депривация. Исследования показывают, что дети, воспитанные в условиях родительской депривации, дети социальные сироты, позднее склонны к большему насилию, чем дети, воспитывающиеся в нормальных семьях.

Низкая успеваемость. Также является фактором риска проявлений насилия. Исследования показали, что хорошие отметки по предметам положительно коррелируют с более высокой самооценкой. Для мальчиков успеваемость в школе не столь значима и в меньшей степени влияет на самооценку. Для них более важно быть успешным в спорте, внешкольных мероприятиях, походах и др. видах деятельности. Неуспевающие девочки имеют больший риск проявления агрессии по отношению к сверстникам, чем мальчики с плохой успеваемостью.

Школьному насилию также способствуют анонимность больших школ и отсутствие многообразия выбора образовательных учреждений, плохой

микроклимат в учительском коллективе, равнодушное и безучастное отношение учителей.

Последствия школьного насилия

Независимо от формы агрессии, издевательства в школе – источник серьезного психического напряжения для некоторых детей, который сказывается на их самочувствии. Вред издевательства для психического здоровья неоднократно подвергающихся агрессии школьников доказывается многими исследованиями. Например, было выявлено, что виктимизация сверстников положительно связано с депрессией, одиночеством, тревогой и негативно связано с уровнем самооценки и позитивностью Я-концепции в целом (O.S.J.Hawker, M.J. Boulton, 2000). Ощущение себя несчастным и суицидальные идеи также тесно связаны с виктимизацией (K. Rigby, 1996).

Школьное насилие оказывает на детей как прямое, так и косвенное влияние.

Нарушение дружеских отношений. Длительные школьные издевки сказываются на собственном «Я» ребенка. Падает самооценка, он чувствует себя затравленным. Такой ребенок в дальнейшем пытается избегать отношений с другими людьми. Часто бывает и наоборот — другие дети избегают дружбы с жертвами насилия, поскольку боятся, что сами станут жертвами, следуя старой учительской логике: «Каков твой друг — таков и ты». В результате этого формирование дружеских отношений может стать проблемой для жертвы, а отверженность в школе нередко экстраполируется и на другие сферы социальных отношений. Такой ребенок и в дальнейшем может жить по «программе неудачника».

Снижение статуса. Попадание в роль жертвы является причиной низкого статуса в группе, проблем в учебе и поведении. У таких детей высок риск развития нервно-психических и поведенческих расстройств. Для жертв школьного насилия чаще характерны невротические расстройства, депрессия, нарушения сна и аппетита, в худшем случае возможно формирование посттравматического синдрома.

Нарушение процесса идентичности. У подростков школьное насилие вызывает нарушения в развитии идентичности. Длительный стресс порождает чувство безнадежности и безысходности, что, в свою очередь, является благоприятной почвой для возникновения мыслей о суициде.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое буллинг?
2. Дайте определение виктимизации?
3. Назовите возможные модели взаимоотношений в классе, предполагающих виктимизацию?

4. Какие виды ролевого поведения используются в агрессивном взаимодействии?

5. Каковы личностные характеристики жертв и агрессоров в ситуации школьного насилия?

6. Кратко опишите психологические последствия школьного насилия?

СУПРУЖЕСКОЕ НАСИЛИЕ

Супружеское насилие не имеет никаких экономических, образовательных, расовых или религиозных границ. Оно может происходит в семьях всех слоев общества. Причем в качестве насильника и жертвы могут выступать как мужчины, так и женщины. Однако, несмотря свидетельства статистики, что насилие над женами более распространенное явление, все же некоторые жены могут представлять серьезную реальную угрозу для их мужей.

Супружеское насилие в целом – это неправомерное использование употребление силы, власти и контроля, это попытка принуждать и управлять супругом через физическое или психологическое воздействие.

По данным социологических исследований, проведенных в нашей стране, 24,2 % женщин и 22,1 % мужчин указали на то, что они испытывали физическое, 83,2 % и 79,7 % - психологическое, 13,1 % и 5,7 % - сексуальное насилие со стороны супругов или партнеров.

К наиболее распространенным факторам, приводящие к насилию в супружеских отношениях можно отнести следующие:

1) конфликтность и постоянные ссоры в семье;
2) вербальная агрессия во взаимоотношениях супругов;
3) борьба за власть и доминирование в семье;
4) низкий социально-экономический статус семьи;
5) ригидность во взаимодействиях и взаимоотношениях партнеров.

Физическое воздействие

Физическое воздействие включает – истязания, пытки, избиение, толчки, царапание, кусание, хватание, удушение, посягательства сексуального характера, использование холодного и огнестрельного оружия.

Если рассмотреть феномен физического насилия в супружеских отношениях, то можно отметить, что все еще существующий патриархальный уклад семейной жизни, а также большая физическая сила мужчины достаточно четко определяют, кто в семье выступает в роли агрессора, а кто – жертвы. Исходя из этого, например М.П. Джонсон (M.P.Johnson, 1995), предлагает различать партиархальный терроризм (когда мужчина, мотивируемый стремлением к контролю, длительное время использует физическую агрессию в отношении супруги) и обычное супружеское насилие (которое предполагает проявления взаимной агрессии, возникающей в результате конфликтных отношений в семье и не связанных с удовлетворением потребности в контроле).

Совершенно очевидно, что в супружеских отношениях в роли жертвы выступают женщины. К факторам, которые увеличивают риск физического или сексуального насилия над женой, относятся следующие:

1. Чаще всего жены подвергаются нападению в семьях, в которых возраст супругов находится в диапозоне 18-24 лет, а также в семьях, где стаж супружеской жизни менее двух лет 6.
2. Супруги, которые в детстве были свидетелями насилия между отцами и матерями.
3. Алкоголь может влиять, но не является очевидным фактором, провоцирующим супружеское насилие. Например, чуть в более чем половине насильственных действий партнер по супружеским отношениям был в состоянии опьянения. Однако установлено, что в случаях, когда агрессор был в состоянии опьянения, жертва подвергалась более серьезным повреждениям.
4. В большинстве случаев женщины становились жертвой насилия или даже убийства после того, как они высказывали угрозу расторгнуть брак.
5. Риск, подвергнуться физическому насилию со стороны партнера восемь раз выше для женщин, находящихся в гражданском, чем в зарегистрированном браке.
6. Жены мужья, которых убеждены, что имеют полное право управлять действиями своих партнеров, в большей степени рискуют быть подвергнуты насильственым действиям.
7. Когда друзья мужа , убеждены, что он должен быть «мужиком» и одобряют использование физической силы, чтобы «показать жене ее место», с большей вероятностью будет прибегать к физической агрессии на протяжении всей супружеской жизни.

Психологическое воздействие

Психологическое воздействие включает – многообразные разновидности принуждения (коммуникативного, сексуального, экономического и пр.), основу которых составляют вербальная и косвенная агрессии и различные формы проявления негативизма.

Наряду с другими видами насилия в семье, психологическое – является наиболее распространенным. Вместе с тем, в отличие от сексуального и физического насилия, о нем упоминают меньше всего. Отчасти причина такого умалчивания состоит в том, что многие формы коммуникации между супругами, которые оцениваются как нормальные и допустимые, в действительности являются деструктивными и разрушительными для супружеского взаимодействия и достаточно травматичными по своим

последствиям для каждого партнера. Многие супруги, возможно, даже не догадываются, что являются жертвами психологического насилия.

Анализ литературы (P. Hoffman, 1984; M. T. Loring, 1994; L. L. Marshall, 1994; F. A. Rodenburg, J. W. Fantuzzo, 1993; D. J. Sonkin, D.Martin, L. E. Walker, 1985; R. M. Tolman, 1989) показал, что не существует общепринятого определения психологического насилия. В отличие от физического или сексуального насилия, где единичный инцидент конституирует насилие, психологическое насилие определяется серией инцидентов, или паттерном поведения, которые проявляются в течение некоторого времени. Исходя из имеющихся данных, психологическое насилие – это серия повторяющихся инцидентов (преднамеренных или нет), в которых человека оскорбляют, изолируют, принижают, унижают, контролируют или угрожают ему.

Как и многие другие формы насилия, проявляющиеся в межличностных отношениях, психологическое насилие базируется на власти и контроле (И.А.Фурманов, 2004). Вместе с тем, такое понимание этого феномена является довольно общим и широким. Чаще всего к психологическому насилию относят все модели поведения, которые можно квалифицировать как дезадаптивные и дисфункциональные, но никак не собственно насильственные.

Д. Скотт и другие (D. Scott, L. Walker, K.Gilmore, 1995) выделяют шесть источников власти, которые поддерживают неравные отношения между мужчинами и женщинами:

1. *Нормативная власть*. Мужчины контролируют традиционные половые роли, то есть мужчины являются сильными, доминантными и интеллектуальными, а женщины– мягкими, чувствительными и заботливыми.

2. *Институциональная власть*. Мужчины контролируют основные институты социализации и социального управления, например, экономика, образование, политика и пр.

3. *Власть подкрепления*. Через реализацию нормативной и иституциональной власти мужчины либо вознаграждают женщин, которые соответствуют традиционным половым ролям, либо отказывают в поощрении тем, кто этого не делает.

4. *Экспертная власть*. Мужчины являются экспертами в большинстве областей жизнедеятельности, и таким образом выступают в качестве знатоков.

5. *Психологическая власть*. Социальное положение мужчин создает почву для занятия более высокого положения в обществе, чем женское социальное положение.

6. *Власть силы*. Многие мужчин имеют лучшие физические кондиции и сильнее верят в «универсальность» физической силы, чем это делают женщин.

Существует по крайней мере две точки зрения на толкование феномена психологического насилия. Первая – *социополитическая*, с научной позиции не совсем удачная, поскольку представляет проблему психологического насилия как проблему эксплуатации человека человеком и нарушение равновесия сил между партнерами по взаимодействию. При таком подходе главная цель психологического насилия интерпретируется как стремление к получению и поддержке возможности контроля и власти, а не как результат психологических нарушений личности и системы взаимоотношений. В частности, например с позиций правозащитных организаций любое воспитательное воздействие родителя по отношению к ребенку можно трактовать как психологическое насилие. Или, позиция профиминисток, которая концентрируются на сексистских, женофобских установках мужчин–насильников, а также на их стремлении девальвировать женщину и утвердить привелигированность мужского положения в обществе.

Вторая точка зрения – *психологическая*, которая предполагает перемещение акцента, во-первых, на психологические последствия насилия, в частности, на наличие глубоких негативных эмоциональных переживаний и психологической травмы, возникающей в результате депривации или фрустрации потребности в безопастности, а в во-вторых, более четкое разграничение черт насильника и ненасильника, насильника и его жертвы, опираясь на определенные психологические характеристики личности, а, в-третьих, на дифференцировку факторов социального окружения. Кроме того, психологический подход допускает и более широкий спектр объяснения причин возникновения психологического насилия, как с точки зрения влияния личностных, так и ситуативных детерминант.

Анализ литературы по обсуждаемой проблеме и данные собственных исследований в этой области показывают, что большинство авторов [D. Dmitrijeva 2004, D. R.Follingstad, D. D. Dehart 2000, G.NiCarthy 1986, F. A. Rodenburg, J. W. Fantuzzo, 1993; D. J.Sonkin, D.Martin, L. E. Walker, 1985; R. M. Tolman, 1989; L. E. Walker, 1984) сходятся во мнении, что ***паттерн психологического насилия*** можно описать как террор и запугивание человека; принуждение делать что-либо; помещение или угроза поместить человека в опасные для жизни условия; отказ замечать присутствие человека, признавать его значимость и достоинство; коммуникация с целью демонстрации его бесполезности; обесценивание его мыслей, чувств и поступков; оскорбление, издевательство, обращение только по кличке, передразнивание, инфантилизация; физическое заточение; запрет на нормальные контакты с другими, ограничение свободы человека; развращение; эмоциональная холодность.

Д.Дж. Сонкин (D.J. Sonkin, 2004) для диагностики уровня психологического насилия предлагает использовать оценку и описание этого феномена по 17 диагностическим критериям, сгруппированых в 3 большие категории.

Категория А. ***Высокий риск психологической травмы - Преступное поведение.*** Она включает *угрозы причинить повреждения или сильно избить; угрозы оружием, угрозы убийства партнера, членов семьи, других людей или самого себя и терроризирование этим, преследование, приставание в агрессивной и высокомерной манере*.

Категория В. ***Умеренный риск психологической травмы - Запугивающее поведение.*** Она включает *угрозы изоляции* (запреты на встречи и общение с друзьями или членами родительской семьи; принуждение оставаться дома или запрещение покидать дом без сопрвождения партнера; ограничение возможности получения психологической и финансовой поддержки от членов родительской семьи, родственников или друзей); *действия, представляющие угрозу самочувствию и приводящие к истощению* (лишение возможности заснуть, принуждение бодрствовать всю ночь в течение ссоры; пробуждение, поднятие с постели для выяснения отношений или совершения физического или сексуального насилия; принуждение делать всю работу по дому; создание помех нормальному отдыху и лишение личного времени; принуждение играть роль прислуги, лишение возможности заботиться о детях); *сверхконтроль* (проявление патологической ревности; потребность знать, где супруга находится все время и с кто с ней; обвинения в том, что она проводит время с другими людьми; стремление посмотреть на этих людей или познакомиться с ними; слежка; управление финансами таким образом, чтобы супруг/а не могла бросить партнера (была полностью зависимой), преследование ее после разделения имущества или развода); *словесные унижения, оскорбления, обзывания, отрицание прав и непризнание авторитета и ценности*; *принуждение к употреблению или поощрение употребления алкоголя, наркотиков или других лекарственных и химических препаратов; использование запугивания* (включая агрессивные жесты и мимику, разбивание вещей, разрушение собственности, насилие над домашними животными).

Категория С. ***Низкий риск психологической травмы - Дисфункциональное поведение.*** Она включает *использование мужского (женского) привилегированного положения* (требование подобострастия; отношение как к прислуге; сохранение за собой последнего слова; следование устойчивой полоролевой позиции в пределах семьи, четкое разделение ролей мужчины и женщины); *использование детей как аргумента в споре* (аппеляция к их мнению, демонстрация заботы об их здоровье и благополучии

в большей мере, чем другой супруг и пр.); *обесценивание, игнорирование, отказы и обвинения* (легкомысленное отношение к насилию, не придание этому значения, смещение ответственности за насилие на партнера); *искажение осознания реальности* (попытки убедить партнера, что он/она сумасшедшая, слышит или видит вещи, которые не случались, или что он/она не может жить друг без друга); о*тказ в положительном подкреплении (похвале, комплиментах, ласковых словах и пр.); угроза нефизического наказания за несоблюдение требований, дистанцирование* (эмоциональная холодность, отказ в сексуальной близости); *эпизодическая снисходительность* (ситуативное поведение, сопровождающееся любовью, чувственностью, терпимостью, а также действиями типа «преподнесения подарка», выступления в роли «дарителя» и продолжающееся в течение короткого периода времени до той поры пока старые модели поведения не возобновятся снова).

И.А.Фурмановым и Д.Я.Дмитриевой (2005) получены данные о распространенности психологического насилия в семье, когда в качестве жертвы выступали и один и другой супруг. Анализ показывает, что психологическое насилие в супружеских отношениях присутствует, но не в таких катастрофических масштабах, как этого можно было бы ожидать (Таблица 11). В частности, никогда не подвергались психологическому насилию 72,2% мужей и 61,7% жен. Вместе с тем, к жертвам названного насилия, то есть тем, кто ему подвергается неоднократно и многократно – относятся 1,4% мужей и 5,7% жен. Следовательно, жены в семье подвергаются психологическому насилию примерно в четыре раза чаще, чем мужья. Справедливости ради следует отметить, что эти данные в основном получены на городской выборке. Вполне возможно, что в небольших городках и деревнях это соотношение будет несколько иным.

Более детальный анализ данных и их обобщение позволили установить соотношение различных форм психологического насилия у мужчин и женщин в супружеских отношениях.

Как и ожидалось общий индекс психологического насилия и индексы по категориям у женщин выше, чем у мужчин. Это свидетельствует о том, что жены в семье чаще подвергаются психологическому насилию со стороны мужей, чем мужья со стороны жен. Как впрочем характерно и то, что мужья в большей степени используют в своих взаимоотношениях с супругами психологическое насилие, чем жены. Эта закономерность распространяется и на все категории психологического насилия (Рисунок 52).

Таблица 11– Распространенность психологического насилия в семьях (в процентах)

Марк.	Показатель	Никогда		Однажды		Изредко		Неоднократно		Многократно	
		М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
А1	Угрозы причинить повреждения или сильно избить	90,9	80,3	5,5	9,4	2,7	6,3	0,9	2,4	–	1,6
А2	Угрозы оружием	99,1	80,3	0,9	9,4		6,3	–	2,4	–	1,6
А3	Угрозы убийства супруга, членов семьи, других людей или самого себя и терроризирование этим	94,5	88,2	3,6	7,1	1,8	3,1	–	1,6	–	–
А4	Преследование, приставание в агрессивной и высокомерной манере	84,5	79,5	9,1	9,4	5,5	7,1	0,9	3,1	–	0,8
В1	Угрозы изоляции	74,5	78,0	11,8	6,3	10,0	11,8	1,8	3,1	1,8	0,8
В2	Действия, приводящие к нервному и физическому истощению	68,2	59,1	11,8	11,8	17,3	22,0	0,9	5,5	1,8	1,6
В3	Чрезмерное контролирование	58,2	56,7	9,1	8,7	26,4	21,3	2,7	8,7	3,6	4,7
В4	Словесные унижения, оскорбления, обзывания, отрицание прав и непризнание авторитета и ценности	50,9	36,2	16,4	19,7	25,5	30,7	5,5	7,9	1,8	5,5
В5	Принуждение к употреблению или поощрение употребления алкоголя, наркотиков или других лекарственных и химических препаратов	92,7	86,6	2,7	3,1	3,6	7,9	0,9	1,6	–	0,8
В6	Использование запугивания	79,1	59,8	10,9	10,2	9,1	22,8	0,9	6,3	–	0,8
С1	Использование привилегированного положения	72,7	44,9	8,2	11,0	17,3	26,0	1,8	11,8	–	6,3
С2	Использование детей как аргумента в споре	64,5	56,7	15,5	9,4	17,3	20,5	1,8	11,8	0,9	1,6
С3	Обесценивание, игнорирование, отказы и обвинения	80,9	58,3	10,0	10,2	8,2	22,8	0,9	6,3	–	2,4
С4	Искажение осознания реальности	77,3	67,7	8,2	11,0	11,8	15,0	1,8	4,7	0,9	1,6
С5	Отказ в положительном подкреплении	47,3	38,6	13,6	7,9	32,7	25,2	5,5	22,0	0,9	6,3
С6	Угроза нефизического наказания за несоблюдение требований, дистанцирование	44,5	45,7	19,1	7,1	31,8	33,1	3,6	11,0	0,9	3,1
С7	Эпизодическая снисходительность	48,2	32,3	17,3	4,7	28,2	37,0	4,5	21,3	1,8	4,7

Анализ общей структуры психологического насилия в супружеских отношениях показывает, что наиболее распространенными видами психологического насилия вне зависимости от пола супругов являются угроза нефизического наказания за несоблюдение требований, дистанцирование; словесные унижения, оскорбления, обзывания, отрицание прав и непризнание авторитета и ценности другого супруга; отказ в положительном подкреплении, эпизодическая снисходительность (Рисунок 53).

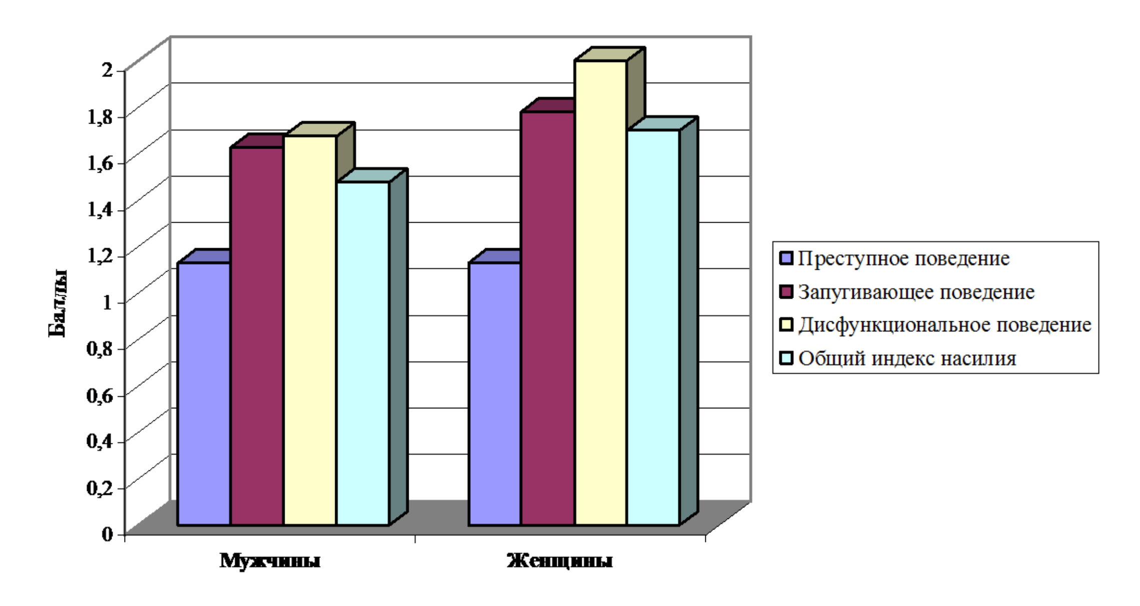

Рисунок 52 – Соотношение категорий и общего индекса психологического насилия

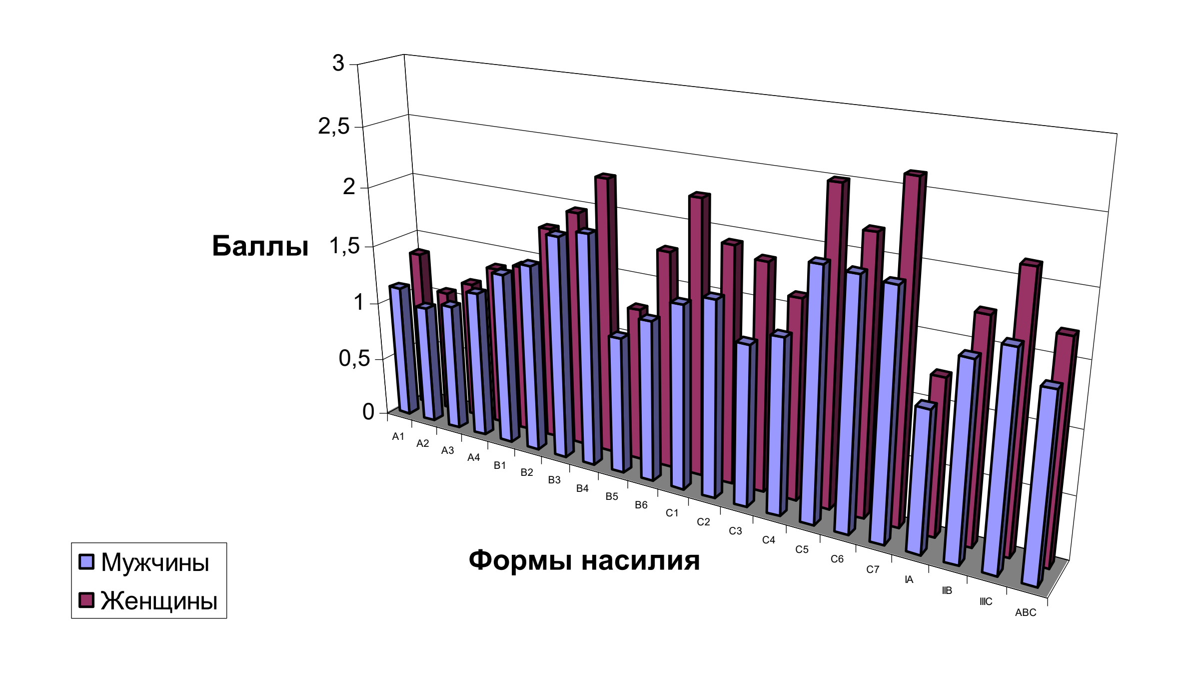

Рисунок 53 – Соотношение различных форм психологического насилия в семье

Таким образом, данная схема взаимоотношений характеризуется либо эмоциональной холодностью, отказом от похвалы, комплиментов, ласковых слов, сексуальной близости, либо поведением, сопровождающимся эпизодическими проявлениями любви, чувственности, терпимости, а также кратковременными действиями типа «преподнесения подарка», выступления в роли «дарителя».

Вместе с тем, было обнаружено, что мужья чаще «страдают» от чрезмерного контролирования со стороны своих жен, что проявляется в ревности; потребности знать, где супруг находится все время и с кем, обвинениях в том, что он проводит время с друзьями, стремление посмотреть на этих людей или познакомиться с ними; слежка; управление финансами таким образом, чтобы сделать супруга полностью зависимым и др. Жены, в свою очередь, больше «страдают» от использования мужьями собственного привилегированного положения, что проявляется в требованиях подобострастия, отношении к супруге как к прислуге; сохранение за собой последнего «мужского» слова, следовании традиционной полоролевой позиции в пределах семьи, четком разделении ролей мужчины и женщины.

Кроме того, жены в большей мере со стороны мужей подвержены угрозам причинить физические повреждения или сильно избить, запугиваниям, обесцениванию, игнорированию, обвинениям. Они чаще сталкиваются со случаями использования мужьями детей в качестве аргумента в споре.

Личностные особенности агрессора и жертвы

Личность насильника. Как уже отмечалось, в супружеских отношениях в качестве насильника чаще выступает муж в тех случая, когда он имеет более низкий образовательный уровень, чем жертва, воспитывался в семье с более низким социально–экономическим статусом, низкую самооценку, испытывает гипертрофированную потребность во внимании и эмоционально зависим от партнера, отличается собственническими установками, стремлением контролировать ситуацию в семье, ригидностью ожиданий а супружеских отношениях, является ревнивым, импульсивным, фрустрационно неустойчивым, склонным к аффективным вспышкам гнева.

Кроме того, как показывает анализ литературы к наиболее типичным причинам насилия, обусловленным личностными характеристиками мужчины и историей его жизни, могут быть отнесены следующие:

1) родительский сценарий, в котором отец бил мать;
2) мужчина был часто избиваем отцом и матерью в детстве;
3) наличие традиционного взгляда на положение женщин и мужчин

в семье (мужчина абсолютный и беспрекословный глава семьи);

4) уверенность мужчины в том, что женщина имеет потребность быть в роли жертвы и не имеет реальных возможностей разорвать с ним;

5) высокий уровень тревожности и беспокойства по поводу своего доминирующего положения;

6) постоянное употребление алкоголя;

7) низкий уровень самосознания и самоконтроля;

8) неспособность принять ответственность за совершаемые действия;

9) наличие высокого уровня стресса, обусловленного экономическими и бытовыми причинами;

10) ярко выраженное желание причинения ущерба другому человеку;

11) психопатия и т. д.

Личность жертвы. Обычно в роли жертвы в семье выступают жены, которые экономически или эмоционально зависят от мужа, смирились с мыслями о насилии и не пытаются его остановить, не способные разделять свои собственные потребности и нужды насильника, имеют низкую самооценку, а также нереалистические убеждения, что поведение насильника можно изменить, уверены, что ревность – доказательство любви.

Помимо этого, для женщин причины, связанные с неблагоприятной жизненной ситуацией в родительской семье, также выступают как факторы риска. Кроме того, к ним можно отнести следующие особенности поведения и личности современных женщин:

1) высокий уровень психологической зависимости женщины от мужчины;

2) более высокий уровень образования женщины в семье;

3) наличие физических недостатков у женщины (особенно если они появились в процессе совместной жизни);

4) низкая самооценка;

5) недостаточно или неумело проявляемая сексуальная активность и т. д.

Психологическое насилие, если оно реализуется достаточно часто, обычно интернализуется жертвой и заставляет ее чувствовать страх, собственную незначительность, недостойность, недоверчивость, эмоциональную зависимость и непривлекательность, как будто бы этот человек настолько плох, что заслуживает только наказания и порицания. В последствии это может привести к формированию у человека, постоянно подвергающегося психологическому насилию, «психологии жертвы».

Последствия супружеского насилия

В зависимости от того, какое насилие используется в супружеских отношениях, различным является и причиняемый ущерб.

Физические повреждения. Жертвы физического насилия часто обращаются за медицинской помощью по поводу различных физических травм. В основном это различного рода повреждения: ушибы, порезы, ссадины и ожоги, переломы и трещины костей. В редких случаях это могут быть внутренние повреждения и выкидыши. Вместе с тем, некоторые жертвы достаточно спокойно реагируют на разбитые нос, губы или вывихи.

Психологический ущерб. Многие жертвы физического насилия отмечали, что психологические последствия действий агрессора переносятся крайне болезненно. В частности, можно выделить четыре основных, наиболее распространенных переживания.

Ощущение предательства. Супруг, подвергшийся насилию, испытывает чувство разочарования. Оказывается, что супружеские отношения – это совсем не те отношения счастья и любви, которые жертва ожидала и на которые надеялась.

Часто, особенно на ранних стадиях брака, отношения между мужем и женой строятся на взаимной доброте, привлекательности, беспокойстве друг о друге мягкости, а не на стремлении обладать и управлять. В конечном счете, в результате насильственных отношений, происходит крушение надежд. Жертва ощущает себя преданной. Эти переживания усиливаются, если насилие становится непременным атрибутом супружеских отношений.

Чувство бессилия. Часто использование физической силы или угрозы физической расправы, культурные или религиозные традиции, экономическая зависимость и несамостоятельность укрепляют жертву в мыслях о неспособности остановить насилие. Эти переживания усиливается, если жертва начинает признавать, что она не в силах предотвратить или прекратить насилие и причинение боли и страдания ей и детям.

Через некоторое время у жертвы может возникнуть устойчивое чувство вины, а нередко самообвинительные идеи. Она сомневается в своей супружеской роли – роли жены/мужа, домохозяйки/хозяина, матери/отца, любовницы/любовника. Хотя на самом деле это может быть абсолютно не так, жертва может быть достаточно компетентной и эффективной в отношении выполнения семейных и супружеских обязанностей.

Утрата свободы. Насильственные супружеские отношения часто предназначены для ограничения свободы друг друга. Особенно это касается использования психологического насилия в различных формах его

проявления. В любом случае, жертва начинает чувствовать, что она полностью лишена права на личную жизнь.

Ощущение потери достоинства. Это переживание возникает в ситуации, когда жертве постоянно напоминают, что она не может думать о себе. С нею часто обращаются как с неодушевленным предметом или «пустым местом», не имеющим собственных чувств, мыслей или желаний. У жертвы возникает и укрепляется мысль, что как человек она просто прекратила существование.

Многие жертвы насилия с тем, чтобы справиться с ситуацией и собственным негативным состоянием прибегают к алкоголю, наркотикам или лекарственным препаратам.

Использование психологического насилия может иметь для его жертвы самые серьезные последствия. На самом деле, многие люди, пережившие физическое или сексуальное насилие отмечали, что психологическое насилие зачастую было более разрушительным и имело более долгосрочные эффекты. Это связано с тем, что климат неуважения человеческих чувств, когда человек находится под постоянной или частой критикой, на него кричат или его игнорируют, – оказывает глубокое и сильное влияние, атакуя образ «Я» и самооценку личности.

Психологическое насилие, если оно реализуется достаточно часто, обычно интернализуется жертвой и заставляет ее чувствовать страх, собственную незначительность, недостойность, недоверчивость, эмоциональную зависимость и непривлекательность, как будто бы этот человек настолько плох, что заслуживает только наказания и порицания. В последствии это может привести к формированию у человека, постоянно подвергающегося психологическому насилию, «психологии жертвы».

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение супружескому насилию?
2. Назовите шесть источников власти, которые поддерживают неравные отношения между мужчинами и женщинами всемье?
3. Опишите личностные особенности агрессора и жертвы в супружеском насилии?
4. Охарактеризуйте последствия супружеского насилия?

АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И КОММУНИКАЦИИ

Телевидение является мощной социализирующей силой в нашем обществе. Многие считают, что, показывая детям по телевизору огромное количество сцен насилия, мы приучаем их к мысли, что агрессия - общепринятый выход из ситуаций, вызывающих фрустрацию. Некоторые, напротив, утверждают, что насилие, которое дети видят по телевидению, может служить замещением реальной агрессии. В результате чего агрессивность детей снижается, а не возрастает. Хотя вторая теория и заманчива, но полученные в ходе исследований данные не подтверждают ее. Неоднократно возвращаясь к данной проблеме, ученые пришли к выводу, что демонстрируемые по телевидению сцены насилия вызывают небольшое, но статистически значимое увеличение агрессивности зрителей.

Насилие, которое помогает добру одержать победу над злом, большинству детей не приносит вреда. Но в сознании некоторых детей, ежедневно видящих примеры агрессивного поведения на экране телевизора, увиденное может соединиться с реальной жизнью, в которой многие роли – родителей, братьев и сестер, друзей, исполняются агрессивными и антисоциальными моделями. Это, по всей вероятности, умножает проявление агрессии в поведении ребенка, особенно у детей с определенными чертами личности или эмоциональными проблемами.

Влияние телевидения на детей различных возрастов

В разном возрасте дети смотрят и понимают телевидение неодинаково. Это зависит от продолжительности внимания, способа, которым они перерабатывают информацию, объема интеллектуальных усилий, которые они прилагают при просмотре и их собственного жизненного опыта. Все эти факты должны быть учтены при понимании того, как насилие на телевидении влияет на детей в различном возрасте.

Младенцы (дети до 18 месяцев)

Особенности психического развития. Младенцы в возрасте трех месяцев могут обращать внимание на работающий телевизор в течение коротких периодов времени, если взрослый физически направляет их к телевизору. Но это требует больших усилий. Был проведен эксперимент в ходе которого младенцам по телевизору показали шестиминутный мультипликационный фильм. Почти все младенцы, кто “посмотрел” хотя бы половину этого фильма, позже показывали признаки усталости такие как крик, беспокойство, зевота.

В шестимесячном возрасте младенцы могут сами направлять свое внимание на телевизор и удерживать его в течение целых 16 минут, если они находятся возле телевизора и не заняты чем-нибудь интересным и увлекательным. Но чаще у младенцев есть занятие поинтереснее, нежели просмотр телевизора. Им больше нравится кушать, находиться в комфортной обстановке, ползать, играть с любимыми игрушками. Исследования показали, что младенцы находятся у телевизора и подвергаются его воздействию в течение приблизительно двух часов в день. Но только меньше, чем 10 процентов от этого времени они действительно уделяют “просмотру передач”, и довольно нечасто можно увидеть малыша, повернутого к экрану телевизора.

Вероятно, можно говорить о «случайном» воздействии ТВ, так как в большинстве случаев младенцы просто находятся в той же комнате, в которой другие члены семьи смотрят телевизор. Правда, некоторые матери осознанно пытаются показать своим детям образовательные телепередачи в специально отведенное время. Такие матери часто подтверждают, что при таком подходе их дети вовлекаются в процесс просмотра телевизора, вплоть до того, что потом могут подражать некоторым увиденным действиям, например, хлопанье в ладоши. Эти результаты “вовлеченного” просмотра телевизора хотя и расходятся с утверждениями некоторых психологов о низком уровне внимания у младенцев, но весьма совместимы с наблюдениями родителей, которые преднамеренно смотрят определенные детские телепередачи вместе с детьми. В отличие от младенцев, которые являлись “случайными” телезрителями (оказавшись в одной комнате с теми членами семьи, которые смотрят телевизор), эти дети показывали признаки знания программы и вовлеченности, например, узнавали и показывали знакомых героев на экране уже в 10-ти месячном возрасте.

Исследование, в процессе которого наблюдали за движениями глаз детей, выявило, что дети в возрасте одного года уделяют визуальное внимание тем частям передачи, в которых звучит музыка и происходит частая смена различных сцен, эпизодов, но не тем частям, которые изображают какой-то «сплошной» сценарий. Трехлетние дети, напротив, активно ищут те сюжеты в программе, в которых содержится какая-нибудь информация. Можно сделать вывод, что когда дети в возрасте одного года “смотрят” телевизор, то они, вероятно, пропускают большинство из того, что взрослые считают интересным и полезным, воспринимая это, прежде всего, как фрагментированные картинки света и звука. Прилагая усилие, они иногда могут группировать простые комбинации этих картинок в психический образ, такой как двигающийся или разговаривающий персонаж.

Когда матери сообщают, что их младенцы из телевизионных программ копируют такие действия как хлопанье в ладоши и некоторые гимнастические упражнения, это может свидетельствовать, что дети, вероятно, начинают подражать телевизионным образам, как только они становятся способными выделить эти образы из окружающего их фона. Конечно, также возможно, что многие из этих младенцев просто подражают действиям их родителей или родных братьев и сестер, поскольку выводы основаны на наблюдениях за младенцами, которые смотрели телевидение вместе с другими членами семейства.

В рамках другого исследования было обнаружено, что младенцы в возрасте 14-ти месяцев обращают внимание и имитируют увиденные по телевидению действия взрослого, который использует игрушку неким новым способом, используя при этом относительно сложную последовательность действий. В большинстве же случаев младенцы могут подражать поведению, увиденному по ТВ, когда оно представлено в простой, незамысловатой и поучительной манере.

Потенциальный эффект насилия на ТВ. В литературе не обнаружено данных, которые бы выявляли определенные эффекты влияния насилия на ТВ на младенцев. Более того, младенцы часто не обнаруживают заинтересованности в том, что взрослые считают занимательным и значимым и поэтому можно с полной уверенностью утверждать, что сцены насилия на экране оставляют их равнодушными. Как отмечалось выше, младенцы могут подражать увиденному по телевидению поведению, но только если оно представлено в простой, незамысловатой и поучительной форме. Поэтому демонстрируемые по телевидению сцены насилия не соответствуют данным характеристикам. Однако, можно предположить, что при просмотре сцен насилия на ТВ, которые отличаются высоким уровнем активности персонажей, частой сменой различных эпизодов, наличием шума и музыкального сопровождения, младенцы будут копировали визуальные действия типа рукоплесканий и гимнастических упражнений.

Дети в возрасте от 18-ти месяцев до 3-х лет

Особенности психического развития. В возрасте двух с половиной лет, у детей изменяется подход к телевидению. Хотя они проводят тоже количество времени около телевизора, как и более младшие дети, но они обращают на него внимание в три или четыре раза больше. Дети в этом возрасте начинают самостоятельно направлять свое внимание на работающий телевизор, даже когда они играют или заняты чем–то другим. Эти изменения, безусловно, являются частью общего детского развития, а именно формирования способностей переносить (интероризировать) объекты и действия во

«внутренний» психический план и презентировать их как мысли, слова и воспоминания. Именно эта способность развития в этом возрасте позволяет детям извлекать значение из телевизионного содержания.

По мере того как ребенок развивается когнитивно, у него меняется отношение к телевидению – дети становятся постоянными телезрителями. К тому времени как ребенку исполняется три года, у большинства детей есть своя любимая телепередача. В среднем они проводят у телевизора около двух часов в день и проявляют особый интерес к определенным видам телепрограмм образовательного, приключенческого, комедийного и игрового содержания. Подобно более старшим зрителям, выбор этих маленьких телезрителей что смотреть, определяется содержанием телепрограммы, но они все же в большей мере отдают предпочтение мультипликационным фильмам и другим программам, в которых идет частая смена действий. Особенно им нравится смотреть детские образовательные программы.

Потенциальный эффект насилия на ТВ. Несмотря на недостаток исследований относительно влияния определенных эффектов насилия на ТВ на маленьких детей, можем предположить, что они способны к научению различным типам поведения с использованием как вербальных, так и невербальных характеристик, увиденных по телевидению. Дети будут подражать и тому, что они видят по телевизору и тому, что слышат. Как доказательство тому: дети в возрасте двух лет, могут повторять целые фразы из различных телевизионных реклам.

В этом возрасте, дети могут очень быстро усваивать увиденные по телевизору «образцы», которые впоследствии будут «преследовать» их на всем протяжении детства. В частности, было обнаружено, что эти «образцы», усвоенные в возрасте до трех лет, сохраняются и у дошкольников, и затем могут «переходить» к детям начальной школы.

Таким образом, младенцы могут уделять внимание работающему телевизору лишь недолгое время, так как даже такое внимание требует огромных усилий, поэтому младенцы обычно более заинтересованы в своей повседневной деятельности. Даже когда они направляют свое внимание на телевизор, они пропускают большую часть из того, что взрослые назвали бы содержанием программы, переживая то, что они видят на экране как пофрагментарную демонстрацию света и звука. Однако эти образы они способны сгруппировать в комбинации, наделив значением (например, человеческими и животными характерными чертами).

Хотя ни одно исследование до сих пор не касалось непосредственно изучения того, как же все–таки содержание насилия в телевизионных программах влияет на младенцев, для многих психологов очевидно, что дети

этого возраста могут имитировать поведение, демонстрируемое по телевидению, особенно, если оно было представлено в качестве образца, то есть в структурированной и «обучающей» модели.

Дети становятся полноценными «зрителями» к двум с половиной годам. В этом возрасте они начинают уделять больше внимания телевизору, а также развивают ограниченную способность выделять значение из содержания. Они начинают имитировать то, что видят и слышат по телевизору.

Паттерны восприятия получаемой зрительной информации, которые дети устанавливают в раннем детстве, влияют на их привычки в восприятии окружающего мира в течении всей жизни. В этом возрасте у детей формируется предпочтение к мультфильмам и программам, в которых герои двигаются быстро. Иными словами дети становятся более уязвимыми перед потоком большого объема насилия на телевидении.

Дети от 3 до 5 лет

Особенности психического развития. В дошкольном возрасте дети начинают смотреть телевизор преимущественно с исследовательским интересом. Они активно выискивают значения в содержании, но их особенно привлекают такие черты, как быстрые движения героя, быстрая смена сцен и интенсивные или неожиданно возникающие образы и звуки.

Во многих случаях, если сцены насилия обладают вышеуказанными характеристиками, у дошкольников возникает предрасположенность к их имитации. По сути, не само по себе насилие делает мультфильмы привлекательными для детей этого возраста, а характеристика действий главных героев. Поэтому, отдавая предпочтение просмотру мультфильмов, дети остаются уязвимыми к большому количеству насильственных актов в повседневной жизни. И более того, они не способны рассматривать насилие в его контексте, учитывать такую тонкую информацию, как мотивация и последствия совершаемых поступков. Как следствие этого, дошкольники начинают вести себя более агрессивно в своих играх после просмотра любых программ, возбуждающих активность, а особенно «боевиков».

Потенциальный эффект насилия на ТВ. Проблема влияния насилия, демонстрируемого в телевизионных передачах, на психику человека не раз служила предметом для психологических исследований. Большая часть таких исследований была направлена на изучение эффекта влияния телевизионного насилия на дошкольников. Было обнаружено довольно сильное влияние телевизионного насилия, как на мальчиков, так и на девочек этой возрастной группы, особенно, когда насилие предъявлялось в формате детских телевизионных передач. Такой эффект вызван рядом психологических

причин, которые объясняют, почему именно дошкольники являются в этом случае наиболее уязвимой категорией.

Прежде всего, в ходе исследований было выяснено, что детское внимание в телевизионных передачах чаще и устойчивее привлекают те характерные особенности , которые являются яркими и заметными: яркие, красочные изображения, громкая музыка, необычные виды и специфические звуки. Следует отметить, что именно эти характеристики, как правило, и сопровождают сцены насилия в детских телепередачах (яркие костюмы героев, бравурная музыка, эффектные взрывы и громкие возгласы героев). Дети воспринимают эти характерные черты как сигналы того, что должно произойти, как что-то интересное. Кроме того, было замечено, что дошкольники больше внимания уделяют и лучше понимают яркие, формальные, «физические» стороны сюжетов, в то время как более сложные и «тонкие» смыслы от них ускользают. Такая особенность детского восприятия напрямую связана с влиянием телевизионного насилия на психику ребенка. Оказалось, что в сценах насилия ребенок ориентируется не на контекст ситуации, а на внешние формальные признаки. То есть, говоря проще, для ребенка – «тот, кого бьют – и виноват». Например, для некоторых до сих пор не понятно, почему спустя многие годы после войны «советские» дети продолжают негативно относится к немцам. Хотя ответ достаточно прост – поскольку для детей сцены наказания оккупантов в фильме служат показателем, что данные люди плохие – то их за это и наказывают. Причем, содержательный аспект и моральная нагрузка этого действа совершенно ускользнули от ребенка. Парадокс состоит в том, что во времена наполеоновских войн телевидение отсутствовало – и поэтому к французам отношение более лояльное, чем к немцам.

Для детей дошкольного возраста также характерно формальное вынесение суждения о герое по его внешним признакам. Причем эмоции и личностные достоинства персонажа при этом не учитываются. Было установлено, что дети более негативно относятся к героям с необычной внешностью, не похожей на обычный людской облик (зеленая кожа, необычная форма, рога, другое расположение частей тела и т.д.). Также дети негативно относятся и к людским персонажем, если их внешность кажется им странной (негры, китайцы, арабы, кавказцы).

Еще одним результатом исследований стало обнаружение того факта, что у дошкольников слабо существует понимание между реальностью и нереальностью событий, происходящих на экране. Если в сюжете присутствуют сказочные герои (вампиры, инопланетяне, привидения, сказочные животные и т.д.), то дети еще определяют эти события как

«нереальные». Но иная картина наблюдается, если в сцене участвуют люди, которые, не смотря на всю необычность их действий, создают предпосылки для того, что дети определяют эту сцену как имеющую место в реальности. Поэтому очень опасно использование в детских телевизионных программах сцен насилия с участием людей, поскольку они предоставляют детям готовые модели поведения. В ходе исследований было выяснено, что около 50 % дошкольников испытывают страх перед телевизионных изображением насильственных действий. При измерении физиологических показателей страха, оказалось, что дети сильнее боятся детских программ со сценами насилия, чем программ без таких сцен, но еще больше дети боятся тех программ, которые изображают не детские (нереальные) сцены насилия, а вполне реальные картины (которые, к примеру, демонстрируются в телевизионных новостях).

Таким образом, дошкольном возрасте (3-5 лет) дети начинают смотреть телевизор с исследовательским интересом. Они активно выискивают значение в содержании, но их особенно привлекают такие черты, как быстрые движения героя, быстрая смена сцен и интенсивные или неожиданно возникающие образы и звуки.

Так как насильственные сцены обладают вышеуказанными характеристиками, то у дошкольников возникает предрасположенность к их имитации. По сути не насилие делает мультфильмы привлекательными для детей этого возраста, а характеристика действий главных героев. Поэтому, предпочитая мультфильмы, дети остаются уязвимыми к большому количеству насильственных актов в повседневной жизни. И более того, они не способны рассматривать насилие в его контексте, учитывать такую тонкую информацию, как мотивация и последствия совершаемых поступков. Как следствие этого, дошкольники начинают вести себя более агрессивно в своих играх после просмотра любых программ, возбуждающих активность, а особенно «боевиков».

Подводя итог всему вышеизложенному можно отметить, что:

– дети уделяют внимание тем сценам насилия, которые характеризуются яркостью и динамичностью событий;

– в сценах насилия, на агрессивную реакцию ребенка оказывают влияние не смысловые и контекстуальные характеристики, а формальные, внешние показатели;

– дети плохо разграничивают «реальность» и «нереальность» событий, происходящих на экране;

– половина детей дошкольного возраста испытывают страх перед телевизионными сценами насилия.

Дети от 6 до 11 лет

Особенности психического развития. Период с 6 до 11 лет (начальная школа) является критическим для понимания воздействия телевидения на агрессивность. В этом возрасте у детей развивается и удлиняется продолжительность внимания, когнитивные способности, позволяющие следить за сюжетом, способности делать выводы по содержанию и распознавать мотивацию и последствия действий героя. Помимо этого они затрачивают все меньше и меньше усилий, чтобы сфокусировать внимание на экранном изображении.

В возрасте 8 лет дети наиболее сенситивны к содержанию происходящего на телевизионном экране. Если насилие, которое они наблюдают, воспринимается и интерпретируется как зло, вызывающее человеческие страдания или как результат наказания или неодобрения, дети становятся более агрессивными. Дети этого возраста могут демонстрировать возрастающую агрессию, если считают, что она отражает реальную жизнь, если идентифицирует себя с героем (как это часто делают мальчики) или если они погружены в фантазии агрессивного содержания.

В период с 6 до 11 лет дети все еще смотрят мультфильмы, но они также начинают смотреть более «взрослые» или семейно-ориентированные программы. У них также обнаруживается поразительный интерес к триллерам, которые они смотрят, пугая себя намеренно, в попытке преодолеть собственные страхи. По мере того как снижается страх, они становятся более толерантными к насилию в реальном мире. К подростковому возрасту дети обретают способность абстрагирования на высоком уровне, рассуждения, однако они еще редко используют эти возможности, когда смотрят телевизор. В этом возрасте на просмотр телевизионных программ уходит меньше времени, чем когда они были младше, а также они перестают смотреть телевизор вместе с семьей. Их интересы в этом возрасте касаются вопросов независимости, секса, романтических отношений, у них формируются устойчивые предпочтения в музыке, появляется увлечение триллерами и, особенно у мальчиков, порнографической продукцией. Подростки больше сомневаются в реальности телевизионного содержания, чем более младшие дети, и в меньшей степени идентифицируют себя с телегероями. Процент младших подростков, которые продолжают верить в реальность телевизионного содержания и идентифицировать себя с героями мизерно мал. Это в основном те подростки, которые действительно более агрессивны, чем остальные их сверстники.

Способность к абстрагированию и рассуждению на высшем уровне, а также тенденция к неподчинению формальным авторитетом делает

подростков уязвимыми к имитации некоторых видов телевизионной агрессии, преступлений и суицидальным попыткам.

Потенциальный эффект насилия на ТВ. Было установлено, что дошкольники демонстрируют больше физической агрессии и других форм антисоциального поведения в результате просмотра насилия на телевидении, чем дети более старшего возраста. В подростковом периоде эффекты телевизионного насилия возрастают у мальчиков и сильно снижаются у девочек. Поэтому в решении этой проблемы надо учитывать разность детей, содержание того, что они смотрят, способ переработки информации, значение, которое они придают просмотренному материалу. Также надо учитывать различия в личном опыте детей. Только учитывая все эти различия можно достигнуть понимания влияния телевизионного насилия на юных зрителей.

Возраст 8 лет часто называют критическим в отношении силы влияния насилия на телевидении и развития агрессии. Это происходит из-за когнитивных и эмоциональных изменений, которые происходят в этом возрасте. Возможно, самое главное здесь – это сдвиг с преимущественно перцептивного восприятия информации к концептуальному пониманию мира.

Восьмилетние дети не становятся более агрессивными, если насилие, которое они видят на телеэкране, представлено как зло, как нечто, вызывающее страдание или как результат наказания или неодобрения. В этом возрасте у детей развивается способность распознавать неизменные качества предмета, а также явно динамические свойства объектов. Они становятся способными использовать более сложные системы классификации предметов и событий. Это позволяет им распознавать большее количество неуловимых и формальных свойств и делать на основе содержания, которое они поняли, более надежные и конкретные выводы даже при отсутствии конкретных событий. Таким образом они могут более полно понять сюжет и объяснить его с точки зрения эмоциональных переживаний и мотивов телегероев.

Дети этого возраста часто используют стереотипы для классификации героев, если у них недостаточно информации об их поведении в прошлом. Но, когда эта информация есть, они используют ее для составления или дополнения характерологического портрета персонажа.

В восьмилетнем возрасте дети обладают впечатляющей способностью понять смысл телевизионного мира, но не всегда используют ее. Естественно, что те дети, которые смотрят телепрограммы ради информации более интеллектуально развиты и знают больше других. Вместе с тем, большинство детей смотрят телевизионные программы с тем, чтобы расслабиться, развлечься или попросту «убить» время, следовательно, у них процесс переработки информации поверхностен и некритичен.

Дети восьмилетнего возраста очень впечатлительны. Для этого есть множество обоснований. «Реальное» для 8–летнего ребенка обозначает физически существующее в мире. Например, они могут относиться к фильму о милиционерах как к реально происходящему так как милиционеры на самом деле существуют. К 8 годам дети с большей вероятностью становятся более агрессивными после того, как увидят насилие по телевизору, если верят в то, что увиденное отражает реальную жизнь. Только к 10 годам «настоящее» скорее интерпретируется как «возможное в реальной жизни». Для детей, которые отождествляют насилие и реальность, все насильственное содержание фильмов рассматривается как потенциально полезный руководитель поведения в реальной жизни. Тенденция идентифицироваться с агрессивными героями включается в агрессивные фантазии. Если 8-11 летних детей спросить на кого они бы хотели быть похожими, то они вероятнее всего назвали бы вымышленных героев и отметили бы их храбрость и силу (что чаще всего проявляется в сценах насилия). Тема «силы» наиболее часто выбирается детьми во время просмотра и обсуждения телевизионных программ. Она возникает неслучайно – дети этого возраста борются за достижение некоторого статуса и независимости как в личностном, так и социальном пространстве. Однако, дети, которые продуцируют жестокие или героически агрессивные фантазии и которые идентифицируются с агрессивными героями – наиболее подвержены влиянию телевизионного насилия. Эти фантазии служат им в качестве репетиции для жестоких ответов на реальные жизненные ситуации. Кроме того, дети этого возраста (8–11 лет) обладают способностью находить различия между оправданным и неоправданным насилием, а также находить комическое в насилии. Дети же более младшего возраста (6–8 лет) имеют тенденцию проигрывать содержание в увиденного по телевизору сразу после просмотра.

В результате исследований были выявлены половые различия: насилие на телевидении имеет большее влияние на мальчиков (они больше получают удовольствие от ярких, поверхностных черт), чем на девочек, которые предпочитают фильмы с наименее насильственным содержанием (например, комедии).

Просмотр «ужастиков» увеличивает страхи детей и усиливает тенденцию видеть мир более пугающим. Здесь многое зависит от ощущения защищенности у ребенка. В частности было доказано, что если рядом с ребенком находятся взрослые, которые при просмотре телепередач отдают предпочтение сюжетам, демонстрирующим страх и страдания, то дети следуют этому же образцу и видят окружающий их мир только плохим. Другие исследования показывают, что просмотр «ужастиков» действительно

увеличивает страх у детей. Было также обнаружено, что когда родители смотрят программы о насилии вместе с детьми, но не обсуждают содержание с ними, их дети действительно могут стать более агрессивными.

В начальной школе дети больше пугаются телевизионных сюжетов, если события в показанные в них кажутся возможными и особенно, если они показаны в условиях, которые похожи на условия жизни и окружение самого ребенка.

Для защиты себя от страха ребенок может идентифицировать себя с героем. Идентификация с агрессивным героем серьезно влияет на увеличение уровня агрессии. Дети пугаются, когда идентифицируют себя с жертвой, но как показывают исследования чаще ребенок входит в роль агрессора.

Можно найти несколько причин «тяги» детей к просмотру «ужастиков»:

1. Сильное страдание заставляет ждать счастливого конца, и это доставляет удовольствие.

2. Дети озабочены собственной уязвимостью и зависимостью. Они активно ищут ситуации, которые могут снабдить их информацией о страхах.

3. Дети пытаются побороть свой страх, уязвимость через десенситизацию (т.е. просмотр «ужастиков»).

Десенситизация очень эффективна для уменьшения страхов детей этого возраста, в отличии от дошкольников. Как показывают исследования, младшие школьники испытывали меньший страх, когда видели змеиную яму, после того, как им показали образовательную программу о змеях. Если ребенок перестает волноваться в отношении насильственных действий и страхов в кино, то он также становится более толерантным к насилию в реальном мире. Возможно, популярность «ужастиков» имеет те же основания. Каждый раз, когда дети смотрят на знакомый, но пугающий их персонаж или предсказывают возникновение пугающего события, они чувствуют, что почти его не боятся. Это может означать для них развитие их личной компетентности и независимости.

Таким образом, период с 6 до 11 лет (начальная школа) является критическим для понимания воздействия телевидения на агрессивность. В этом возрасте у детей развивается и удлиняется продолжительность внимания, когнитивные способности, позволяющие следить за сюжетом, способности делать выводы по содержанию и распознавать мотивацию и последствия действий героя. Помимо этого они затрачивают все меньше и меньше усилий, чтобы сфокусировать внимание на экранном изображении.

В возрасте 8 лет дети наиболее сенситивны к содержанию происходящего на телевизионном экране, поэтому они становятся более агрессивными, если насилие, которое они наблюдают, характеризуется как

зло, вызывающее человеческие страдания или как результат наказания или неодобрения. Они демонстрируют возрастающую агрессию, если полагают, что она отражает реальную жизнь, если ребенок идентифицирует себя с героем (как это часто делают мальчики) или если они погружены в фантазии агрессивного содержания.

В период с 6 до 11 лет дети все еще смотрят мультфильмы, но они также начинают смотреть более «взрослые» или семейно-ориентированные программы. У них также обнаруживается поразительный интерес к триллерам, которые они смотрят, пугая себя намеренно, в попытке преодолеть собственные страхи. По мере того как снижается страх, они становятся более толерантными к насилию в реальном мире.

Дети 12- 17 лет

Особенности психического развития. Подростки меньше смотрят телевизор, чем дети более младшего возраста, так как они начинают проводить больше времени вне дома, отдавая предпочтение общению с друзьями. Для многих подростков эта смена приоритетов в источниках информации и отмечает переход от детства к юности. В большей мере подростки смотрят телевизор в кругу своей семьи так как телевидение является главенствующей характеристикой культуры их родителей и в меньшей степени с друзьями. Поэтому прослушивание популярной музыки становится фактором определяющим интересы и направленность поведения в данном возраста. С его реализацией связанно решение подростковых проблем сепарации от родителей, получения независимости и установления межличностных отношений.

Спектр интересных программ для подростков расширяется. Они все еще любят комедии, однако, меньше смотрят мультфильмов. Помимо мультфильмов ориентированных на взрослых, предпочитают драмы, где главные герои также подростки. Девочки предпочитают мыльные оперы, многие подростки смотрят спортивные, музыкальные и научно-фантастические программы. Приключенческая и преступная тематика популярна в меньшей степени. Однако, очень часто подростки смотрят телевизор пассивно для того чтобы расслабиться, когда им надоедает общение с окружающими или когда им одиноко.

Юность – это период, в течение которого дети становятся способными оперировать абстракциями, извлекать общее из конкретики, разрешать противоречия опыта и определять наиболее важное из множества ситуаций. Подростки уже не так прочно связаны с непосредственным настоящим и могут прогнозировать возможные будущие ситуации. Они отдают себе отчет в том, что отношения на экране – это не настоящие отношения, что они ориентированы на ожидания зрителей по поводу человеческого поведения.

Например подростки уже в состоянии квалифицировать семью на экране как не настоящую, если жизнь в этой семья выглядит чрезмерно красивой и беспроблемной или, наоборот, слишком убогой и абсолютно несчастной.

Другое понимание «реальности происходящего» характерное также для этого возраста – способностью к эстетическому суждению о происходящих действиях на экране, основанное на оценке качества телевизионной продукции, которая не должна вызывать ощущения искусственности демонстрируемых событий.

При просмотре телепрограмм подростки редко актуализируют свои познавательные и сопереживательных способности. Для подростка смотрящего телевизор характерна пассивность восприятия, которая требует низкой концентрации. Они, как и взрослые, склонны пассивно воспринимать происходящее на экране, даже когда им одиноко или когда им надоедают. Использование познавательных и сопереживательных способностей при просмотре телепрограмм может иметь как положительный, так и отрицательный эффект. Например, подростки могут трактовать происходящее на экране как нереальное и, наоборот, они могут использовать эти способности, чтобы усовершенствовать план увиденного на экране преступления, а затем воплотить его в жизнь.

Подростки, вероятнее всего, будут более критичны к содержанию телепрограмм, чем младшие дети и намного меньше будут идентифицировать себя с телевизионными героями. Те же, кто продолжает верить в реальность происходящего на экране, и идентифицироваться с жестокими героями – те будут более агрессивными, особенно при наличии фантазий на агрессивно-героические темы.

Хотя подражательный характер насилия наиболее часто приписывается дошкольникам из-за недостаточности их жизненного опыта и их веры в реальность происходящего на экране, чаще всего насильственные действия скопированные с экрана телевизора совершаются подростками. Программы, которые копируют подростки, описывают метод совершения преступления. Обладая способностью к абстрактному мышлению, подростки способны планировать и воссоздать в реальной жизни вымышленное телесобытие, исправив те недостатки кинопреступления, которые привели его к неудаче в фильме.

Кроме того, их весьма своеобразная относительность оценки справедливости и неправильности, наряду с бунтарскими тенденциями и вызовом традиционным условностям, делают подростков единственной группой зрителей, у которой может формироваться восхищение правонарушителем.

Условиями, способствующими имитации преступлений на основе просмотренных фильмов и телепередач, можно считать:

1) сильная идентификация с телепрограммой или ее героями,
2) постоянная сильная вовлеченность в телепрограмму на фантазийном уровне;
3) способность совершить реальное действие.

Различные исследования в области суицидологии свидетельствуют, что подростки особенно склонны подражать переданным по телевидению методам самоубийства, особенно, если эти методы уже применялись кем-либо в реальной жизни.

Потенциальный эффект насилия на ТВ. Многие родители подростков, обеспокоены содержанием телепередач поскольку приблизительно 80% подростков смотрят фильмы ужасов, которые их пугают. Наблюдение жестоких сцен, способствует восприятию и пониманию подростками мира как жалкого и ничтожного. Интересно, что подростки, которые смотрят очень мало телепрограмм, оценивают себя гораздо более незащищенными перед преступлениями совершаемыми окружающими. Однако, подростки, которые считают насилие на экране нереалистическим, не оценивают окружающий их мир как чрезмерно жестокий и страшный и не преувеличивают чувство собственной уязвимости перед преступностью. Кроме того, подростки, которые сами были жертвами преступления имеют тенденцию не полагаться на телевидение как источник достоверной информации.

Фильмы ужасов становятся актуальными в контексте подростковых беспокойств в вопросах сексуальности и полоролевой идентификации. В некоторых исследованиях, в которых изучалось удовольствие от просмотра фильмов ужасов, определено, что девочки–подростки обнаруживают положительную реакцию на сцены, где женщина выступала в роли жертвы, реже, чем мальчики на те же самые моменты фильма.

Результаты другого исследования показали, что молодые люди больше наслаждаются фильмом ужасов, когда рядом с ними находится явно испуганная девушка того же возраста. Вместе с тем, молодые девушки наслаждаются фильмом ужасов больше, когда они находятся в компании молодого человека, который не испуган. Таким образом совместный просмотр фильмов ужасов предоставляет возможность мальчикам, продемонстрировать свое превосходство в пугающих ситуациях, а девочкам дает возможность быть успокоенными.

Совершенно очевидно, что большая часть подростков отдает больше предпочтения просмотру музыкальных программ, хотя телевидение не является идеальным для трансляции современной музыки. Многочисленные

социологические исследования подтверждают это мнение: по разным оценкам от 60 до 80 процентов старших подростков отмечают музыкальные программы как приоритетные. По сравнению с мальчиками, девочки указывают на менее положительный опыт просмотра клипов и видеозаписей. Это объясняется тем, что распространенное в них насилие над женщинами и сексистское отношение делают клипы и видеопродукцию менее привлекательными для девочек. Хотя и музыкальное видео и кабельное музыкальное телевидение содержат явные признаки сексистских представлений и сцен с жестоким содержанием. Тем не менее их количество не выше чем во время самых смотрибельных трансляций. Единственное отличие продукции на видеокассетах и кабельных каналах – они чаще показывают женщину в роли жертвы.

Исследования показывают, что подростки 12-17лет – это одна из самых массовых аудиторий, которая потребляет видео продукцию эротического содержания. Многие подростки наблюдают подобные сцены по телевидению, в кинотеатрах, на видеокассетах, по меньшей мере, один раз в месяц.

Кроме вполне объяснимого естественного интереса подростков к эротике нельзя не выразить некоторое беспокойство в отношении воздействия порнографии на зрителей мужского пола. Как отмечают психологи, демонстрация порнографической продукции может привести к следующим эффектам:

1. Оправдание насилия по отношению к женщине.
2. Возрастание влияния некоторых мифов о насилии, один из которых, например, гласит, что женщины действительно хотят быть изнасилованными. К сожалению, подлинные данные о том, распространяются ли подобные мифы и на девушек, отсутствуют. Хотя, вероятно, можно предположить, что просмотр жестоких порнофильмов может повысить уровень опасений у девочек и уменьшить бы их чувство собственного достоинства.
3. Возрастание тенденции использовать болезненные средства наказания женщин.

По вполне понятным этическим причинам, большинство исследований жестокой порнографии было проведено в взрослой выборке. Однако, было доказано, что подростки, более, чем взрослые, подвержены негативным воздействиям порнографии так как:

1) даже среди взрослых, более молодые люди, больше подвергались воздействию жестокой порнопродукции;
2) их относительный недостаток опыта и сильный интерес к сексуальным отношениям приводит к тому, что порнография становится первым, а часто единственным, источником детальной информации о сексуальном поведении;

3) половое воспитание в школах имеет дело, прежде всего с узко биологическими вопросами, подростки обращаются к телевидению и видеопродукции, чтобы больше узнать о социальных или межличностных аспектах половых отношений.

Таким образом, к началу подросткового возраста дети обретают способность абстрагирования на высоком уровне рассуждения, однако они еще редко используют эти возможности при просмотре телевизора. В этом возрасте на просмотр телевизионных программ уходит меньше времени, чем раньше. Также они перестают смотреть телевизор вместе с семьей. Их интересы в этом возрасте касаются вопросов независимости, секса, романтических отношений. У них формируется предпочтение к музыке, триллерам и (особенно у мальчиков) к порнографической продукции. Подростки больше сомневаются в реальности телевизионного содержания и в меньшей степени идентифицируют себя с телегероями. Маленький процент подростков, которые продолжают верить в реальность телевизионного содержания и идентифицировать себя с героями – это те подростки, которые действительно более агрессивны, чем остальные их сверстники.

Способность к абстрагированию и рассуждению на высшем уровне, а также тенденция к неподчинению формальным авторитетам делает подростков уязвимыми к имитации некоторых видов телевизионной агрессии, преступлений и суицидальных попыток.

Личностные и ситуационные факторы, усиливающие влияние насилия

Многочисленными психологическими исследованиями были определены группы детей, которые наиболее восприимчивы к насилию, демонстрируемому по телевидению:

1. Дети, подвергаемые насилию со стороны окружающих, в первую очередь родителей, чаще других детей смотрят телевизор, предпочитая агрессивное содержание программ и восхищаясь агрессивными героями. Эти дети в дальнейшей жизни вероятнее всего вовлекутся в криминальную жизнь.

2. Эмоционально неустойчивые дети, дети с плохими способностями к обучению в школе. Они также много смотрят телевизор, предпочитая агрессивное содержание, идентифицируясь с агрессивными героями.

3. Дети из семей, переживших горе, которые меньше всего получают поддержку родителей.

4. Дети из групп мигрантов (иммигрантов). Они уязвимы в силу того, что много смотрят телевизор, чтобы влиться в культуру той страны,

куда они приехали. Усваивая стереотипы, существующие в данном сообществе, они часто обесценивают свои культурные ценности, тем самым снижают свою самооценку.

Кроме того, на усвоение детьми насильственных моделей поведения оказывают влияние следующие факторы:

Возраст. Непосредственная связь между телевизионным насилием и агрессией была выявлена уже у детей старше 3 лет (J.L.Singer, D.G.Singer, 1981). Установлено, что период, когда ребенок является наиболее восприимчивым по отношению к телевизионному насилию, относится к возрасту 8-12 лет (L.D.Eron, L.R.Huesmann, 1986), а агрессия на раннем этапе взрослости обусловлена рядом актов насилия, наблюдаемых в период среднего детского возраста (L.D.Eron, L.R.Huesmann, M.M.Lefkowitz, L.D.Walder, 1972).

Количество телевизионных просмотров. Агрессивное поведение также связано с общим количеством телевизионных просмотров, а не только с числом насильственных телевизионных актов, демонстрируемых на экране. Также агрессивное поведение может быть вызвано просмотром активных программ, которые в приводят к физиологическому возбуждению и вызывают стенические эмоции у детей (L.D.Eron, L.R.Huesmann, 1986; J.C.Wright, A.C.Huston, 1983).

Идентификация с телевизионными персонажами. Идентификация с персонажем, особенно мальчиками, существенно увеличивает вероятность того, что ребенок будет копировать агрессивное поведение модели (L.R.Huesmann, K.Lagerspetz, L.D.Eron, 1984; L.R.Huesmann, L.D.Eron, 1986) и реализовывать ее в повседневном поведении (Рисунок 54). Было установлено, что дети, которым предъявлялись как реальные, так и мультяшные, персонажи, проявляющие агрессию, вели себя агрессивнее, чем дети, которые не видели агрессивных моделей поведения (Bandura, 1965; Bandura&Ross, 1963; Liebert&Baron, 1972).

Уверенность в реальности телевизионного насилия. Были выявлены значимые связи между уверенностью ребенка в реальности телевизионного насилия, его агрессивным поведением и количеством насильственных актов, которые он наблюдает (L.R.Huesmann, 1986; L.R.Huesmann, L.D.Eron, 1986).

Интеллектуальный уровень развития. Дети с низким уровнем интеллектуального развития главным образом: 1) больше проводят времени у телевизора; 2) смотрят больше программы, связанные с насилием; 3) уверены в том, что телевидение, предполагающее насилие, отражает реальную жизнь; 4) ведут себя более агрессивно (L.R.Huesmann, 1986).

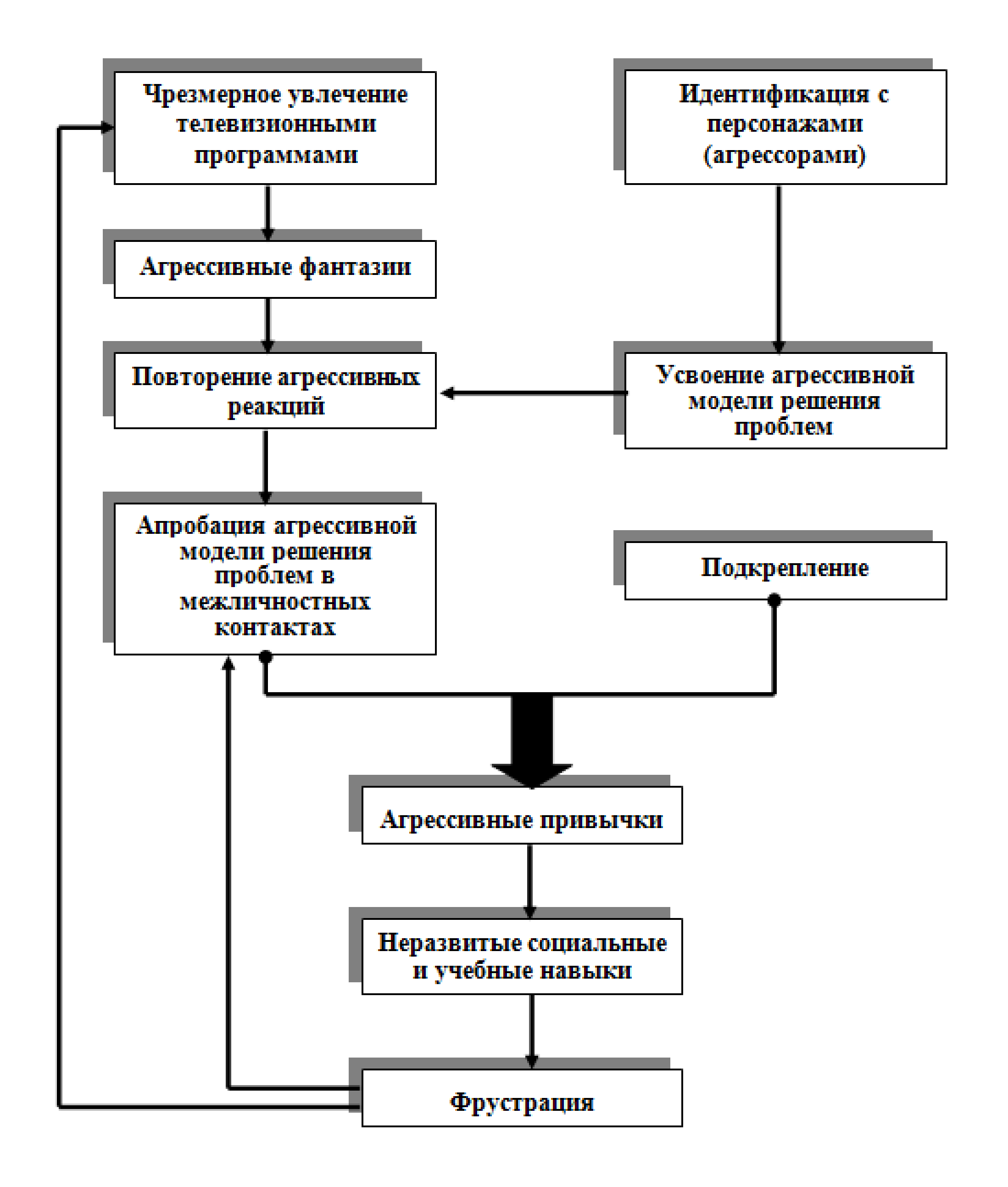

Рисунок 54 – Модель воздействия телепередач на становление агрессивного поведения в результате индентификации с агрессивным персонажем (по L. R. Huesmann, 1984).

Эмоциональное состояние. Состоянии гнева и раздражения перед просмотром и состоянии фрустрации после просмотра насильственных сюжетов могут способствовать повышению телевизионного насилия (G.Comstock, H. Paik, 1991).

Кроме всего прочего, само содержание сюжета, характеристики персонажа и специфика описания насилия может повышать вероятность телевизионного влияния (G.Comstock, H. Paik, 1987,1991). К таким факторам относятся:

1. Поощрение или отсутствие наказания агрессора, совершающего насилие. Исследования показали, что дети вероятнее имитируют агрессивное

поведение, когда агрессия поощряется или по крайней мере не наказывается, и когда насилие презентируется как заслуженное.

2. Представление насилия как оправданного деяния. Так, для маленьких детей, справедливость как мотивация для агрессивных действий не снижает эффекты, вызываемые агрессивным содержанием.

3. Предъявление характеристик насилия, которые могут найти отражение в реальной жизни. Например, описываемая жертва может быть с таким же именем или характеристиками, как и тот человек, по отношению к которому зритель испытывает враждебность.

4. Похожесть самого зрителя на описание совершающего насилие агрессора.

5. Описание насилия таким образом, что его результаты не вызывают отвращения или физиологического торможения.

6. Насилие описывается как реальное событие, а не как событие, выдуманное для кинофильма. Насилие, предъявляемое как вымышленное, «ненастоящее» насилие также вероятнее может вызвать использование агрессивных средств, чем телевизионные программы без насилия. Или агрессия представлена реалистично, или в мультяшной форме, нет разницы в детской склонности ее имитировать.

7. Описание насилия, которое не является объектом критики или негативной оценки. Когда герои используют агрессивные средства для достижения просоциальных целей, маленькие дети плохо понимают смысл передачи, чем когда герои ведут себя постоянно только позитивно или только негативно; они также ведут себя более агрессивно после просмотра сюжетов со смешанным поведением (просоциальным и асоциальным) персонажей, чем когда герой ведет себя полностью просоциальным способом.

8. Описание насильственных актов, которые доставляют удовольствие зрителю.

9. Юмористичное описание, в котором насилие не пресекается насилием.

10. Описание физической агрессии, которое может сопровождаться вербальным оскорблением /насилием.

11. Описания, как насилия, так и других форм отношений, которые вызывают у зрителя состояние неразрешимого волнения.

Было определено, что данные факторы включают в себя 4 характеристики: 1) сила/эффективность (поощрение или отсутствие наказания); 2) нормативность (оправданность, логическая необоснованность, умышленность причиняемого вред физического насилия); 3) уместность (общность характеристик, сходство со зрителем, отсутствие юмористического

насилия); 4) впечатлительность (удовольствие, гнев, фрустрация, отсутствие критики).

Выделяют 3 главные характеристики эффекта влияния телевизионного насилия на детей:

1. ***Дети могут становиться менее чувствительными к боли и страданиям других.*** Одним из наиболее распространенных, вредоносных эффектов влияния насилия по ТВ является *эмоциональная десенситизация*. Десенситизация представляет собой процесс, посредством которого повторное воздействие стимула приводит к уменьшению эмоционального реагировании на данный стимул. Точно также, повторный просмотр сюжетов телевизионного насилия может «десенситизировать» зрителей или сделать их менее чувствительными, менее возбудимыми, менее эмоционально травмированными в отношении насильственных действий, которые они видят по телевизору. Эффект десенситизации может также наблюдаться на уровнях физиологического и поведенческого реагирования.

Кроме того в результате длительного периода просмотров, зрители могут начать оценивать агрессивные фильмы как менее насильственные, чем они это делали первоначально. Эти измененные перцепционные и эмоциональные реакции могут также быть перенесены и на суждения о жертвах насилия в других более реалистических условиях.

2. Дети с большой долей вероятности могут вести себя агрессивно и причинять боль другим людям.

3. ***Окружающий мир может вызывать у детей больше страха.*** Исследования показали, что насилие по телевидению играет важную роль, так как оно передает социальный опыт поведения и приводит к тому, что мир воспринимается как плохой и опасный (N.Signorielli, 1991). Для женщин символическое преследование по телевидению и страх перед окружающим миром находятся в высшей степени взаимосвязи (M.Morgan, 1983). Также было выявлено, что многие из тех, кто проводит больше времени у телевизора, характеризуют окружающий мир как плохой, опасный и не вызывающий доверия. Такая нереалистическая оценка в свою очередь делает таких зрителей более отчужденными и вызывает у них уныние.

4. ***Дети, которые часто видят насилие по телевизору, склонны считать, что агрессия является успешным и приемлемым способом достижения целей и решения проблем.*** Они в меньшей степени отдают предпочтение креативным, связанным с воображением играм, которые в свою очередь оцениваются как естественный способ выражения чувств, преодоления гнева и достижения самоконтроля.

Роль родителей в профилактике насилия на телевидении

В информационном пространстве, где телевидение несет насилие и жестокость, родители являются лучшими ограничителями трансляции этого насилия детям. Дети находятся под прямым влиянием своих родителей и их привычек. И именно родители со всеми своими достоинствами и недостатками являются главным образцом для своих детей в момент научения и усвоения ими тех или иных паттернов поведения. Существует целый ряд стратегий ограничения доступа телевизионной агрессии детям.

Одни дети, находясь под влиянием родителей, могут перенимать определенные действия, но затем они должны «подгонять» их под свое собственное поведение. Поскольку маленькие дети подражают тому, что они видят и слышат по телевизору, со стороны родителей было бы разумно ***препятствовать влиянию телевидения на детей***. Это особенно важно в отношении с маленькими детьми, так как они более склонны к копированию увиденного. В противном случае то, что демонстрирует телевидение, может негативно сказаться на эмоциональном развитии детей.

Другой способ – ***регулировать поведение ребенка***. В этом случае стратегия помощи родителей в уменьшении агрессивного поведения своих детей может заключаться в совместном просмотре телевизионных программ, комментировании содержания, снижении напряжения, если ребенок напуган, а также поощрении или не поощрении поведения, которое они копируют с телевизионного экрана.

Так как есть некоторая вероятность, что младенцы будут подражать тому, что увидят на телевизионных экранах, желание родителей ограничить влияние насилия на телевидении и других неадекватных действий на их детей, которые будут опасны в процессе их подражания – вполне естественно. Однако, при соответствующих условиях и своевременном приобщении младенцев к телевидению, родителям, вероятно, не надо волноваться о том, что их чада будут подвержены негативному влиянию. В самом деле, дети более старшего возраста могут пользоваться образовательными телепрограммами, предназначенными для дошкольников, а также просмотр детских телепередач может быть одним из способов для детей и их родителей проводить совместно время: вместе веселиться, изучать язык, наподобие совместного чтения иллюстрированных книг. Было выявлено, что родители, которые активно смотрели детские образовательные телепередачи с их маленькими детьми, часто сами направляли внимание их ребенка к образам, действиям, объектам и другим деталям на экране. Возможно, именно родители могут преподать первые уроки о том, как смотреть телевизор своим маленьким телезрителям.

В связи со всем этим большинство психологов советуют ограничить

использование сцен насилия в детских передачах, а если они и используются, то не стоит привлекать к ним детское внимание яркими формальными характеристиками. Стоит наоборот показывать комичность агрессивного стиля поведения. Родителям же стоит объяснить своим детям разницу между реальностью и действиями на экране, а также воздержаться от покупки игрушек, которые имитируют героев передач со сценами насилия.

Если ограничение просмотра программ агрессивного содержания – это эффективная форма родительского посредничества для младшего школьного возраста, в то время как для более взрослых детей полезнее ***объяснять и критиковать содержание***. Родители могут помогать подросткам интерпретировать информацию и преодолеть воздействия насилия с экрана. Позитивный эффект этой стратегии заключается в том, что дети начинают прилагать больше усилий к критике и анализу получаемой информации.

Поощряя подростков к высказыванию ***собственного мнения и анализа*** – это стратегия уменьшения страхов и агрессивности, а также улучшения критического отношения к средствам массовой информации.

Родители, когда их дети становятся старше, налагают все меньше ограничений на количество и качество программ, которые смотрят подростки. Вероятно будет лучше, если такие ограничительные санкции будут продолжаться. Как показывают исследования, подростки, которые не подвергались подобным ограничениям со стороны родителей были более напуганы и более склонны поддерживать стереотипы отношений, которые транслируются по телевидению.

Это особенно характерно для подростков, у которых нет доверительных отношений с родителями Однако, формальное поддержание теплых отношений не является достаточным способом изменения влияния телевидения на подростков. Трудности в обсуждении таких вопросов как сексуальное насилие характерны и для родителей, и для подростков. Но доказано, что разоблачение мифов насилия непосредственно перед или сразу после просмотра жестокого фильма/порнофильма снижает отрицательный эффект.

Совместный просмотр телепередач имеет положительные результаты. Однако было обнаружено, что, когда родители демонстрируют сплоченность во мнениях по поводу телепрограмм, отрицательные эффекты телевидения усиливаются. В такой ситуации, дети больше просматривают жестоких фильмов, больше верят в реальность происходящего на экране, научаются агрессивному поведению. Помимо совместного просмотра было бы уместным поощрять в подростках анализ фильмов и сомнения по поводу содержания фильмов. Эта стратегия снижает проявления агрессии и страхов у подростков.

Роль телевидения в профилактике насилия

Психологические исследования в области изучения влияния агрессии на экране на детей показано, что, с одной стороны, эффектами такого воздействия являются имитация насилия и преступных форм поведения, развитие толерантности к насилию в реальной жизни, импульсивность решения возникающих конфликтов. В частности было доказано (B.S.Centerwall, 1993; A.Dorr, P.Kovaric, 1980; N.Signorielli, 1991), что насилие на телеэкране повышает вероятность проявления насильственных и агрессивных черт у молодых людей, а также содействует возрастанию насильственных преступлений.

С другой стороны– жестокость на экране позволит зрителям выплеснуть деструктивные импульсы в фантазиях и символических действиях вместо их реального применения (гипотеза «катарсиса»).

Исходя из этого, большинство психологов сходятся во мнении, что телевидение должно производить программы, специально ориентированные на различные возрастные группы детей. При этом считается, что тема насилия в данных программах должна быть сведена до минимума.

Однако, существует и другая точка зрения. Есть опасения, что ненасильственный, по преимуществу образовательный характер телевизионных программ, особенно ориентированных на детскую аудиторию, может не вызвать у ее интереса, так как до сих пор детей привлекали именно действия агрессивного характера.

Хотя маленькие дети не понимают в полной мере транслируемого содержания, создание образовательных программ с использованием приемов анимации, а также детских и женских голосов, упрощение движений персонажей сделают восприятие детей неагрессивными, а привычка смотреть образовательные программы уменьшит уязвимость детей к насилию и будет способствовать тому, что они будут использовать полученные знания в более позднем возрасте.

Образовательные программы для дошкольников должны включать речь специально обращенную к ребенку (т.е. это простые предложения, медленное проговаривание, обращение к изображенным объектам, постоянное повторение).

Аудитория младших школьников часто бывает просто «забытой». Программы для детей этого возраста практически не создаются, хотя этой группе телезрителей легче всего избежать агрессивных имитаций в поведении. Как уже отмечалось, данную возрастную категорию детей больше привлекают разнообразие сюжета и темп происходящих событий нежели насильственные

действия на экране. Они в большей мере ориентированы силу, но по характеру позитивную, а не насильственную.

Программы для подростков должны избегать мифов о насилии и представления насильственного поведения как «прикольного», «крутого». Телевизионные программы, которые поддерживают мифы насилия, например, которые жестокость преподносят как развлечение или как способ высказаться должны быть ограничены. Содержание программы не должно содержать демонстраций жестокого поведения как способа воздействия, способа получения всеобщего внимания. Желательно, чтобы телепрограммы демонстрировали последствия жестокого обращения, как профилактику подражания со стороны подростков.

Из-за специфической уязвимости подростков и определенному интересу к теме самоубийства, программы, которые имеют дело с этой темой, должны быть тщательно проработаны.

Программы должны уделять больше внимания интересам подростков. Очевидно, что телевидение не учитывает все эти факторы при составлении своих программ. И надо признать тот факт, что дети потенциально более агрессивны, чем взрослые. Поэтому телевидение вызывает к жизни больше агрессии, чем это свойственно природе ребенка.

Влияние агрессивных видеоигр на детей различных возрастов

С момента своего появления электронные игры неизменно продолжают остаются популярными среди детей и молодежи. Однако вместе с ростом их популярности, возрастает и беспокойство со стороны родителей и педагогов пристрастием детей к играм агрессивного содержания.

Эффекты, вызванные жестокими видеоиграми. Вероятно, можно провести параллель и найти некоторое подобие между эффектами от просмотра насильственных телевизионных программ и увлеченностью видеоиграми. Поэтому при рассмотрении влияния видеоигр с насильственным содержанием на агрессивность детей необходимо в большей мере опираться на результаты исследований эффектов телевизионного насилия.

Поскольку существуют данные об увеличение от 3 % до 15 % агрессивных реакций после наблюдения сцен насилия по телевидению и корреляции между визуальной включенностью и агрессивным поведением (C.S. Clark, 1993), многие сходятся во мнении, что видеоигры с элементами насилия приводят к негативным последствиям, формируя у игрока готовность к агрессивным действиям. Научные работы, основывающееся на исследовании самих видеоигр, указывают, на стойкую причинную связь между агрессивными играми и проявлениями агрессии у детей. Хотя в них признается и тот факт, что

проведенных лабораторных исследований было недостаточно. Тем не менее они показывают, что в исследовании, где используется наблюдение за поведением для измерения агрессии есть некоторая тенденция к повышению агрессии после игры или наблюдением за агрессивной игрой. Однако эта тенденция не была выявлена в других подобных исследованиях агрессии, в которых пытались несколько иначе подойти к изучению агрессии, например, через изучение готовности помочь или через причинение телесных наказаний другим детям.

Как показывает ряд исследований, эффекты от увлечения видеоиграми могут быть как отрицательными, так и положительными. Здесь нет единообразия мнений.

Например, некоторые взрослые рассматривают видеоигры как выгодную альтернативу пассивному просмотру телевизионных программ.

Среди психологов, имеются те, кто утверждают, что играя в видеоигры, некоторые дети могут достичь такого профессионализма, которого они иначе не могли бы добиться в другом виде деятельности.

Однако, большинство других психологов считают, что активное участие детей в видеоиграх может в большей степени способствовать развитию детской агрессии, чем простой, но пассивный просмотр насильственных действий по телевидению.

Некоторые специалисты в области образования считают, что, вовлеченность детей в видеоигры позволяет им участвовать в неком творческом диалоге, по сравнению с другими видами активности (E.F. Provenzo, 1992). Видео игры также могут быть использованы для развития речи у детей–аутистов и могут быть полезны в игровой терапии для детей с замеленным развитием (J. B.Funk, J. N.Germann, D. D. Buchman, 1997).

Другая проблема, которая не осталась не замеченной критиками видеоигр состоит в том, что игры предполагают автономные действия, а не сотрудничество. Сценарий большинства игры отличает именно таковой анонимный характер участия играющего, реализующего агрессивный акт против анонимного врага. Например, анализ десяти лучших видеоигры «Nintendo» показал, что они были спроектированы в расчете на автономные действия игрока, сражающегося один на один против злой силы (E.F. Provenzo, 1992). Кроме того таким конструктивным недостатком «страдают» большинство игр: они не рассчитаны на одновременные командные действия.

Социальное содержание игр видео также может влиять на детские отношения к гендерным ролям. Так, например в играх «Nintendo», женщины обычно представляются как люди, скорее на которых нападают, чем как инициаторы действия, а в отдельных случаях они вообще изображены как

жертвы. В играх превалируют мужские персонажи, большинство из которых занимают доминирующую, агрессивную позицию, в то время как ни один из женских персонажей этого не делал. Многие игры основаны на сценарии, в котором женщина похищена или должна быть спасена (E.F. Provenzo, 1992).

В частности, мнение о связи видео и поведенческой агрессии подтвердили результаты исследования, в которых сравнивали показатели уровня мотивации, враждебных чувств, агрессивных мыслей у играющих и наблюдающих за игрой молодыми людьми (S. L.Calvert и S-L.Tan, 1994). Они показали, что люди, которые играют в жестокие компьютерные игры, отличаются повышенным сердечным ритмом, чаще жалуются на головокружение и тошноту, демонстрируют более агрессивные суждения непосредственно после игры в отличие от тех, кто не играл в агрессивные игры. Кроме того отмечалось, что, например, мышечные и суставные боли, которые изредка появляясь, обычно проходят при прекращении чрезмерно долгих сеансов игры. Игра обычно сопровождается и повышением сердечно–сосудистая активности, которая также может со временем пройти. Однако, она может быть опасной для людей с не диагностированными сердечно-сосудистыми заболеваниями и полезной для людей, которые ведут малоподвижный образ жизни.

В других исследованиях определялось, есть ли какая-либо связь между такими характеристиками игры как агрессивность–неагрессивность и такими личностными чертами учащихся как импульсивность–рефлексивность (A. R.Irwin и A. M. Gross, 1995). Было установлено, что молодые люди, играющие в агрессивные игры по сравнению с играющими в неагрессивные игры демонстрировали более высокий уровень вербальной и физической агрессии по отношению как к неодушевленным объектам, так и к партнерам по игре. Более того это поведение никак не было связано с такими характеристиками испытуемых как рефлексивность или импульсивность.

Также сравнивались эффекты от жестоких игр с эффектами от нежестоких компьютерных игр. Результаты показали, что дети предпочитающие агрессивные игры, чаще других предписывают враждебные намерения другим людям (S. J.Kirsh, 1997).

Н. Шутт и ее коллеги (N. S.Schutte, J. M.Malouff, J. C. Post-Gorden, A. L.Rodasta, 1988) наблюдали за действиями 5-7-летних детей, которые играли в видеоигры агрессивного и неагрессивного содержания. Впоследствии, дети были перемещены для игры в комнату, находилась кукла «Bobo» и нейтральные предметы. После наблюдения за поведением детей в течение некоторого времени, исследователи сделали заключение, что детское поведение во время игры определяется характером видеоигры, в которой они принимали участие. Было установлено, что те дети, кто играл в видеоигру с

сюжетами насилия (восточные боевые искусства) била куклу «Bobo» более настойчиво чем те, кто играл ненасильственную видеоигру.

А.Ирвин и А.Гросс (A. R.Irwin, A. M.Gross, 1995) определили, что в зависимости от того, в какую видеоигру играли 7-8 летние дети – они проявляли больше агрессивных реакций в других ситуациях. Было замечено, что дети, которые играли в насильственную видеоигру, проявляли больше инструментальной агрессию в обычной ситуации игры и больше открытой и межличностной агрессии во фрустрирующей ситуации взаимодействия со сверстниками, чем те, которые играли в ненасильственную игру.

Дж.Купер и Д.Маки (J. Cooper, D.Mackie, 1986) наблюдали за поведением 9-10-летних детей в игровой комнате после участия в агрессивной, неагрессивной видеоигре или нейтральной игре. После кратковременной игры, дети направлялись в комнату, где они могли выбрать разнообразные игрушки. Детям также предоставлялась возможность наказывать или вознаграждать другого ребенка, определяя меру наказания или вознаграждения, которую заслужил ребенок за действия в различных ситуациях. Было обнаружено, что дети, которые играли или наблюдали за агрессивной видеоигрой больше времени играли с агрессивными игрушками (например, со стреляющим дротиками пистолетом), чем другие детей. Девочки тратили больше времени на игру с агрессивными игрушками, чем мальчики. Вместе с тем, экспериментаторы сделали вывод, что хотя участие в видеоиграх и повлияло на постигровую активность детей, видеоигры не оказывают никакого эффекта на общий уровень агрессии.

С.Лин и М.Леппер (S. Lin, M. R.Lepper, 1987) опросили 9-11 летних детей об их увлеченности видеоиграми, о восприятии собственной агрессивности, об их способностях в достижении академических успехов и досуговой активности. Кроме того, были опрошены и учителя, которых просили оценить детскую компетентность, агрессивность, популярность, мотивацию и отношение к школе, симпатии к другим учащимся. В итоге была выявлена положительная корреляция между оценками детей, которые играли в агрессивные видеоигры и оценками преподавателей их агрессивности и импульсивности. Также обнаружили, что заядлые игроки в видеоигры были и заядлыми телезрителями и значительно хуже учились в школе.

Р.Кестенбаум и А.Вейнстейн (R.Kestenbaum, A.Weinstein, 1985), опросив 11-14-летних детей обнаружили, что участие в агрессивных видеоиграх не влияет на усиление агрессивного поведения, углубление невротического состояния, увеличение стремления к социальной изоляции или ухода в фантазии. Вместо этого, видеоигры оказывали на этих детей успокаивающий эффект.

Дж.Чемберс и Ф.Эскион (J. H. Chambers, F. R.Ascione, 1987) изучили 8-13-летних детей, игравших в видеоигры с агрессивным сюжетом, просоциальным сюжетом или в обычную игру. При этом измерялся не уровень детской агрессии, а уровень просоциального поведения. Просоциальное поведение определялось как действия, которые приносят пользу другому человеку без ожидая вознаграждения для самого себя. В ходе эксперимента каждому ребенку предлагалось пожертвовать монетку на нужды бедных детей. Было установлено, что дети, которые играли в видеоигру агрессивного содержания более неохотно жертвовали деньги на благотворительные нужды, чем те, которые играли в просоциальную игру.

К.Андерсон и К.Дилл (C. A.Anderson, K. E.Dill, 2000) установили положительную корреляцию между насилием в видеоиграх и агрессивным поведением у студентов колледжа. Те, кто играли насильственную игру, имели более агрессивные мысли и были более агрессивно настроены по сравнению с теми, кто играл в ненасильственную игру.

Д.Скотт (D. Scott, 1995) провел исследование на студентах, которым предлагалось сыграть в чрезмерно, умеренно или неагрессивную видеоигру. До и после игры просили заполнить опросник, который выявлял уровень их агрессии. Было определено, что мужчины и женщины, игравшие в умеренно агрессивную видеоигру, имели более низкий уровень агрессии после игры, чем те, которые играли в ненасильственную игру. Удивительно, уровень агрессии у студентов, которые играли в чрезмерно агрессивную видеоигру, увеличился несущественно. Отсюда был сделан вывод об отсутствии взаимосвязи между насилием в видеоиграх и агрессивным поведением их участников.

М. Каламасам и С. Грубером (M.Kalamas, S.Gruber, 1998) были проведены исследования с использованием методики ЭКГ (измерение электрокожного сопротивления), изучая силу эмоционального и физиологического воздействие на зрителей, материалов агрессивного содержания. К сожалению, данных о влиянии участия в агрессивных видеоиграх на электрокожную активность игроков получено не было. Вместе с тем, полученные данные не безинтересны. Было установлено, что сюжеты с насилием приводили к повышению электрокожного сопротивлению, чем нейтральные сюжеты. На основе этих данных констатировалась связь между насильственным сюжетом и агрессивным поведением. Однако, эта связь зависела от характеристик участников и происходящих в сюжете действий.

Гендерные различия. Различиям в игровых привычках было посвящено несколько исследований и они показали, что мальчики играют в видео игры больше чем девочки. Чтобы оценить игровые предпочтения мальчиков и девочек

была разработана классификация видеоигр (J. B.Funk, D. D.Buchman, 1994). В классификацию вошли такие категории: развлечения, познавательность, насилие над выдуманным персонажем , насилие над человеком, неагрессивный спорт, агрессивный спорт.

Исследованиями было установлено (J. B.Funk и D. D.Buchman, 1994), что и мальчики, и девочки младшие подростки предпочитают игры со сценами насилия. Но мальчики предпочитают игры с агрессивными спортивными состязаниями, в то время как девочки отдают предпочтение вымышленному насилию в играх. Также исследование показало, что девочки больше мальчиков предпочитают познавательные игры. Однако, и у мальчиков и у девочек при переходе от младшего к старшему подростковому возрасту отмечается тенденция к уменьшению значимости обучающих игр. В целом жестокие видеоигры популярны как среди мальчиков так и девочек.

Изучение высказываний учащихся 4 и 5 классов по поводу того насколько это хорошо если мальчик или девочка предпочитают видеоигры (J. B.Funk и D. D.Buchman, 1996) показало – большинство опрошенных утверждали, что видеоигры хороши как и для мальчиков так и для девочек. Исследователи полагают, что для девочек стало характерным осознание своих равных возможностей в игре, что свидетельствует о том, что пути социализации мальчиков и девочек становятся более похожими друг на друга.

Кроме того, было обнаружено (J. B.Funk и D. D.Buchman, 1994), что мальчики, которые отдают явное предпочтение какому-либо виду агрессивной видеоигры (агрессивный спорт, воображаемое насилие, насилие над людьми) имеют низкий уровень компетентности в некоторых сферах жизнедеятельности. Например, в учебных навыках, межличностном общении и поведенческих навыках. В другом исследовании (J. B.Funk и D. D.Buchman, 1996) исследовали как привязанность к жестоким видео играм отражается на Я-концепции подростка. Оказалось, что привязанность к жестоким играм, привычка проводить много времени за компьютером для девочек (в меньшей степени для мальчиков) связаны с низким уровнем доверием к себе и с негативной Я-концепцией в целом.

Исследования показали, что мужчины играют в видеоигры чаще, чем женщины. Однако, это факт не является свидетельством врожденного мужского стремления стать свидетелем или соучастником насилия. Вероятнее всего, что мужчины просто ищут сильные образцы для подражания или идентификации, которые они находят на этих играх (C.S. Clark, 1993).

Можно заметить, что в результатах приведенных выше исследованиях есть свои «за» и «против». Психологи больше склонны доверять экспериментальным исследованиям, однако возникает вопрос – всегда ли

выявленная в лабораторных условиях агрессия будет проявляться в жизненной ситуации и не зависит ли увеличение агрессии от различных «случайных» факторов: методики исследования, время участия в игре, сюжета и правил видеоигры, контингента испытуемых и пр. Та же проблема достоверности возникает и при анализе результатов исследований, полученных на основании самоотчетов. Вместе с тем, проанализировав многочисленные исследования, К. Андерсон и его коллеги (C. A. Anderson, W. E. Deuser, and K. M. DeNeve, 1995) пришли к выводу о том, что увлечение видеоиграми агрессивного содержания может оказывать на человека, как кратковременный, так и долговременный эффект (Рисунок 55).

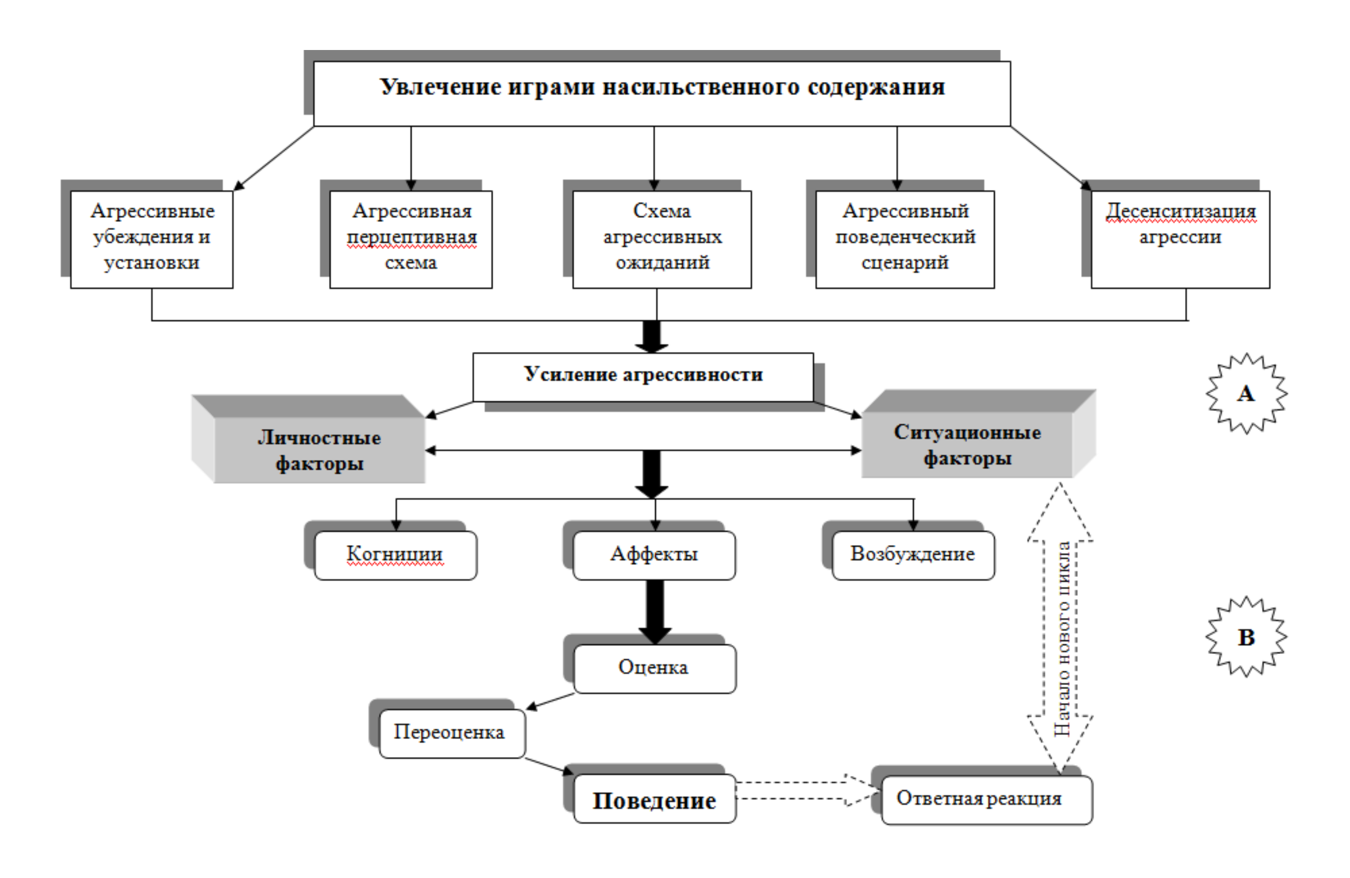

Рисунок 55 – Общая модель аффективной агрессии: Долгосрочный (A) и краткосрочный (B) эффекты влияния видеоигр насильственного содержания (From C. A. Anderson, W. E. Deuser, and K. M. DeNeve, 1995)

Вопросы для самоконтроля

1. Постарайтесь объяснить различия во влиянии телевидения на детей различных возрастов?

2. Назовите группы детей, которые наиболее восприимчивы к насилию, демонстрируемому по телевидению?
3. Перечислите факторы, оказывающие влияние на усвоение детьми насильственных моделей поведения?
4. Дайте краткую характеристику 3 главным эффектам влияния телевизионного насилия на детей?
5. Какие шаги могут предпринять родители, чтобы снизить эффекты влияния телевидения на ребенка?
6. Каковы долгосрочные и краткосрочные эффекты влияния видеоигр насильственного содержания?

МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ АГРЕССИИ И ПРИЗНАКОВ НАСИЛИЯ

Наблюдение

Метод наблюдения, пожалуй, самый древний метод сбора информации о поведении человека. Он также наиболее часто используется в педагогической практике для составления характеристик на человека. Немаловажную роль играет этот метод в психологической практике, по крайней мере, по двум основаниям. Во–первых, это возможность получить богатую информацию для предварительного психологического анализа особенностей поведения ребенка или взрослого и составления программы исследования. Во–вторых, наблюдение можно использовать, когда психологическая информация не может быть получена никакими иными методами.

Итак, *наблюдение* представляет собой метод сбора информации путем непосредственного восприятия и прямой регистрации всех элементов поведения ребенка или взрослого человека в соответствии с целью и задачами психологической диагностики.

Наблюдение за агрессивным поведением может вестись как в естественных, так и лабораторных условиях. Вместе с тем, наблюдение агрессии в естественной обстановке обладает одним существенным преимуществом: информацию о поведении можно получить непосредственным образом, поскольку наблюдаемые не предполагают, что их поведение регистрируется кем–то посторонним. Иными словами этим снимается эффект социальной желательности, что в случае наблюдения за агрессией является немаловажным.

Наблюдение в естественных условиях. Одна из целей наблюдения в естественных условиях – получение реальной картины различных форм

агрессии в конкретных условиях и частоты их проявления. Данный подход обычно называют *естественным наблюдением*.

В психологической практике в зависимости от того, какой степени точности информацию необходимо получить психологу, используются два вида наблюдения: неструктурализированное и структурализированное.

При ***неструктурализированном наблюдении*** заранее не определяется, какие именно элементы поведения будут подвергнуты наблюдению. При использовании данного метода исследования регистрируется естественный ход реакций человека, а затем информация подразделяется на более мелкие единицы анализа и, наконец, распределяется по заранее определенным категориям. Оно не имеет строгого плана, а заранее определены лишь объект и ситуация наблюдения. Здесь важнейшей проблемой является определение: кого, где и когда наблюдать поведение и как определить базовые единицы анализа. Иными словами, психолог определяет конкретного человека, за которым будет вестись наблюдение и ситуацию, в которой происходят те или иные события.

Понятно, что все поведение человека невозможно охватить наблюдением. Поэтому обычно составляется самая простая схема наблюдения поведения, выделяются основные его элементы. В качестве такой схемы можно использовать подход, основанный на принципах, заключенных в разработках С. Розенцвейга, который считал, что критическая или фрустрирующая ситуация является прекрасным индикатором, позволяющим диагностировать нарушение поведения. Это справедливо потому, что невозможность удовлетворения уже активированной потребности из–за какого–либо препятствия расценивается и ребенком, и взрослым как негативная, неприятная, трудная ситуация. В результате человек начинает проявлять активность, направленную на изменение сложившегося положения.

Легче и интереснее всего наблюдать за поведением ребенка, поскольку его действия более спонтанны и менее согласованы с социальными нормами. Поэтому детская активность чаще всего и более рельефно проявляется во внешнем плане в поведении и включает эмоциональные реакции, вербальные (слова) и невербальные (жесты, мимика) реакции и поступки.

Вместе с тем, внутренний план тоже имеет не малое значение – это касается в первую очередь психологических защит.

Итак, поведение ребенка в критических ситуациях различается по направленности реакций:

- ***внешняя (экстрапунитивная) направленность***: характеризуется открытым проявлением агрессии, направленной на безличные обстоятельства, предметы или социальное окружение; в ответах обычно содержатся либо осуждение внешних атрибутов или участников ситуации, либо поручение,

другому лицу с требованием исправить положение, удовлетворить потребности;

- ***направленность на себя (интропунитивная)***: характеризуется открытым выражением обвинения или требования, адресованными самому себе; в ответах обычно содержатся либо покорное принятие фрустратора в виде блага, либо признание собственной вины или ответственности за разрешение и исправление ситуации;
- ***несубъектная (импунитивная) направленность*****:** характеризуются отсутствием агрессии, обвинений, требований и отрицанием либо проблемности ситуации или конфликта, либо виновности или ответственности кого–то, выражение надежды на благоприятное разрешение проблемы.

По видам реакций:

- ***препятственно–доминантный*** (фиксирование внимания на препятствии, стрессоре, помехе, фрустраторе, на том явлении, предмете, который и создает критическую ситуацию);
- ***самозащитный*** (самооправдание, приведение аргументов в свою защиту, обвинение другого в целях отведения от себя наказания и т.п.);
- ***упорствующе–разрешающий*** (не уход из ситуации, а упорство в ее разрешении каким–либо образом, т.е. стремление не оставить ситуацию не завершенной, поиск выхода, конструктивного решения и т.п.).

1. Экстрапунитивный, препятственно–доминантный тип

Аффективно–динамические реакции: раздражение, гнев, направленный на фрустратор (ту помеху или препятствие, которое создает критическую ситуацию), желание немедленно изменить ситуацию или ощущение беспомощности.

Вербальные реакции: называние фрустратора, проговаривание невозможности реализовать цель («Так получилось, теперь ничего не поделаешь», «Стул, ты мне мешаешь!», «Отойди и у меня все получится!»).

Поведенческие реакции: остановка в деятельности, нерешительность, колебания в приеме решения.

К экстрапунитивному, препятственно–доминантному типу относятся такие *психологические защиты*, как фиксация на препятствии и фиксация на цели.

Примеры: у ребенка отобрали игрушку, конфету или что–то подобное, он плачет, вместо того, чтобы взять или попросить новый предмет; ребенок разбил чашку, из которой пил и обвиняет ее за то, что она хрупкая.

2. Интропунитивный, препятственно–доминантный тип

Аффективно–динамические реакции: обида, огорчение, ощущение собственной неправоты, признание себя тем фактором, который создал неприятную ситуацию, самообвинение, самоуничижение.

Вербальные реакции: «Это я во всем виноват», «Да, это из–за меня все так получилось», «Я такой неуклюжий» и т.п.

Поведенческие реакции: покорность наказанию, остановка, бездействие; невербальные реакции: опускание глаз, «вялая» моторика и т.п.

К интропунитивному, препятственно–доминантному типу относятся *психологические защиты*: признание себя причиной критической ситуации, подчинение, уход.

Пример: ребенок сломал игрушку, чувствует свою вину, стоит, опустив голову, и ждет наказания.

3. Импунитивный, препятственно–доминантный тип.

Аффективно–динамические реакции: отрицательные эмоции невысокой интенсивности.

Вербальные реакции: «Ну вот оторвалась пуговица, но это не страшно», «Это не важно и не заслуживает внимания», «Пустяки, дело житейское» и т.п.

Поведенческие реакции: остановка деятельности, постепенное восстановление активности.

К импунитивному, препятственно–доминантному типу можно отнести такие *психологические защиты* как подчинение, отрицание, уход, терпение.

Пример: у ребенка отобрали спички, он не огорчается, а постепенно восстанавливает игру.

4. Экстрапунитивный, самозащитный тип

Аффективно–динамические реакции: гнев высокой интенсивности, направленный на другого человека или какой–либо обьект, который называется в качестве причины создавшейся трудной ситуации; раздражение, ненависть, чувство беспомощности, растерянность, обида.

Вербальные реакции: «Это ты во всем виноват», «Я не виноват, это другой сделал», «Это чашка сама выскользнула, она виновата» и т.п.

Поведенческие реакции: показывание пальцем на того, кто еще оказался в критической ситуации, обвинение его; ребенок может ударить другого, замахнуться на взрослого и т.п.

Психологические защиты, соответствующие этому типу: агрессия на других людей и внешние предметы, уход из критической ситуации.

Пример: ребенок сломал игрушку младшего брата и пытается ударить родителя, который сделал ему замечание.

5.Интропунитивный, самозащитный тип

Аффективно–динамические реакции: обида, стыд, растерянность, чувство незащищенности.

Вербальные реакции: «Да, я виноват, но я сделал это не нарочно», «Я опоздал, но я никак не мог найти свои ботинки», т.е. приведение аргументов в свою защиту.

Поведенческие реакции: остановка в деятельности, смущение.

Невербальные реакции: скрещивание рук на груди, как бы защищая себя от удара, опускание головы.

Интропунитивному, самозащитному типу соответствует такая *психологическая защита*, как оправдание себя, приведение доводов в свою защиту.

Пример: Взрослый ругает ребенка за какой–либо поступок, ребенок признает, чно он это совершил, но указывает на те обстоятельства, которые смягчают его вину.

6. Импунитивный, самозащитный тип

Аффективно–динамические реакции: эмоции почти не изменяются с наступлением критической ситуации, соответствуют предшествующему эмоциональному состоянию.

Вербальные реакции: «А мне не больно», «А у меня другая игрушка есть», «А я тогда буду играть в другую игру» и т.п.

Поведенческие реакции: обращение к другой деятельности, демонстрация нефрустрированного поведения, демонстрация замещающих предметов и деятельностей.

Импунитивному, самозащитному типу соответствуют следующие *психологические защиты*: терпение, отрицание критической ситуации, замещение, смещение, фантазирование.

Пример: Ребенок сломал игрушку, берет другую взамен сломаной.

7. Экстрапунитивный, упорствующе–разрешающий тип

Аффективно–динамические реакции: гнев, обида, раздражение, невозможность отвлечься, успокоиться, ригидность ("застревание") эмоций.

Вербальные реакции: «А я все равно хочу эту игрушку, принеси мне ее», «Игрушки надо собрать. Мама, помоги мне», «Папа, я сломал игрушку, почини ее» и т.п.

Поведенческие реакции: отдача фрустратора, испорченного обьекта, например, дргому человеку; невербальные реакции: пристальный контакт глаз с фрустратором и тем обьектом, который является желательным в данной ситуации.

Экстрапунитивному, упорствующе–разрешающему типу соответствуют такие *психологические защиты*, как: внешняя агрессия, конструктивный

выход из ситуации за счет другого человека: взрослого или другого ребенка, фиксация на цели.

Ребенок названного типа не способен выйти из наступившей критической ситуации, он хочет ее разрешения, окончания, но за счет действий другого человека, не зависимого от того, кто на самом деле создал критическую ситуацию, например, испортил что–либо, разбил и т.п. При этом типе ребенок может долго плакать, устраивать истерики, не реагировать на действия взрослого, пытающегося «переключить» его на новые предметы.

8. Интропунитивный, упорствующе–разрешающий тип

Аффективно–динамические реакции: стыд, желание достичь разрешения ситуации, стремление устранить критическую ситуацию, активные эмоциональные переживания.

Вербальные реакции: «Я сам все исправлю», «я это сделаю», «я переделаю» и т.п.

Поведенческие реакции: устранение фрустрирующего обьекта, деятельность по завершению критической ситуации.

Интрапунитивному, упортсвующе–разрешающему типу соответствует следующая *психологическая защита*: конструктивный выход из критической ситуации за счет собственных действий.

Пример: Ребенок пытается склеить разбитую им чашку.

9. Импунитивный, упорствующе–разрешающий тип

Аффективно–динамические реакции: безразличие по отношению к действиям окружающих в критической ситуации, спокойствие, сохраняется эмоциональное состояние, испытываемое ребенком до наступления критической ситуации.

Вербальные реакции: «Ничего, пройдет», «ничего, со временем все улучшится», «все само собой исправится», «до свадьбы заживет».

Поведенческие реакции: остановка деятельности, наблюдение за действиями окружающих.

Импунитивный, упорствующе–разрешающий тип редко можно наблюдать у ребенка, такой тип не характерен для детского возраста, поэтому пример будет приведен из поведения взрослого человека: человек упал, ушибся и поранился, но отреагировал на это спокойно: "ничего, скоро заживет".

Естественно, что, исследуя нарушения в поведении, в частности, различные виды агрессивности и негативизма, психолог должен обращать особое внимание на реакции экстрапунитивного и интропунитивного типа. Результаты наблюдения, зафиксированные в специальном протоколе (см. образец), обрабатываются в соответствии с классической процедурой.

Образец

Протокол наблюдений

Фамилия, имя, отчество наблюдателя _______________________________

Фамилия, имя, отчество объекта наблюдения ____

Дата_________________Время начала_____________Время окончания_________________

Ситуация:____

Фрагмент ситуации	Эмоциональные реакции	Вербальные реакции	Невербальные реакции	Поведенческие реакции	Комментарий

Заключение: ____

Подпись наблюдателя ___________

При другом, ***структуализованном наблюдении***– заранее определяется круг изучаемых элементов или ситуаций, которые в наибольшей степени интересуют психолога. В этом случае специальный план записи или фиксации результатов наблюдений составляется еще до начала сбора информации. В качестве примера названного вида наблюдений можно привести «Карту наблюдений Д. Стотта». Данная методика направлена на выделение характера дезадаптации ребенка. В ее основу положена фиксация различных форм поведения ребенка по результатам длительного наблюдения.

Карта наблюдений включает 198 фрагментов фиксированный форм поведения, а наличие или отсутствие которых у ребенка должен следить наблюдатель, заполняющий карту. Эти фрагменты сгруппированы в 16 синдромов.

В регистрационном бланке наблюдатель зачеркивает те цифры, которые соответствуют формам поведения (фрагментам), наиболее характерным для данного ребенка. Центральная вертикальная черта отделяет более тяжелые нарушения (справа) от менее тяжелых (слева). Номера симптомов не всегда идут по порядку, их расположение зависит от значимости того или иного симптома в общем описании синдрома. При оценке симптома фрагмент, находящийся слева от вертикальной черты оценивается одним баллом, справа – двумя. Подсчитываются сумма баллов по каждому синдрому и общий «коэффициент дезадаптированности» по сумме баллов всех синдромов. Большее число зачеркнутых фрагментов поведения у ребенка (по сравнению с другими детьми) дает возможность сделать вывод о серьезных нарушениях в развитии его личности и поведения.

Безусловно при оценке агрессивности ребенка особое внимание следует уделять синдромам, описывающим враждебность по отношению ко взрослым, к детям и недостаток социальной нормативности.

Карта наблюдений может заполняться как психологом, так и педагогом. Однако в последнем случае не всегда удается получить объективную картину поведения ребенка из–за нередкого субъективизма представления педагога о данном ребенке или из–за предвзятого отношения к нему. Поэтому в тех случаях, когда полученная информация вызывает сомнение психолога или у него есть неуверенность в правильности оценки тех или иных нарушений поведения ребенка следует провести самостоятельное наблюдение, особенно за группой дезадаптированных детей.

В заключение следует отметить, что описанные выше методики диагностики нарушений поведения путем наблюдения лучше всего использовать при работе с детьми дошкольного и младшего школьного возраста. Это связано с тем, что использование других методов существенно затруднено по целому ряду причин, связанных с уровнем психического развития детей этих возрастов. Конечно, нужно стремиться понаблюдать за ребенком в различных ситуациях. Однако необходимо еще раз акцентировать внимание на том, что наблюдение за игровой деятельностью является наиболее информативным.

Интервью

Определить характер агрессии и нарушений поведения, их психологические причины можно, используя в работе с детьми такой метод как интервью. Модель интервью, его содержание и направленность вопросов определяется той методологической и теоретической схемой, которой придерживается тот или иной психолог в работе с детьми.

Индивидуальный психологический опросник. Одним из примеров психоаналитической модели интервью может служить разработанный А.Адлером «Индивидуальный психологический опросник» (H.L.Ansbacher, R.R.Ansbacher, 1994). Он был сформулирован для того, чтобы определить биологические, психологические, социальные условия формирования стиля жизни, в рамках которого возникают нарушения личностного развития и поведения, для понимания и оказания помощи в преодолении проблем детей, но также и для того, чтобы обнаружить те психологические механизмы, которые позволяются ребенку справляться с негативными ситуациями.

В результате проведения интервью получают информацию о причинах возникновения расстройства, о системе взаимоотношений в семье и с социальным окружением, об интересах ребенка, о содержании воспоминаний

и сновидений, о поведенческих проблемах, физической и психологической неполноценности, а также о позитивно ценных качествах.

Диагностическое интервью. Другим более компактным примером диагностического психоаналитического интервью может служить схема, предложенная Н. Мак–Вильямс (1998), которая включает следующие компоненты: демографические данные о человеке, текущие проблемы и их состояние, личная история, период младенчества и детства, латентный период, подростково–юношеский период, текущие представления (ментальный статус), заключение, выводы.

Анкета подростка. Метологическим основанием для разработки данной схемы интервью стала теория социального научения. «Анкета подростка», разработанная А.Бандурой и Р.Уолтерсом (1999), была создана для оценки степени выраженности физической, вербальной, косвенной агрессии и враждебности подростков против родителей и ближайшего окружения.

Схема беседы с подростками имеет полуструктурированный характер, т.е. задаются стандартные вопросы в заранее установленном порядке. Используются вопросы «открытого» типа, что позволяет респонденту отвечать настолько подробно, насколько он хочет и выражать свои отношение и чувства в той мере, в какой он сочтет нужным.

Модель интервью представляет собой 40 вопросов. Его результаты оцениваются по 89 пятибалльным шкалам. В целом и главным образом шкалы направлены на измерение:

– ***физической агрессии***, которая включала такие действия как физическое нападение, попытки затеять драку, удары кулаками или различными предметами с целью нанесения телесных повреждений;

– ***вербальной агрессии***, которая подразумевает нападение в любой форме, прямое ввзаимодействие, открытую агрессию или неповиновение и включает оскорбления, словесное унижение, отказ повиноваться взрослым, угозы, при условии, что они выражались открыто тому, кому предполагалось причинить вред;

– ***косвенной агрессии***, которая включает менее явные проявления вербальной агрессии, такие, как клевета, отказ в просьбе с целью обидеть просителя и инспирирование агрессии со стороны других;

– ***враждебности***, которая характеризуется пренебрежительным отношением к своим родителям, учителям, сверстникам.

Интервью с ребенком, подвергшимся насилию. Обычно стандартная структура интервью с ребенком, подвергшемся физическому или

сексуальному насилию включает общие, фокусированные, открытые, альтернативные и нарпавляющие вопросы.

Общие вопросы. Эти вопросы часто используются как вводные вопросы, когда психолог пытается понять общий контекст ситуации.

Фокусированные вопросы. Эти вопросы позволяют получить более подробную и конкретную информацию о ситуации. Есть три типа фокусированных вопросов:

- вопросы, сфокусированные на людях,
- вопросы, сфокусированные на обстоятельствах насилия,
- вопросы, сфокусированные на частях тела.

Вопросы, сфокусированные на людях, обычно включают вопросы о предполагаемом агрессоре (насильнике). Это является продуктивной стратегия начать разговор с нетрудных для «жертвы» вопросов. Эти вопросы могут касаться взаимоотношений в семье в целом, братьев или сестер, матери и отца и, наконец, более конкретно предполагаемого насильника. Фокусированные вопросы о предполагаемом насильнике могут быть следующими:

- Как он/она ведут себя в семье, что он/она обычно делают?
- Как он/она ведут себя по отношению к Вам, как он/она обычно поступают с Вами?
- Делает ли он/она в семье что-то такое, что Вам нравится?
- Делает ли он/она в семье что-то такое, что Вам не нравится?
- Он/она когда-нибудь делал с Вами что-то такое, что Вам не нравилось?

Если возникает подозрение или есть основания полагать, что ребенок подвергся сексуальному насилию или домогательству, часто задают два типа фокусированных вопросов о возможных обстоятельствах сексуального насилия.

- Есть ли в вашей семье какие-нибудь тайны?
- Он/она когда-либо играют с Вами в игры? Какие?

Эти вопросы обычно используются, потому что часто детям говорят, что сексуальное насилие является некой особой тайной между ребенком и насильником. Кроме того, насильники, чтобы оправдать свои действия и вызвать ребенка на сотрудничество, могут представлять свои действия как нормальное поведение или игру.

Могут быть и другие фокусированные вопросы, связанные с обстоятельствами насилия. Эти вопросы предлагаются получение вспомогательной информации:

- Как Папа заботится о Вас, когда Мама на работе?

- Что делает Мама/Папа, когда Вас купает (переодевает, укладывает спать и пр.)?

Вопросы, которые сфокусированы на частях тела, обычно используются в сочетании с анатомическими куклами или анатомическими рисунками людей. Психолог делает так, чтобы ребенок дал свои названия для различных частей тела. Это делается для того, чтобы фокусированные вопросы некоторых частях тела, особенно интимных, задавались на понятном ребенку языке. Например, психолог может задать следующие вопросы относительно мужского полового члена:

- Вы когда-нибудь видели «пипиську» (член), у какого-то дяденьки (мужчины)?
- У кого Вы ее/его видели?
- Что ею/им делали?

Если ребенок отвечает, «писали», психолог может спросить «А что можно делать еще?».

Сходные вопросы можно задать о влагалище, в случае сексуального домогательства со стороны женщины.

- Кто-либо когда-нибудь касался твоей «пиписьки» (члена, влагалища)?

Если ребенок отвечает, что он/она касался полового органа, психолог может спросить:

- Кто - либо еще касался этого?

Если ребенок называет кого - то, психолог может продолжить:

- "Когда он/она касались этого?

В некоторых случаях или на определенные вопросы в течение интервью дети затрудняются отвечать на фокусированные вопросы или они могут ответить «я не знаю» или «я не помню». В этих случаях, необходимо больше концентрироваться на направляющих вопросов.

Открытые вопросы. Когда информация, полученная с помощью фокусированных вопросов, не является конкретной, психолог может обратиться к открытым вопросам. Существует несколько ограничений для их использования. Во-первых, например, маленькие дети вообще могут испытывать трудности при ответах на такого рода вопросы. Во-вторых, психолог должен убедиться, что получил истинный ответ. Поэтому вопрос нужно формулировать таким образом, чтобы исключить неправдивые или неточные ответы. Например, в случае, когда жертва агрессии подтвердила, что при этом присутствовал кто-то другой, но не ответила, кто именно, когда об этом спрашивали, интервьюер может спросить «Был ли это один из ваших друзей или кого - то еще?». В-третьих, желательно ограничить использование

открытых вопросов к обстоятельствам сексуального насилия и, если возможно, не использовать их, чтобы спросить о насилии непосредственно.

Закрытые (Да-Нет) вопросы. Эти вопросы используются для получения более точной и однозначной информации. Они задаются также с целью избежать получения социально желательных ответов (особенно это касается маленьких детей). Ребенок может ответить утвердительно, потому что он думает, что положительный ответ желателен или отрицательный ответ нежелателен. Кроме того, ребенок может просто не понять вопрос, однако ответит на него «Да».

В отличие от фокусированных вопросов, в закрытые вопросах обычно точно называются и предполагаемый агрессор, и его действия. Примеры альтернативных вопросов следующие:

- «Ваша мама закрывала тебя в темном туалете?»
- «Когда ты получал плохую оценку, отчим тебя бил ремнем?»
- «Твой брат засовывал тебе палец в вагину?»

Направляющие вопросы. Направляющий вопрос - тот, в котором желательный ответ определяется уже в самом вопросе. С направляющими вопросами обычно сталкиваются свидетели, когда их подвергают перекрестному допросу в суде. Направляющие вопросы по своей сути оценочные и могут быть восприняты как принудительные, потому что они передают собственное представление интервьюера о происшедших событиях. Направляющие вопросы также могут влиять на интерпретацию событий жертвой, поэтому не могут давать объективной картины инцидента насилия. Примеры направляющих вопросов следующие:

- «Ваш папа гладил твою грудь, не так ли?»
- «Учительница не могла ударить тебя по лицу, не так ли?»

Стратегия использования вопросов. Интервьюер должен использовать так много открытых вопросов насколько возможно. Кроме того, основу интервью должны составлять общие или фокусированные вопросы или закрытые вопросы, но только в том случае, если предыдущие вопросы не позволили выявить никакой информации. Такую стратегию можно проиллюстрировать следующим рядом вопросов: психолог спрашивает ребенка, где была мама, когда папа тебя бил (фокусированный вопрос) - ребенок не отвечает. Интервьюер тогда спрашивает, была ли мама в комнате или нет (открытый вопрос). Ребенок отвечает, что мама была в комнате. Тогда психолог спрашивает: «Что она делала?» (сосредоточенный вопрос). Ребенок отвечает: «Она помогала моему папе». Интервьюер тогда спрашивает, как мама помогла (другой сосредоточенный вопрос). Ребенок говорит «Я не помню». Психолог отвечает: «Хорошо, она била тебя?» (альтернативный

вопрос). Ребенок кивает головой. Тогда психолог спрашивает, куда она тебя ударила (фокусированный вопрос).

Интервью с ребенком, подвергшимся сексуальному насилию. Как уже отмечалось, ребенок может испытывать значительные трудности при ответах на вопросы. Поэтому существует целый ряд техник, которые позволяют облегчить процедуру интервьюирования ребенка.

Использование анатомических кукол. Использование данной техники имеет некоторые преимущества перед вопросами:

- Для маленьких детей, куклы могут часто являются более знакомой средой, а взаимодействие с куклой может дать белее разнообразную информацию, чем слова ребенка.
- Части тела кукол могут служить стимулом, чтобы напомнить ребенку сексуального насилия.
- Наличие у таких кукол гениталий, груди, рта и анального отверстия позволяют получать более точную информацию о действиях насильника, чем при словесном интервью или использовании обычных кукол.
- Для многих детей показать, что одна кукла делала с другой намного проще, чем рассказать об этом.

Исходя из этого анатомические куклы выполняют три важных функции в интервью: они выступают как прекрасная анатомическая модель, облегчают демонстрацию действий и стимулируют воспоминания жертвы.

В интервью куклы могут использоваться по-разному.

Сценарий, при котором ребенок спонтанно играет с куклами. Для интервьюирования детей можно использовать как одетые, таки обнаженные куклы.

Некоторые специалисты считают, что лучше использовать обнаженные куклы, так как ребенок, одевая их, начинает играть с ними. С другой стороны, обнаженная кукла позволяет ребенку более близко исследовать тело и гениталии куклы. Использование нескольких кукол также облегчает работу с ребенком, поскольку позволяет изучить половую и ролевую идентификацию ребенка во взаимоотношениях с взрослыми или сиблингами. В этом процессе, куклы могут служить хорошим стимулом к воспоминаниям.

Психолог может отмечать и интерпретировать некоторые необычные реакции ребенка на куклы, например, страх или сексуально окрашенное поведение, как показатели возможного сексуального насилия, и будет исследовать эти реакции дальше. В частности, ребенка можно спросить, почему вид куклы так его напугал. Если было обнаружено сексуально окрашенное поведение, то ребенка можно было бы спросить, кто делает это и

задать дополнительные вопросы о действиях, которые ребенок продемонстрировал с куклами.

Концентрация ребенка на гениталиях может как стимулировать воспоминания и сигнализировать о сексуальном насилии, так и указывать на чрезмерную «просвещенность» ребенка в вопросах секса.

Когда простой вид кукол с гениталиями не приводит к получению никакой информации, психолог может использовать их как анатомическую модель. При этом изучается «генитальный» тезаурус ребенка. Важно чтобы интервьюер и ребенок говорили на одном языке. Поэтому можно задать ребенку следующие вопросы:

- «У кого есть такая писька?», «Ты видел/а когда-нибудь ее?», «У кого?» и т.д.
- «Кто-нибудь делал что-нибудь со своей писькой или с твоей писькой?», «Что он/она пробовал/а сделать?», «Ты можете показать мне это с куклами?».

Подобные вопросы можно задать о рте и заднем проходе. Однако, здесь необходимо быть осторожным, чтобы уточняющие вопросы не содержали информации, которая может развратить ребенка.

Чтобы снизить тревогу ребенка во время игры с куклами, можно спрашивать не о событиях, которые произошли с ним, а о том, что случилось с куклой, что с ней сделали и пр. Если ребенок во время игры идентифицировал куклы как членов какой-то семьи, то можно спросить:

- «Что куклы Папы и Мамы делают, когда лежат голыми в постели?» и пригласить ребенка продемонстрировать это.
- «Кукла Мамы делает что-нибудь кукле Папы, когда они голые?»
- «Кукла Папы делает что-нибудь кукле Девочки, когда она голая?». Если ребенок подтверждает – «Ты можешь показать мне это?»

При этом интервьюер должен удостовериться, что ребенок говорит о собственном опыте, а не фантазирует и не демонстрирует свои познания в области сексуальных отношений между людьми в целом.

Сценарий, при котором куклы вводятся в процессе обсуждения сексуального насилия. В этом случае куклы используются для облегчения вербализации ребенком собственных переживаний и описания ситуации. Есть несколько вариантов, когда могут использоваться куклы. Во-первых, если ребенок говорит «я не хочу рассказывать об этом», то психолог может попросить ребенка показать то, что произошло. Во-вторых, куклы могут использоваться, чтобы разъяснить ситуацию или получить более подробное словесное описание тех событий, которые произошли. В-третьих, манипуляции с куклами могут служить некоторым подтверждением слов

ребенка. Такого рода подтверждения особенно важны при работе с детьми в возрасте 2 - 6 лет. С детьми в возрасте 6 лет и старше психолог может спросить у ребенка предпочитают ли они показывать то, что случилось с куклами, нарисовать картинку или рассказать об этом.

Чтобы ввести куклы в процесс интервью, психолог говорит ребенку, что у него есть куклы разного пора и возраста. Можно раздеть куклы и продемонстрировать, что они отличаются половыми признаками. Для демонстрации того, что произошло ребенок может использовать как несколько кукол, так и куклу и собственное тело.

Некоторые дети отказываются что-либо делать, когда их просят использовать куклы, чтобы демонстрировать предполагаемое насилие. Тогда психолог может попросить ребенка указать на то место на детской кукле, с которой что-нибудь сделали или случилось с нею. Если ребенок действительно указывает на какое-то место, то ребенка можно с полным основанием спросить, что точно случилось. Точно так же интервьюер может попросить, чтобы ребенок указал на часть тела взрослой куклы, которая использовалась при насилии. Если ребенок определяет эту часть тела, тогда его просят продемонстрировать точно, что случилось.

Наконец, если описанные выше попытки «разговорить» ребенка не увенчались успехом, психолог может попросить ребенка отвечать лишь «Да» или «Нет» на поставленные им вопросы, касающиеся частей тела детской или взрослой куклы, которые могли быть задействованы в акте насилия. На ответах на эти закрытые вопросы можно и остановиться. Однако необходимо указывать ребенку не только на «подозрительные» места, но и на нейтральные части тела, чтобы избежать получения социально желательных ответов.

Сценарий, в котором куклы вводятся без любых реплик. Наконец, куклы могут быть введены в контекст интервью независимые от степени открытости ребенка. Если никакие сложностей при обсуждении ситуации сексуального насилия не возникло, некоторые специалисты рекомендуют вводить куклы в середине интервью. Однако, другие предпочитают вводить куклы довольно в самом начале, чтобы катализировать выявление материала о возможном сексуальном насилии. Используемые таким способом куклы могут служить стимулом для воспоминаний или диагностическим экраном, но их главное предназначение – использование в качестве анатомической модели.

Некоторые психологи используют куклы, чтобы помочь в идентификации частей тела, которых можно касаться, а которых нет; которых разрешено касаться другим, а которых только ребенку; которых можно касаться только маме, а которых только папе. Иногда прикосновение дифференцируется как хорошее (например, объятие) или плохое (например,

шлепок), или как обман – когда ребенку хорошо или приятно, но плохо, потому что получение удовольствие связано с прикосновением к интимным частям тела. В этом случае ребенка спрашивают о любых прикосновениях в интимных местах, которые доставляют удовольствие или неудовольствие, или рассматриваются ребенком как амбивалентные.

Вместе с тем, при проведении интервью с использованием кукок, необходимо быть достаточно критичным. Во-первых, нельзя быть категорически уверенным в том, что те или иные манипуляции ребенка с куклами являются признаками сексуального насилия. Дети могут быть просто хорошо информированными о сексе со стороны сверстников, от рассмотрения эротики или порнографии в результате определенного сексуального воспитания.

В связи с этим, если ребенок спонтанно демонстрирует сексуальные действия с куклами, интервьюер должен задать вопросы, чтобы разъяснить источник знания ребенка. Поэтому, если ребенок помещает член взрослой мужской куклы во влагалище куклы девочки, такое поведение является, конечно, наводящим на размышления, но не окончательным вердиктом. В ответ на такую демонстрацию, психолог должен обязательно прояснить «Кто делает это?» чтобы узнать, действительно ли ребенок стал жертвой сексуального насилия.

Использование анатомических рисунков. Анатомические рисунки являются картинками обнаженных взрослых и детей, мужчин и женщин на различных стадиях развития - старик, взрослый, подросток, дошкольник, изображенных с первичными и вторичными половыми признаками. Эти рисунки могут изображать человека в фасадном положении на одной стороне листа и со спины на другой. Могут быть сделаны в виде колоды карт и использоваться для каждого из опрашиваемых детей.

В ряде случаев, использование анатомических рисунков рекомендуется использовать параллельно с анатомическими куклами. Методика работы с анатомическими картинками такая же, что и с куклами. Однако их неудобство состоит в том, что для ребенка бывает более трудно описать какие-нибудь сексуальные действия, используя картинки.

С другой стороны, анатомические картинки имеют значительное преимущество в том, что позволяют ребенку находиться в постоянном визуальном контакте с обнаженным телом. Ребенок может давать имена этим рисункам, рисовать на них, отмечать те места на теле, которые были вовлечены в сексуальное насилие. Психолог должен всячески поощрять ребенка писать, рисовать или использовать картинки, чтобы проиллюстрировать некоторые аспекты насилия.

Использование рисунков. Хотя многие специалисты отмечают неоднозначность трактовки детских рисунков их все же можно использовать в интервьюировании детей. Во-первых, некоторые дети предпочитают рисовать, а не рассказывать о происшедших событиях. Во-вторых, кроме сбора вспомогательной информации о возможном сексуальном насилии, рисунок может использоваться, чтобы уменьшить напряженность между психологом и ребенком, чтобы понять проблемы ребенка, не связанные с сексуальным насилием, а также помочь оценить адаптированность ребенка в целом.

Интервьюер может использовать рисунки для сбора информации, которая может быть связана с преследованием ребенка, или косвенно или непосредственно. Начинать можно с некоторого нейтрального набора рисунков, которые могут косвенно привести к желаемым результатам, например:

- «Нарисуй мне рисунок чего-нибудь.»
- «Нарисуй мне рисунок себя.»
- «Нарисуй мне рисунок человека.»
- «Нарисуй мне рисунок твоей семьи.»
- «Нарисуй мне рисунок вашей семьи, делающей что-нибудь.»
- «Нарисуй мне рисунок (возможного насильника).»

Иногда сексуальное содержание (например, гениталии или половые акты) проявляется уже в этих нейтральных изображениях. Если это так, то следует задать на эту тему вопросы, ответы на которые возможно прольют свет на факт сексуального домогательства.

Если ребенок не обеспечил психолога какой-либо информацией о сексуальном насилии в ответах на вопросы о рисунках, следует воздержаться от их интерпретации. Хотя специфические особенности рисунков и другая информация должны быть приняты во внимание. Нарисованные гениталии не обязательно означают, что ребенок стал жертвой сексуального домогательства или насилия.

Фокусированный запрос на рисование тематических рисунков нацеливает на сбор непосредственной информации и может использоваться, когда ребенок уже побывал в роли жертвы.

- «Нарисуй мне рисунок (насильника).»
- «Нарисуй мне рисунок того места, где это (насилие) случилось.»
- «Нарисуй мне рисунок того, что (насильник) делал.»
- «Нарисуй мне рисунок (части тела), которую он/она использовал."

Эти просьбы могут использоваться, когда дети имеют трудности в раскрытии, когда есть потребность разъяснить то, что ребенок сказал или

сделал в этой ситуации. Чтобы помочь ребенку стать более откровенным, интервьюер может спросить ребенка, когда ему легче говорить, когда ему задают вопросы и он отвечает или когда рисует.

Использование кукольного домика. При интервьировании детей возможно использование и кукольного домика с мебелью и людьми. Как и рисунки, игра в кукольный домик может для сбора косвенной и непосредственной информации о возможном сексуальном насилии. Кроме того, игра в кукольный домик может помочь больше узнать ребенка и понять как ребенок вообще воспринимает и чувствует семейную деятельность и атмосферу семьи.

Например, если ребенок неоднократно укладывает куклу девочки спать со взрослым мужчиной, может косвенно свидетельствовать о возможном сексуальном насилии. Тогда интервьюер может спросить о том, что случается, когда они ложатся спать.

В тех случаях, когда психолог располагает точной информацией о сексуальном насилии, он может структурировать и задать контекст игры. Например, попросить ребенка показать, что делает папа, когда купает маленькую девочку. Возможны и другие сценарии игры вокруг совместного просмотра телевизора, укладывания спать и пр.

Опрос

Получить информацию о поведении человека через непосредственное наблюдение или интервьюирование далеко не всегда возможно. Это связано с тем, что проявления гнева, злости, деструктивной и асоциальной агрессии, как правило, не принимаются или не поощряются большинством современных обществ. Их несвойственно проявлять публично, поэтому они часто не выражаются непосредственно и открыто.

В этих случаях психологи вынуждены прибегать к различного рода «ухищрениям». Самый простой путь измерения агрессии – это прямо расспросить о таком поведении. Другой путь – расспросить об агрессивном поведении человека других людей (например, друзей, родственников, соучеников). И, наконец, третий путь – это получение информации, основанной не на описании собственного поведения, а на выявлении внутренних переменных: агрессивных убеждений, установок, мыслей, фантазий.

Исходя из этого в рамках метода опроса используют:

Анкетирование или самоотчеты о поведении. При использовании данного подхода респондентов просят дать словесный отчет о своем собственном агрессивном поведении и/или об их непосредственном опыте,

связанном с агрессивным поведением других. Большинство подобных опросников предназначено для оценки агрессии в конкретных ситуациях.

Самоотчеты о собственном агрессивном поведении могут сочетаться с отчетами об агрессивных реакциях других людях с целью изучения взаимозависимости агрессивных действий и оценки соответствия между отчетами человека о себе и о других людях.

Поскольку агрессия представляет собой негативно оцениваемый вид поведения, что, как правило, осознается респондентами, использование анкетирования имеет некоторые ограничения. Наиболее очевидный недостаток самоотчетов – их незащищенность от социально желательных ответов. Однако, этот недостаток преодолим.

Оценки сверстников/окружающих. Проблема социальной желательности поведения становится несколько менее острой, когда других людей обладающих той или иной информацией или хорошо знакомыми с поведением оцениваемого просят охарактеризовать поведение конкретного человека. Людей, знающих об агрессивном поведении определенного человека не понаслышке, просят описать его поведение. Затем полученные результаты сопоставляются с самоотчетами человека, для установления степени их согласованности между собой.

В некоторых случаях данные, полученные с помощью самоотчета, сопоставляется с групповой оценкой проявлений агрессивного поведения.

Вместе с тем у данного подхода также имеются свои преимущества и ограничения. Например, к несомненному преимуществу такого оценивания можно отнести то, что окружающие могут быть более объективны, чем оценивающий сам себя индивид. Это связано с тем, что «незаинтересованные» люди менее склонны поддаваться давлению социальной желательности, поскольку в их ответах не содержится нежелательной информации о них самих.

С другой стороны, объективность полученной информации о поведении человека зависит от восприятия оцениваемого окружающими, которое может быть искаженным. Взаимоотношения оценивающего и оцениваемого тоже могут повлиять на его оценки. Например, эти проблемы были обнажены Дж. Паттерсоном (G.R.Patterson, 1977) при анализе сообщений родителей о поведении их детей: 1) родители зачастую не обращают внимания на поведение, которое может заинтересовать психолога; 2) родители склонны переоценивать позитивные и недооценивать негативные тенденции в поведении собственных детей.

Личностные шкалы. Помимо получения информации об агрессии на поведенческом уровне, психологи нередко проявляют интерес к измерению постоянного уровня агрессивности или выявлению устойчивых

индивидуальных различий в предрасположенности к агрессивным действиям, а также к изучению когнитивных и аффективных явлений, сопутствующих агрессивному поведению. Для достижения этих целей разрабатываются стандартизованные личностные шкалы.

Для измерения агрессии и насилия психологи разработали множество опросников. Некоторые из них предназначены для изучения агрессивного поведения или склонности к проявлению насилия в конкретных ситуациях, другие– посвящены исследованию общей агрессивности и враждебности.

Шкала агрессивности. Шкала измеряет поведение школьников, которое может привести к психологической или физической травматизации других учеников (P.Orpinas, R.Frankowski, 2001). Шкала предполагает получение информации о частоте проявления прямых форм физической (толчки, пинки, удары) и вербальной (подтрунивание, обзывание, подбивание к драке, угрозы) агрессии и гнева (легкость возникновения гнева, продолжительность гнева в течение дня). Чтобы избежать временных искажений в ответах, респондентов просят дать информацию о поведении в течение последних 7 дней. Респонденты ранжируют свои ответы по шкале от «0 раз» до «6 раз и больше». Полученные ответы суммируются и общий индекс агрессивности располагается в пределах от 0 до 66 баллов.

Шкала виктимизации сверстников. Методика предназначена для оценки прямой и косвенной виктимизации (H. Mynard, S. Joseph, 2000). На ее основе нами были разработаны две формы опросника. Форма А позволяет определить частоту, с которой дети подвергаются преследованиям со стороны одноклассников и учителей, т.е. выступают в качестве жертвы. Форма В позволяет определить частоту с которой сами дети преследуют одноклассников, т.е. выступают в качестве агрессора. Свой ответ респонденты отмечают с помощью цифры в соответствующей графе: 0 – Никогда, 1 – Однажды, 2 – Неоднократно.

На основании проведенного факторного анализа авторы методики выделяют четыре субшкалы: физическая виктимизация; вербальная виктимизация; социальная манипуляция и нападения на собственность.

Шкала инструментальных и экспрессивных репрезентаций агрессии. Шкала предназначена для измерения социальных репрезентаций агрессии (A.Campbell, S.Muncer, I.C.McManus, D.Woodhouse, 1999). Оцениваются репрезентации двух видов. Инструментальные представления предполагают рассмотрение агрессии как действий, направленных на получение чрезмерного контроля над другими людьми. Основу экспрессивных репрезентаций составляют представления об агрессии как действиях, возникающих в результате потери контроля над собой. Как

показывают исследования первые в большей мере характерны для мужчин, а вторые – для женщин (A.Campbell, S.Muncer, 1987).

Шкала состоит из 40 пунктов, разработанных на основе методики EXPAGG (J.Archer, A.Haigh, 1997), 20 из которых относятся к инструментальной и 20 к экспрессивной субшкалам. Степень согласия с каждым утверждением оценивается по 5–балльной шкале.

Шкала убеждений в необходимости совершения физической агрессии в отношении партнера. Методика разработана на основе EXPAGG для оценки возможности проявления агрессии в партнерских отношениях (J.Archer, N.Graham-Kevan, 2003).

Шкала состоит из 22 пунктов, 11 из которых относятся к инструментальный и 11 к экспрессивной субшкалам. Степень согласия с каждым утверждением оценивается по 5–балльной шкале.

Методика экспресс оценки инструментальных и экспрессивных репрезентаций агрессии. На основании факторизации пунктов Шкалы инструментальных и экспрессивных репрезентаций агрессии (A.Campbell, et al., 1999) был разработан сокращенный вариант методики для оценки социальных репрезентаций агрессии (S.J.Muncer, A.Campbell, 2000).

Шкала состоит из 16 пунктов, 8 из которых относятся к инструментальный и 8 к экспрессивной субшкалам. Степень согласия с каждым утверждением оценивается по 5–балльной шкале.

Шкала социальных репрезентаций психологического насилия в супружеских отношениях. Данная методика диагностики социальных репрезентаций различных форм психологического насилия представляет собой адаптированный и модифицированный нами опросник, разработанный Д.Р.Фоллингстад и Д.Д.Дихарт (D.R.Follingstad, D.D.Dehart, 2000), для изучения представлений о понятии психологического насилия.

Опросник включает в себя 102 суждения, в совокупности составляющих 5 шкал: угрозы физическому здоровью; чрезмерное контролирование физической свободы (изоляция, ограничения, унижения); общая дестабилизация (запугивание, унижения, изоляция, монополизация); доминирование/контроль поведения (ревность, подозрения, изоляция, ограничения, монополизация, контролирование, эмоциональный отказ/шантаж, вербальная агрессия, высокомерие) и неадекватное разрешение супружеских проблем (ригидное следование гендерной роли, отказ от исполнения гендерной роли).

Необходимость модификации опросника была связана с тем, что, с нашей точки зрения, в супружеских отношениях исполнение роли определяется не только представлениями о собственном поведении, но и

представлениями о поведении супруга (И.А.Фурманов, 2006). Именно поэтому респондентам предлагается заполнить две формы. Форма А предназначена для оценки форм психологического насилия с позиции жены, а форма В – с позиции мужа. Ответы на вопрос «Являются ли эти действия насилием?» оцениваются по трехбалльной шкале: «нет» – 1 балл, «возможно» – 2 балла, «да» – 3 балла.

Шкала оценки психологического насилия в супружеских отношениях. Для разработки данной шкалы использовался адаптированный автором опросник Д. Дж.Сонкина (D.J. Sonkin, 6), который предполагал оценку и описание феномена психологического насилия по 17 диагностическим критериям, сгруппированых в 3 большие категории :

Категория А. Высокий риск психологической травмы - Преступное поведение.

Категория В. Умеренный риск психологической травмы - Запугивающее поведение.

Категория С. Низкий риск психологической травмы - Дисфункциональное поведение.

Респондентам (мужьям и женам) предлагалась следующая инструкция: «Как и в любой семье в отношениях супругов бывают разногласия. И в каждой семье они разрешаются по–разному. Ответьте, пожалуйста на вопрос: *«Как часто в поведении Вашей жены (Вашего мужа) встречались перечисленные ниже действия и поступки?»***.** Оценка всех 17 форм психологического насилия осуществлялась по пятибалльной шкале («Никогда», «Однажды», «Изредко», «Неоднократно», «Многократно»).

Шкала реактивной и проактивной агрессии. Возникновение реактивной и проактивной агрессии определяется двумя основными факторами, а именно, тем или иным социальным событием, которое провоцирует поведение и эмоциями, возникающими у агрессора.

Реактивная агрессия, стимулируется некоторым кратковременным или относительно кратковременным фрустрирующим или аверсивным событием, возникающим перед агрессивным действием. Очевидно, что само по себе фрустрирующее событие может сопровождаться или не сопровождаться агрессивным поведением. Фрустрирующее событие приводит в реактивной агрессии только в случае, когда вызывает отрицательную эмоцию – гнев. Гнев является необходимым компонент реактивной агрессии, хотя вызванный фрустрацией гнев не всегда приводит к нападению на кого–то или что–то. Таким образом, реактивная агрессия протекает по схеме: фрустрация, гнев и нападение.

Проактивную агрессию часто называют *инструментальной агрессией,* поскольку это поведение нацелено на достижение определенного результата, к которому стремится агрессивный человек. Агрессор, возможно, и не хочет намеренно травмировать свою жертву, но эти действия могут быть просто необходимы, чтобы чего–либо добиться от нее. Понятно, что вид травмированной жертвы не может вызывать никаких положительных эмоций. Тем не менее, проактивная агрессия сопровождается получением положительных эмоций от причинения вреда жертве. Удовольствие или возбуждение, а не гнев становятся доминирующими эмоциональными состояниями в проактивной агрессии.

В случае проактивной агрессии удовольствие может получаться по двум причинам. Во-первых, реализация власти, возможность доминирования, оскорбления жертвы и вид покорной жертвы могут выступать как стимул для возникновения положительных эмоций у агрессора. Во-вторых, положительные эмоции могут возникать и тогда, когда агрессор оскорбляет или нападает на жертву не в одиночку, а с кем-то совместно. В этом случае важным становится ощущение единства с другими агрессорами в отношении впечатления о тех или иных отрицательных чертах жертвы. Такое согласие также увеличивает аффилиацию между членами группы. Поэтому, положительные эмоции агрессора являются необходимым компонентом проактивного агрессивного поведения.

Для оценки реактивной и проактивной агрессивности Э. Роландом и Т. Идсье (E.Roland, T.Idsoe, 2001) была разработана методика, состоящая из трех субшкал: реактивная агрессия; проактивная агрессия, связанная с проявлением власти и проактивная агрессссия, связанная с аффилиацией.

Респондентами отмечается степень их согласия с каждым из 14 пунктов опросника. Ответы оцениваются по 4–балльной шкале: 0 – полностью не согласен, 1 – скорее не согласен, 2 – скорее согласен и 3 – полностью согласен.

Шкала прямой и косвенной агрессии. Данная шкала (DIAS – Direct and Indirect Aggression Scales), была разработана К.Бьерквистом и коллегами (K.Bjorkqvist, K.M.J.Lagerspetz, K. Osterman, 1992) для измерения у младших школьников трех типов агрессии: физической, вербальной и косвенной.

Школьников просят рассказать о том, как ведет себя каждый из одноклассников, если он поссорился со школьным товарищем или сердится на него. Ответ, который соответствует мнению школьника, следует обвести кружочком. Ответы оцениваются по 5-балльной шкале: 0= никогда; 1= редко; 2= иногда; 3= довольно часто; 4= очень часто.

Данная методика используется для оценки уровня того или иного типа агрессии у каждого ученика в классе. Поэтому в ней указывается имя или фамилия одноклассника, поведение которого оценивается.

Методика изучения поведения младших школьников в ситуации конфликта. Данная шкала была разработана К.Бьерквистом и коллегами (K.Bjorkqvist, K.M.J.Lagerspetz, A.Kaukiainen, 1992) для измерения у младших школьников трех стратегий поведения в конфликте с одноклассниками: прямой, косвенной агрессии и избегания.

Школьникам раздается список всех учеников в классе и их просят отметить, как ведет себя каждый из одноклассников, если он поссорился со школьным товарищем или сердится на него. Ответ, который соответствует мнению школьника, следует обвести кружочком. Ответы оцениваются по 4-балльной шкале: 0= никогда; 1= иногда; 2= довольно часто; 3= очень часто.

Методика изучения поведения старших школьников в ситуации конфликта. Данная шкала была разработана К.Бьерквистом и коллегами (K.Bjorkqvist, K.M.J.Lagerspetz, A.Kaukiainen, 1992) для измерения у старших школьников четырех стратегий поведения в конфликте с одноклассниками: прямой физической и вербальной агрессии, косвенной агрессии и избегания.

Школьникам раздается список всех учеников в классе и их просят отметить, как ведет себя каждый из одноклассников, если он поссорился со школьным товарищем или сердится на него. Ответ, который соответствует мнению школьника, следует обвести кружочком. Ответы оцениваются по 4-балльной шкале: 0= никогда; 1= иногда; 2= довольно часто; 3= очень часто.

Методика изучения стратегий поведения школьников в конфликте. Цель этой методики состоит в том, чтобы узнать, что делают дети, когда они имеют проблемы в общении или злятся и сердятся на других учеников в их классе.

Методика (PECOBE – Peer Estimated Conflict Behavior) разработана К. Бьерквистом и К.Остерман (K. Bjorkqvist, K.Osterman, 1995) и направлена на изучение возможных стратегий поведения в конфликтной ситуации: проявления физической, вербальной и косвенной агрессии, конструктивное разрешение противоречий, оказание помощи другим, избегание, виктимизация.

Школьников просят наиболее правдиво отметить для себя и для каждого ученика их класса как одноклассники действуют в конфликтных ситуациях или когда сердятся и злятся на других. Для оценки собственного поведения и действий одноклассников используется 5-балльная шкала: 0= никогда, 1= редко, 2= время от времени, 3= часто, 4= очень часто.

Данная методика может использоваться для оценки особенностей поведения в конфликте одноклассников не только самими школьниками, но и учителями.

Шкала негативного взаимодействия в семье. Шкала (SNFI – Scale of Negative Family Interactions) была спроектирована С.Дж. Симонелли с коллегами (C. J.Simonelli, T.Mullis, C. Rohde, 2005) с целью измерения эмоциональной, физической, и сексуальной агрессии со стороны сиблингов и родителей. Шкала построена по принципу ретроспективного исследования. Состоит из 34 пунктов, которые измеряют агрессию со стороны членов семьи по четырехбалльной шкале (1 = *никогда,* 2 = *несколько раз,* 3 = *три - шесть раз,* и 4 = *семь или больше раз.*) Респондентов просят оценить как часто в детстве или юности они подвергались агрессии со стороны других членов семью.

Шкала враждебности. Согласно известным представлениям, агрессия является одним из распространенных способов решения проблем, возникающих в сложных и трудных (фрустрирующих) ситуациях, вызывающих психическую напряженность. А. Бассом и А. Дарки (A. H.Buss, A. Durkee, 1957) был предложен опросник, состоящий из 8 субшкал, которые они считали важными показателями агрессии. Этот опросник широко применяется в зарубежной и отечественной практике.

Опросник Басса–Дарки выявляет следующие формы агрессивных и враждебных реакций:

1. Физическая агрессия (нападение) – использование физической силы против другого лица.

2. Косвенная агрессия – под этим термином понимают как агрессию, которая окольными путем направлена на другое лицо – злобные сплетни, шутки, так и агрессию, которая ни на кого не направлена – взрыв ярости, проявляющийся в крике, топанье ногами, битье кулаками по столу и т.п. Эти взрывы характеризуются ненаправленность и неупорядоченностью.

3. Склонность к раздражению – готовность к проявлению при малейшем возбуждении, вспыльчивости, резкости, грубости.

4. Негативизм – оппозиционная форма поведения, направленная обычно против авторитета или руководства; это поведение может нарастать от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся обычаев и законов.

5. Обида – зависть и ненависть к окружающим, обусловленные чувством горечи, гнева на весь мир за действительные или мнимые страдания.

6. Подозрительность – недоверие и осторожность по отношению к людям, основанные на убеждении, что окружающие намерены причинить вред.

7. Вербальная агрессия – выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных ответов (угроза, проклятия, ругань).

Кроме того, выделяется восьмой индекс – чувство вины. Этот индекс выражает возможное убеждение обследуемого в том, что он является плохим человеком, поступает злобно, наличие у него угрызений совести.

Опросник состоит из 75 утверждений, на которые ребенок дает ответ «да» или «нет». По числу совпадений ответов респондентов с ключом подсчитываются индексы различных форм агрессивности и враждебных реакций.

Шкала агрессивности. Данная шкала, была разработана А.Бассом и М.Перри (A. H.Buss, M. Perry, 1992) на основе опросника Басса–Дарки. Предназначается для определения общего уровня агрессивности. Состоит из 29 пунктов, которые разбиты на четыре подшкалы: физическая агрессия, вербальная агрессия, гнев и враждебность. Оценка утверждений опросника производится по семибалльной шкале от 1 – абсолютно не характерно для меня до 7 – абсолютно характерно для меня.

Детская шкала враждебности. Детская шкала враждебности (CHI – Children's Hostility Inventory), разработана А.Е. Каздином и коллегами (A. E. Kazdin, A. Rodgers, D. Colbus, T. Siegel, 1987) на основе опросника Басса–Дарки. Предназначается для определения общего уровня враждебности. Состоит из 38 пунктов, которые разбиты на восемь подшкал: агрессивность, косвенное выражение враждебности, раздражение, негативизм, обида, подозрительность, вербальная враждебность, чувство вины. Индекс враждебности рассчитывается суммированием всех ответов совпадающих с ключом.

Шкала диагностики нарушений поведения деструктивной направленности. Согласно справочной литературе (DSM- IV), поведение определяется как психологическая и физическая манера вести себя, с учетом стандартов, установленных в социальной группе, к которой принадлежит индивид. В связи с этим *нарушения поведения* рассматриваются как повторяющиеся устойчивые действия или поступки, включающие главным образом агрессивность деструктивной и асоциальной направленности с картиной, глубоко распространившейся дезадаптации поведения. Они проявляется либо в попрании прав других людей, либо в нарушении характерных для данного возраста социальных норм или правил.

При этом *основными диагностическими критериями нарушений поведения* являются воровство, побеги из дома, намеренная лживость, прогулы школьных занятий, участие в поджогах, вандализм, нападения на людей, разрушение чужой собственности, физическое или сексуальное насилие, жестокость по отношению к людям или животным.

С точки зрения *деструктивной направленности поведения* различают: нарушения поведения – одиночный агрессивный тип; нарушения поведения – групповой агрессивный тип и нарушения поведения в виде непокорности и непослушания .

Нарушения поведения – одиночный агрессивный тип. Кроме указанных выше общих диагностических критериев поведенческих нарушений, у детей описываемого типа имеет место также доминирование агрессивного в физическом или вербальном плане поведения. Преимущественно оно направленно против взрослых и родственников. Такие дети склонны к враждебности, словесной брани, наглости, непокорности и негативизму по отношению к взрослым, постоянной лжи, прогулам и вандализму.

Дети с указанным типом нарушений обычно даже не стараются скрыть свое антисоциальное поведение. Они часто рано начинают вовлекаться в сексуальные отношения, употребляют табак, алкоголь и наркотики. Агрессивное антисоциальное поведение может носить форму хулиганств, физической агрессии и жестокости по отношению к сверстникам. В тяжелых случаях наблюдаются дезорганизация поведения, воровство и физическое насилие.

У многих из этих детей нарушаются социальные связи, что проявляется в невозможности установить нормальные контакты со сверстниками. Такие дети могут быть аутичными или держаться изолированно. Некоторые из них дружат с гораздо более старшими или, наоборот, более младшими, чем они, или же имеют поверхностные отношения с другими антисоциальными молодыми людьми.

Для большинства детей отнесенных к одиночному агрессивному типу, свойственна низкая самооценка, хотя они иногда проецируют образ "жесткости". Характерно, что они никогда не заступаются за других, даже если это им выгодно. Их эгоцентризм проявляется в готовности манипулировать другими в свою пользу без малейшей попытки добиться взаимности. Они не интересуются чувствами, желаниями и благополучием других людей.

Редко испытывают чувство вины или угрызения совести за свое бездушное поведение и стараются обвинить других. Эти дети не только часто испытывают необыкновенную фрустрацию, особенно потребности в зависимости, но и совершенно не подчиняются никакой дисциплине. Их

недостаточная социабельность проявляется не только в чрезмерной агрессивности почти во всех социальных аспектах, но и в недостаточности сексуального торможения. Таких детей рассматривают в целом как плохих и часто наказывают. К сожалению, подобные наказания почти всегда усиливают выражение ярости и фрустрации, носящие дезадаптивный характер вместо того, чтобы способствовать облегчению проблемы.

Вместе с тем, отличительной особенностью такого агрессивного поведения является одиночной, а не групповой характер деятельности.

Нарушения поведения – групповой агрессивный тип. Характерной доминирующей особенностью является агрессивное поведение, проявляющееся, в основном, в виде групповой активности в компании друзей. Такое поведение всегда проявляется вне дома. Оно включает прогулы, деструктивные акты вандализма, серьезную физическую агрессию или выпады против других. Прогулы, воровство, а также довольно незначительные правонарушения и антисоциальные поступки являются скорее правилом, чем исключением.

Важной и постоянной динамической характеристикой такого поведения являются значительное влияние группы сверстников на поступки подростков и их чрезвычайная потребность в зависимости, выражающаяся в необходимости быть членом группы. Поэтому дети с названными нарушениями обычно дружат со сверстниками. Они часто обнаруживают интерес к благополучию своих друзей или членов своей группы и не склонны обвинять их или доносить на них.

Нарушения поведения в виде непокорности и непослушания. Существенной особенностью нарушения поведения с непокорностью и непослушанием является вызывающее поведение с негативизмом, враждебностью, часто направленное против родителей или учителей. Эти действия, встречающиеся при других формах расстройств поведения, однако, не включают более серьезных проявлений в виде насилия над другими людьми. *Диагностическими критериями* для такого типа нарушений поведения являются: импульсивность, раздражительность, открытое или скрытое сопротивление требованиям окружающих, обидчивость и подозрительность, недоброжелательность и мстительность.

Дети с указанными признаками поведения, часто спорят со взрослыми, теряют терпение, бранятся, сердятся, возмущаются и легко раздражаются другими. Они часто не выполняют просьб и требований других и специально раздражают их. Пытаются обвинить других в своих собственных ошибках и трудностях. Названные нарушения почти всегда проявляется дома и в школе

при взаимодействии с родителями, другими взрослыми или сверстниками, которых ребенок хорошо знает.

Нарушения в виде непослушания и непокорности всегда препятствует нормальным взаимоотношениям с другими и успешному обучению в школе. У таких детей часто нет друзей, и они не довольны тем, как складываются человеческие отношения. Несмотря на нормальный интеллект, они плохо учатся в школе или совсем не успевают, поскольку не хотят ни в чем участвовать. Помимо того, сопротивляются требованиям и хотят решать свои задачи без посторонней помощи.

С целью диагностики нарушений поведения деструктивной направленности на основе вышеуказанных диагностических критериев была создана методика, состоящая из 28 пунктов, которые разбиты на две подшкалы: нарушения в виде непослушания и непокорности и нарушения поведения деструктивной направленности (C. M. Kokkinos, G. Panayiotou, 2004). Оценка утверждений опросника производится по пятибалльной шкале от 1 – абсолютно не характерно для меня до 5 – абсолютно характерно для меня.

Шкала агрессивной мотивации. Д.Ольвеусом с целью измерения силы и выраженности агрессивной мотивации были разработаны две методики. Первая – это «Опросник агрессии для подростков». Он состоял из пяти, отобранных с помощью факторного анализа, субшкал:

* вербальной агрессии (направленной против взрослых, когда индивид сталкивается с несправедливым отношением или критикой с их стороны);
* физической агрессии (направленной против ровесников);
* импульсов агрессивности;
* торможения агрессии;
* позитивного самоотчета (для контроля тенденции к социально желательным ответам).

Своеобразие этого опросника состояло в том, что его вопросы акцентировали внимание на наиболее часто встречаемых и типичных для возраста 12 – 16 лет формах агрессивного поведения, а именно – вербальном протесте по отношению к взрослым и физическом соперничестве со сверстниками.

Для подтверждения прогностической надежности данной методики была разработана дополнительная проективная методика. Ее стимульный материал представлял собой четыре неоконченных рассказа, в каждом из которых взрослый мужчина создавал для подростка ситуацию фрустрации и некоторой угрозы, за что, однако, последний был ответственен. От

испытуемого требовалось ответить на три вопроса, касающихся предложенной ситуации, и после этого придумать окончание истории. Категории анализа содержания ответов включали в себя ряд субкатегорий, группировавшихся в соответствии с двумя противоположными мотивами – агрессивной тенденцией и тенденцией торможения агрессии.

Шкала отношения к насилию в период свидания. Шкала отношения к насилию в период свидания (ATDVS – Attitudes Towards Dating Violence Scales), разработана Е.Л. Прайс и Е.С. Байерс (E. L.Price, E. S. Byers, 1999) для измерения установок и убеждений в необходимости проявления агрессии между партнерами в близких, интимных отношениях. Методика имеет две формы для юношей и девушек и включает по три подшкалы для измерения мужских/женских установок к психологическому насилию, к физической, а также сексуальной агрессии в отношениях.

Каждый из пунктов шкалы предполагает оценку ответов по пятибалльной шкале от 1 – полностью не согласен до 5 – полностью согласен. Сила установки определяется суммированием баллов как по каждой подшкале, так и по всей методике в целом.

Шкала оценки состояния враждебности. Шкала оценки состояния враждебности разработана С.А. Андерсоном и др. (C. A. Anderson, W.E. Deuser, K. DeNeve, 1995) на основе известной методики изучения враждебности как личностной черты Ч. Спилбергера (C. D. Spielberger, et. al., 1983). Данная методика описывает 35 состояний человека и позволяет оценить текущее настроение респондента по пятибалльной шкале от 1 – полностью не согласен до 5 – полностью согласен. Индекс враждебности подсчитывается суммированием всех пунктов опросника.

Шкала симптомов сексуального насилия. Шкала (SASS II – Sexual Assault Symptom Scale II) разработана Л.Рич и С. Ванг (L. O. Ruch, C.-H. Wang, 2006) и предназначена для оценки глубины последствий и травматической симптоматики у жертв сексуального нападения или изнасилования. Состоит из 31 симптома проявления сексуальной травмы, сгруппированных в 5 субъшкал: страхи по поводу собственной безопасности, самообвинение, депрессия, гнев и эмоциональная нестабильность, страхи по поводу собственного здоровья, гнев в отношении правоохранительной системы, страх в отношении правоохранительной системы.

Респонтентов просят оценить чувства, которые они испытали в последние 2 недели. Оценка производится по пятибалльной шкале в пределах от 0 (нисколько) до 4 (очень сильно).

Шкала провокации агрессии. Шкала (APQ – Aggressive Provocation Questionnaire) разработана для оценки эмоционального и поведенческого

реагирования в ситуации провокации агрессии (D. B. O'Connor, J.Archer, F.W.C. Wu, 2001). Респонденту предлагается представить себя в двенадцати различных ситуациях, в которых окружающие ведут себя враждебно и провокационно. Для определения сценария эмоционального реагирования предлагается ответить на вопрос «Как Вы будете себя чувствовать в этой ситуации?» и оценить по пятибалльной шкале (от 0 – нисколько до 4 – очень сильно) силу переживания злости и гнева, бессилия, раздражения, страха. Для определения поведенческого сценария предлагается ответить на вопрос «Как, на Ваш взгляд, Вы поведете себя в этой ситуации?». Респонденту необходимо по трехбалльной шкале оценить 5 возможных реакций:

– Уход от ситуации, отрицание, что что-то случилось или реинтерпретация ситуации в позитивную.
– Бездействие при переживании чувстве гнева.
– Сдерживание, подавление злости, косвенное или отсроченное выражение гнева.
– Ассертивное поведение, противостояние провокации другого человека, но без откровенной вербальной или физической агрессии.
– Агрессивное поведение, прямая вербальная или физическая агрессия.

Шкала оценки насилия в семье. Создатели данной методики К.Пирс и Д.Капалди (K. C. Pears, D. M. Capaldi ,2001) опирались на идею о передаче насилия в семье от поколения к поколению, о существовании взаимосвязи между насилием, которому родители подвергались в детстве, и агрессией в отношении собственных детей. В связи с этим были разработаны две формы опросников для родителей и детей, включающие схожие насильственные действия родителей в отношении детей. Респондентам необходимо оценить поведение родителей по пятибалльной шкале (от 1– никогда до 5– очень часто).

Шкала тактики поведения в конфликте. Методика (CTS1 – Conflict Tactics Scales) была разработана М.Строосом и С. Хэмбли (M. A.Straus, S. L. Hamby, 1997) для оценки методов, используемых родителем для воспитания ребенка в семье. Методика состоит 19 утверждений, описывающих действия родителя в отношении ребенка, которые составляют пять субшкал: урезонивание, психологическая агрессия, телесные наказания, физическая жестокость. Оценка производится по пятибалльной шкале (от 0– никогда до 4– всегда).

Шкала тактики поведения в родительско–детском конфликте. Методика (CTSPC – Parent-Child Conflict Tactics Scales) была разработана М.Строосом и коллегами (M. A.Straus, et. al., 1998) для оценки методов,

используемых родителем для воспитания ребенка в ситуации родительско-детского конфликта. Методика состоит 22 утверждений, описывающих действия родителя в отношении ребенка, которые составляют три базовых субшкалы: ненасильственное дисциплинироние, психологическая агрессия, физическое насилие (телесные наказания, проявления жестокости и физическая жестокость). Оценка производится по пятибалльной шкале (от 0–никогда до 4– всегда).

Картиночная версия шкалы поведения в родительско–детском конфликте. Методика (CTSPC-P – Picture-Card Version for Young Children of the Parent-to-Child Conflict Tactics Scales) была разработана К. Меберт и М.Строосом (C. Mebert, M. A. Straus, 2002) для оценки методов, используемых родителем для воспитания ребенка в возрасте от 6 до 9 лет в ситуации родительско-детского конфликта. Состоит из 4 наборов картинок (отец–сын, мать–сын, отец–дочь, мать–дочь), каждый из которых включает 22 картинки, изображающие сцены проявления физической и психологической жестокости в отношении ребенка и ненасильственные способы разрешения конфликтной ситуации. Ребенку показывают картинку и просят ответить похожа ли ситуация изображенная на картинке на ту, которая есть в их семье? Если ребенок отвечает положительно, то ему дается ряд цветных кружков, обозначающий ответы «никогда», «однажды», «несколько раз», «много раз», «каждый раз» и его просят сказать, как часто это случалось.

Проективные техники

Не мненее продуктивным к изучению личностных детерминант агрессивного поведения является использование проективных техник. Основная идея создателей проективных методов исследования состоит в том, что они ожидают свободной, лишенной эффекта социальной желательности, реакции на предъявление неоднозначно определяемого стимула.

Методика «Тест руки». Тест руки создан Э. Вагнером в 1961 г. Методологическим обоснованием Теста руки являлось предположение автора о том, что поскольку человеческая рука применяется в различных видах деятельности, то по восприятию изображения руки можно определить имеющиеся у человека тенденции к действию. А, следовательно, можно с высокой степенью вероятности прогнозировать и реальное поведение.

Основная диагностическая ценность методики состоит в выявлении актуальных и доминирующих потребностей, мотивов и конфликтов личности, кроме того, она позволяет надежно прогнозировать и качественно оценивать предрасположенность личности к открытому агрессивному поведению.

Открытое агрессивное поведение описывалось Э.Вагнером как противоречащее социальным нормам в ситуациях совместной деятельности. С этой точки зрения, понятие «агрессивности» включает три необходимых и взаимосвязанных компонента:

1) намеренность;
2) применение насилия, а не просто угрозы;
3) наличие телесных повреждений или каких-либо негативных последствий у потерпевших.

Стимульный материал представляет собой 9 карточек с изображениями кисти человеческой руки в различных положениях, десятая карточка пустая. Карточки предъявляются в определенной последовательности в фиксированной позиции.

Ответы классифицируются по следующим 12 категориям анализа:

Агрессивность. Рука является доминирующей, оскорбляющей, господствующей, наносящей повреждения, нападающей, активно хватающей другой организм или объект (рука, дающая пощечину, захватывающая, щиплющая, давящая насекомое, готовая нанести удар) и т.д.

Директивность. Рука является ведущей, руководящей, направляющей, управляющей, перечащей, мешающей или активно влияющей на другое лицо, находящейся в отношении превосходства к нему (дирижирует оркестром, дает указания, читает лекцию, учитель говорит ученику: «Выйди вон!», милиционер останавливает машину) и т.д.

Эмоциональность (аффектация). К этой категории относятся ответы, выражающие привязанность, любовь, положительное отношение, благожелательность (дружеское рукопожатие, похлопывание по плечу, рука, гладящая животное, дарящая цветы, обнимающая рука и т.д.).

Коммуникация. В высказываниях, относящихся к этой категории, рука представляется пытающейся обращаться с кем–то. При этом общающееся лицо нуждается в партнере также или больше, чем партнер в нем, т.е. находится с партнером в положении равенства (жестикуляции в разговоре, язык жестов, показывает дорогу и т.д.).

Зависимость. Эта категория включает ответы, в которых выполнение действия зависит от благожелательного отношения другой стороны. В эту категорию входят ответы, связанные с поисками помощи и поддержки у других людей, с подчинением другому лицу (просьба, солдат отдает честь офицеру, ученик поднял руку для вопроса, рука, протянутая за милостыней, человек останавливает попутную машину).

Страх. Ответы по этой категории выражают страх перед возмездием, ответным ударом или агрессией со стороны другого лица. Рука является

жертвой чьей–либо агрессии. В эту категорию также включаются ответы, содержащие тенденцию к отрицанию, неприятию агрессии, стремлению отгородиться от физического насилия и повреждений (не злая рука, кулак сжат, но не для удара, поднятая в страхе рука, отвращающая удар и т.д).

В эту же категорию попадают ответы, в которых рука выступает как наносящая вред самому человеку (мазохистские тенденции) или устремления к аутоагрессии (царапает себя, вырывает мои волосы, рука душит меня и т.д.).

Демонстративность (эксгибицианизм). Эта категория включает ответы, в которых рука принимает участие в деятельности, связанной с развлечениями и самовыражением, проявляет себя нарочито демонстративно тем или иным способом (показывает кольцо, любуется маникюром, показывает тени на стене, танцует, играет на музыкальном инструменте и т.д.).

Ущербность (калечность). В ответе по этой категории рука представляется больной, деформированной, поврежденной (раненая рука, рука больного или умирающего, сломанный палец и т.д.).

Описание. В эту категорию входят ответы, которые являются скорее физическим описанием руки, не выражающим тенденцию к действию (пухлая рука, красивая рука, рука старого человека).

Напряжение. К этой категории относятся ответы, в которых рука затрачивает определенную энергию, но не достигает какого-либо результата (рука дрожит, напряженная рука, нервно стучит пальцами по столу и т.д.)

Активная безличность. К этой категории относятся ответы, выражающие безличные тенденции к действию, в которых рука изменяет свое физическое положение или сопротивляется силе тяжести (вдевает иголку в нитку, пишет, шьет, ведет машину, плывет и т.д.).

Пассивная безличность. Эта категория включает ответы, в которых рука не изменяет своего положения или пассивно подчиняется силе тяжести (летит отдыхая, спокойно вытянута, человек облокотился на стол, свесилась во время сна и т.д.).

Диагностируемый должен ответить на вопрос: «Что, по Вашему мнению, делает рука, изображенная карточке?».

Если диагностируемый затрудняется с ответом, ему предлагается вопрос в несколько измененном виде: «Что, как Вы думаете, делает человек, которому принадлежит эта рука? Назовите, пожалуйста все варианты, которые Вы можешь себе представить?.

Десятая карточка предъявляется с инструкцией: «Сначала представьте себе какую-нибудь руку, а затем опишите те действия, которые она может выполнять».

Все ответы фиксируются в протоколе. Положение, в котором диагностируемый держит и рассматривает карточку, произвольно, но оно также фиксируется в протоколе. В ходе тестирования желательно получить по несколько ответов (в среднем 2–3) на каждую предъявленную карточку. Для этого после первого высказывания диагностируемого следует спросить: «Хорошо, а еще что?». После последующего ответа вопрос повторитяется снова. Если диагност чувствует, что его действия встречают сопротивление, то рекомендуется перейти к другой карточке. В случае если по первым 2–3 карточкам диагностируемый отказывается давать более одного ответа, то в дальнейшем этим придется ограничиться.

Во время работы с Тестом руки особо обращается внимание на следующие моменты:

– если диагностируемый дает ответ типа «указывает на что–то», необходимо сразу же выяснить, что он имеет ввиду – кто указывает или показывает, на что и кому. В зависимости от этого ответ может попасть в категорию «Дир.»;

– если показывающий находится в положении превосходства (начальник – подчиненному, воспитатель – ребенку); при обратном соотношении, если показывающий занимает подчиненную позицию, ответ попадает в категорию «Завис.», при равноправных позициях (приятель – приятелю) ответ относится к категории «Коммуник.»;

– не следует стремиться сделать диагностируемого агрессивнее, чем он есть на самом деле. В тех случаях, когда принадлежность ответа к категории «Агр.» не очевидна, необходимо уточнение. Например, ответы «бьет что–то», «схватил что–то» могут быть отнесены как к категории «Агр.» (если бьет человека, схватил оружие), так и к «Активной безличности» (отбивает такт, схватил бутерброд).

Рекомендуется во всех подобных случаях снимать неопределенность, если диагностируемый не выражает протеста, наполняя смыслом высказывания типа «кто–то, что–то, кому–то» и т.д. Это особенно важно делать для категории, входящей в подсчет суммарной агрессивности. Чем более тщательно проведено исследование, чем меньше в протоколе содержится ответов с неопределенным истолкованием, тем легче последующая обработка протокола и достовернее получаются результаты.

В зависимости от задач, стоящей перед психологом, обработка и интерпретация полученных результатов может производиться либо в краткой формализованной форме, если стоит исследовательская задача, либо по более обширной и трудоемкой процедуре, включающей содержательный и статистический анализ всех ответов (если стоит психокоррекционная задача).

Краткая форма обработки используется в тех случаях, когда психолога интересует лишь уровень агрессивности ребенка. Она обычно используется в исследованиях, связанных с опросом большого контингента испытуемых. В этом случае обработка результатов сводится к подсчету суммарного балла агрессивности субъекта. Формула подсчета основана на том предположении, что вероятность открытого агрессивного поведения возрастает в тех случаях, когда доминантные и агрессивные тенденции превышают тенденции к социальному сотрудничеству.

Общая агрессивность вычисляется по формуле:

А = (Агр. + Дир.) – (Эмоц. + Коммуник. + Завис. + Страх)

Сумма ответов по категориям Агрессия и Директивность отражает высокую вероятность проявления открытой агрессии в поведении. Их объединяет отсутствие стремления к взаимодействию и сотрудничеству с другими людьми, принимать во внимание потребности, чувства, права и намерения окружающих. Все это свидетельствует о готовности к открытому противодействию, конфронтации, агрессии и насилию, нежелании приспосабливаться к социальному окружению.

Напротив, категории Эмоциональность, Коммуникация и Зависимость, Страх включают в себя реакции, активно уменьшающие вероятность агрессии. Все они, особенно в совокупности, отражают способность к активной социальной жизни, желание сотрудничать с другими людьми, потребность в помощи и поддержке со стороны других людей.

Сравнение этих двух тенденций обусловлено тем, что главной детерминантой открытого агрессивного поведения является недоразвитие установок социального сотрудничества, а не наличие развитых агрессивных тенденций. Именно с связи с этим важно знать не столько каков агрессивный потенциал ребенка, сколько, какой потенциал конструктивности ему противостоит.

Каждое высказывание диагностируемого может быть отнесено только к одной категории. Категории Демонстративность, Ущербность, Пассивная безличность, Активная безличность, Напряженность и Описание не участвуют в подсчете очков, поскольку их роль в оценке вероятности агрессивного поведения считается неоднозначной.

Склонность к открытому агрессивному поведению оценивается в по набранному количеству баллов:

А = 0. Можно предположить, что человек склонен к агрессии с теми, кого он больше знает, но во взаимоотношениях с другими людьми срабатывает механизм сдерживания и самоконтроля, что и позволяет ему справиться с собственной агрессией.

А > +1. Свидетельствует о реальной возможности проявления агрессии.

А < -1. Указывает на то, что вероятность проявления агрессии существует, но только в особо значимых ситуациях.

Здесь следует еще раз отметить, что тест позволяет определить лишь наличие агрессивных установок, которые сами по себе не свидетельствует о высокой агрессивности человека. Такой вывод может быть сделан лишь на основе оценки удельного веса и места этих установок в общей системе диспозиций. Именно подобная процедура и осуществляется в Тесте руки при подсчете суммарного балла агрессивности. При выявлении удельного веса агрессивных тенденций соотносится общее число проявлений доминирования и агрессии (категории Агр., Дир.) – с одной стороны, и с другой –количество реакций типа социальной кооперации и отрицания агрессии (категории Эмоц., Коммуник., Страх, Завис.). В итоге диагност-психолог может получить представление о преобладающем способе реагирования, т.е. о перевесе установок либо на кооперацию, либо на конфронтацию, а отсюда косвенно о содержании и влиянии смыслообразующимх мотивов и тем самым о степени агрессивности.

Кроме данных об уровне агрессивности субъекта с помощью Теста руки можно получить много дополнительной информации, характеризующей личность диагностируемого. Для этого проводится анализ ответов по всем категориям теста, в том числе не входящим в формулу подсчета агрессивности, определяется процентное соотношение ответов по всем категориям.

Исследования Э. Вагнера показали, что отдельные группы обследованных с помощью данной методики различаются не только по суммарной агрессивности, но и по особенностям распределения ответов по категориям теста как в абсолютных значениях, так и в процентном отношении.

Результаты этих работ свидетельствуют о том, что каждая группа имеет свой характерный профиль по Тесту руки. Были выявлены и другие интересные закономерности. Так наиболее общее количество ответов встречается в группах нормы и больных эпилепсией, что, по мнению Вагнера, говорит об их высокой психической активности. Общее количество ответов (в том числе по категориям Агр., Дир.) не корректирует с повышенной агрессивностью. Так у испытуемых группы нормы абсолютное число ответов по этим категориям выше, чем у группы преступников (соответственно 1.8 и 1.42). Однако удельный вес этих ответов совершенно различен. В норме они составляют 7 % от общего числа ответов, тогда как у преступников – 15 %. Э. Вагнер считал, что абсолютное число свидетельствует лишь об «общем запасе» определенных тенденций, а их удельный вес указывает на значимость

этих тенденций в жизни индивида. Было высказано следующее интересное предположение: главной детерминантой агрессивного поведения является не наличие сильно развитых агрессивных установок, а отсутствие или слабая выраженность установок на социальную кооперацию. Таким образом, 2–3 агрессивных ответа при полном отсутствии ответов типа социальной кооперации указывают на гораздо большую степень агрессивности, чем множество таких ответов на фоне еще большего числа установок на доброжелательное межличностное общение.

Значение имеет не только соотношение установок на социальную кооперацию и агрессию. Представляется важным, какие именно тенденции противопоставляются конфронтации, что побуждает субъекта к сотрудничеству – страх перед ответной агрессией; чувство собственной неполноценности; зависимость или потребность в теплых дружественных отношениях с окружающими. Внешне сходное практическое поведение в этих случаях имеет принципиально различные внутренние детерминанты. Данные об их природе можно получить при анализе удельного веса установок, противостоящих агрессии (категории Страх, Коммуникация, Эмоциональность, Зависимость).

Таким образом, Тест руки может применяться во всех тех случаях, когда психолога интересует такая черта личности как агрессивность, либо какой–то другой класс установок, входящих в анализ. Необходимо, однако, еще раз обратить внимание, что методика создавалась с определенной целью и направлена на выявление агрессивности в первую очередь. Получаемая с ее помощью дополнительная информация требует дальнейшей проверки и нуждается в более полном и глубоком обосновании. Подобное «неспецифическое» использование может служить для некоторого предварительного ознакомления с диспозиционной структурой человека, прояснить направление дальнейшего анализа.

Рисунок несуществующего животного. Методика «Рисунок несуществующего животного» (РНЖ)– одна из наиболее распространенных проективных методик диагностики агрессивности детей. В основном проводится в режиме взаимодействия «психолог–ребенок» с целью выяснения или уточнения черт личности, установок и психологических проблем ребенка. Поскольку методика РНЖ является проективной, то здесь главную роль играет умение ребенка фантазировать и отразить созданный образ в виде графического изображения или рисунка. Вторая особенность РНЖ состоит в том, что изображенный ребенком графический материал имеет не только тесную связь с эмоциями, играющими определенную роль в формировании образов фантазии, но и с реальными личностными и социальными проблемами

ребенка. И, наконец, третье– это метафоричность изображения, которая в процессе интерпритации рисунка, переносится на личность ребенка и описывается уже в психологических категориях, исходя из того, что хотя процесс проекции и протекает без достаточного контроля сознания, он все же отражает сознательные установки ребенка.

Методика проводится по стандартной процедуре. В начале установливается доверительный контакт с ребенком и лишь потом ему сообщается о характере задания. Дается следующая инструкция: «Придумай и нарисуй несуществующее животное и назови его несуществующим названием». Далее уточнитяется, что не желательно рисовать животное из мультфильмов, т.к. оно уже кем–то придумано; вымершие животные тоже не подходят.

Наиболее полная интерпретация теста « Рисунок несуществующего животного» изложена в литературе (И.А.Фурманов, 2004).

Методика «Дом–дерево–человек». Данная методика на ряду с другими психологическими характеристиками личности также позволяет диагностировать ряд агрессивных черт ребенка (К. Маховер, 2000; Е.С.Романова, О.Ф.Потемкин, 1992, И.А.Фурманов, 2004). Для выполнения теста «Дом – Дерево – Человек» (ДДЧ) диагностируемому предлагается бумага, простой карандаш, листок. Стандартный лист для рисования складывается пополам. На первой странице в горизонтальном положении наверху печатными буквами написано «Дом», на второй «Дерево», на третьей – «Человек», на четвертой – имя и фамилия ребенка, дата проведения исследования. Для рисования обычно используется простой карандаш 2М, так как при употреблении этого карандаша наиболее ярко видны изменения в силе нажима.

Вначале дается следующая инструкция: «Нарисуй, пожалуйста, как можно лучше дом, дерево и человека». На все уточняющие вопросы ребенка следует отвечать, что он может рисовать так, как ему хочется. Само выполнение теста состоит из двух частей: процесса рисования и беседы после него. Богатую информацию дает наблюдение за тем, как ребенок рисует. Обычно записываются все спонтанные высказывания, отмечаются какие–либо непривычные движения. Когда ребенок заканчивает рисовать, ему задается ряд вопросов о его рисунке. Опрос обычно начинается с рисунка человека. Например, спрашивается, кого он нарисовал, возраст нарисованного человека, что он делает, какое у него настроение, напоминает ли он кого–нибудь из его знакомых. Обычно вопрос о рисунках перерастает в беседу о жизненных представлениях ребенка.

Для анализа рисунков используются три аспекта оценки – *детали рисунков, их пропорции и перспектива*. Считается, что детали рисунка представляют осознание и заинтересованность человека в каждодневной жизненной ситуации. Интерпретиритация значение деталей обычно делается с учетом целостности всех рисунков, а также в сотрудничестве с рисующим, так как символическое значение деталей часто бывает индивидуальным.

Пропорции рисунка отражают психологическую значимость, важность и ценность вещей, ситуаций или отношений, которые непосредственно или символически представлены в рисунке дома, дерева и человека. Пропорции могут рассматриваться как отношение целого рисунка к данному пространству бумаги или как отношение одной части целого рисунка к другой.

Перспектива показывает более сложное отношение человека к его психологическому окружению. При оценке перспективы внимание обращается на положение рисунка на листе по отношению к зрителю (взгляд сверху или снизу), взаимное расположение отдельных частей рисунка, движение нарисованного объекта.

Методика «Кинетический рисунок семьи». Тест «Кинетический рисунок семьи» (КРС) представляет богатую информацию о субъективной семейной ситуации исследуемого ребенка. Он помогает выявить отношение ребенка к членам своей семьи, семейные отношения, которые вызывают тревогу или конфликты для рисующего, показывают, как ребенок воспринимает взаимоотношения с другими членами семьи и свое место в семье.

Тест КРС состоит из двух частей: рисование семьи и беседы после рисования. Для выполнения теста ребенку дается стандартный лист бумаги для рисования, карандаш (твердость 2М) и ластик. Ребенку дается следующая инструкция: «Пожалуйста, нарисуй свою семью, чтобы ее члены были чем–либо заняты». На все уточняющие вопросы следует отвечать без каких–либо указаний («Можешь рисовать как хочешь.»).

Во время рисования фиксируются все спонтанные высказывания ребенка, отмечаются его мимику, жесты, а также фиксируется последовательность рисования. После того как рисунок закончен, с ребенком проводится беседа по следующей схеме:

1. Кто нарисован на рисунке, что делает каждый член семьи?
2. Где работают или учатся члены семьи?
3. Как в семье распределяются домашние обязанности?
4. Каковы взаимоотношения ребенка с остальными членами семьи?

При интерпретации КРС основное внимание обращается на следующие аспекты:

– анализ структуры рисунка семьи (сравнение состава реальной и нарисованной семьи, расположение и взаимодействие членов семьи на рисунке);

– анализ особенностей рисунка отдельных членов семьи (различия в стиле рисования, количество детей, схема тел отдельных членов семьи);

–анализ процесса рисования (последовательность рисунка, комментарии, паузы, эмоциональные реакции во время рисунка).

Наиболее полная интерпретация теста «Кинетический рисунок семьи» изложена в специальной литературе (Р.С.Бернс, С.Х.Кауфман, 2000; Е.С.Романова, О.Ф.Потемкин, 1992, И.А.Фурманов, 2004).

Вопросы для самоконтроля

1. Определите в чем достоинства и ограничения каждого из методов диагностики агрессии?

2. В чем специфика диагностики физического, психологического и сексуальногонасилия?

НАПРАВЛЕНИЯ ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ

Профилактика агрессии

Часто детей, которые балуются, ведут себя непослушно, непосредственно, импульсивно, иногда нападают на других детей без видимых причин, громко говорят, нередко перебивают, дразнят и провоцируют других детей, пытаются доминировать, взрослые считают агрессивными. Однако здесь не все так просто, как кажется на первый взгляд.

Действительно, как уже отмечалось, в какой-то период многим детям свойственна агрессивность. Детская жизнь полна разочарований, которые кажутся взрослым мелкими. Но, именно эти разочарования, вызванные лишениями и ограничениями, становятся травмирующими для ребенка. И наиболее удовлетворительным решением для ребенка может показаться агрессивная реакция. Особенно если у ребенка ограниченны способности к самовыражению или он лишен возможности другим способом удовлетворить насущную, для него в данный момент потребность. Вообще надо отметить, что агрессия может возникать в двух случаях:

1) как крайняя мера, когда ребенок исчерпал все другие возможности для удовлетворения своих потребностей;

2) как «наученное» поведение, когда ребенок поступает агрессивно, следуя образцу (поведение родителей, других значимых лиц, литературных или кинематографических персонажей).

Согласившись с этой точкой зрения, становится очевидным, что ребёнку в раннем возрасте неизбежно присуща определённая агрессивность.

Уже в отчаянном плаче грудного младенца нетрудно распознать злость и возмущение. Причина проста: ребенку что-то не позволяют или в чём-то отказывают, что собственно и раздражает его. В первую очередь, это касается физиологических потребностей, которые у ребенка проявляются с такой же силой, как и у взрослого. Однако должно пройти немало времени, прежде чем ребёнок научится самостоятельно удовлетворять их. Или откладывать, или задерживать их удовлетворение, как это делают более взрослые люди.

С самого рождения ребёнок целиком и полностью зависит от родителей, особенно от матери. Причём положение его не меняется в течение многих лет. Даже если родительское отношение к ребенку полно заботы о нём, взрослые в силу целого ряда различных причин порой вынуждены уделять детям меньше внимания, чем следует, и навязывать им то, что их сердит и злит. Никто из родителей в силу обстоятельств нашей жизни не всегда может избежать подобных поступков, несмотря на то, что их намерения делать это достаточно велико. Они стараются изо всех сил по мере возможности помочь

ребёнку освоиться в окружающем мире, но ребенок всё равно чувствует себя подавленным.

Неспособность управлять своими побуждениями и желаниями, а также неумение контролировать их усложняют жизнь ребёнка. Возникшие одновременно чувства голода и усталости, например, неизменно становятся для него причиной гнева и раздражения.

Ребёнку часто приходится страдать от ограничений и лишений. Нет такого дня, чтобы какое-нибудь его желание или какая-либо потребность не были подавлены. И, вначале от плача как призыва о помощи, он постепенно переходит к отчаянному, гневному протесту. Вот так и рождается агрессивность, отсюда она и проистекает.

Агрессивная реакция по своей сути – это реакция борьбы, за выживание, попытке ребёнка изменить положение вещей. Она складывается из неудовлетворённости, протеста, злости или явного насилия. Всё это совершенно нормально. Агрессия в ряде случаев, безусловно, предпочтительнее, чем хныканье, жалобы, покорное повиновение, бесплодное фантазирование и другие проявления ухода от действительности. Если же гнев и возмущение ребенка постоянно подавляются, они, как уже отмечалось, могут накапливаться и проявляться нередко лишь в зрелом возрасте, когда невозможно докопаться до истинных причин, поскольку агрессивность уже выливается в иные формы поведения, психосоматические симптомы или становиться причиной различных заболеваний (например, ревматического артрита, крапивницы, прыщей, псориаза, язвы желудка, эпилепсии, мигрени, гипертонии).

Ребенок не становится агрессивным неожиданно. Он не может быть мягким и воспитанным ребенком, а спустя минуту начать кричать, драться со сверстниками. Процесс, как правило, постепенный. До определенного момента ребенок выражает свои потребности в более мягкой форме. Но взрослые обычно не обращают на это внимания до тех пор, пока не столкнутся с явными нарушениями поведения. То поведение, которое воспринимается взрослыми как агрессивное или асоциальное, часто в действительности является отчаянной попыткой удовлетворить потребности, восстановить эмоциональное состояние или социальные связи. Просто ребенок не в состоянии пока выразить свои истинные чувства никаким другим способом, кроме того, который он избирает. Он делает то единственно возможное, что может себе представить, чтобы продолжить борьбу за выживание в окружающем мире.

Вместе с тем, наблюдая за агрессивным ребенком, можно определить, направленность его реакций (на кого он нападает, в каких обстоятельствах и

как часто это случается без какой-либо провокации). Внимательные наблюдения помогут взрослым выявить тревожные симптомы о назревающей атаке со стороны данного ребенка.

Поскольку причиной агрессии являются лишения и ограничения, то крайне редко удаётся полностью освободить ребёнка от его агрессивности. Но даже если бы такое было возможно, было бы неправомерным стремиться к этому. Бесспорно, агрессивность имеет свои положительные и отрицательные, здоровые и болезненные стороны. Она может проявляться в предприимчивости и активности или, напротив, в непослушании и сопротивлении. Агрессивность способна развить дух инициативы или же породить замкнутость и враждебность, может сделать ребёнка упорным либо безвольным. И это лишь некоторые из альтернатив.

Речь должна идти не о том, чтобы полностью исключить агрессивность из характера детей, а о необходимости ограничивать и контролировать её, а также поощрять те её проявления, которые не приносят вреда личности и обществу.

Агрессивность многолика. В частности, по своей направленности она может быть внешней, характеризующейся открытым проявлением агрессии в адрес конкретных лиц (прямая агрессия) либо на безличные обстоятельства, предметы или социальное окружение (смещенная агрессия), а также внутренней, характеризующейся выражением обвинений или требований, адресованными самому себе. По способу контроля агрессия подразделяется на произвольную, возникающую из желания воспрепятствовать, навредить кому–либо, обойтись с кем–то несправедливо, кого-нибудь оскорбить, а также на непроизвольную, представляющую собой нецеленаправленный и быстро прекращающийся взрыв гнева или ярости, когда действие не подконтрольно субъекту и протекает по типу аффекта.

Исходя из многоликости агрессии, используются и различные тактики превентивного вмешательства.

Профилактика физической агрессии

Физическая агрессия (нападение) – это использование физической силы против другого лица.

Физической агрессивность проявляется у детей достаточно часто. Ребенок может разъяриться, осыпать ударами того, кто находится рядом, нападать на детей младше себя или даже взрослых.

Физическая агрессия – это такая проблема, которая немедленно привлекает внимание взрослых.

Обычно больше всего досаждает родителям, когда дети в семье ссорятся и дерутся. Однако следует иметь в виду, что желание драться, равно, как

щипаться или кусаться исподтишка – это далеко не всегда признак ненормальности ребенка.

В случае, когда родители обращаются за помощью к психологу по поводу агрессивного поведения их детей наилучший совет таков – чем меньше они будут реагировать на ссору или драку своих детей, тем правильнее поступят. За исключением, конечно, каких-то особых, крайних случаев, когда дети могут причиняют друг другу серьезные увечья. Очень часто дети самостоятельно решают свои проблемы. И как правило, забывают про свои ссоры, а через некоторое время уже мирно и дружно играют. Но стоит вмешаться родителям, как один из детей, а то и оба непременно почувствуют себя ужасно несчастными – либо потому, что их накажут (и тогда достанется обоим), либо потому, что их не поняли и обидели напрасно.

Однако отрицательный эффект вмешательства родителей совершенно в другом – драка приобретает значение важного события. Ребенок, которого лишь слегка ударили, принимается кричать так, будто ему причинили нестерпимую боль. При этом у «обиженного» возникает повод вести себя инфантильно, по-детски. Зато «обидчик» получает возможность немножко приврать. И то, и другое гораздо хуже самой потасовки.

Дж. Лешли считает, что родителями, которые особенно нетерпимы к дракам, движет обычно отнюдь не стремление уберечь братскую любовь своих детей. Их недовольство вызвано прежде всего шумом и явным непослушанием, недисциплинированностью. И все же чем быстрее родители вмешаются в ссору, тем громче дети будут орать при следующей драке. Самое полезное, что могут предпринять взрослые помимо того, что сделают вид, будто ничего не слышат и не видят – развести детей как можно дальше друг от друга (как боксеров на ринге – в разные углы). А утешать их и разбираться, что случилось, следует только после того, как дети совсем успокоятся.

Точно так же не стоит придавать значения драке детей «вне дома» (с их друзьями или сверстниками). Тем не менее, если ребенок постоянно ссорится с ними, психолог совместно с родителями или педагогами должен изучить причины такой чрезмерной агрессивности и, выработав профилактическую тактику, проконсультировать взрослых.

Обращение с детьми до вспышки агрессии

1) Несомненно, случается, что детей надо иногда оставить, чтобы они разобрались сами. Они способны к самостоятельному разбору некоторых споров, и, если взрослые контролируют события, это служит для детей полезным опытом. Дети поймут, что могут обойтись и без взрослых в качестве арбитров.

2) Если взрослые считают, что лучше “не доводить до греха”, можно сориентировать ребенка на другой тип поведения. При этом целесообразно предложить ребенку его любимую игрушку или такую игрушку, которую он мог бы безбоязненно бить кулаками, пинать ногами или кусать.

3) Иногда бывает не бесполезно отвлечь ребенка каким-то интересным для него занятием.

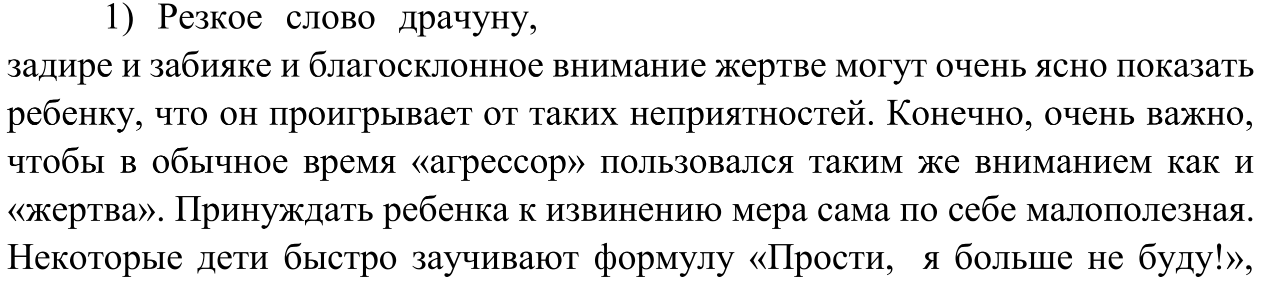
4) В том случае, когда ребенка невозможно отвлечь и нападение вот-вот состоится – наилучшей реакцией взрослого будет отведение руку ребенка или удержать его за плечи. Особенно если действия родителя подкреплены резким «Нельзя!». Если взрослый находится поодаль, оклик тоже может остановить ребенка, знающего из прежнего опыта, что такие выходки. не позволены.

Обращение с детьми после агрессивного нападения

Есть немало случаев, когда агрессивность невозможно унять. Тогда придется действовать после события, дабы преподать ребенку урок, что такого рода поведение неприемлемо.

1) Резкое слово драчуну, задире и забияке и благосклонное внимание жертве могут очень ясно показать ребенку, что он проигрывает от таких неприятностей. Конечно, очень важно, чтобы в обычное время «агрессор» пользовался таким же вниманием как и «жертва». Принуждать ребенка к извинению мера сама по себе малополезная. Некоторые дети быстро заучивают формулу «Прости, я больше не буду!», чтобы избежать недоброго внимания взрослых или наказания.

2) Эффективным способом является тот, когда взрослые отослают агрессивного ребенка в «тихий угол» поостыть и умереть свой пыл. Это хорошо подчеркивает факт инцидента и выражает большее неодобрение его поведения. Этот прием также полезен и родителям. Иногда, удаляя ребенка ненадолго из комнаты, взрослый сам успокаивается. Однако подобная мера

теряет эффект, если длится более чем минуту-две. Дети помладше вряд ли поймут связь между своим поступком и удалением. Лучше крепко взять ребенка за руки и, строго глядя на него, твердо сказать: «Драться нельзя!» или: «Не кусаться!» Внимание, уделяемое агрессивному ребенку должно быть ограниченным и негативным, а жертве – сопровождаться обильными утешениями.

В идеале при каждом инциденте взрослые должны высказать свое отношение и постараться побыстрее прекратить его. Длинные объяснения или обвинения малоэффективны. Даже если ребенок способен выслушать и понять позицию родителя, мало вероятно, что он будет долго слушать его.

3) В том случае, когда за агрессивные действия виновника лишают любимых игрушек или привилегий, лучше не растягивать наказание на целый день, а следует осуществить его как можно скорее. Ребенок быстро забудет причину – все его мысли будут сфокусированы на том, что ему не дают заниматься любимым делом, или выставляют в другую комнату, или срамят перед другими как «шалопая». Его гнев и возмущение таким обращением снижает шанс, что он научится вести себя иначе.

4) Наименьший эффект приносят действия, когда взрослые отвечают агрессивностью на агрессивность. Во-первых, они могут побуждать к этому детей. Реплики «Иди и дай сдачи!» вполне достаточно, чтобы ребенок воспринял ее как разрешение лупить другого ребенка или со смаком давать сдачи при любом поводе. Во-вторых, серьезные недостатки есть и в угрозе взрослого: «Вот я укушу тебя, будешь знать!» Подобное высказывание, адресованное ребенку любого возраста, содержит угрозу того же самого агрессивного действия, за которое упрекают ребенка. Однако у такого метода есть большой минус. Он заключается в том, что если взрослый начнет кусаться в ответ, это может не сработать уже в первый раз. Тогда ему придется решать, что делать при последующих инцидентах – кусать сильнее, кусать дважды за один укус ребенка или может шлепать в придачу? Подобный подход может очень просто выйти из-под контроля, и лучше его избегать. Есть вероятность, что он станет опасным каналом для излияния взрослого гнева.

В отношении агрессивности, как и других проблем, важно соблюдать постоянство относительно пределов дозволенного и недозволенного. Это – часть долгосрочной тактики побуждения ребенка *к* другим формам выражения сильных эмоций. Незамедлительные действия взрослых после агрессивной выходки ребенка будут более правильными и эффективными, если их обдумывать в спокойное время, ибо при развертывании событий размышлять уже некогда. Особое значение в укрощении детской агрессивности имеет то, что реакция взрослых должна быть краткой и точной.

Телесные наказания

Телесные наказания никогда не оказываются хорошей дисциплинарной мерой. Вполне возможно, что ребенок, которого больно отшлепали, никогда не повторит проступок, за который ему влетело. Но знают ли родители, что произошло в мыслях, чувствах и поведении ребенка? Скорее всего нет, так как они сориентированы на внешние проявления в поведении ребенка. На самом же деле ребенок, как и любой взрослый человек, стремиться избежать не столько болезненной стимуляции, сколько ее источник. Поэтому он быстро научиться бояться вовсе не того, что нельзя делать, а родителя. Таким образом, преобразование поведения ребенка, произошло за счет замены желания страхом. Это самое худшее, что можно сделать для психического здоровья ребенка.

Во-первых, страх очень сильно меняет облик ребенка: он делается робким, нерешительным, теряющимся, неуверенным в себе и почти начисто лишенным жизненного оптимизма.

Во-вторых, ребенок приучается бояться родителей и начинает испытывать к нам сначала неприязнь, а затем и ненависть. Если этот конфликт возникает в раннем детстве, ребенок привыкает ожидать враждебности от всех, кто любит его, и даже воспринимает ненависть как нечто сопутствующее любви.

В-третьих, телесные наказания со стороны родителей представляют собой модель агрессивного поведения. У агрессивных родителей как правило вырастают агрессивные дети. Более того, у ребенка может сложиться стереотип поведения: если другой человек сделал что-то не так – его надо наказать и лучше всего физически.

В-четвертых, телесные наказания часто вызывают совсем обратный результат, чем тот, которого добиваются родители. У детей лишь прочнее закрепляют неверное поведение ребенка и не сколько не меняют его.

А. Фромм считает, что ребенок начинает думать, что стоит, пожалуй, иной раз получить подзатыльник ради удовольствия позлить родителей. Кроме того, он ждет наказания и хочет получить его ради очистки совести. Он знает: за то, что он натворил, нужно расплачиваться. А, расплатившись, чувствует себя вновь свободным и начинает опять повторять свои выходки (согрешил – покаялся). Только теперь уже он начинает действовать с большей осмотрительностью, чтобы его не поймали на месте «преступления». Короче, ребенок удовлетворяет и свое желание сделать что-то недозволенное, и очищает свою совесть одновременно.

Учитывая психологический риск, связанный с применением родителями телесных наказаний, психолог может порекомендовать им следующие «неагрессивные» модели дисциплинарного воздействия:

1. *Терпение.* Здесь нужна выдержка, выдержка и еще раз выдержка.

2. *Объяснение.* Следует объяснить ребенку, почему его поведение неправильно, делать это надо максимально кратко.

3. *Отвлечение.* Надо постараться предложить ребенку что-нибудь более привлекательное, чем то, что ему сейчас хочется.

4. *Неторопливость.* Не надо спешить наказывать ребенка. Вдруг поступок повториться.

5. *Награды.* Лучше похвалить ребенка за хорошее поведение. Это пробудит в нем желание еще раз услышать похвалу.

6. *Шутки.* Рекомендуется иногда пошутить по поводу наказания и даже придумать какую-нибудь игру, чтобы ребенок тоже имел повод наказать “нерадивого” родителя. Очень важно дать ребенку возможность почувствует, что и родители подчиняются тем же правилам поведения. В этом случае ребенок будет меньше сердиться, когда подвергнется наказанию за нарушение правил.

Таким образом, если наказание применяется в дисциплинарных целях, оно будет эффективно лишь в отдельных случаях. Например, ребенок, если ему не исполнилось3-5 года, может быть вообще не в состоянии понять цель наказания. Бить детей вообще не рекомендуется. Когда же родитель наказывает ребенка, лишая его какой-либо привилегии, которая у него была, – он непременно добьется гораздо лучших результатов.

Тем не менее, если психолог сталкивается с ситуацией, когда родители принимают решение использовать наказания – им надо напомнить, что:

1. Телесные наказания учат ребенка не признавать авторитет родителей, а бояться их.

2. Поведение ребенка будет строиться на непредсказуемой основе, а не на понимании и принятии законов морали.

3. Проявляя при детях худшие черты своего характера, родитель сам становится образцом плохого поведения.

4. Телесные наказания могут только утвердить, но не изменить поведение ребенка.

5. Телесные наказания требуют от родителей меньше всего ума и способностей, чем любые другие воспитательные меры.

6. Задача воспитания – изменить желания ребенка, а не только его поведение.

Профилактика словесной (вербальной) агрессии

Агрессивность не обязательно проявляется в физических действиях. Вербальная агрессия – это выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных ответов (угроза, проклятия, ругань).

Почти все дети рано или поздно начинают говорить бранные слова, выкрикивать оскорбления, дразнить других или ругаться. Это не повод для беспокойства. Напротив, родителей должно больше тревожить, если ребенок и ни разу не произнес бы бранные слова. В этом случае можно было бы решить, что он просто не слышит, что говорят окружающие, а, может быть, даже не воспринимает их слова. Явное отсутствие непосредственности и непринужденности в поведении ребенка должно беспокоить больше.

Детям свойственно слушать, что говорят вокруг. И, вероятно, нет такой, даже самой лучшей семьи или школы, которые сумели бы воспрепятствовать этому. Часто взрослые сами не замечают, как ведут себя. Нередко родители сами же и учат ребенка некоторым выражениям. К тому же было бы просто несправедливо думать, что ребенка "портят" другие люди и сам он ничего не делает, чтобы "испортиться". Совершенно очевидно, что дети усваивают определенный словарь от товарищей по играм и непосредственно от окружающих взрослых, а затем спокойно передают его друг другу.

Обычно бранные слова дети начинают использовать, как только попадают в детский сад или школу, а иногда и раньше. И то обстоятельство, что эти слова шокируют взрослых, привлекают их внимание, оказывается для детей наилучшим поводом, чтобы повторять их. Им хочется позлить, подразнить родителей, потому что им самим приходи лось не раз терпеть это от их «самодурства». Теперь же они просто открыли для себя новое оружие агрессии.

Дети ругаются по разным поводам. И, несомненно, на повод следует ориентироваться, определяя наиболее приемлемый способ, как их отучить ругаться.

Некоторые дети ругаются совершенно невинно. Они не знают значения слов и не намерены кого-то шокировать. В подобном случае наиболее эффективным будет просто сказать, что это грубое или неприятное слово и лучше его не использовать.

Не понимая значения слова, дети часто знают, что оно запрещенное. Ребенок использует его для эффекта, чтобы огорчить взрослых или досадить кому-то. Игнорировать брань ребенка и уделять ему внимание в другое время – один из эффективных методов, который может помочь. Ребенок разочаруется в ругани, если не будет видеть желаемого эффекта.

Однако простое игнорирование может не остановить сквернослова. Бывает необходимо сделать выговор ребенку, особенно если он знает, какие слова бранные, а какие нет. В этом случае резкое неодобрительное «Довольно!» действует лучше длительной нравоучительной тирады. Это гораздо полезнее, нежели высказывать огорчение или потрясение. Также лучше воздержаться от привлечения внимание других взрослых к сквернослову. Реплики типа «Ты послушай, что он говорит!», сделанные в присутствии ребенка, обеспечивают ему аудиторию и внимание. Именно последние скорее будут стимулировать, а не предотвращать брань.

Дети, как и взрослые, нуждаются в выражении эмоций. Поэтому полезно давать им альтернативу брани – слова, которые можно произнести с чувством, когда ребенок ушибется или расстроится, слова для ответа на дразнилки и слова для усиления выразительности. Это, например, такие слова взрослых, как «елки-палки», «черт побери», «проклятье», «блин» и т. п. Поведение детей, которые ругаются бездумно, скорее всего в подражание услышанному, постепенно может перемениться. Например, взрослый может повторить ребенку предложение, заменяя слово. Если ребенок скажет: «Глянь-ка, что за паскудная собака!» – взрослый может ответить: «Да, сильно за–дри–панная собака!» Если же сказать это с некоторым наигрышем, ребенок почувствует, что новое слово выразительнее бранного.

Если обидные слова ребенка адресуются взрослым, надо как можно меньше обращать на них внимание. Вряд ли стоит заводиться от устных нападок, и лучше постараться не принимать их близко к сердцу. Целесообразно просто игнорировать ребенка, привыкшего оскорблять людей. Если другие дети тоже научатся не обращать внимания на товарища, когда он грубит– ему может прийти на ум, что и продолжать-то не стоит.

Иногда взрослые могут обратить оскорбления ребенка в комическую перепалку, если, якобы стараясь перекрыть сказанное им, ответят глупым замечанием. Сработает ли комический подход, зависит от того, как высказывался ребенок. Тем, кто регулярно говорит обидные вещи, да еще озлобленно, надо твердо сказать: «Ты мне нравишься, Таня, но то, что ты говоришь, мне не нравится!». В перспективе можно попробовать удовлетворить потребность ребенка почувствовать себя сильным и значительным или отыграться за собственные обиды (если, по мнению взрослых, такие чувства стоят за устной агрессией). Со временем ребенок обнаружит, что он может нравиться, несмотря на все что говорит, и что он способен пользоваться авторитетом и играть какую-то особую роль в группе детей, не прибегая к оскорблениям.

Мальчики и девочки, узнав бранные слова, поначалу одинаково ведут себя, хотя первые более склонны употреблять ругательства. У детей, которые раньше других прибегают к этому языку, за ширмой подобных выражений скрываются более сложные проблемы. Они могут лгать, например, или какими-то другими способами, еще более агрессивными, «мстить» за свои несчастья.

Вообще же надо стараться, чтобы у детей просто не возникало желания ругать кого-то или что-то в этом мире.

Хотя вообще-то не стоит придавать брани слишком большого значения можно как-то повлиять на ребенка или принять какие-то профилактические меры. Полная профилактика браных слов невозможна по той простой причине, что дети наши живут не под стеклянным колпаком. А вот повлиять на них можно, как считает А.Фромм, если порекомендовать родителям предпринять следующее:

1. Не ругать ребенка, как это часто делают многие, и не угрожать, что отругают его, если он будет говорить бранные слова.

2. Необходимо постарайтесь сделать так, чтобы ребенок был как можно более откровенен с родителями. Это позволит ребенку непосредственнее высказываться в присутствии родителей, и тогда то, чему он научился на улице он скажет им, а не произнесет при посторонних.

3. Можно обескуражить ребенка – это наилучший способ повлиять на него. Когда он станет говорить бранные слова, надо отнесьтись к этому спокойно, мягко, добродушно. Ласковое обращение сразу же притупляет оружие, которое в противном случае может стать угрожающим.

4. Возможно, также объяснить ребенку, что говорить бранные слова так же неприлично, как отрыгивать за столом или не извиниться в нужный момент. Но объяснять это надо кратко и не наказывая его.

5. Если случиться, что ребенок использует какое-нибудь бранное слово при посторонних, родитель должен кратко извинится за него и сразу же смените тему разговора.

Профилактика косвенной агрессии

Под такого рода поведением понимают как агрессию, которая окольными путем направлена на другое лицо – злобные сплетни, шутки, так и агрессию, которая ни на кого не направлена – взрыв ярости, проявляющийся в крике, топанье ногами, битье кулаками по столу и т.п. Эти взрывы характеризуются ненаправленностью и неупорядоченностью.

Механизм косвенной агрессии связан с феноменом “перенесения”. Например, ребёнок, которому мать не даёт карамельку, пинком отшвыривает игрушку. Он не осмеливается столь же открыто излить свою злость на мать и

«переносит» гнев и агрессивность на другой, более безобидный объект. Но чаще всего дети открыто проявляют своё возмущение родителями, а потом долго страдают от своего поступка. Ребёнок не может взять верх над родителями прежде всего потому, что они взрослые, пользуются реальным авторитетом и у них больше возможностей настоять на своём.

К тому же, если ребёнку уже привито чувство уважения и послушания, пусть даже с применением угроз и наказаний – он сильно огорчается из-за своего агрессивного поведения. У него рождается чувство вины, а также боязнь утратить любовь и заботу родителей. Этот страх, в свою очередь, тоже может развивать агрессивность. Возникает порочный круг - ребёнок чувствует себя подавленным не только родителями, но также собственным чувством вины и страха. И его агрессивность теперь уже будет направлена на всякие другие объекты.

У некоторых детей агрессивность принимает форму разрушительного отношения к вещам. Они рвут книги, высыпают продукты из пакетов или разбрасывают игрушки. Может доходить и до таких опасных проявлений, как поджоги. Бывает совпадение агрессивности и враждебности, когда ребенок швыряет игрушки в других детей или взрослых. Многие признаки агрессивности, о которых говорилось выше, равно относятся к детям, чьи чувства выражаются в разрушительном поведении.

Детский гнев или недовольство, проявляющиеся в разрушительности, могут вылиться в большую драму. Взрослым важно оставаться как можно спокойнее и не отвечать гневом на гнев. Это очень трудно, когда стулья и игрушки летят в голову! Если поведение мотивировано потребностью во внимании, какими-то драматическими событиями, то признаки страха у окружающих могут только стимулировать таких детей.

Прежде всего необходимо разобраться, действительно ли ребенок, играя, ломает игрушку только потому, что ему непременно хочется сломать ее. Прежде всего надо учесть, как часто он совершает подобные действия, каков при этом у малыша эмоциональный запал. К примеру ребенок ломает игрушку каждый день, тогда действительно надо расценивать это как желание ломать, даже если виновник выглядит совсем невинным. Когда ребенок сердится, злится, стремление ломать проявляется еще более очевидно. Подобное происходит в том случае, если ребенок устав от бесконечных запретов родителей. Он рвет свою тряпочную игрушку только потому, что не в состоянии сделать то же самое с мамой и папой.

Другая причина, вызывающая желание ломать, портить, уничтожить, кроется в зависти, за которой стоит стремление самоутвердиться. Один ребенок завидует другому потому, что тот умеет собирать из деталей

конструктора очень высокие башни. При этом первый, чувствуя себя неспособным строить так же, злиться не на ребенка, а на башню, успокаивая себя тем, что крушит ее. Это его способ утвердиться. Подобное желание часто направляется и на игрушки.

Есть дети, у которых такое чувство собственности, что они предпочитают сломать игрушку, чем отдать ее кому-либо. Такое поведение означает только одно: «Не хочу ни с кем делиться: или она моя, или ничья».

Если не считать случайных поломок, то во всех ситуациях, когда желание сломать, испортить, разрушить связано с гневом, завистью или эгоизмом, в его основе лежат неуверенность в себе и вражда к людям. Именно этот вывод может и подсказать взрослым самый надежный способ предотвратить подобную реакцию, а в ряде случаев даже совсем "снять" этот феномен. Самая надежная тактика, которую психолог может порекомендовать родителям, состоит в следующем:

- не заменять сломанные ребенком игрушки новыми, а оставлять повсюду их обломки, чтобы наглядно были видны последствия его поведения;
- давать детям игрушки, которые можно разбирать и собирать, чтобы они могли удовлетворить свое любопытство;
- подобрать детям очень прочные игрушки, которые они не смогли бы сломать.

Хотя эти психологические советы отчасти и полезны, связать их с эмоциональными причинами такого желания ребенка очень трудно. Поэтому проблему лучше решать в целом, а не в частностях. Психологу еще раз надо напомнить родителям о самом главном: чем меньше они будут предпринимать что-либо, тем будет лучше. Это не значит, что надо совсем бездействовать. Ребенок может принять попустительство взрослого за молчаливое одобрение. Поэтому в качестве профилактики родителям надо посоветовать сделать самое необходимое:

1. Как можно мягче проявлять свое недовольство и раздражение – на первом этапе лучше это сделать как показано на рисунке “Террорист”.

Если ребенок захочет что-нибудь сломать или даже сломает в чужом доме, куда взрослые и дети пришли в гости, следует принесем извинения при ребенке, объяснить ему, почему и родители и все остальные не одобряют его поступок, предложить ему какое-нибудь другое занятие, а если необходимо, увести его домой.

2. Было бы ошибкой силой принуждать ребенка к повиновению по той простой причине, что подобная тактика может вызвать у него стремление еще больше ломать. Занять правильную позицию взрослому может помочь

поможет сознание, что даже самые уравновешенные взрослые люди, когда были детьми, не всегда являли собой чудо добродетели.

3. Помощь ребенку в адаптации к окружающей обстановке и к взрослым наверняка уменьшит его желание ломать и разрушать.

4. Большое участие в его жизни – с точки зрения ребенка, а не с родительской – позволит ему чувствовать себя любимым и желанным. Чем более уверенным в себе станет ребенок, тем реже он будет испытывать гнев, зависть, тем меньше в нем останется эгоизма.

5. Очень полезно каждый раз предлагать ребенку устранить учиненный им разгром. Чаще всего следует отказ, но когда-нибудь ребенок может и откликнуться на слова: «Ты уже достаточно большой и сильный, чтобы создать беспорядок, поэтому я уверена, что ты поможешь мне убраться». Если уборка назначается как наказание или ребенка принуждают помогать, это вряд ли изменит разрушительное поведение; в контексте должна быть уверенность взрослого, что “большой” мальчик должен нести ответственность за свои дела. Если ребенок все же поможет убраться, он, конечно, должен услышать искреннее ““спасибо” и никаких напоминаний – для него инцидент исчерпан.

6. Если взрослый понизит тон нагоняев, когда ребенок рассердит его, то он покажет ему хороший пример.

Психотерапия агрессии и последствий насилия

В мировой психологической практике существуют различные точки зрения на природу детской агрессивности, а, следовательно, и различные подходы к ее психотерапии.

Вместе с тем, большинство психологов, вне зависимости от принадлежности к той или иной психотерапевтической школе опираются примерно на одни и те же представления о модели терапии агрессивного ребенка или ребенка пережившего насилие. Эта модель включает четыре основные фазы: предварительная, начальная, процессуальная и завершающая.

Предварительная фаза. Психотерапевтическое вмешательство в отношении к ребенку может быть использовано по двум основным причинам:

- Когда ребенок демонстрируют явные признакам того, что он является жертвой агрессии или насилия.
- Когда у родителей есть опасения, что ребенок подвергается агрессии и насилию или они обеспокоены их последствиями.

На этой стадии обычно определяется потребность ребенка в психотерапии. При этом учитываются симптомы проявления последствий и ситуация, в которой находился или находится ребенок, т.е. собирается

максимально возможная информация о глубине и серьезности психической травматизации.

Начальная фаза. На этой фазе усилия психолога обычно сосредоточены на установлении доверительных отношений с ребенком, определении текущего состояния ребенка, стиля совладающего поведения и общей стратегии психотерапии.

Основным принципом установления доверительных отношений является учет и опора на интересах и потребностях ребенка. Кроме того, очень важно общаться с ребенком на его интеллектуальном и возрастном уровнях. Для этого психолог должен найти с ребенком «общий язык», использовать его сленг, повторять ключевые фразы, опираться на использование метафор, символических представлений при обсуждении чувств и мыслей ребенка, быть знакомым с музыкой, кинофильмами, автомобилями, стилями одежды и действиями, которые интересуют различные возрастные группы.

Процессуальная фаза. На этой фазе психотерапии психолог помогает ребенку решить две главных задачи – идентифицировать как он подвергся агрессии или насилию и выявить способы с помощью, которых ребенок справляется с травматическими переживаниями и ситуацией в целом. При выполнении этих задач это важно для психолога подготовить ребенка к тому, чтобы «вновь пережить» или «повторно испытывать» насилие и чувства, которые могут возникнуть в результате насилия или агрессии.

Обычно те, которые изо всех сил пытаются оправляться от травмы насилия пытаются найти ответы на четыре фундаментальных вопроса:

- Что случилось?
- Почему это случалось?
- Почему я так вел себя тогда и веду сейчас?
- Что я буду делать, если это случится снова?

Даже ребенок, который не проявляет никаких явных признаков жертвы насилия, будет искать ответы на эти вопросы.

Снижение интенсивности переживаний, связанных с насилием, предполагает катарсические инсайты, устранение деформаций, объективизацию ответственности за насилие, неоднократные попытки справиться с опытом насилия, поддерживание положительного и продуктивного поведения.

Чтобы достичь этой цели, психолог должен помочь ребенку обращаться к его воспоминаниям о насилии; идентифицировать ощущения, мысли, чувства, и убеждения, которые возникали и возникают по поводу насилия и выработать позитивные реакции и модели поведение, которое стали бы основой позитивного самовосприятия и самоотношения.

Воспоминания о насилии. Обсуждение деталей насилия помогает ребенку начать думать о его опыте, более четко и ясно формулировать невысказанные чувства и скрытые мысли. Обсуждение деталей насилия может также помочь детям развеять некоторые из мифов, которые сдерживали ребенка от раскрытия собственных переживаний. Разговор о насилии может уменьшить напряжение и сделать воспоминания более доступными, а , следовательно, может помочь психологу присоединяться к ребенку в восприятии и понимании его опыта.

Ощущения. Физическое и/или сексуальное насилие всегда связано с возникновением болезненных ощущений, переживаниями страха и унижения. Насилие сопровождается стимуляцией большинства анализаторов – зрительного, слухового обонятельного, осязательного и кинестетического. Эти сенсорные стимулы и вызванные ими ощущения сохраняются в памяти и могут выступать в качестве уже психических стимулов для флэш–бэков (ретроспективных вспышек травматических воспоминаний), кошмаров, фобического поведения или панических атак. Различные факторы, типа освещения помещения, месторасположения, температуры, присутствие других людей, сопутствующие ситуации насилия, также как и физические ощущения могут хорошо запоминаться. Ощущения, вызывающие удовольствие (например, при сексуальном насилии) подавленные ребенком, могут стать пугающими, особенно когда ребенок понимает, что происшедшие с ним события просто ужасны. Эти стимулы нуждаются идентификации, оценке и объяснении ребенку так, чтобы он понял, что его реакции результат того, что он пережил.

Мысли и чувства. Способность думать о травматическом событии и распознавать чувства и поведение, сгенерированные этими мыслями позволяет детям анализировать ситуацию. Размышление об их травматическом опыте заставляет детей собирать информацию, которая могла бы объяснить, почему насилие произошло. Это означает сравнивать информацию и оценивать точность той информации. Размышление о травматическом опыте, определение различий между чувством безопасного или опасного и распознавание насильственного поведения также дает ребенку возможность идентифицировать проблемные ситуации и выбирать ту стратегию действий, которая могла бы помочь ребенку остаться в безопасности или уклониться от вредных воздействий. Когда ребенок сознает, что он обладает способностью думать и выбирать – он начинает лучше к себе относиться, чувствовать себя более сильным и контролирующим.

Разрядка накопленных негативных переживаний, вызванных насилием – важный компонент процесса психотерапии. И здесь неважно, какие техники

будут использоваться: рассказывание о насилии, битье подушки или боксерской груши, использование мягкой дубинки или поролоновой палки, запись всех негативных чувства и выбрасывание их в корзину. Все это может помочь детскому отреагированию некоторых из сдерживаемых эмоций и позволит начать обсуждать их.

Также важно научить ребенка социально приемлемым средствам выражения гнева, агрессии и сопровождающих их других эмоций. Эти методы включают прямую коммуникацию, ассертивность и переговоры. Ребенок должен уяснить, что удар чего–то, типа подушки, может быть приемлемым способом канализации его чувств. Однако, удар кого - то, типа ребенка или родителя – это не приемлемый выход из положения.

Часто, ребенок, подвергшейся насилию, слышит от взрослых «Надо было сказать «Нет!», «Надо было убежать!», «Надо было позвать кого-нибудь!». Поэтому ребенок может чувствовать себя виновным, что он не сделал этого. В этом случае психолог должен помочь ребенку понять, что в тот момент он был «испуганным» или «сердитым» или «смущенным», и возможно, это его состояние не позволило ему предпринять какие-либо действия, но с другой стороны, возможно, это сохранило ему жизнь

Убеждения. Когда ребенок подвергается агрессии или насилию, он пытается понять смысл того, что происходит, и объяснить это. Однако для маленького ребенка или ребенка в целом, часто понимание насильственных действий другого человека ограничено его когнитивным и эмоциональным опытом, поэтому эти объяснения – часто примитивны и наивны. Несмотря на это, детские экспликации и атрибуции необходимо идентифицировать.

Теория атрибуции утверждает, что, когда происходит негативное событие и человек обвиняет в этом себя (интернальная ответственность)– у него возникают депрессивные чувства. В том случае, если обвиняет других (экстернальная ответственность)– у него возникает гнев. Когда ребенок полагает, что причиной насилия стало какое-то его поведений, а не действия агрессора или насильника, ребенок обвиняет себя. Ребенок, который видим причину совершенного насилия в самом себе, трудно иметь о себе позитивное представление. Ребенок рассматривает насилие как угрозу самооценки. Поэтому ребенок должен прийти к собственному заключению, что это была не его ошибка или что он просто не знал, что так может произойти.

Ребенок, который интернализирует причину насилия, который думает, что насилие произошло, а люди не защитили его, убежден, что он плохой. Однако у этого ребенка может возникать чувство злости и ощущение пустоты и незащищенности, потому что у него возникает вопрос о собственной ценности и значимости для окружающих. Ребенок также может задумываться

о смысле дальнейшего существования, о возможных перспективах и будущее. Этот ребенок может чувствовать себя разочарованным и лишенным уверенности в себе. Ребенок, который думает, что насилие нанесло ему физический ущерб и сделало его не таким как другие, начинает по другому относиться к собственному телу. Ребенок часто проецирует эти мысли и чувства на других людей.

Разъясняя и подвергая сомнению правильность убеждений ребенка о причине насилия и исследуя смысл этих событий и роль ребенка в них психолог помогает ребенку избавиться от психологии жертвы. Подвергшийся насилию ребенок может исследовать ситуацию с другой позиции и новых перспектив, когда он убежден, что не несет ответственность за совершенной над ним насилие.

Убеждения имеют важное значение для динамики поведения ребенка. Изменения в убеждениях могут приводить к изменениям в поведении, которые как цепная реакция приведут к формированию позитивных убеждений о себе и других. Эти положительные и более продуктивные убеждения или ожидания о сам себе, о других людях и мире в целом – фундамент для уверенности в том, в самочувствии ребенка и его поведении наступят изменения.

Фаза завершения. Фаза консолидации или завершения терапии предназначена для интеграции или использованию новых мыслей ребенка, подвергшегося насилию, его чувств, представлений о себе так же как и новых действий и навыков, которые он приобрел в процессе психотерапии. На предыдущей фазе ребенку пришлось повторно испытать острую боль и много горя, вызванных насилием. Ребенок начинает экспериментировать с новыми идеями, чувствами, и и моделями поведения. На этой заключительной фазе терапии важно идентифицировать текущие проблемы ребенка и поощрять его рисковать в экспериментировании с новым опытом самыми разными способами, поскольку результат менее важен, чем попытка.

Психоаналитическая терапия

Психоаналитический подход чаще всего рассматривает в качестве основных причин детской агрессивности – неразрешенные конфликты со значимыми другими, депривацию актуальных потребностей или пережитые психические травмы. Поэтому основной упор в психоаналитической терапии делается главным образом на обеспечение эмоционально-символического выражения чувств («катарсиса»). В работе с детьми используются как индивидуальные, так и групповые методы работы (Дж. Аллан, 1997).

Использование **индивидуальных методов** спонтанного и направленного рисования в работе с детьми с агрессивным поведением исходит из того, что переживание различного рода психических травм, потерь

и лишений приводит к появлению глубоких физических и психических шрамов (ощущения, образы и эмоции интернализуются ребенком), которые частично тормозят их психологическое развитие. Опыт работы с такими детьми свидетельствует, что одними беседами невозможно устранить психологическую травму. Занятия рисованием, живописью и керамикой в сочетании с игровой инсценировкой (разыгрыванием) служат надежными средствами экстернализации переживаний ребенка и поэтому обеспечивают возможность исцеления и дальнейшего развития психики.

Этапность индивидуальной работы с ребенком может включать следующие шаги:

1. На первой консультации необходимо установить так называемый «раппорт», т.е. доверительный контакт с ребенком. Поэтому не следует сразу начинать с рисования. Лучше задать рисование в качестве «домашней работы» и попросить принести рисунки с собой на следующую встречу. В этом случае следующее занятие нужно начинать с их обсуждения.
2. Возможно использовать рисование во время беседы с ребенком. В этом случае рисование будет выступать средством, способным помочь ребенку выразить свои мысли и чувства.
3. Первоначально нужно предоставить ребенку самому выбирать предметы для рисования и предоставить полную свободу в выборе изображения и надписей на рисунках.
4. Когда доверие ребенка к консультанту окрепло, когда в процессе работы были затронуты серьезные проблемы, можно предложить ребенку тему для рисования, т.е. придать им направленный характер. В качестве таких тем могут использоваться сюжеты проективных методик «Дом – Дерево – Человек» (как тестовую серию рисунков), «Рисунок несуществующего животного», «Рисунок семьи» и др. Направленное рисование в значительной мере облегчает проведение консультаций.

Консультации с использованием изобразительного искусства не только составляют основную часть психологической помощи, но и способствуют более полному выражению и изображению ребенком своих желания. Изображение этих “желаний” на рисунках отчасти удовлетворяет его потребность чувствовать себя любимым и желанным и помогло интернализовать позитивные аффекты.

Консультации с комбинированным использованием свободных и направленных средств изобразительного искусства составляют эффективное средство психологического изменения таких детей, которые пережили смерть близких и подверглись физическому и сексуальному насилию.

Общеизвестная детская символика в консультировании с использованием изобразительных средств. С самого начала, вероятно, следует предостеречь от опасности “слепого” анализа детских рисунков. Необходимо помочь ребенку активно объяснить смысл изображения на рисунке. Рисунки необходимо рассматривать в рамках гештальта, т.е. целостной структуры, особенно при попытках понять их символический смысл. Поэтому рассмотрение предмета только как изолированной части без соотнесения с целым сопряжено с определенными опасностями.

При таком подходе следующие цветовые предпочтения и символы могут быть использованы в качестве полезных ориентиров.

Цвет

Цветовые предпочтения изменяются в зависимости от возраста. Дети младшего возраста отдают предпочтение теплым тонам красного и желтого цвета, дети старшего возраста тяготеют к использованию прохладных цветов — синего и зеленого, отдавая все меньше предпочтения желтому цвету. Красный цвет доминирует на протяжении всех стадий жизни.

Имеют значение не цвета как таковые, а тот контекст, в котором они используются на рисунке. Ненормальное употребление или злоупотребление цветом или цветной комбинацией помогает глубже понять эмоциональное состояние ребенка.

Обычное использование цвета. Красный цвет обычно используется для изображения дымовых труб, губ, волос, вишен и яблок. Оранжевый цвет используется для изображения свитеров и апельсинов. Желтый цвет используется для изображения цветов и солнца. Синий цвет используется для изображения неба, одежды, глаз и занавесок. Зеленый цвет используется для изображения женской одежды, свитеров, крыш, травы и деревьев. Пурпурный (или фиолетовый) цвет используется для изображения женской одежды. Черный цвет используется для изображения дыма, прорисовки основных деталей, волос, обуви, поясов и дверей. Коричневый цвет используется для изображения волос, одежды, глаз, стволов и ветвей деревьев и стен. Белый цвет используется для изображения оград и облаков.

Необычное использование цвета. Самым эмоциональным является ***красный цвет***. Он свидетельствует об импульсивности и спонтанности самовыражения, указывает на потребность в одобрении со стороны важного лица или на агрессивность и ненависть, когда на рисунке преобладает красный цвет. Кроме того, красный цвет может означать мученичество.

Оранжевый цвет рассматривается как эмоционально сдержанный красный цвет. Он свидетельствует о сочувствии и дружелюбии или указывает

на агрессивное противодействие попыткам поставить данного человека в зависимое положение.

Желтый цвет, как и красный, может указывать на спонтанность самовыражения или, при акцентированном использовании, на агрессивность и враждебность вплоть до неистового самоуничижения. Желтый цвет амбивалентен. Золотистые и светлые оттенки желтого цвета олицетворяют интеллект, интуицию, веру и доброту. Темно-желтый цвет олицетворяет вероломство, зависть, честолюбие, скрытность и неверие.

Зеленый цвет указывает на избавление от тревоги, ощущение управляемого поведения, возвращение к девственной природе. В целом он не свидетельствует о наличии прочной эмоциональной основы По мнению Купера, синий цвет олицетворяет истину, интеллект, мудрость, постоянство, предусмотрительность, спокойствие, созерцание, а также женский принцип, символизируемый водой.

Багряный цвет указывает на сильное, почти граничащее с паранойей стремление к власти. Быть может, это отчасти связано с тем, что багряный цвет считается королевским цветом.

Черный и коричневый цвета олицетворяют торможение, подавление, а также депрессию, если цвета небрежно нанесены на рисунок.

Белый цвет имеет два противоположных символических значения. Белый цвет указывает на антиобщественные установки, но он также может символизировать и трансцендентность, простоту, совершенство и чистоту.

Опыт свидетельствует о том, что предложенные толкования символики цвета во многих случаях заслуживают доверия. В то же время необходимо учитывать, что у детей бывают цветовые причуды. Поэтому, при толковании символики цвета необходимо учитывать современные цветовые пристрастия детей.

Широко распространенные детские символы

Следует учитывать, что ни один символ не имеет универсального значения. Каждый символ имеет несколько значений. Соотнесенность символа с другими частями детского рисунка определяет интерпретацию данного символа. Кроме того, символ может олицетворять позитивное или негативное качество в зависимости от того, как он используется на рисунке и как оценивается самим ребенком. Культурная среда ребенка также имеет немаловажное значение, поскольку в различных культурах символ имеет различное значение.

Птицы олицетворяют трансцендентность: освобождение от любой, слишком незрелой, неподвижной или окончательной формы бытия, любого образа жизни, сковывающего стремление к высшей, более зрелой стадии

психологического развития. Кроме того, птицы символизируют душу или вознесение души на небеса. Судя по нашему опыту, птицы обычно появляются на детских рисунках тогда, когда авторы их ощущают, как в их душах происходит некая трансформация.

Кошки имеют много значений. Они олицетворяют желание, свободу и скрытость. Черная кошка символизирует несчастье и смерть, игривость и грациозность. Для ребенка кошка является центром его любви или олицетворяет потребность в любви.

Собаки. Как и кошки, собаки имеют противоречивые значения. Они символизируют преданность, бдительность, благородство, развращенность, любовь рыться в отбросах и ярость. Для ребенка собака имеет такое же значение, как и кошка, хотя собака нередко олицетворяет более сильную и инстинктивную сторону души.

Рыбы нередко выполняют роль фаллических символов. Они обозначают плодовитость, размножение, обновление и сохранение жизни. Хотя нам и не удалось обнаружить в детских рисунках подтверждение этому толкованию символики рыб, тем не менее было отмечено, что рыб рисовали мальчики в конце инкубационного периода болезни.

Лошади символизируют жизнь и смерть, инстинктивную и животную природу, динамическую силу, благородство или интеллект. Хотя эти толкования и не нашли подтверждения в детских рисунках, тем не менее изображения лошадей часто встречаются на рисунках девочек в возрасте 12 лет. Благодаря половому развитию многих девочек в этом возрасте лошадь нередко символизирует их инстинктивную, животную природу.

Облака. Цвет облаков имеет важное значение. Белые облака символизируют одухотворенность и чистоту. Черные облака указывают на депрессию, бесчестье или горе. Кроме того, черные облака нередко олицетворяют препятствия на пути к синие и знанию. Синие облака символизируют слезы и потребность выплакаться.

Огонь. Огонь символизирует обновление жизни, трансформацию, очищение, страсть, зачатие, власть, защиту, покровительство или разрушение. Ребенок обычно воспринимает огонь как нечто деструктивное и враждебное. Но если огонь ассоциируется с бурным явлением природы, например с извержением вулкана, тогда он символизирует эмоциональную разрядку или возможность трансформации, которая приведет к обновлению жизни.

Горы являются символом постоянства, вечности, прочности и тишины. Дети, которые рисуют горы и ставят их в центр обсуждения рисунка, склонны толковать горы как символ постоянства или потребности иметь нечто постоянное в жизни.

Океан и вода. Здесь мы имеем дело с символами предвечных вод, которые служат источником возникновения всех форм жизни. Они олицетворяют жизнь и смерть с последующим возрождением, океан жизни, который необходимо пересечь, или хаос и бесформенность, которые доминируют в жизни ребенка.

Дождь имеет два широких символических значения: изобилие и духовное откровение. Изобилие может означать плодородие или проницательность, а духовное откровение — божественную благодать, блаженство или очищение. Изображение дождя на детских рисунках свидетельствует о грустном настроении ребенка. Дети обычно изображают дождь на рисунках дома, что свидетельствует о наличии домашних проблем. Ливень с ураганом указывает на страдание и бурные чувства.

Солнце. В большинстве культур солнце олицетворяет мужскую силу. В то же время существуют культуры, в которых солнце олицетворяет женскую силу. Солнце исцеляет и возрождает. Оно — источник мудрости и чистоты. Кроме того, солнце может олицетворять пламя, присущее либидо. На детских рисунках солнце обычно олицетворяет теплоту и обеспечивает рост. Солнце нередко символизирует человека, сердечность и понимание которого помогают ребенку в психологическом развитии. В то же время заход солнца может олицетворять депрессию или смерть. Восход солнца обычно символизирует рождение и обновление. Когда солнце «неправильно» расположено на рисунке (т.е. в нижнем правом углу листа бумаги), тогда можно заключить о наличии существенных проблем во взаимоотношениях между отцом и ребенком (т.е. о таких взаимоотношениях, в которых имеет место совращение или изнасилование).

Луна редко появляется на детских рисунках. Луна включена в этот перечень распространенных символов потому, что она олицетворяет противоположный род солнца и иногда указывает на то, что происходят некоторые события.

Дерево олицетворяет пять граней психики ребенка: бессознательное представление о психологической сфере в целом, бессознательное представление о развитии, психосексуальный уровень развития и зрелости, связь с реальностью и ощущение внутриличностного равновесия. Предполагается, что изображение дерева на рисунках способствует формированию ассоциаций, связанных с жизненной ролью и способностью ребенка получать радость от своего окружения.

Контуры дерева, плавно уходящие вверх от прочного основания, указывают на переход внутренней сущности от базовой реальности к эмоциональной нереальности.

Засохшее дерево символизирует психологическое состояние ребенка. Засохшие ветви нередко отражают таки психологические травмы, как утрата любимого человека.

Устремленные к солнцу ветви свидетельствуют о глубокой потребности в доброжелательном отношении. Если вершина дерева уходит за пределы листа бумаги, тогда можно заключить о склонности ребенка к бегству от реальности в область фантазии, способной доставить ему чувство радости.

Наклон дерева в направлении движения руки ребенка в процессе рисования свидетельствует о стремлении ребенка установить контроль над своими чувствами или спастись от доминирующей личности, которую он изобразил на рисунке. Наклон дерева в противоположную сторону указывает на желание ребенка, чтобы все было так, как в доброе старое время. Движущееся дерево обычно ассоциируется с неистовой силой, направленной на это дерево со стороны окружающих.

Ствол дерева составляет основу для суждения о психологической силе ребенка. Сломанный ствол свидетельствует о наличии у ребенка глубокой психологической травмы. Если ствол обезображен или имеет согнутые, сломанные или засохшие ветви, это означает, что в прошлом имела место психологическая травма. Положение повреждения на стволе иногда соответствуют возрасту ребенка, когда имела место психологическая травма. Если ствол дерева не связан с кроной, тогда у вас есть все основания предполагать существование внутриличностного конфликта.

Яблоки олицетворяют изобилие, любовь, радость, знание, мудрость, прорицание или обман и смерть. Дети обычно используют яблоко для обозначения потребности в эмоциональной заботе. Когда дети рисуют червей в яблоках и говорят, что яблоки испортились, они указывают на отсутствие конструктивного ухода за ними.

Дом нередко может иметь одно из следующих значений: жизнь и взаимоотношения в семье ребенка, непредубежденное отношение к посторонним людям, защита и покровительство, характер существующей структуры эго, связь с реальностью, относительная роль психологического прошлого и будущего в психологии ребенка, а также степень ригидности личности.

Дом без дымовой трубы нередко свидетельствует о неспособности ребенка выразить свои чувства в семейной обстановке. Если из трубы идет густой дым, это свидетельствует о напряженной эмоциональной атмосфере в семье.

О существовании скрытой враждебности можно заключить, если дом не имеет окон (особенно на нижнем этаже), на окнах задернуты занавески или

дверь снабжена тяжелыми петлями и запорами. Дома без окон на нижнем этаже нередко указывают на желание сохранить в тайне какое-то событие.

Наклонившийся дом свидетельствует о потере психического равновесия. Если дом перемещается, тогда можно заключить о наличии психического заболевания.

Люди. Изображение человека на рисунке позволяет понять физическое и эмоциональное состояние ребенка в данный момент, его устремления (кем он хотел бы стать) и общий подход к межличностным отношениям. Люди не всегда олицетворяют ребенка; они нередко символизирую важных лиц в психологическом окружении ребенка.

Величина фигур отождествляется с силой: чем больше, тем сильнее. Время и место изображения на рисунке определенного лица по отношению к другим фигурам указывают на положение и статус ребенка по отношению к этим людям. Если люди на рисунках проявляют силу или ведут сражения, это обычно указывает на наличие соперничества или агрессивности.

Отсутствующие или преувеличенные части лица свидетельствуют о наличии проблемы, связанной с восприятием стимулов. Отсутствующие детали лица свидетельствуют об их отказе выполнять свои функции или указывают на стремление ограничить диапазон восприятия. Преувеличенные части лица нередко свидетельствуют о том, что эти части подверглись облучению или их функции вызывают озабоченность ребенка. Маленькие размеры головы по отношению к остальной части тела указывают на психическое расстройство и депрессию.

Отсутствие рук или ног указывает на то, что ребенок чувствует себя беспомощным или скованным, неспособным выйти из сложившегося положения. Направленные в разные стороны ноги и ступни могут указывать на чувство разочарования и желание избавиться от сложившихся обстоятельств. (Однако для детей младшего возраста такое изображение ног является нормальным). Маленькие по сравнению с остальной частью тела ноги позволяют заключить о нестабильности личности. Акцентированное изображение рук свидетельствует о склонности к насильственным и агрессивным действиям. Такое изображение рук также может символизировать жестокое обращение с ребенком.

Если на теле, особенно в области гениталий, нарисована мишень, тогда у вас есть всякие основания предположить, что ребенок подвергался жестокому обращению или половому насилию.

Групповой метод успешно может применяться при работе с детьми в возрасте от 3 лет и старше, включая детей начальной школы. В соответствии с этим методом каждую неделю (желательно в одно и то же время) отводить 20-

40 минут для обсуждения чувств. Психолог выбирает достаточное число тем для обсуждения в течение 5-10 недель (счастье, злость, страх, одиночество, грусть, гнев, любовь, ненависть, обида и т.д.). Эти темы должны соответствовать стадии развития детей и каждую неделю представлять одно чувство. Дж. Аллан рекомендует использовать форму занятия, которое содержит три части (в качестве примера для обсуждения далее используется тема «злости»).

А. Группе или всему классу задается ряд вопросов о злости. Для достижения лучших результатов вопросы необходимо задавать последовательно, постепенно переходя от общего (некий мальчик, некая девочка) к конкретному («тебе приходилось испытывать чувство злости?»). В процессе занятий следует поощрять обсуждение с помощью методов новых формулировок, отображений и других методов группового взаимодействия. Рекомендуется заблаговременно подготовить несколько стимулирующих вопросов, которые можно затронуть, когда беседа пойдет на убыль. К числу таких вопросов относятся следующие:

1. Что представляет собой злость?

2. Что чувствует мальчик (девочка), когда испугают чувство злости? (Следует попросить детей описать, как выглядит злящийся мальчик или девочка. Затем попросите их показать с помощью мимики и жестов, как выглядит злящийся ребенок).

4. Что делает злящийся мальчик или девочка?

5. Вы когда-нибудь злились?

6. Как это происходит?

7. В каком месте тела вы почувствовали злость? Вы можете показать?

8. Что вы делаете, когда злитесь?

9. Что бы вы могли сделать в следующий раз?

10. Вспомните случай из вашей жизни, когда вы были самыми злыми?

Очевидно, что не нужно строго следовать приведенному образцу. Напротив, этот образец необходимо гибко использовать с учетом времени, уровня группового обсуждения и возраста детей. Иногда достаточно задать 3-5 вопросов.

Б. После проведения обсуждения и диалогов по поводу злости необходимо попросить детей нарисовать злость или написать рассказ о злости. Можно сказать:

1. Вы можете представить чувство злости?

2. Как выглядит злость?

3. Вы можете нарисовать злость на бумаге?

4. Нарисуйте какую-нибудь сцену со злящимся человеком?

В. После рисования можно предложить детям совместно обсудить свою работу, поднять свои рисунки и при желании описать их для других. На этом этапе психолог может помочь детям с помощью следующих вопросов:

1.Кто изображен на рисунке?

2. Что происходит на рисунке?

3. Чем это закончится?

Цель этого подхода состоит в том, чтобы помочь детям:

а) лучше осознать различные состояния своих чувств;

б) научиться понимать и контролировать чувства (например, с помощью таких вопросов, как: «Как бы ты поступил в следующий раз?»);

в) рассказать другим детям о своих чувствах и убедиться в том, что другие дети тоже испытывают аналогичные чувства;

г) рассказать психологу о своих чувствах и проблемах;

д) выразить свои чувства в символической форме с помощью пластических средств.

На стадии рисования нередко можно исследовать и обсудить чувства и мысли, которые не удалось раскрыть в процессе вербального обсуждения. Кроме того, такое выражение, как нам кажется, понижает уровень напряжения, а следовательно, и потребность в деструктивном выражении чувств. Это имеет особое значение для психологов-консультантов, способных деликатно обращаться с материалом, преследуя терапевтическую цель.

Групповой метод может быть использован и при реабилитации детей–жертв сексуального насилия (Дж. Г. Мэнделл и Л. Дамон, 1998, И.А.Фурманов, 2004).

Программа групповой терапии состоит из десяти модулей. Содержательно работа делится на 3 основных этапа:

Этап I. Он включает в себя модули «Добро пожаловать в группу», «Приобретаем друзей» и «Чувства – это нормально». Основная задача этого этапа – адаптировать детей к групповому взаимодействию и создать обстановку, способствующую работе с болезненными чувствами и душевными конфликтами, порожденными происшедшим злоупотреблением.

Этап II. Включает в себя модули «Рассказываем друг другу о том, что произошло», «По секрету» и «Моя семья». На этом этапе психотерапевты работают непосредственно с психологической травмой, полученной ребенком в результате сексуального злоупотребления и последующей огласки случившегося. Анализируются возникающие у детей чувства стыда, вины, беззащитности, беспомощности, ответственности за происшедшее, ощущение предательства и потребность скрыть случившееся. Это – типичные

последствия злоупотребления, оказывающие сильное влияние на ребенка, взрослых и семью в целом.

Этап III. Включает в себя модули «Позаботься о себе сам», «Девочки взрослеют», «Мальчики взрослеют» и «На прощание». Завершающий этап терапии призван помочь участникам увидеть «свет в конце тоннеля», переключить внимание с пережитой ими драмы на продолжение нормальной жизни. Затрагиваются такие темы как самооценка, умение отстаивать свои права, половое созревание.

Данная психокоррекционная методика групповой терапевтической работы рассчитана на реабилитацию детей 7-13 лет.

Поведенческая психотерапия

Признано, что основным и наиболее эффективным методом коррекции нарушений поведения у детей является поведенческая терапия. Эта техника основана на теории научения (O.Lindsley, B. Skinner, H Solomon, 1953) и опирается на некоторые положения социальной психологии и теории развития. Основные методы модификации поведения возникли как реакция на традиционную медицинскую модель ("модель заболевания"). Поэтому теоретическая схема бихевиорального подхода предполагает рассмотрение нарушений поведения не в качестве симптома какого–либо заболевания, а в качестве определенных типов реагирования. В бихевиоризме принято считать, что человек может приобрести социальные навыки и эмоциональные реакции через:

а) классическое обусловливание (когда в результате научения условный стимул соединяется с безусловным);

б) инструментальное обусловливание (когда в процессе научения те или иные действия или реакции подкрепляются);

в) научение в результате наблюдения. Научение в ходе наблюдения основывается на механизмах имитации, подражания или идентификации ребенка образцу. В частности установлено, что наблюдатель, особенно, если он ребенок, проявляет тенденцию совершать те же самые действия как и лицо, за которым он наблюдает. Однако, для этого необходимо, чтобы социальное научение обеспечивалось процессами внимания (ребенок должен обратить внимание на образец), памяти (сохранение информации о действиях образца), моторного обеспечения (двигательные и когнитивные способности к воспроизведению, повторению действий образца), мотивации (собственные или подкрепленные побуждения к действию).

В связи с этим бихевиористический подход сосредоточен на анализе поддающихся наблюдению и измерению поведенческих реакций, т.к. «трудное поведение» рассматривается скорее как результат неадекватного и

неправильного научения, а не проявления скрытой патологии. Исходя из этого, объектом воздействия в процессе поведенческой терапии является само поведение человека.

Многие авторы отмечают эффективность поведенческой терапии именно при работе с детьми. Причину такой эффективности они видят в: 1) возможности контроля социальной среды ребенка, 2) возможности воздействия на механизмы дезадаптивного поведения детей, 3) относительной краткости терапии.

Наиболее распространенной формой психокоррекционной работы с детьми, имеющими отклонения в поведении является тренинг социальных навыков. Это обусловлено опорой на результаты исследований, которые свидетельствуют о взаимосвязи дефицита социальных навыков у детей с их агрессивностью и делинквентностью. В основном тренинг социальных навыков строится на реализации терапевтических процедур, опирающихся на классическое и оперантное обусловливание.

Модель тренинга социальных навыков

Целью тренинга социальных навыков является выработка такого поведения, которое является приемлемым не только для индивидуума, но и для общества в целом. Он в основном направлен на формирование и освоение детьми и подростками нормальных жизненных умений.

К основным видам жизненных умений, которым обучают в процессе тренинга социальных навыков, относятся управление эмоциями, планирование своего ближайшего и отдаленного будущего, принятие решений, родительские функции, коммуникативные умения, уверенность в себе.

Задачи тренинга социальных навыков обычно сводятся к решению двух основных проблем:

1) избыток негативных эмоций (страха, гнева), стимулирующих нарушения поведения, агрессивность деструктивной или асоциальной направленности;

2) недостаток уверенности в себе, отсутствие в поведенческом арсенале опыта конструктивного взаимодействия с окружающими.

В частности, быть уверенным в себе – значит уметь определить и выразить в неагрессивной, но, вместе с тем, в настойчивой манере свое желание и потребности. Уверенное поведение, например, выражается в умении обратиться с просьбой к другому без угроз, физической силы или других форм принуждения, так, чтобы не обидеть его и не унизить себя, или тактично ответить отказом на его просьбу. Компонентами уверенной просьбы или отказа могут быть не только слова, но и жесты, мимика, поза.

Уверенность в себе и конструктивность в общении с другими людьми обычно поощряется обществом, а деструктивность и враждебная агрессивность порицается. Уверенность в поведение ведет к росту самоуважения. Деструктивная же агрессивность является попыткой удовлетворить свои потребности за счет причинения ущерба другому и несовместима с чувством самоуважения. Неуверенность в себе, заниженная самооценка, сопровождающиеся чувством тревоги и собственной вины, очень часто преодолеваются человеком именно за счет разрушительной агрессии.

Модель тренинга социальных навыков включает в себя следующие этапы:

* постановка задачи, т.е. определение поведения, которое нуждается в коррекции и тренаже;
* выбор релевантной ситуации;
* инструктаж и обучение участников исполнению сцены запланированной ситуации;
* разыгрывание ситуации;
* моделирование желательного поведения;
* отработка оптимального поведения в течение всего занятия;
* получение обратной связи: поведение активных участников разыгрываемой сцены после занятий обсуждают остальные участники группы;
* закрепление полученных навыков в реальной жизни.

Основными процедурами тренинга социальных навыков являются моделирование, ролевые игры, установление обратной связи, перенесение навыков из учебной ситуации в реальную жизненную обстановку.

Моделирование – это формирование с помощью имитации лучшего способа поведения каждого участника группы в конкретной разыгрываемой им ситуации. Этот способ предполагает демонстрацию лицам, не имеющим базовых социальных навыков, примеров конструктивного, неагрессивного поведения. Участники группы обучаются новому поведению путем простого наблюдения, ничего не делая сами и без прямого внешнего подкрепления. После показа разных моделей поведения, приводящих к достижению намеченной цели, наиболее приемлемым и социально одобряемым способом, и их обсуждения – у участников тренинга нередко появляются улучшения собственного поведения.

Ролевые игры – это предоставление участникам тренинга возможности проигрывания жизненных ситуаций. Предлагается представить себя в ситуации, когда необходимо проявить те или иные необходимые умения. Обычно эта процедура начинается с несложных ситуаций, актуальных для большинства участников группы. Например, разговор с грубым педагогом, с

отцом или с матерью, с участковым инспектором. Постепенно группа переходит к проигрыванию более сложных ситуаций. Конечная цель ролевой игры в группе тренинга социальных навыков – это выработка оптимального поведения, основанного на уверенности в себе и конструктивной установки к разрешению той или иной сложной ситуации.

Установление обратной связи. На этой стадии тренинга социальных навыков с участниками устанавливается обратная связь в виде реакций руководителя группы на их поведение. Обычно для этого используется два основных приема:

Инструктаж – это вмешательство руководителя, который помогает участникам группы посредством советов, рекомендаций, поддержки найти оптимальный выход из трудной ситуации.

Подкрепление – это поощрение или наказание, стимулирующее правильное поведение участников группы в разыгрываемой ситуации. Лучшей формой поощрения и наказания является одобрение или неодобрение той или иной формы поведения активного участника всей группой или ее руководителем.

Перенесение приобретенных навыков из учебной ситуации в реальную жизненную обстановку. Практически на всех этапах тренинга социальных навыков особое внимание уделяется разрешению проблемы переноса полученных в группе новых поведенческих навыков в повседневную жизнь. С этой целью могут использоваться следующие приемы:

«Универсальное поведение». Научение участников тренинга общим принципам – принципам поведения уместным всегда и везде. Например, вежливому обращению с собеседником.

«Домашняя работа». Участникам тренинга предлагают вести дневник, где бы они записывали ситуации, при решении которых испытывает затруднения. В дальнейшем эти ситуации могут проигрываться в группе. Кроме того, участник получает «домашнее задание», выполнить которое он может, только участвуя в какой-то конкретной ситуации, вызывающей у него гнев, страх или агрессию. К примеру, необходимо активно воспрепятствовать кому-то, кто пытается оскорбить, и оставаться самому в этой ситуации спокойным, уравновешенным, но настойчивым. На следующем занятии этот участник должен рассказать в группе о своем поведении при выполнении “домашнего задания”. Если задание, по мнению руководителя, выполнено неправильно, его нужно еще раз “проиграть” в группе, смоделировав перед этим оптимальный вариант ситуации.

Следует заметить, что техника модификации поведения детей с нарушениями поведения в некоторых случаях оказывается достаточно

эффективной. Однако данная техника имеет и ряд недостатков. К их числу относятся: 1) техника позволяет «снимать» симптомы нарушений поведения, но не влияет на их причины; 2) техника не имеет средств для профилактики нарушений поведения; 3) техника оказывает кратковременный эффект; 4) техника не всегда позволяет получить «эффект переноса».

И главным недостатком здесь, конечно же является отсутствие «эффекта переноса» или иными словами генерализации и поддержки навыков приобретенных в ходе поведенческой терапии. Стремление к тому, чтобы добиться возникновения обученного поведения в ситуациях, где последнее не было предметом тренировки, привело к необходимости пересмотра некоторых процедур тренинга. В частности, к основным модификациям можно отнести: а) использование и создание искусственных ситуаций, стимулирующих генерализацию навыков; б) использование разнообразных стимулов–образцов, непосредственно формирующих навыки; в) использование разнообразных образцов–ответов и другого. К ним, в качестве примера, можно отнести проигрывание широкого спектра различных сюжетных и ролевых игр.

Однако, как показывает собственный опыт коррекционной работы с агрессивными и асоциальными подростками, введение даже указанных выше изменений не всегда приводит к устойчивому успеху. С этими же проблемами сталкиваются и другие психологи, которые пришли к выводу о возможности интеграции бихевиоризма и психоанализа. В частности, существуют различные пути такой интеграции: 1) модель Wachtel (1977), предполагающая прагматическое использование поведенческих техник в рамках психоаналитической терапии для того, чтобы «перевести внутренние инсайды в план действия»; 2) модель G. Kaplan (1974), предполагающая, в случае сопротивления пациента, находящегося в процессе поведенчески ориентированной терапии, кратковременное использование психоаналитических приемов и техник. Причем второй путь интеграции более предпочтителен.

Когнитивно-поведенческая психотерапия

В настоящее время, успешно развивается когнитивно–поведенческое направление в групповой психотерапии. Его суть сводиться к тому, что наряду с классическими процедурами поведенческой терапии применяются техники когнитивного переструктуирования. К ним относятся формирование альтернативных путей овладения ситуацией, «атака» на иррациональные убеждения, формирование способности к осознанию сущности и последствий собственного поведения, ответственности, правильных установок и привычек.

При этом наиболее важным является не столько приведение в порядок противоположных убеждений, сколько усиление поведенческих процедур за

счет подключения когнитивных процессов, а именно вербализации–проговаривания. Все терапевтические процедуры становятся более эффективными, – отмечал А.Бандура (A. Bandura, 1984), – когда человек овладевает смыслом собственных поступков или осознает собственные ресурсы (силу «Я»). Наблюдения за достижениями и успехами других могут стать словесными убеждениями. К ним обращается человек в трудных ситуациях, и опираясь на внутренние импульсы в состоянии расслабления и контроля, у него может возникать ощущение собственной силы. Но более глубокое ощущение силы «Я» появляется на основе собственного опыта человека, когда он самостоятельно выполняет те или иные действия.

Обычно программа когнитивно–поведенческих преобразований состоит из шести ступеней:

1. Актуализация способностей к самоизменению. Обнаружение цели («мишени») поведения, первоосновы случившегося; установление событий и ситуаций, которые вызвали данное поведение, а также положительных или отрицательных его последствий; определение целей изменений и выбор подкреплений.

2. Релаксационны.й тренинг. Обучение прогрессивной мышечной релаксации относительно поведенческой проблемы; ежедневный контроль за состоянием напряжения и использование релаксационных техник.

3. Подкрепление позитивных событий. Контроль над повторяющимися действиями; еженедельное планирование поведения: составление предписаний на каждый день с установлением баланса между негативными/нейтральными и позитивными действиями.

4. Когнитивные стратегии. Обучение методам активизации позитивных и торможения негативных мыслей; вызов и идентификация иррациональных убеждений; использование самоинструктирования с целью оказания помощи самому себе в возникших проблемных ситуациях.

5. Формирование настойчивости. Идентификация ситуаций, в которых проявляется непоследовательность; обучение настойчивому следованию социальным предписаниям через моделирование и проигрывание ролей.

6. Оптимизация социального взаимодействия. Идентификация факторов, которые являются причиной нарушения социального взаимодействия; выбор действий, которые необходимо изменить (усилить или уменьшить) с целью повышения уровня позитивных социальных контактов.

Модель формирования ассертивной стратегии поведения.

При взаимодействии друг с другом люди обычно используют три основных стратегии поведения: ***ассертивную, нонассертивную и агрессивную*** (И.А.Фурманов, 2004)**.** Все эти типы поведения – обычно

ситуативно специфичны. Ситуационная специфичность означает, что человек можете быть ассертивным в одних ситуациях (например, при разговоре с друзьями), нонассертивным в других (например, с людьми, которые наносят ему ущерб) и агрессивным в третьих (например, в конфликтной ситуации или при столкновении с авторитетами).

Нонассертивная стратегия. Названная стратегия отличается в первую очередь нонассертивным мышлением, которое сосредоточенно главным образом на мыслях об угождении другим людям и необходимости достижения их целей вместо удовлетворения собственных потребностей и вопреки собственным целям. Нонассертивное поведение предполагает избегание, уступки (полный отказ, отступление), робость, почтительность, покорность, пугливость и недирективность.

Часто нонассертивность возникает когда человек попадает в незнакомую ситуацию или в ситуацтю, которая предварительно оценивается как неуспешная. Это распространяется и на ситуации, связанные с наказанием или критикой.

Отличительной особенностью нонассертивной стратегии является использование ***пассивных методов контроля*.** Примечательно, что в то время как нонаверсивные люди часто допускают и позволяют другим их контролировать – они сами лишаются возможности оказывать влияние на других людей. Пассивные методы контроля (которые часто не сознаются) включают чувства подавленности, апатичности и нежелание что-либо делать, что может являться препятствием к сотрудничеству, побуждать к «разговорам за спиной», распространению сплетен и слухов, использованию «трусливой», скрытой агрессии, высмеиванию кого-то, прерыванию коммуникации и избеганию. Эти пассивные способы взаимодействия, по сути являются деструктивными, если речь идет о взаимоотношениях с более доминантным человеком. Пассивность партнера разрушает всякую мотивацию общения, не стимулирует личностный рост и стремление к прогрессу во взаимоотношениях. Часто в такой ситуации более доминантный человек чувствует себя так, как будто его окружает пустота, в которой он не ощущают собственного веса. Нонаверсивный человек может стать причиной того, что агрессивный человек начнет чувствовать вину, сочувствие или замешательство. Эти чувства могут приводить к уступкам и увеличению контроля со стороны более нонаверсивного человека. В свою очередь эти уступки подкрепляют пассивное, нонассертивное поведение.

Реализация нонассертивной стратегии имеет свои выгоды. В частности, наградой за нонассертивность может быть:

- *заботливость*: имея собственные потребности – это возможность и осуществлять заботу о ком–то еще;
- *приобретение репутации «хорошего парня»,* которого любят другие потому, что он всегда следует их путем;
- *получение симпатии и поддержки от других людей*;
- *избежание неудовольствия*: получение возможности избавиться от излишней тревоги или ответственности и отсутствие необходимость встречаться лицом к лицу с опасностью.

Потери от нонаверсивности могут состоят в утрате контроля и свободы, в дистанцировании и разрушении отношений, в низком уровне собственного достоинства.

Усиливать нонассертивность может целый ряд факторов, к которым относятся низкая самооценка или уверенность в себе, убеждение в необходимости самоограничения или самопожертвования ради других, недостаток автономии и интернального контроля, слишком большая зависимости от других, недостаток навыков установления межличностных отношений, неконфликтность и недостаток опыта общения с другими людьми или разрешения конфликтов. Кроме того, это очень высокая чувствительность к критике; хотя некоторые действительно ощущают себя в чем-то виноватыми.

Обычно нонассертивные люди вырастают в семьях, где нонассертивность, пассивность и покорность выступали в качестве модели поведения и/или вознаграждались, по крайней мере одним из членов семьи. Вместе с тем, в авторитарной семье, некоторые дети могут быть непослушными и агрессивными в одной ситуации, а могут быть пассивными, покорными, и нонассертивными в другой. Соседство этих двух альтернативных типов поведения вполне возможно, так как не требует особых навыков. Так дети могут вариативно использовать нонассертивность или агрессивность, чтобы отреагировать на агрессию, доминантность родителя (или его нонассертивность). В семье, где каждый из родителей слегка нонассертивен и недирективен в общении, все дети, могут принимать этот стиль поведения. Неудивительно, что многие из этих детей часто становятся шокироваными, если им приходится столкнуться с людьми, которые агрессивны и доминантны, и теряются, когда им приходится иметь дело с агрессивным, доминантным поведением. Другой возможный вариант поведения у ребенка из семьи с двумя нонаверсивными родителями может состоять в том, что при вакууме власти один или несколько детей, наоборот, могут стать агрессивными и доминирующими (по принципу «свято место пусто не бывает»).

Агрессивная стратегия. Психологическую основу данной стратегии составляет агрессивное мышление, которое сосредоточено преимущественно на получении удовольствия от эксплуатации других. По сути – это идеология полного доминирования и игнорирования других людей. Агрессивное поведение также предполагает многочисленные формы доминирования и директивной манипуляции. Агрессор обычно стремится к получению контроля над ситуацией или достижению собственных целей, независимо от того, какие последствия его действия будут иметь для других.

Отличительной особенностью агрессивной стратегии является использование ***агрессивных методов контроля.*** Диапозон агрессии/доминирования изменяется от тонкой, завуалированной агрессии и манипуляции типа нечестного, очаровывающего по типу «мягко стелет, но жестко спать», «подставляющего» поведения в одном случае до насильственного, оскорбительного доминирования в другом. Существует множество вариаций манипуляции и агрессии между этими двумя крайностями.

Важным ключевым аспектом агрессивной манипуляции является *непорядочность*. Непорядочность используется, чтобы управлять другими для достижения собственной выгоды. Непорядочность обычно маскирует какие-либо истинные мотивы. Например, это манипулятивно и нечестно, когда человек говорит о том, что хотел бы, чтобы другие люди делали что-то для их собственной выгоды. При этом совершенно очевидно, что ему хотя бы частично хотелось, чтобы другие что-то сделали и для его выгоды. Этим агрессивная манипуляция очень схожа с пассивной, используемой при нонассертивной стратегии, которая также стоит за непорядочностью.

Осуждение, критика, прерывание говорящего («затыкание рта»), непринятие чужих аргументов, разрушительность, крикливость или угрозы все это может быть использовано при доминирующей коммуникации. Кроме того, использование денег, статуса, физических атрибутов, привлекательности или других ресурсов получения контроля может с большим успехом стать инструментом агрессивной манипуляции. В последнем случае, ключевыми факторами является честность человека, обладающего властью, и степень, с которой этот человек использует свою власть на благо или во вред другому человеку. Однако даже хорошие намерения могут приводить к агрессивному доминированию («благими намерениями вымощена дорога в ад»).

Быть агрессивным (или доминантным) в целом — это значит уверовать, что в центре всего находится сам агрессор и его потребности, которые превыше всего другого. Агрессивность не предполагает наличие каких-либо желаний у других людей или обесценивает их существование.

Реализация агрессивной стратегии имеет свои выгоды. В частности, наградой за агрессивность может быть:

- *контроль* – получение большого количества времени и внимания от людей, которые согласны на такие затраты;
- *подтверждение правильности* – проверка собственной непогрешимости и правильности, когда другие занимают соглашательскую позицию. Часто агрессивные люди (например, авторитарные родители) не знают, что другие (дети) тайно не соглашаются с ними, но боятся говорить о своем мнении.

К недостаткам агрессивного поведения можно отнести то, что агрессия усиливает у других людей чувства опасения и негодования, дистанцированности и недоверия. Эти люди часто испытывают унижение чувства собственного достоинства из-за доминирования агрессора, становятся пассивными и уходят из ситуации коммуникации или, в конце концов, начинают сопротивляться. В итоге подвергающийся постоянному давлению человек может прекратить всякие отношения с доминатором как носителем «силы», которая так его привлекла в партнере ранее. Обычно доминирующие люди имеют низкую самооценку в сфере близких отношений и часто чувствуют себя непонятыми или неверно исталкованными, одинокими, и/или нелюбимыми другими. Они могут испытывать страх, что люди общаются с ними только для того, чтобы заботится о них, а не потому что любят.

Часто агрессивность происходит из чувства самоуверенности и непогрешимости. Агрессивный человек может всерьез полагать, что он «прав», а другие «неправы». Он уверен, что, если другим не нравится то, что он делают, то они будут бороться за то, чтобы добиться собственных целей. Агрессивный человек часто интерпретирует пассивнные реакции других людей как то, что они не проявляет действительной заинтересованности. При этом совершенно не сознавая, что если другие фактически что-то и делают, то только из-за страха. Обычно агрессивный/доминнантный человек или не знает, как можно что-то сделать по-другому или думает, что агрессивные/доминантные средства более эффективны, просты, более приемлемы или предпочтительнее, чем другие.

Обычно агрессивные люди вырастают в семьях, где агрессия и доминирование были смоделированы родителями и/или вознаграждались. Люди, которые более агрессивны и доминантны, независимы, честолюбивы, неспособны испытывать чувство вины (всегда проецируя ее на других), подозрительными к другим, и очень «справедливыми» относительно собственных правил (но не в отношении правил установленных другими). Многие агрессивные люди скрытны, уверены в себе, могут сопротивляться и нападать, когда чувствуют критику или испытывают унижение. Но глубоко

внутри они могут иметь низкое чувство собственного достоинства и испытывают страх, что критика окажется правильной. Самые большие опасения у них вызывают отказ, недостаток уважения и любви и ультимативные требования.

Большинство агрессивных людей испытывают недостаток навыков установления близких и доверительных отношений. Любой отказ в близости усиливает чувство одиночества и импотенции и провоцирует появление чувства неполноценности, подозрительности и чувствительности к мнению и отношению других. Понимание их ущербности и чувства изолированности при установлении близких отношений может многое прояснить в причинах их агрессивных действий.

Ассертивная стратегия. Названная стратегия отличается в первую очередь ассертивным мышлением, которое балансирует между активным стремлением достижения собственного благосостояния и целей и достижением благосостояния и целей других. Это – подлинная, активная и постоянная попытка найти решения проблемы «обоюдного выигрыша». Эта стратегия предполагает готовность более глубоко изучить собственные потребности и мотивы других людей с тем, чтобы выяснить чего действительно хочет каждая из сторон. Это – попытка найти общие, долговременные решения повторяющихся проблем в противоположность только обнаружению поверхностных, временных решений, которые не решают основную проблему, а заставляют возвращаться к ее решению повторно.

Отличительной особенностью нонассертивной стратегии является использование ***ассертивных методов контроля.*** Ассертивный подход опирается на реализацию идеи безусловной любви и уважения к самому себе и другим, а также отношения к другому человеку с пониманием и добротой. Наряду с этим, он предполагает сохранение директивности, твердости, убедительности и настойчивости в реализации обоюдовыгодных решений. Честность, способность убедительно высказать собственное мнение и дипломатия – это тот набор основных навыков, которые делают ассертивное мышление максимально эффективным. Ассертивные поведение в целом опирается на понимание, открытость, прямоту, честность, заботу, спокойствие, сосредоточенность, упорство, доброту и твердость. Ассертивный человек всякий раз предпринимает попытку деэскалации возникающих конфликтов, но он может в случае необходимости, наоборот, наращивать уровень агрессии в ответ на манипуляцию. Однако такая эскалация, в отличие от манипулятивной, отличается использованием более честных, настойчивых,

понимающих, заботливых и дипломатических средств. Цель должна состоять в деэскалации и поиске обоюдовыгодных решений.

Реализация нонассертивной стратегии имеет свои выгоды. В частности, ассертивное поведение улучшает коммуникацию, решает проблемы лучше, и делает людей ближе, чем любой другой подход. Ассертивное взаимодействие с людьми, в конечном счете, максимизирует возможности для продуктивных и счастливых отношений с сотрудниками, друзьями, семьей, возлюбленными и почти со всеми. Ассертивность имеет преимущество, еще и потому, что большинству людей нравится, когда их искренне понимают и уважают. Они также любят иметь адекватную свободу и контроль и особенно, когда принимаются обоюдовыгодные решения. Ассертивность более эффективна и тем, что побуждает людей к желанной для них равноправной кооперации и ответственности – а не из-за чувства обязательности или страха. Когда имеется обязательство, чувство обиды и страх – часто близость уходит на задний план.

Ассертивность – это не только ассертивное обхождение, это также - наиболее эффективный ответ на нонаверсивный, агрессивный или любой другой тип манипулятивного поведения. Ассертивная реакция чрезвычайно гибка и компетентна.

Главными ограничениями названной стратегии является то, что ассертивность:

- часто очень долговременная и комплексная реакция (которая может легко фрустрировать людей, приученных к получению авторитарных директив, или разрушать коммуникацию);
- требует серьезных тренировок и большего количества определенных навыков, в сравнении с нонаверсивными и агрессивными реакциями, которые являются обычно более примитивными и упрощенными (несмотря на то, что и нонаверсивные, и агрессивные люди могут выбрать окольный путь, много обсуждая совершенно бесполезную информацию;
- означает оказаться непосредственно перед лицом с трудными, эмоционально нагруженной ситуациями и необходимостью поиска причины противоречий. Это может быть крайне неприятной перспективой для нонассертивных или агрессивных людей, которые обычно избегают знаний об коренных причинами их проблем. Однако, достижение более глубокого инсайта – есть ключ к обнаружению актуальных проблем и принятия долгосрочных решений.

Некоторые полагают, что ассертивные средства влияния не столь эффективны как агрессивное поведение, доминирование или манипулятивные средства. Однако, ясно, что ассертивность намного более эффективна – особенно, в конечном счете. Люди, которые знают, что партнеры искренне заботятся о них и обращаются с ними с пониманием, честно и

доброжелательно – с большей вероятностью будут ориентированы на сотрудничество, взаимную заботу и внимание, и установление длительных отношений.

Модель формирования ассертивного поведения включает следующие шаги (T. G. Stevens, 2001):

Шаг 1: Оценка готовности и ресурсов - оценка личностных (уровня самооценки, локуса контроля, убеждений, коммуникативных навыков) и ситуативных факторов, которые приводят чрезмерно выраженному неассертивному или агрессивному поведению и блокируют проявление ассертивности. Анализ чувств, мыслей, действий и результатов при взаимодействии с людьми, отношения с которыми хотелось бы изменить. Определение ресурсов для появления ассертивных мыслей и действий.

Шаг 2: Определение целей изменений – конкретизация далеких и близких целей достижения ассертивности. Концентрация на процессуальных целях с использованием текущего контроля и обратной связи, а не целях достижения окончательного результата.

Шаг 3: Формирование ассертивного мышления и самоуверенного поведения – апробация ассертивной модели поведения с последующим анализом результатов и последствий. Научение переходу от внешнего к внутреннему контролю, способам повышения самооценки, улучшения самоотношения, преодоление страхов изоляции и одиночества, освоение техник регуляции гнева и агрессии, страхов, тревоги и депрессии, препятствующих проявлению ассертивности.

Шаг 4: Выработка ассертивных навыков коммуникации и разрешения противоречий.

Шаг 5: Формирование ассертивной модели коммуникации – замена неассертивные или агрессивные убеждений и привычек ассертивными с помощью использования ролевых игр, техник «стоп кадра» для осмысления ситуации и идентификации собственных чувств и мыслей, перепроигрывания ситуации, анализа постситуации (оценки собственных действий и действий других), систематической десенситизации.

Гештальт-терапия

Кроме того следует, вероятно, остановиться и на возможностях терапии агрессивности в рамках гештальтподхода. В гештальттерапии агрессивные реакции могут возникать как результат проекций (все формы агрессии, вызванные принуждением), интроекций («наученная» агрессия) или ретрофлексии (аутоагрессия). Однако, так или иначе, агрессивность– есть нарушение процесса саморегуляции: когда возникшую потребность нельзя удовлетворить и «гештальт» грозит остаться незавершенным.

Гештальттерапия позволяет трансформировать невротические, неуместные или хронические агрессивные реакции в конструктивные, полезные и здоровые. Как уже отмечалось корни агрессии могут быть самыми разнообразными, поэтому и формы работы могут быть различными: например, активизация механизмов сдерживания агрессии в нерелевантной ситуации, актуализация способностей ненаправленного, необъектного выражения агрессивных импульсов, умений планировать и предвидеть последствия собственных агрессивных действия. Вместе с тем, в нашей практике достаточно случаев наблюдения, особенно у детей, агрессивных способов завершения «гештальта». И здесь возможна работа по разрушению или реконструкции «гештальта».

Использование гештальтподхода в коррекции детской агрессивности

Удовлетворение жизненных потребностей ребенка во многом зависит от взрослого. Поэтому полноценно развивается только тот ребенок, который воспитывается в условиях принятия, одобрения и любви. Когда ребенок сталкивается с неодобрением или отвержением со стороны взрослого, особенно родителя – он будет воспринимать такую ситуацию как потерю любви. Ребенок порой не знает, что ему делать с теми эмоциями, которые возникли в данной ситуации. И он решает либо сдержать это чувство, либо подавить его. Невыраженная эмоция “камнем” остается внутри ребенка, влияя на его психическое здоровье. Все чувства связаны с физиологическими изменениями, которые выражаются в мышечных, телесных функциях. Если ребенок не выражает своего гнева прямо, то он выразит себя каким-то другим путем, который чаще всего оказывается вредным для него.

Детский организм тем не менее стремиться восстановить равновесие, возникшее в результате невозможности удовлетворить потребность. Поэтому эмоция, связанная с этим, обязательно должна быть выражена. Только тогда ребенок, почувствовав удовольствие, сможет приступить к удовлетворению других потребностей.

В. Оклендер выделяет четыре этапа в работе с ребенком с той или иной невыраженной эмоцией. Можно рассмотреть эти этапы на примере эмоции гнева, которая, как уже отмечалось ранее, может стать причиной либо саморазрушительного, либо аффективного агрессивного поведения.

Первый – обсудить с детьми проблему гнева: что заставляет их гневаться, как они обнаруживают и как ведут себя в это время. Это обычно разговор с детьми о гневе (что это такое, что делает их агрессивными, как они выражают это состояние, как гнев “отзывается” в теле ребенка).

Очень важно поговорить о сути гнева. и попросить детей назвать все слова, которые они произносили или которые возникали в их мыслях в состоянии гнева. Можно написать эти слова на большой доске, не давая им какой-либо оценки.

Второй – предоставить детям практически приемлемые методы для выражения подавленного гнева. Это помощь детям в том чтобы узнать, как узнать о возникновении гнева и принять свои агрессивные чувства, затем выборе способов выражения этих чувств, экспериментировании с практическими методами их выражения.

Здесь желательно обсудить индивидуальные способы выражения гнева – внешние и внутренние. Можно спросить, что может разозлить ребенка, что в этом случае происходит, что он делает или что он можешь сделать в этой ситуации, чтобы избежать неприятностей в минуты гнева. Можно также попроси детей нарисовать свое чувство гнева или то, как это чувство у них вызывает, либо то, что они делают в состоянии гнева.

Очень важно, чтобы дети научились делать выбор между открытым проявлением гнева или проявлением его в какой-либо другой, более приемлемой форме. Например, становится ли им легче, если они двигаются, топают ногами или усиленно жуют жевательную резинку.

Третий – помочь детям подойти к реальному восприятию чувства гнева (которое они могут сдерживать), побудить их к тому, чтобы эмоционально отреагировать этот гнев непосредственно.

Существует много разных способов выражать гнев: ударять по подушке, резать газету, комкать бумагу, пинать ногой мяч или консервную банку, бегать вокруг дома, бить по кровати теннисной ракеткой, писать на бумаге все слова, которые хочется высказать в гневе, рисовать чувство гнева.

При этом важно говорить с детьми о физических ощущениях, связанных с чувством гнева, которое должно найти выход, о телесных реакциях (сокращении мышц лица, шеи, желудка, грудной клетки, которые могут вызвать боль). Это делается для того, чтобы дети поняли взаимосвязь между невыраженной эмоцией и состоянием их здоровья.

Необходимо также позволить ребенку осознавать и понимать свой гнев, а не избегать в ужасе чувства гнева. Если дети предпочитают выражать свой гнев не прямо, если они считают, что выразить это чувство слишком опасно, то лучше всего позволить ребенку идентифицировать и выразить свои чувства в символической форме через игру или рисование.

Четвертый – дать возможность прямого вербального контакта с чувством гнева, расширить опыт прямого словесного выражения своих агрессивных чувств: пусть скажут все, что нужно сказать тому, кому следует,

пусть сделают в символической форме то, что они хотели бы сделать в реальной жизни..

Здесь можно использовать метод “пустого стула”, на котором как будто сидит “Обидчик” ребенка. Пусть ребенок скажет ему как он его ненавидит, как он зол не него, как он сделал плохо. Детям обычно доставляет удовольствие вылепить из глины символическую фигуру, а затем смять или скомкать ее. К предметам, помогающим выразить гнев, можно отнести поролоновую палку, резиновый нож, игрушечное ружье, надувную куклу.

Безусловно наиболее приятным занятием для ребенка является рисование. Поэтому его чаще всего и используют как в диагностических, так и в психотератевтических целях. Для оказания психологической помощи можно в принципе использовать любой рисунок ребенка. В. Оклендер предлагает самые разнообразные сюжеты и следующие шаги работы с рисунком:

* В течение минуты посмотрите на этот цветок. Через некоторое время попытайтесь сделать рисунок – не цветка, а тех чувств, которые вы испытываете, глядя на него, или того, что вы почувствуете, когда закончится время.

* Попробуйте выразить свой мир в виде зрительных образов, представленных в цветах, линиях, формах, символах. Как выглядел бы мир, если бы он был таким, как вам хочется.

* Проделайте некоторые дыхательные упражнения; изобразите теперь то, что вы чувствуете.

* Нарисуйте, что вы делаете, когда вы сердиты; что заставляет вас быть сердитым. Изобразите жуткое место, еще что-нибудь жуткое; последний раз, когда вы плакали; место, которое делает вас счастливыми; как вы себя чувствуете в данный момент; как бы вы хотели себя чувствовать.

* Нарисуйте себя: как вы выглядите, как бы вы хотели выглядеть, когда станете старше, когда вы состаритесь, когда вы были младше (в каком-то определенном возрасте или вообще).

* Вернитесь назад в какое-то время к какой-то сцене. Нарисуйте время, когда вы чувствовали себя наиболее бодрым; время, которое вы вспоминаете; первую вещь, которая приходит в голову; семейную сценку; ваш любимый обед, какой-то период детства, сон.

* Нарисуйте: где бы вы хотели быть; идеальное место; любимое место или место, которое вы не любите; самую худшую вещь, которую вы можете себе представить.

* Посмотрите на это (используйте цветок, лист, раковину, картину и т.п.) в течение двух минут. Изобразите свои чувства (включите таймер или используйте двухминутный музыкальный отрывок).

* Нарисуйте: вашу семью в символах, в виде животных, мазков краски; вашу семью с изображением каждого ее члена за каким-то занятием; часть вас самих, которая вам нравится больше всего или меньше всего, ваше внутренне Я. Изобразите, как вы представляете себя, как другие воспринимают вас (как вы себе это представляете); как бы вы хотели выглядеть в глазах окружающих; человека, который вам нравится, которого вы ненавидите, которым восхищаетесь, которого ревнуете; ваше чудовище, вашего демона.

* Нарисуйте: как вы обращаете на себя внимание; каким образом вы добиваетесь того, что вы делаете, когда ощущаете печаль, беспокойство, ревность, одиночество и т.д.; ваше одиночество; чувство одиночества, когда вы чувствуете или чувствовали себя одинокими; воображаемое животное; то, что раздражает вас в ком-либо из близких людей, в вас самих, в окружающем мире; ваш день, вашу неделю, вашу жизнь в настоящее время; ваше прошлое, ваше настоящее, ваше будущее.

* Нарисуйте: счастливые линии, мягкие линии, линии печальные, сердитые, испуганные и т.д. (Когда вы работаете с ребенком, вы можете попросить его нарисовать последовательно серию страниц, иллюстрирующих, как он чувствует себя сейчас, эти же чувства в преувеличенном виде).

* Изобразите то, что вы описываете во время беседы, или трудности, которые вы испытываете, не рисуя ничего конкретного, а используя только цвета, форму, линии.

* Нарисуйте свои реакции на рассказ, фантазию, поэму, отрывок из музыкального произведения.

* Нарисуйте вещи, противоположные друг другу: слабый – сильный; счастливый – несчастный; печальный – веселый; любить – не любить; хороший – плохой; положительный – отрицательный; раздраженный – спокойный; разумный – безумный; серьезный – легкомысленный; добрые чувства – злые чувства; любить – ненавидеть; счастье – несчастье; доверие – подозрение; отдельно – вместе; одинокий – не одинокий; смелый – боязливый; лучшее, что в вас есть – худшее, что есть в вас и т.д.

* Нарисуйте себя ребенком, подростком, взрослым. Изобразите какое-нибудь воображаемое место, проблему, которая вас больше всего тяготит, физическую боль (головную боль, боль в поясничной области и т.п.), чувство усталости.

*	Нарисуйте каракули, отыщите в них картинку и заштрихуйте их, чтобы получился законченный сюжет.

*	В группе могут выделяться пары, в которых один рисует другого: рисуют какую-нибудь вещь совместно с партнером, согласуя тему; смешную картинку, головоломку и т.д.; карту дорог своей жизни (отметьте хорошие места, ухабы, препятствия), изображающую места, где вы когда-то бывали или те, которые собираетесь посетить.

Группа детей, семья или группа, в которой роли распределены, как в семье, могут выбрать себе тему и рисовать вместе. Темы могут быть также заданы: где я нахожусь в настоящей жизни, откуда я прихожу, где бываю, куда я хочу уйти, что мешает мне пойти или оставаться здесь (преграды, препятствия); “Я обычно бываю..., но сейчас...” Предложите передавать рисунок по кругу и пусть каждый добавляет что-то свое, когда подходит его очередь.

*	Нарисуйте картинку, изображающую вас самих соответственно вашим представлениям о том, как вы выглядите.

*	Предоставьте себе возможность просто водить рукой по бумаге и делать ею все, что угодно.

*	Работая с детьми, можно произносить слова и предлагать детям быстро рисовать то, что представляют эти слова: любовь, ненависть, красота, тревога, свобода, милосердие и т.д.

*	Изобразите себя в виде зверя и среду, в которую вас поместили: образ вашей матери (отца), используя цвета, линии и формы.

*	Мысленно вернитесь назад к тому времени, когда вы были очень маленькими, и изобразите что-нибудь, что делало вас счастливыми, приводило в состояние возбуждения, вызывало хорошее самочувствие; что-нибудь из того, что вы имели, что-нибудь, что вас огорчало, и т.д. Рисуйте это так, как будто вы находитесь в том возрасте, когда это происходило.

*	Нарисуйте что-нибудь, чего бы вы хотели, когда были маленькими.

*	Когда ребенок рассказывает или упоминает о чем-нибудь, попросите его нарисовать эту вещь: физическую боль, происшествие, чувство и т.д.).

*	Нарисуйте воображаемое животное. Будьте этим зверем: что он мог бы делать? (Работая с группой, предложите изобразить двух зверей, сражающихся друг с другом. Пусть каждый нарисует одного их этих зверей и напишет или продиктует по три слова, чтобы описать каждого зверя). Теперь побудьте в роли зверя и расскажите о себе.

* Нарисуйте что-нибудь, что вам не нравиться из того, что я делаю, а я нарисую что-нибудь, что не нравится в ваших действиях мне. Нарисуйте что-нибудь, тревожащее вас. Изобразите три желания.

* Представьте себе, что у вас сегодня есть возможность достичь чего-то, что вы хотите получить в этом мире. Нарисуйте то, чего вы хотели бы достичь. Если бы вы были волшебником, где хотелось бы вам быть?

* Нарисуйте: что-нибудь из того, что вы не хотели бы делать; что-нибудь из того, из-за чего вы чувствуете себя виноватым; ваши возможности; что-нибудь из того, чего вам нужно избежать.

В дальнейшем, при работе с каждым нарисованным сюжетом или картинкой, психотерапевтический процесс может проходить следующие стадии:

1. Предпринимаются действия, направленные на то, чтобы ребенок делился своими ощущениями, возникающими при рисовании — чувствами, касающимися подхода к выполнению и решению задачи, к самой работе, к процессу рисования. В результате ребенок начинает лучше осознавать себя.

2. Психотерапевт стремится к тому, чтобы ребенок поделился впечатлениями о самом рисунке, описывая картинку присущим ему образом. Это следующий этап осознания себя.

3. На более глубоком уровне самопознание ребенка углубляется благодаря обсуждению вопросов, относящихся к разработке частей картинки, их более четкому выделению, достижению большей ясности путем описания формы, цвета, образов, предметов, людей.

4. Психотерапевт просит ребенка описать картинку так, как будто картинкой является он сам, с использованием слова Я. Например: «Я – картинка, по всей моей поверхности расположены красные линии, а в середине голубой квадрат».

5. Выбираются специфические предметы на картинке, для того, чтобы ребенок их идентифицировал с чем-нибудь: «Будь голубым квадратом и опиши себя: на что ты похож, каковы твои действия и т.д.».

6. В случае необходимости задают ребенку вопросы, чтобы облегчить ему выполнение задачи: «Что ты делаешь?», «Кто пользуется тобой?», «Кто тебе ближе всех?». Эти вопросы помогают входить в рисунок вместе с ребенком и открывают различные пути установления отношений и реализации терапевтического процесса.

7. На этом этапе достигается дальнейшая концентрация внимания ребенка и обострение осознавания выделения и детального рассмотрения одной или нескольких частей рисунка, ребенок побуждается к максимально углубленной работе со специфической частью картинки, особенно если у него

достаточно энергии и вдохновения или если отмечается необычный недостаток их. Вопросы часто помогают в этом: «Куда она идет?», «О чем думает этот кружок?», «Что она собирается делать?», «Что произойдет с этим?” и т.д. Если ребенок горит: «Я не знаю», не отступайте, перейдите к другой части картинки, задайте другой вопрос, дайте собственный ответ и спросите ребенка, правильно это или нет.

8. Ребенку предлагается вести диалог между двумя частями его картинки или двумя соприкасающимися частями его картинки; либо противоположными точками (такими, как дорога и автомобиль и линия вокруг квадрата; или счастливая или печальная сторона образа).

9. Психотерапевт просит ребенка обратить внимание на цвета. Излагая свои предложения о том, как нарисовать картинку, пока ребенок сидит с закрытыми глазами, я часто говорю: “Подумай о цветах, которые ты собираешься использовать. Что ты подразумеваешь под яркими цветами? Что для тебя значат темные цвета? Будешь ли использовать яркие или матовые цвета, светлые или темные тона?”.

10.Осуществляются наблюдения за внешними проявлениями поведения: особенностями оттенка голоса ребенка, положением тела, выражением лица, жестами, дыханием, паузами. Молчание может означать контроль, обдумывание, припоминание, регрессию, тревогу, страх и осознавание чего-либо. Используйте эти признаки в последующей работе.

11. Психотерапевт работает над идентификацией, помогая ребенку “отнести к себе” то, что он говорит, описывая картинку или ее части. Я могу спросить: “Ты когда-нибудь испытывал что-нибудь похожее?”, “Ты когда-нибудь делаешь это?”, “Относится ли это каким-либо образом к твоей жизни?”, “Есть ли тебе что сказать в роли розового куста, и того, что ты мог бы сказать как человек?”. Подобные вопросы можно задать в самой разнообразной форме. Я стремлюсь задавать их очень осторожно и мягко.

12. На этом этапе рисунок откладывается и прорабатываются реальные жизненные ситуации или рассказы, вытекающие из рисунка. Иногда ситуация выясняется очень быстро с помощью прямого вопроса (“Это относится к твоей жизни?”), а иногда у ребенка возникают спонтанные ассоциации, связанные с какими-либо событиями его жизни. Иногда, если ребенок внезапно замолкает или изменяется в лице, я могу спросить: “Что случилось?”. И ребенок начинает рассказывать о каких-либо событиях своей теперешней жизни или о своем прошлом. А иногда он отвечает: “Ничего”.

13. Психотерапевт выясняет, нет ли пропусков или пустых мест на картинках, и обращает внимание на это.

14. Психотерапевт останавливается на тех вещах, которые выходят на первый план для ребенка, или заостряет внимание на том, что ему самому кажется наиболее важным.

Кроме рисования возможно использование и других способов отреагирования различных эмоциональных состояний: музыки для выражения чувств, творческих игр-драматизаций, сочинение и рассказывание историй, сказок, чтение книг, просмотр мультфильмов “направленного воздействия” и пр.

Интегративная психотерапия

В целом при планировании коррекционной работы с агрессивными детьми необходимо исходить из особенностей нарушений в той или иной сфере личности ребенка. Так, результаты наших исследований показали, что агрессивная направленность в поведении наблюдается у двух категорий подростков (И.А.Фурманов, 1997, 2004). Первая - это дети, не имеющие ярко выраженных психических расстройств и легко адаптирующиеся к различным социальным условиям из-за низкого морально-волевого уровня регуляции поведения. Как правило, у этих детей нравственная нестабильность, слабая совестливость, игнорирование конвенциональных норм сочетается со слабым самоконтролем, расторможенностью и импульсивностью. Сюда относятся дети с физической и косвенной агрессией, активным негативизмом. Другая категория- это дети с негативным эмоциональным состоянием, которое являются реакцией ребенка на напряженную, стрессовую ситуацию или психическую травму, либо представляют собой следствие неудачного разрешения каких-то личных проблем или трудностей. Сюда относятся дети с вербальной агрессией или пассивным негативизмом. Более того, установлено, что агрессивное поведение подростков стимулируется некомпетентным поведением родителей и педагогов при взаимодействии с ними.

При оказании индивидуальной психологической помощи часто не возникает трудностей в определении причин агрессивного поведения и выборе тактики психотерапевтической работы. Эти трудности возникают при проведении групповой психокоррекционной работы, когда необходимо оказать помощь детям, относящимися к различным категориям или имеющим множественные нарушения.

В связи с этим выбор стратегии психокоррекционной работы с агрессивными подростками должен строиться исходя из следующих методологических принципов:

– ***принципа взаимосвязи внутренней (интрапсихической) и внешней (психосоциальной) детерминации функционирования личности;***

– ***принципа учета закономерности процесса изменения поведения,*** который включает следующие стадии: предобдумывание (отсутствие

намерения изменить собственное нежелательное поведение), обдумывание (серьезное рассмотрение возможности изменить поведение), подготовка (возникновение намерения изменить поведение), действие (решительное изменение образа жизни и стабильное сохранение нового стиля поведения), поддержание (окончательное преодоление нежелательного поведения, максимальная уверенность в собственной способности предотвратить рецидив в любых условиях).

– ***принципа комплексности:*** психотерапевтические воздействия должны быть направлены на изменения в познавательной сфере личности ребенка через убеждение, внушение, конфронтацию, прояснение и интерпретацию малоосознаваемого содержания переживаний; в эмоциональной сфере – катарсис, эмоциональную поддержку, эмпатию; в поведенческой сфере – мотивацию, новый эмоциональный и межличностный опыт, подкрепление.

– ***принципа интегративности:*** принимая во внимание множественность нарушений поведения, а также имеющийся и собственный практический опыт работы был сделан вывод о необходимости интегративного подхода при психокоррекции агрессивного поведения в группах детей подросткового и юношеского возраста. В частности, эти идеи были реализованы при разработке, апробации и внедрении программы «Тренинг модификации поведения», в котором органически сочетаются техники когнитивной, гештальт– и поведенческой психотерапии.

Модель тренинга модификации поведения

Целью тренинга является оказание помощи детям и подросткам в поиске альтернативных (социально приемлемых) способов удовлетворения собственных потребностей и взаимодействия с окружающими.

В процессе тренинга решаются следующие задачи:

– осознание собственных потребностей;
– отреагирование негативных эмоций и обучение приемам регулирования своего эмоционального состояния;
– формирование адекватной самооценки;
– обучение способам целенаправленного поведения, внутреннего самоконтроля и сдерживания негативных импульсов;
– формирование позитивных моральной позиции, жизненных перспектив и планирования будущего.

Предметом коррекции является не столько собственно агрессивное поведение детей, сколько мотивационный, эмоциональный, волевой и нравственный компоненты его регуляции. В связи с этим методика проведения

тренинга, подбор конкретных психотехнических процедур и упражнений предполагают следование следующим методическим принципам:

–принцип «здесь–и–теперь». В работе делается упор только на актуальный опыт подростка с агрессивным поведением. Это связано с тем, что прошлое имеет для него ярко выраженный негативный оттенок и, так или иначе проецируется на настоящем. Будущее либо заблокировано, либо вообще отсутствует в субъективном восприятии из–за негативных ожиданий или страха (такая ситуация определяется нами как «феномен жизни сегодняшним днем»);

–принцип подкрепления позитивного опыта. Процесс проведения групповой психокоррекции основывается на процедурах консервации негативного опыта, балансировки негативного и позитивного в поведении подростков и затем на постепенной трансформации и закреплении социально приемлемых поведенческих моделей;

–принцип иерархизации техник. Он направлен на коррекцию агрессивности участников группы: от вербализации чувств, модификации простых поведенческих реакций к формированию устойчивых когнитивных паттернов (убеждений, ценностных ориентаций, нравственных установок).

Поэтому техники, используемые в тренинге, в основном должны быть направлены на: обучение подростков использованию прямого отказа от нежелательного поведения вместо привычных для них способов агрессивного реагирования; обучение оценке социальных ситуаций; подкрепление торможения и угашение агрессивных стереотипов поведения; неподкрепление отклоняющегося поведения и формирование более адаптивных поведенческих паттернов; усиление и расширение продуктивных поведенческих реакций; минимизацию тревожности.

Программа тренинга предполагает модель пошагового изменения агрессивного поведения:

1 шаг – «Сознавание»: расширение информации о собственной личности и проблеме агрессивного поведения;

2 шаг – «Переоценка собственной личности»: оценка того, что ребенок чувствует и думает о себе и собственном поведении;

3 шаг – «Переоценка окружения»: оценка того, как агрессивное поведение ребенка влияет на окружение;

4 шаг– «Внутригрупповая поддержка»: открытость, доверие и сочувствие группы при обсуждении проблемы агрессивного поведения и его последствий;

5 шаг – «Катарсис»: ощущение и выражение собственного отношения к проблеме агрессивного поведения;

6 шаг – «Укрепление Я»: поиск, выбор и принятие решения действовать, формирование уверенности в способности изменить поведение;

7 шаг – «Поиск альтернативы»: обсуждение возможных замен агрессивному поведению;

8 шаг – «Контроль за стимулами»: избегание стимулов, провоцирующих агрессивное поведение, или противостояние им;

9 шаг – «Подкрепление»: самопоощрение или поощрение со стороны окружающих за измененное поведение;

10 шаг – «Социализация»: расширение возможностей в социальной жизни в связи с отказом от агрессивного поведения.

Содержательно программа «Тренинг модификации поведения» состоит из процедур сбора проблематики, направленной на получение первоначального представления об ограничениях, затруднениях и проблемах подростков; корректирующих психологических упражнений направленных на стимуляцию изменений в мотивационной, эмоциональной, волевой, нравственной и поведенческой сферах; психотехнических упражнений, стимулирующих групповую динамику, внутригрупповой и межгрупповой дискуссий, проективного рисования, ролевого проигрывания жизненных ситуаций (И.А.Фурманов, 2004).

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите способы взаимодействия с ребенком до и после вспышки агрессии?
2. Перечислите «неагрессивные» модели дисциплинарного воздействия?
3. Охарактеризуйте четыре основные фазы модели терапии агрессивного ребенка или ребенка пережившего насилие?
4. Сравните различные направления оказания психологической помощи. В чем состоят их сходства и различия?

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Основная:

1. Бандура, А. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений / А. Бандура, Р. Уолтерс.– М.: Апрель Пресс, Из-во ЭКСМО–Пресс, 1999.– 512 с.
2. Бэрон, Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. — СПб: Питер, 2001. – 352 с.
3. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. –СПб.: прайм-Еврознак, 2001. – 512 с.
4. Крэйхи, Б. Социальная психология агрессии / Б. Крэйхи. — СПб.: Питер, 2003. — 336 с.
5. Психологические проблемы агрессии в социальных отношениях: Монография / И.А. Фурманов [и др.] ; под науч. ред. И.А. Фурманова ; Брест, гос. ун-т им. А.С. Пушкина, Белорус, гос. ун-т. — Брест : БрГУ, 2014.– 261 с.
6. Фурманов, И.А. Детская агрессивность: психодиагностика и коррекция / И.А. Фурманов.– Минск.: Ильин В.П., 1996.– 192 с.
7. Фурманов, И.А. Психология детей с нарушениями поведения / И.А. Фурманов: Пособие для психологов и педагогов.– М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004.– 351 с.
8. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и корекция / И.А. Фурманов. – СПб.: Речь, 2007 – 480с.
9. Фурманов, И. А. Общенациональное исследование по оценке ситуации с насилием в отношении детей в Республике Беларусь / И. А. Фурманов, А. А. Аладьин, А. А. Ананенко и др. — Минск: В.И.З.А. Групп, 2010. – 156 с.

Дополнительная:

1. Адлер, А. Понять природу человека / А. Адлер. – СПб.: Академический проект, 1997.– 59 с.
2. Аллан, Дж. Ландшафты детской души. Психоаналитическое консультирование в школах и клиниках / Дж. Аллан.– СПб–Мн.: Издательство Диалог, 1997. – 256 с.
3. Беляускайте, Р.Ф. Рисуночные пробы как средство диагностики развития личности ребенка / Р.Ф. Беляускайте // Диагностическая и коррекционная работа школьного психолога: Сб. науч. тр.– М., 1987.– С. 67–80.
4. Брински, Б. Гештальт–терапия. Методическое пособие к

семинарам / Б. Брински. – СПб., 1996. –34 с.
5. Бютнер, К. Жить с агрессивными детьми / К.Бютнер.– М.: Педагогика, 1991.– 144 с.
6. Лоренц К. Агрессия / К. Лоренц.– М.: Прогресс–Пресс, 1994.– С. 272.
7. Лукин, С.Е. Тест рисуночной ассоциации С.Розенцвейга / С.Е. Лукин, А.В. Суворов.– СПб., 1993.– 65 с.
8. Мак-Вильямс, Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Н. Мак-Вильямс.– М.: Независимая фирма «Класс», 1998.– С. 473-475.
9. Мид, М. Развитие ребенка / М.Мид.– М.: Педагогика, 1968.– С. 13–48.
10. Оклендер, В. Гештальт–терапия с детьми: работа с гневом и интроектами / В. Оклендер // Гештальт–терапия с детьми.– М.– Вып. 1.– 1996.– С. 12-41.
11. Оклендер, В. Окно в мир ребенка: Руководство по детской психотерапии / В. Оклендер.– М.: Независимая фирма «Класс» , 2005.– 158 с.
12. Романова, Е.С. Графические методы в психологической диагностике / Е.С.Романова, О.Ф. Потемкин.– М.: Дидакт, 1991. – 164 с.
13. Румянцева, Т.Г. Философский анализ методологических и концептуальных оснований теорий человеческой агрессии / Т.Г. Румянцева: Дис… доктора философских наук. Минск, 1991.– 312 с.
14. Сенько, Т.В. Агрессивность как актуальная проблема современной психологии / Т.В. Сенько // Адукацыя і выхыванне.– 1996.– № 10.– С. 34–43.
15. Фрейд, А. Теория и практика детского психоанализа / А.Фрейд.– М.: Апрель Пресс, 1999.– Т. II.– 400 с.
16. Фрейд, З. Я и Оно / З.Фрейд.– Тбилиси: Мерани, 1991.– 75 с.
17. Фромм, А. Азбука для родителей / А.Фромм.– Л.: Лениздат, 1991 – 319 с.
18. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э.Фромм.– М.: Изд–во Республика, 1994.– 447 с.
19. Фурманов, И.А. Групповая психотерапия агрессивного поведения подростков / И.А. Фурманов // Псіхалогія.–1996.– № 2.– С. 2–10.
20. Фурманов, И.А. Детская агрессивность: аффективно-динамический подход / И.А. Фурманов // Психология.– № 5.– 1996.– С. 64-76.
21. Фурманов, И.А. Интегративная психологическая коррекция агрессивного поведения подростков / И.А. Фурманов // Адукацыя і выхаванне.– 1996.– № 2.– С. 40–43.

22. Фурманов, И.А. Психологические последствия насилия над детьми / И.А. Фурманов // Избранные научные труды Белорусского государственного университета: В 7 т. Т.1. Педагогика. Психология. Социология. Философия.– Мн.: БГУ, 2001.– С.183–190

23. Фурманов, И.А. Проявления психологического насилия в супружеских отношениях / И.А. Фурманов // Журнал практического психолога.– 2006.– № 6.– С. 27–33.

24. Фурманов, И.А. Психологические факторы насилия над родителями / И.А. Фурманов // Психология зрелости и старения.– 2007.– № 1(37).– С. 5–18.

25. Фурманов, И.А. Структура дисциплинарных воздействий при разрешении родительско–детского конфликта / И.А. Фурманов // Психология.– 2008.– № 3.– С. 9–12.

26. Фурманов, И.А. Дисциплинирование ребенка: тактики разрешения родительско–детского конфликта / И.А. Фурманов // Психологический журнал.– 2008.– № 4 (20).– С. 74–81.

27. Фурманов, И.А. Межпоколенная эстафета агрессии и насилия в семье: эндогенные и экзогенные факторы / И.А. Фурманов // Вестник БГУ.– 2009.– Серия 3.– № 1.– С. 67-72.

28. Фурманов, И.А. Возрастные различия в виктимизации школьников со стороны одноклассников и учителей / И.А. Фурманов // Философия и социальные науки.– 2010.– № 3.– С. 78–85.

29. Хорни, К. Наши внутренние конфликты / К. Хорни // Серия: Психологические технологии. – М.: Академический проект, 2007. – 224 с.

30. Янчук, В.А. Введение в современную социальную психологию / В.А. Янчук. – Минск: АСАР, 2005. – 768 с.